



КОРИНА  
БОМАНН  
ЖАСМИНОВЫЕ  
СЕСТРЫ

*Только любовь  
имеет значение*



Вьетнам. Юная Хоа и ее сестра попали в лапы пиратов. Вскоре сестру продали, а Хоа оказалась в борделе на другом краю земли — в Гамбурге. Теперь ее звали Ханна. Девушке чудом удалось бежать из этого ада. Судьба подарила ей встречу с Лореном, который полюбил смуглую красавицу с первого взгляда. Он — богач, она — одинокая беглянка. Однако ее прошлое может погубить Лорена, и Ханна решается на побег. Встретятся ли они вновь? Найдет ли она сестру?

---

## Пролог Январь

— Ну, давай же!

Мелани нервно смахнула с лица прядь волос, выбившуюся из косы. Уже полчаса девушка ожидала возле ленты транспортера. Чемоданы один за другим проезжали мимо нее, но ее багаж все не появлялся.

Постепенно в душу закрадывался страх, что он потерялся. Своего гардероба Мелани было не жалко: в поездки и на работу она одевалась просто и практично: в джинсы, футболки, рубашки, грубые ботинки, а если было жарко — в топики, шорты и шлепанцы. Сейчас все это в виде пропотевшего комка занимало около семидесяти процентов ее чемодана. К счастью, свою фотокамеру Мелани всегда носила с собой в ручной клади.

Она не была заядлой охотницей за сувенирами, однако из этой поездки везла несколько вещичек на память, и их потеря была бы для нее очень неприятной. Мелани сожалела бы о тех вещах: о статуэтке круглого, как шар, Будды из нефрита, которую она купила у уличного торговца в Сайгоне; о старинном рисунке на рисовой бумаге, на котором был изображен вид на гору; о музыкальных подвесках-погремушках, одну из которых Мелани купила для себя, а другую — для бабушки и прабабушки.

Особенно девушка гордилась тем, что приобрела для своего жениха Роберта. Ей удалось раздобыть две монеты с изображением дракона, о которых говорили, что они приносят счастье и удачу. Эти монетки были отчеканены в 1654 году, и их предложил ей какой-то уличный торговец.

Не раздумывая долго, Мелани тут же купила их, хотя потом часами мучила себя вопросом, не могли ли эти монетки быть где-то украдены. Однако после того как хозяйка пансионата заверила ее, что такие монеты часто находят в старых домах и что все легально, Мелани уложила их в багаж и без проблем прошла через таможню.

Поскольку и следующий чемодан принадлежал не ей, девушка вытащила мобильный телефон из кармана куртки и включила его. На дисплее сразу же замигало сообщение от Роберта. Написал он его в семь часов пять минут, наверное, как только проснулся.

Мелани улыбнулась. Каждый раз, когда она возвращалась из поездок, Роберт приветствовал ее маленьким сообщением.

*«Привет, сладкая путешественница, возвращающаяся домой! К сожалению, не могу встретить тебя и забрать из аэропорта, но мысленно я с тобой. Мне нужно отправляться на деловую встречу, но сегодня вечером мы устроим праздник. Я так рад, что наконец-то*

*снова смогу крепко тебя обнять. Множество поцелуев, твой Роберт».*

Интересно, что он придумал на этот раз? Когда Мелани долго отсутствовала, он обязательно готовил для нее какой-нибудь сюрприз: посещение театра, поход в кино, прекрасную нежную ночь со свечами и шампанским...

Девушка быстро набрала ответ:

*«Привет, дорогой соломенный вдовец! Добралась хорошо, вот только жду свой чемодан. Ты можешь организовать какое-нибудь волшебство, чтобы он быстрее появился? Я должна тебе многое рассказать и показать. Скучаю по тебе. Множество поцелуев, твоя Мелани».*

Мелани уже пять лет работала фотографом, специализировалась на моде, а это была беспокойная работа, которая вместе с тем давала ей возможность побывать в самых прекрасных уголках мира. Жизнерадостные сари перед дворцом Тадж-Махал, великолепные шелковые кимоно в старинном императорском городе Киото, вечерние платья в Венеции, смелые и даже рискованные произведения моды в Нью-Йорке и умопомрачительные украшения в Каире заполняли ее папки с фотографиями, а также украшали страницы глянцевого журнала. В свои двадцать девять лет Мелани объездила полмира.

Когда девушка несколько месяцев назад получила приглашение от одной модной фирмы провести фотосессию во Вьетнаме, она была вне себя от радости. С одной стороны, потому что такие заказы не падают с неба, а с другой — потому что Мелани чувствовала особую связь с этой страной, ведь ее прабабушка Ханна была оттуда родом. Мелани уже давно хотела побывать на родине своих предков, однако до сих пор у нее не было такой возможности.

Больше всего ей хотелось отправиться туда вместе с Робертом, но, даже если бы ему не надо было идти на работу, агентство мод было бы не в восторге оттого, что она проводит целый день в романтических прогулках по пляжу. Ее рабочий план был очень напряженным. А фирма, которая ее наняла, хотела максимально сократить расходы.

Таким образом, у Мелани было всего полдня на то, чтобы полюбоваться храмом в городе Хошимине, бывшем Сайгоне, и купить пару безделушек. Зато она много фотографировала: женщин в типичных широкополых шляпах из рисовой соломы; детей, которые задумчиво играли на обочине; прилавки, на которых были выложены для продажи различные приправы и яркие травы всех цветов; стариков, которые сидели на скамейках перед своими домами и жевали бетель, время от времени обнажая в улыбке красные от этого растения зубы.

Во время обратного полета у Мелани из головы не выходила мысль: если бы они с Робертом отправились в свадебное путешествие во Вьетнам, у нее появилась бы возможность лучше познакомиться с этой страной и заодно показать ее своему избраннику. Но так как они собирались пожениться только в августе, у них еще не было конкретных планов по поводу медового месяца. Может быть, ей и удастся убедить своего жениха.

«Наконец-то мой чемодан!» — подумала Мелани и сняла свой багаж с ленты транспортера. В зале ожидания царил теснота. Перед стойками различных авиакомпаний образовались длинные очереди. Многие ожидающие проводили время в многочисленных магазинах. Мелани была рада, когда выбралась из здания аэропорта.

Берлин встретил ее темным, затянутым тучами небом и низкой температурой.

Январскую серость не могли разогнать даже яркие краски рекламных щитов. Мелани зябко натянула на плечи куртку. Как же прекрасно все-таки было на Южно-Китайском море!

К счастью, автобус не заставил себя долго ждать, но все же он был переполнен. В него набилась масса людей, и, затиснутая между двумя бизнесменами, Мелани поехала дальше.

Она мечтала о горячей ванне и небольшом отдыхе. Поскольку Роберт обычно не появлялся из своего бюро раньше пяти часов, она воспользуется этим временем и заглянет в гости к маме. У матери Мелани был небольшой магазин шляпок на Инвалиденштрассе. Этому ремеслу она научилась у Ханны, которая в пятидесятые годы благодаря своим моделям шляпок пользовалась большим авторитетом у парижских модниц. С нескрываемой гордостью Ханна рассказывала всем, что даже английская королева Елизавета в пору своей молодости делала у нее покупки.

Внезапно в сумке Мелани зажужжал зуммер. Кто мог звонить ей в это время? Роберт? Нет, он отправился на деловую встречу. Мать? Нет, на нее это было не похоже. Скорее всего, это Шарлотта из агентства — хочет узнать, как Мелани долетела. Ассистентка Мелани была жизнерадостной дамой за тридцать. У нее был настоящий талант добывать лучшие заказы для фотографов, работающих в индустрии моды. Мелани представила, как Шарлотта в то время, пока идет вызов, рассматривает свои выкрашенные в разные цвета ногти, а затем, когда ответит автоответчик, начнет бодро наговаривать сообщение.

Мелани не хотела упасть ни на кого из бизнесменов, если автобус вдруг резко повернет, поэтому не стала вытаскивать телефон из сумки, а продолжала смотреть на улицу, на фасады домов Райниккендорфа. Проезжая мимо магазина для невест, где были выставлены платья, напоминавшие тюки ваты, окрашенной в пастельные цвета, Мелани невольно улыбнулась. Женится ли на ней Роберт, если она будет в таком одеянии? Определенно, да, хотя, собственно говоря, помпезность была ей не свойственна.

Мелани представила себе простое, облегающее фигуру платье, сшитое, быть может, по какому-то особому эскизу. В музее моды ее прабабушки имелась прекрасная модель, которую, правда, уже нельзя было носить, но по ее образцу можно было скроить новое платье. Вместо фаты Мелани хотела вплести в волосы цветки жасмина. Роберт, конечно, найдет это просто сногшибательным!

И снова зазвонил мобильный телефон. «Боже мой, Шарлотта, какая ты сегодня упрямая!» — подумала Мелани и, поскольку в автобусе по-прежнему было тесно, решила: пусть звонит. Правда, пообещала себе перезвонить ей сразу же, как только доберется до квартиры. Возможно, у нее действительно что-то важное.

Через полчаса Мелани доехала до своей остановки. Она выгрузила чемодан, радуясь тому, что выбралась из толчеи, а затем пошла вверх по улице. Ее жилье находилось рядом с детским садом. Еще издали можно было услышать визг малышей, которые, несмотря на холодную погоду, играли на улице.

«Когда у нас будут свои дети, — иногда шутил Роберт, — ты сможешь отдать их туда». Однако Мелани была не уверена в том, что ей хочется иметь детей в ближайшем будущем. Конечно, она как раз находилась в прекрасном возрасте, чтобы стать матерью, но если она решит родить ребенка, то ей на некоторое время придется сделать перерыв в работе. А это пока не входило в ее планы.

Квартира, как всегда, встретила ее теплыми тонами и нежным запахом роз, исходившим от красивого бело-розового букета, который стоял рядом со столиком для телефона.

Улыбаясь, Мелани положила ключи на маленький столик рядом с дверью. На автоответчике мигала красная лампочка.

Девушка вдохнула аромат роз, нажала клавишу воспроизведения на автоответчике и

понесла чемодан в спальню. Автоответчик говорил достаточно громко, чтобы можно было слушать сообщения в любой точке квартиры.

«У вас три новых сообщения», — провозгласил прибор монотонным голосом, и тут все началось.

«Хай, это Шарлотта. Я знаю, что ты, скорее всего, еще в самолете, но когда будешь дома, позвони мне, хорошо? У меня есть заказ для тебя. Да такой, что ты пальчики оближешь! Скажу лишь одно: две недели на Карибах! Так что позвони!»

Пип!

«Дорогая фрейлейн Зоммер, вы стали счастливым обладателем главного приза... Алле... Алле... Ту-у, ту-у...»

Пип!

«Это говорит полицейобермайстер Вернер. Прошу вас немедленно позвонить по номеру...»

Мелани, только что ухмылявшаяся над неудачным звонком рекламщиков, вдруг окаменела. Полиция оставила сообщение на ее автоответчике? Сердце девушки учащенно забилося. Она поспешно вытащила мобильный телефон из кармана куртки. Оба пропущенных звонка были сделаны именно с того номера, который полицейский только что надиктовал на ее автоответчик.

Мелани сразу же набрала этот номер. Мысли, словно карусель, вертелись у нее в голове. Неужели что-то случилось с Робертом? Или с матерью?

После пятого гудка наконец-то ответили.

— Да, это Зоммер. Вы мне звонили?

Полицейский ответил утвердительно и объяснил ей, откуда у него ее номер. Через мгновение мир Мелани разбился на тысячу осколков.

— Сегодня около половины восьмого утра господин Михаэлис попал в аварию на автобана, ведущем в направлении Ораниенбурга, — объяснил ей полицейский.

— Что? — ошеломленно спросила Мелани.

Она хорошо расслышала его слова, но была не в состоянии воспринять эту информацию.

Роберт попал в аварию? Но он же всегда ездил так осторожно! И он очень хорошо управлял своим «вольво»!

— Очевидно, из-за гололеда он съехал с автобана. «Вольво» пробил дорожное ограждение на обочине и перевернулся, — продолжал полицейский, не обращая внимания на вопрос.

Мелани тряхнула головой. Колени подкосились, ноги стали ватными, и ей пришлось опуститься на край кровати. Гололед, ограждение... Нет, этого не может быть!

— Вы уверены, что это действительно был Роберт Михаэлис? — уточнила она. — Вдруг кто-то угнал его машину, а документы случайно лежали в бардачке...

— Мы идентифицировали его на основании документов. Кроме того, у него был с собой мобильный телефон.

Слово «идентифицировали» вызвало у Мелани панический страх.

— Что с ним? Он жив? — спросила она.

— По моей информации, его доставили в травматологический центр больницы «Шарите». Если хотите, я дам вам их номер телефона.

Мелани ответила утвердительно и машинально записала номер, а затем положила трубку, не дожидаясь дальнейших объяснений полицейского.

Роберт попал в аварию. В половине восьмого! Мелани открыла его сообщение. Семь часов пять минут. А через двадцать пять минут все это случилось. Может быть, он смотрел на дисплей, ожидая ее ответа? Хотя она постоянно твердила ему, чтобы он держал руки подальше от телефона, когда ведет машину.

Мелани опустила мобильник в карман, схватила сумочку и помчалась к двери. Она не стала звонить в больницу по телефону: решила с глазу на глаз поговорить с врачом, который лечил Роберта. Ей хотелось сказать ему, чтобы он очень внимательно отнесся к человеку, которого она любит.

Прибыв в центр скорой помощи больницы «Шарите», Мелани припарковала свою синюю «тойоту» между двумя огромными джипами на стоянке для посетителей, а затем помчалась к входу в больницу. Во время поездки несколько раз ей на глаза наворачивались слезы. Да быть этого не может! Почему это должно было случиться именно с Робертом? Он никому ничего плохого не сделал, всегда был таким любезным и милым... Но, наверное, при несчастных случаях это не учитывается. Такое могло произойти с каждым, независимо от того, прекрасный ли это человек или ничтожество.

С шипением открылись стеклянные двери, и в лицо Мелани ударил запах клиники. Медсестра в регистратуре немного сердито взглянула на нее. Через дверь санитары заносили на носилках какого-то мужчину. По его темно-русым волосам Мелани сразу же определила, что это не Роберт.

— Извините, пожалуйста. Меня зовут Мелани Зоммер, я невеста Роберта Михаэлиса. Мне позвонили из полиции и сказали, что его доставили сюда.

— Присядьте на минутку, я сейчас все узнаю, — ответила медсестра и потянулась к телефонной трубке.

Мелани едва не воскликнула: «Неужели вы не помните?!» Как-никак все пациенты, попавшие в аварию или доставленные «скорой помощью», проходили здесь, или их проносили мимо медсестры и тут же регистрировали. Однако она промолчала и только сейчас заметила остальных, ожидавших тут же людей, которым, казалось, было все равно, что происходит вокруг. Одна женщина спала, подложив под голову толстую куртку. Пожилой мужчина держал перед собой газету, а девушка, нервничая, что-то набирала на своем мобильном телефоне.

У Мелани не было никакого желания садиться рядом с ними, и она осталась ждать у стойки регистратуры.

Проходила минута за минутой. Медсестра, по всей видимости, обзванивала одно отделение за другим. Неужели никто ничего не знал о Роберте? Может быть, его все же с кем-то перепутали? Может быть, кто-нибудь украл его мобильный телефон? Его документы? Но ведь полицейский сказал, что они его идентифицировали...

— Фрейлейн Зоммер?

Голос медсестры прервал размышления Мелани.

— Герр Михаэлис в настоящее время находится в операционной, и вам, вероятней всего, придется некоторое время подождать, прежде чем я смогу сказать больше. Вы хотите побыть здесь или поедете домой?

«А вы уехали бы домой, если бы ваш жених в это время боролся за свою жизнь?» — чуть не вырвалось у Мелани, но у нее не хватило сил, чтобы это произнести. Ее тошнило, ноги подкашивались. Роберт не погиб, но она чувствовала, что его жизнь висит на волоске.

— Я останусь здесь, — услышала она свой голос.

Мелани присоединилась к остальным ожидающим. Из-за того что ей внезапно стало очень жарко, она сняла куртку и положила себе на колени. При этом ей казалось, что она попала в какой-то пузырь, тонкой мембраной отделяющий ее от других людей. Мелани даже не подумала о том, чтобы кому-нибудь позвонить. Она ни в коем случае не хотела волновать свою мать. Вместо этого девушка мысленно путешествовала по коридорам клиники, даже не зная дороги, и когда добралась до операционной, в которой врачи боролись за жизнь ее Роберта, попросила его вернуться к ней: «Не оставляй меня одну, пожалуйста...»

Через час наблюдений за тем, как в клинику привозят других пострадавших пациентов, Мелани охватила непреодолимая, всеобъемлющая усталость.

«Привет, мистер Джетлаг[1], — подумала она и закрыла глаза. — Может быть, будет лучше, если я немного посплю».

Затем ей показалось, что все исчезло: боль в желудке, голоса и даже вой сирены подъезжающей «скорой помощи». Все вдруг стихло, а потом ей почудилось, что она слышит шум моря...

Мелани окунула кончики пальцев в пену прибоя. С тихим шипением вода скользила по песку, омывая ее руку, а затем отступала назад.

Этим утром море было очень спокойным. Волны лениво накатывали на берег, вынося на пляж морские водоросли и раковины. И, словно отвечая ее счастливому настроению, небо задрапировалось дымкой с нежно-розовыми полосами. Скалы, будто темные охранники, вздымались из гладкого зеркала моря.

Мелани глубоко вдохнула теплый, пахнувший водорослями воздух и улыбнулась сама себе. Здесь действительно был настоящий рай.

— Мелани?

Нежный глубокий голос, который напоминал ей синий, как полночь, бархат, прервал ее размышления. Она обернулась и увидела его всего лишь в нескольких шагах позади себя.

Это был мужчина высокого роста, с мускулистой фигурой. На нем были брюки цвета хаки и белая рубашка. Борода придавала его резким чертам особое выражение. Короткую гриву волнистых волос трепал утренний ветер. На фоне дома на сваях и нежного утреннего неба он казался фотомodelью, способной привести в восторг дам, читающих гляцевые журналы.

Мелани улыбнулась, повернулась спиной к морю и подбежала к нему. Это был Роберт. Они поцеловались, и он сказал:

— Нам нужно успеть на паром. Он ведь не должен отчалить без нас, не так ли?

Добравшись до причала, Мелани увидела других пассажиров, которые тоже хотели попасть на паром. Толпа была довольно большой.

— Не беспокойся, я с тобой, — сказал Роберт, держа девушку за руку и увлекая за собой сквозь толпу. — Мы уж не потеряемся.

Через некоторое время появился паром. Он причалил бортом к пирсу, один из работников бросил на причал трос. Никто из пассажиров не сходил с него, зато ожидавшая на причале толпа внезапно пришла в движение.

Мелани не могла понять причину, по которой люди вдруг запаниковали. Некоторые из них пытались прорваться к парому, другие же, наоборот, казалось, передумали и хотели уйти с причала.

Их с Робертом тянули в разные стороны, причем так сильно, что Мелани испугалась, что потеряет его.

— Держи меня сильнее! — крикнула она.

Но, хотя его рука крепко охватывала ее руку, их все же оторвали друг от друга. Мелани хотела попасть на паром, но ее потащили за собой люди, которые двигались в направлении суши. Шапка волос Роберта исчезла в толпе. Мелани звала его, однако из ее горла не вырывалось ни звука. Все сильнее и сильнее ее выталкивали на сушу, в то время как Роберт исчез на пароме.

Неужели он не заметил, что ее уже нет с ним? Или же он просто не мог вернуться назад?

Охваченная паникой, Мелани попыталась прорваться сквозь толпу. Когда ей это все же удалось, паром уже отошел от причала. Она увидела Роберта на верхней палубе, он махал ей рукой и что-то говорил, чего она, к сожалению, не услышала. Девушка в отчаянии протянула к нему руку, но он исчез.

— Фрейлейн Зоммер?

Мелани испуганно вздрогнула и проснулась, когда кто-то тронул ее за плечо. Ничего не понимая, она посмотрела вверх. Между тем было уже за полдень. Солнце немного разогнало серые тучи, но это произошло слишком поздно, потому что оно уже опускалось за здание клиники.

Перед Мелани стояла медсестра из регистратуры. И только сейчас девушка поняла, что она находится не в аэропорту, а в комнате ожидания центра скорой помощи. Сколько же часов она проспала?

У медсестры был озабоченный вид.

— С вами все в порядке? Герра Михаэлиса только что перевезли из операционной, и теперь он лежит в отделении интенсивной терапии. Доктор Паульсен, его лечащий врач, хотел бы с вами поговорить.

От этих слов Мелани содрогнулась, как от удара током.

— Значит, Роберт жив? Как у него дела? Как он себя чувствует?

— Вы должны поговорить с доктором Паульсеном, он вам все подробно объяснит. — Медсестра ободряюще кивнула ей и показала на дверь отделения.

— Спасибо.

Мелани встала со своего места, взяла куртку и ушла. За закрытыми дверями, мимо которых провела ее дежурная медсестра, что-то пищало, шипели и тикали какие-то аппараты. «За одной из этих дверей находится Роберт», — промелькнуло у Мелани в голове. При этой мысли у нее сжалось горло, а желудок снова начал болеть.

Медсестра провела Мелани в комнату для свиданий и попросила подождать. Через пару минут появился врач — высокий мужчина в синей униформе хирурга.

— Фрейлейн Зоммер? — Он протянул ей руку, пахнущую мылом и антисептиками. Его волосы на висках уже поседели. Карие глаза дружелюбно смотрели на нее. — Я доктор Паульсен. Я принимал господина Михаэлиса и оперировал его.

Мелани кивнула, но не смогла выдавить из себя «рада познакомиться с вами». К счастью, доктор, казалось, и не ожидал этого.

— Как... как он? — спросила Мелани, чувствуя, как бешено колотится ее сердце, пока врач садился за письменный стол.

— В настоящий момент это трудно сказать. Он жив, но его состояние очень тяжелое. — Доктор Паульсен взял в руки папку с историей болезни Роберта. — Его доставили около восьми часов утра, с множественными переломами костей и переломом черепной коробки.



Рентгеновские снимки показали наличие кровоизлияния в мозг, обусловленное ранением. Нам пришлось устранить его с помощью операции, чтобы уменьшить давление.

Восемь утра. Приблизительно в это время она стояла в автобусе, зажатая между другими пассажирами.

Мелани была рада, что в этот момент она сидела.

— Он... у него травма головы?

— Да, кроме всего прочего. Из-за кровоизлияния внутри черепной коробки образовалось высокое давление, и мы не хотели, чтобы мозг получил еще более серьезные повреждения. Таким образом, нам пришлось принять меры, чтобы снизить давление.

Мелани закрыла глаза. Она не могла представить себе, что такое тяжелая травма головы, но выражения «давление внутри черепной коробки», «кровоизлияние» и «снизить давление» звучали ужасно.

— И в каком он сейчас состоянии?

— Пока что его состояние стабильное. Однако на этой стадии в любой момент могут произойти изменения. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы он выздоровел.

Мелани не могла выдавить из себя ни звука. Слова, которые произнес доктор Паульсен, прозвучали для нее так, будто это были реплики из сериала про врачей, который она обычно выключала.

Ей показалось, что внезапно на ее грудь и плечи навалилась тяжесть весом в несколько тонн. Одновременно внутри нее все как-то странно онемело.

— Я могу его видеть?

Доктор Паульсен кивнул:

— Да, но только на очень короткое время. Ему проводят интенсивную терапию, и за ним постоянно наблюдают. Кроме того, вы должны знать, что он находится в коме. Так что, к сожалению, вы не сможете с ним поговорить.

От этих слов Мелани испытала боль, как от пощечины.

— В коме? Вы имеете в виду искусственную кому?

— Кома наступила спонтанно. Таким способом организм реагирует на ранения и травмы.

— А когда он придет в себя? — Мелани судорожно искала в памяти информацию о коме, которую она когда-либо слышала, но ей ничего не приходило на ум.

— Наверное, тогда, когда он будет к этому готов. В настоящий момент кома идет ему только на пользу. Она поддерживает его организм при выздоровлении, как может.

— А... А останутся последствия? — неуверенно спросила Мелани и в то же мгновение мысленно отругала себя за это.

Нужно радоваться, что Роберт жив!

— Этого я сейчас не могу сказать, пока что слишком рано. Я предлагаю вам завтра или послезавтра еще раз зайти сюда или позвонить. Возможно, тогда мы будем знать больше. Если же произойдут какие-то изменения, мы, разумеется, сразу же вас известим.

Через несколько минут Мелани покинула больницу. Она была в таком состоянии, как будто находилась под наркозом. Девушка не заметила, как холод ударил ей в лицо, когда она шла к стоянке. Она не слышала, как остатки смерзшегося снега скрипели у нее под ногами. Неподвижное тело Роберта, подключенное к различным приборам, все еще стояло у нее перед глазами. В это мгновение Мелани могла думать только о словах врача. Получивший тяжелейшие травмы Роберт был в коме. Никто не знал, как долго это будет продолжаться. И

только небу было известно, очнется ли он вообще.

И этот дурацкий сон... Паром... Что бы это значило? Неужели Роберт потерян, находится на пути в мир иной? Нет, он не должен уйти! Он не имел права покидать ее, не сейчас, никогда!

Мелани едва удалось дойти до своей машины, прежде чем ноги подкосились и отказались нести ее дальше. Страх сдавил ей горло. Она опустилась на водительское сиденье, положила руки на руль, и затем наконец пришли долгожданные слезы...

## 1 Апрель

«Любимый мой, уже три месяца, как тебя нет со мной. То есть, конечно, ты здесь, я вижу в клинике твое тело, подключенное к аппаратам, которые поддерживают в тебе жизнь, в то время как ты спишь. Но я не слышу твоего голоса, не чувствую твоих прикосновений, и ты не смотришь на меня.

Где ты? Может быть, ты блуждаешь по какому-то лабиринту, не находя выхода из него? Да, так я представляю себе кому. Это она, словно сад-лабиринт, держит тебя в плену. Может быть, ты ищешь выход, а может быть, сдался на произвол судьбы и просто живешь в нише, потому что слишком слаб, чтобы бороться дальше.

Я сама с каждым днем становлюсь все слабее и слабее и не знаю, как долго еще смогу выдерживать все это.

Хочется верить, что ты слышишь мой голос или хотя бы пытаешься прислушаться к нему. Если это так, то я буду продолжать звать тебя каждый день. Я стараюсь не отказываться от надежды на то, что ты найдешь силы снова вернуться ко мне.

Ты, без сомнения, еще помнишь о том, что летом мы с тобой собирались пожениться, правда? Разумеется, ты это помнишь. Осталось еще четыре месяца. У нас достаточно времени, верно? Достаточно времени для того, чтобы найти выход. Я постараюсь выдержать.

Если можешь, подай мне, пожалуйста, знак, что я должна сделать, чтобы вывести тебя оттуда. Правда, я теперь плохо сплю, но, быть может, ты найдешь место в одном из моих снов.

Прошу, возвращайся ко мне, мне так тебя не хватает!

С любовью,  
твоя Мел».

Вилла не изменилась. Ее красно-белые стены, над которыми возвышалась маленькая башня, вздымались из целого моря зелени. Первые нежно-зеленые листья появились на деревьях, а на лугах светилась желтизна бесчисленного количества одуванчиков.

Мелани остановила машину, чтобы можно было посмотреть на примыкавшее к поместью озеро, поверхность которого на две трети была покрыта лилиями. Лебедь величаво плавал кругами по озеру. В воде отражались вечерние облака, похожие на розовые хлопья ваты.

Впервые за много месяцев Мелани почувствовала себя умиротворенной. Как давно она здесь не была! Она вспомнила счастливые дни каникул и выходные, празднование Рождества в фойе и грозовые ночи, когда они все не могли уснуть, пока не стихали раскаты грома.

Вероятно, ее мать была права, когда сказала, что Мелани будет полезно погостить у бабушек. Девушка сначала воспротивилась, но потом согласилась с тем, что ей действительно лучше сделать небольшой перерыв.

Последние месяцы были настоящим адом. Почти каждый день Мелани сидела у

больничной кровати Роберта, надеясь, что произойдет чудо. Однако кома, как и раньше, цепко держала ее жениха в своих объятиях. Врачи не находили в этом ничего необычного, однако с каждым уходящим днем таяла надежда Мелани на то, чтобы снова посмотреть в его глаза и сказать, как она его любит.

Объехав вокруг озера, девушка направила машину вверх по дороге, усыпанной гравием, мимо щита с надписью «Музей мод “Блюмензее”[2]». Этот музей основали ее бабушка и прабабушка лет пятнадцать назад. Тогда они обе вернулись из Вьетнама, после того как открыли там швейную мастерскую. Им нужна была новая цель, и так сложилось, что вилла «Блюмензее», находившаяся на окраине маленького бранденбургского городка, искала нового владельца.

Поворот[3] оставил строение в запущенном виде. Собственно говоря, его восстановление было довольно трудной задачей для двух пожилых одиноких женщин.

Однако Ханна и Мария добились успеха, несмотря на все сомнения, и даже игнорировали иронию соседей, которые сначала смеялись над их проектом.

Бабушка и прабабушка Мелани заткнули всех за пояс. Уже лет пять, как музей стал себя окупать, и количество посетителей все увеличивалось!

Мелани поставила машину на стоянке возле главного здания, взяла с заднего сиденья дорожную сумку и вышла из машины. Крупный песок хрустел у нее под ногами, первые весенние цветы распространяли вокруг чудесный аромат. Густые кусты жасмина отделяли переднюю часть сада от задней, недоступной для экскурсантов.

Сейчас музей был закрыт и площадка перед ним была совершенно пуста. Где-то вдалеке гудела газонокосилка.

Мелани поднялась по лестнице к входной двери и позвонила. Ее прабабушка Ханна распорядилась отреставрировать звонок. Прекрасный старинный звон был слышен даже на улице.

Ожидая у двери, девушка рассматривала старый фонтан, окруженный дорожкой. Из-за высокой цены на воду фонтанчик включали только на время работы музея. Яркие разноцветные клумбы, обрамлявшие дорожки, имели очень ухоженный вид.

И тут в холле послышались шаги. В окошке рядом с дверью появилась изящная фигура, и дверь открылась.

Мария Баренбоом, бабушка Мелани, несмотря на свои семьдесят семь лет, все еще была красавицей. Ее серебристо-седые мелированные волосы были собраны в элегантный узел. Как всегда после окончания рабочего дня, она была одета в один из своих аозай[4] — традиционный наряд, который она полюбила во время пребывания во Вьетнаме.

У нее было несколько дюжин таких платьев. Этот аозай был сшит из сливово-синего шелка и украшен серебряной вышивкой.

Мария, улыбаясь, заключила внучку в объятия.

— Моя малышка, дай я тебя обниму! Как прекрасно, что ты приехала к нам. Это, несомненно, пойдет тебе на пользу.

— Надеюсь, — ответила Мелани.

Воспоминания, связывавшие ее с этим местом, были прекрасны, однако она точно знала, что тяжелые мысли снова вернутся к ней, как только наступит ночь и она останется одна.

— Последние недели были... ужасными.

Мелани стыдилась того, что не могла терпеливо и мужественно сидеть возле

больничной кровати Роберта. Лишь с большим трудом она привыкла к его нынешнему состоянию. Мелани любила его, но посещение больницы было для нее тяжелым испытанием. Через три месяца ее организм стал защищаться: у нее начались приступы паники, и ее домашний врач уже начал опасаться, что у нее развивается депрессия. С тяжелым сердцем Мелани призналась себе, что пора применить экстренное торможение.

Мария, которая, казалось, угадала мысли внучки, ласково погладила ее по волосам, которые были не черными, как у ее бабушки, а каштановыми — европейское влияние в их семье постепенно одерживало верх. Лишь глаза Мелани имели миндалевидную форму, характерную для всех женщин их рода. «Вьетнамское наследие» — так обычно называл это Роберт.

— Как у него дела? — спросила Мария, внимательно посмотрев на Мелани.

— Без изменений. Он спит. Все остальное, кажется, под контролем, впрочем...

Мелани на минуту закрыла глаза и попыталась избавиться от образов, которые не давали ей покоя. Красивый, сильный, крепкий мужчина, за которого она хотела летом выйти замуж, теперь сильно исхудал. Он, беспомощный, лежал в своей кровати на гидравлическом матрасе под наблюдением многочисленных мониторов.

Мелани снова открыла глаза, сдерживая слезы. Она осторожно высвободилась из объятий Марии.

— А где *grand-mère*?[5]

Еще когда Мелани была ребенком, у нее вошло в привычку называть прабабушку *grand-mère*, для того чтобы отличать Ханну от Марии. Мелани выросла в особой языковой среде: Ханна обучила ее вьетнамскому, Мария — французскому, а Елена следила за тем, чтобы Мелани за всем этим не забыла также и немецкий. Когда они вчетвером собирались вместе — что в последнее время, к сожалению, бывало довольно редко, — их разговор превращался в пеструю смесь из трех языков, в зависимости от того, на каком языке им приходило в голову то или иное понятие или название.

— Мама сейчас в своем салоне. Сегодня ноги не слушаются ее так, как должны, поэтому я посадила ее перед окном.

— Она, конечно, сердится, — предположила Мелани, поскольку знала: Ханна — деятельная пожилая дама, которая ненавидит безделье. По какой еще причине женщина за восемьдесят сумела бы организовать и обустроить музей моды?

— Еще как! Сегодня утром она была совершенно не в духе. Ханна ненавидит приступы ревматизма. Но, поверь мне, завтра или послезавтра она будет бегать, как борзая собака, и командовать дежурными по музею и садовником.

Мария провела внучку мимо выставочных помещений к лестнице. Мелани бросила быстрый взгляд на одежду, красовавшуюся в витринах вместе со всевозможными аксессуарами, которые носили дамы прошлых столетий. У ее бабушек была великолепная коллекция, выдержанная в нескольких цветах и стилях и включавшая также различные дополнения: сумочки, туфли и шляпы. Просто невероятно, как изменилась мода от Средневековья до наших дней.

— А как, собственно, обстоят дела у Елены? Как ее магазин? — спросила Мария у внучки, отвлекая ту от созерцания коллекции. — Я уже давно не говорила с ней по телефону.

— С магазином все хорошо. Мама разработала новую коллекцию, которую в июле будет представлять на выставке «Фэшн уик».

— А как твоя работа?

— Ну, я... Я уже давно не принимаю никаких заказов, связанных с выездом за рубеж.

Мелани опустила голову. Ей очень не хватало фотосессий и дальних поездок. Однако из страха, что Роберту вдруг станет хуже, она отказывалась от предложений, ради которых нужно было выезжать за границу. Если она и фотографировала, то только в Германии. Впрочем, такие заказы случались редко, потому что молодые дизайнеры, чтобы сэкономить на расходах, либо сами брали в руки фотокамеры, либо же отдавали заказы друзьям.

— Но моему агентству еще удастся раздобыть для меня то один, то другой заказ в Берлине.

— Роберт, конечно, хотел бы, чтобы ты занималась своей работой. Вот о чем ты должна говорить себе всегда. Ему не понравилось бы, что из-за него ты постоянно сидишь дома.

Мелани вздохнула:

— Это так. Но мне очень трудно сосредоточиться на чем-то, когда я должна ехать в клинику. А после нее я устаю так, что о работе не могу даже думать.

Мария, утешая, погладила ее по руке:

— Тебе сейчас нелегко. Когда умер твой дедушка, я чувствовала себя так же. Вот только ему было отмерено всего лишь три недели. Но это были самые тяжелые недели в моей жизни.

Мелани опустила голову и сжала губы. Сейчас ей не хотелось говорить об этом. И ей также не хотелось, чтобы ее хвалили за то, что она делала. Или сочувствовали ей. Ведь это все равно ничего не изменит. Мария, казалось, заметила ее состояние и тут же умолкла.

Не говоря ни слова, они прошли по лестнице и коридору и приблизились к приоткрытой двери салона.

Меблировка салона была простой и очень хорошо отражала различные этапы жизни Ханны. Здесь стоял красиво разрисованный китайский лакированный шкаф, который, конечно, мог бы заставить взволнованно забиться сердце любого торговца антиквариатом. Посреди помещения находились тяжелые, обтянутые кожей табуреты, которые, очевидно, были изготовлены еще в колониальные времена. Белоснежная орхидея пышно разрослась в каменном горшке в стиле пятидесятих годов, а приставной столик, сделанный из стекла и металла, выглядел очень современно по сравнению с другими предметами мебели.

Возле открытой балконной двери висела подвеска-погремушка, которую Мелани привезла из своего последнего путешествия. При виде ее у девушки закололо в сердце. Ее собственная подвеска лежала в ящике стола. Елена предложила повесить ее в больничной палате Роберта, однако Мелани отказалась.

Ханна, сидевшая у окна в широком кресле из ротанга, казалась маленькой и хрупкой. Это впечатление усиливало защищавшее ее от холода толстое одеяло, в которое она была закутана.

Лицо Ханны представляло собой географическую карту ее жизни, с многочисленными дорогами, которые знала лишь она одна. Ее глаза, похожие на темный оникс, многое повидали. Ханне было уже девяносто шесть лет, но она выглядела гораздо моложе: ее облик не менялся после восьмидесятого дня рождения. Прабабушка являлась живым подтверждением слов одного фотографа, друга Мелани: в какой-то момент понятие возраста исчезает. Если морщины достигли определенной глубины, они уже не станут глубже.

На Ханне тоже был аозай, однако вышивка на нем была гораздо богаче. В последнее время прабабушка Мелани предпочитала одежду своей родины. Ради удобства и, конечно, отдавая дань ностальгии.

— Мелани! Вот и ты! — поприветствовала Ханна правнучку и попыталась встать.

Было видно, что ей это тяжело дается, несмотря на ее свежий, бодрый вид.

— Пожалуйста, не вставай, *grand-mère*, я иду к тебе. — Мелани подошла к Ханне и обняла ее, очень осторожно, боясь причинить вред этой хрупкой женщине.

Во время объятий девушка все же почувствовала, что тело ее прабабушки вовсе не хрупкое — кости, которые она ощущала под тонкой кожей, были крепкими. От Ханны исходил легкий аромат жасмина. Она заказывала эти духи в Париже и, пожалуй, уже много лет не пользовалась никакими другими.

— Как прекрасно, что ты снова здесь! Я, собственно, хотела броситься тебе навстречу, но ревматизм... — Ханна засмеялась и, указав рукой на одну из темных табуреток, добавила: — Присаживайся и расскажи, что у тебя нового.

— Боюсь, что новостей немного. Мама лихорадочно работает над своей новой коллекцией, а я стараюсь держаться на поверхности благодаря случайным заработкам.

— Это значит, что у тебя нет для меня новых журналов?

Мелани улыбнулась:

— Ну как же, конечно, есть. Недавно вышло несколько номеров, для которых я делала фотографии прошлой зимой. Я тебе их потом принесу, они лежат в сумке, в самом низу.

Ханна кивнула с довольным видом.

— Большое спасибо. Значит, мне, по крайней мере, будет что почитать, пока я нахожусь в плену у ревматизма. — Она какое-то время рассматривала Мелани, перед тем как произнести: — Следующий вопрос, конечно, должен бы быть таким: «Как дела у Роберта?», но со времени твоего последнего звонка, конечно, ничего не изменилось, иначе ты не была бы здесь.

Мелани печально покачала головой.

— К сожалению, действительно ничего не изменилось. И я боюсь, что уже ничего не изменится. — Она глубоко вздохнула, потом добавила: — Иногда я спрашиваю себя, как долго я смогу выдержать все это. То, что я нахожусь тут, вместо того чтобы сидеть у больничной кровати Роберта, свидетельствует о том, что мои силы на исходе.

— Это свидетельствует лишь о том, что тебе нужно сделать перерыв, — заметила Мария, которая присоединилась к ним и села рядом с Мелани. — Это вовсе не признак слабости. Ни один человек не может жить только для других, иногда ему нужно время для себя самого.

Мелани опустила голову. «Вы еще не видели, как я упала в обморок», — подумала она.

Именно обморок стал причиной, по которой Елена посоветовала Мелани пару дней отдохнуть. Во время последнего посещения больницы взгляд девушки случайно упал на шланг, через который искусственно поддерживалось дыхание Роберта. Она смотрела на капельки воды в нем и вдруг представила себе, что было бы, если бы у нее самой была разрезана шея и в этом разрезе торчал шланг. Внезапно ей стало не хватать воздуха, сердце забилось часто-часто, и у нее произошел коллапс сердечнососудистой системы. Перед глазами у Мелани все закружилось. Она попыталась добраться до двери, однако ей это не удалось. Она потеряла сознание и упала на пол. Одна из медсестер нашла ее и вынесла на свежий воздух. Прибравший на срочный вызов врач посоветовал Мелани ограничить время посещений. Когда она рассказала об этом матери, та все поняла.

— Уезжай на пару дней к Ханне и Марии, — сказала Елена. По выражению ее лица было видно, что она не потерпит возражений. — Я не допущу, чтобы ты погубила себя.

— Но ведь он мой жених, — слабо запротестовала Мелани.

— Да, это так, — согласилась Елена. — И если бы он увидел, в каком ты состоянии, то тут же отослал бы тебя прочь.

Так все и решилось.

— Мне кажется, пора немного поесть, — сказала Ханна, после того как они некоторое время молча сидели вместе. — Помоги мне подняться, дитя мое.

— Я могу принести ужин сюда, — предложила Мария, однако Ханна отрицательно покачала головой и протянула руки навстречу правнучке.

Мелани помогла ей встать с кресла и поддерживала ее, пока они шли в столовую.

Столовая находилась в другом конце коридора. По тому, как пальцы Ханны вцепились в ее руку, Мелани поняла, как трудно ей было ходить. Девушке очень хотелось взять прабабушку на руки и понести ее, но это явно вызвало бы у Ханны решительный протест.

Мелани почувствовала аромат приправ и риса. Хотя Ханна и Мария большую часть своей жизни провели в Европе, они все же предпочитали готовить вьетнамскую еду, что Мелани всегда приветствовала.

Столовая была обставлена просто, но со вкусом. Единственным, что напоминало о прежних владельцах, были высокие зеркала, которые отражали лица сидящих друг напротив друга и зрительно делали эту комнату гораздо шире. Люстру, которая раньше висела посередине потолка, уже невозможно было спасти, и ее пришлось заменить более простой, но тем не менее элегантной лампой.

— Я тут подумала, как сделать твое пребывание у нас более интересным, — начала Ханна, опускаясь на свое место во главе стола, за которым запросто могли поместиться десять человек.

Мелани вопросительно подняла брови, усаживаясь слева от нее.

— Как ты отнесешься к тому, чтобы навести порядок у нас на чердаке? — спросила Ханна с хитрой улыбкой. — Там наверху стоит множество ящиков, и я уже не помню, что в них находится. Может быть, ты посмотришь, что там? Как видишь, я в данный момент не очень уверенно держусь на ногах, а у Марии своих забот хватает.

Эта просьба несколько удивила Мелани. Но, собственно, почему бы и не порыться в старых ящиках на чердаке?

— Да, с удовольствием. А что, по-твоему, там может быть?

— Пару лет назад я поставила на чердак несколько ящиков и сундуков из Сайгона и с тех пор больше не прикасалась к ним. В них всякая всячина: разные мелочи, ткань, одежда.

Мелани вспомнила, о чем бабушка так часто ей рассказывала. После того как закончилась война во Вьетнаме, Ханна и Мария отправились туда, чтобы оказывать помощь. После определенных трудностей, возникших с коммунистическими властями, им удалось построить во Вьетнаме небольшую текстильную фабрику и фирменный магазин. В первую очередь они брали на работу женщин, попавших в беду, чьи мужья погибли на войне или тех, кто ожидал внебрачного ребенка. Мать и дочь забирали проституток с улицы и давали им работу в швейной мастерской. Пусть даже их имена не появились ни в одном учебнике по истории, Ханна и Мария все же сделали очень много для того, чтобы помочь людям, особенно женщинам, в Сайгоне.

— У тебя есть какие-то планы по поводу вещей, хранящихся на чердаке, или же я просто должна выбросить оттуда хлам? — поинтересовалась Мелани.

Она не могла себе представить, чтобы ее прабабушка делала что-либо без причины. Эти

вещи лежали на чердаке так давно, что Ханна гораздо раньше могла поинтересоваться, не хочет ли кто-нибудь навести там порядок.

— Ну, я уже некоторое время вынашиваю мысль о том, чтобы расширить нашу экспозицию. Здесь внизу есть еще одно свободное помещение. Может быть, ты найдешь на чердаке что-нибудь такое, что нам понадобится. Все остальное ты сможешь выбросить. — Ханна опять лукаво улыбнулась правнучке.

— Хорошо, я посмотрю, что там есть.

— Вот и прекрасно. Уверена, что ты откопаешь несколько сокровищ.

«И тебе пойдет на пользу это занятие», — казалось, говорили ее глаза. Помня о том, что Мелани не любила, когда ей сочувствовали, Ханна не сказала этого вслух, за что правнучка была ей очень благодарна.

В своей комнате девушка, пытаясь отвлечься, принялась распаковывать сумку. Украшенный розами шкаф был слишком большим для нескольких вещей, которые она привезла.

Выуживая из сумки зарядное устройство для мобильного телефона, Мелани случайно зацепила рукой стопку бумаги для писем, которая стала ее постоянной спутницей. Тонкие листки с отпечатанными на них синими цветочками она некоторое время назад получила в подарок от подруги, изготавливавшей свою собственную почтовую бумагу.

Поначалу Мелани не могла найти применение пачке маленьких листков и сложенных вручную конвертов. Отправляясь в поездки, она посылала либо электронные письма, либо почтовые открытки. Однако через месяц после аварии Мелани случайно обнаружила почтовый набор и сразу поняла, что с ним делать. Поскольку она не могла разговаривать с Робертом, то стала писать ему письма. Не каждый день, потому что в ее жизни случалось не так уж много нового. Она писала лишь тогда, когда больше не могла выдержать, когда боль и тоска становились такими сильными, что угрожали разорвать ее сердце.

Когда сумка опустела, Мелани подошла к окну. Парк мирно спал в лунном сиянии. Из темноты в чистое ночное небо вздымались деревья. Луна отражалась в озере.

Мелани охватила тоска. Вдруг она вспомнила о первом отпуске, который провела вместе с Робертом.

— Я могла бы остаться здесь навсегда, — сказала Мелани, глядя на Балтийское море, которое трудно было отличить от неба.

Свет солнца медленно исчезал за горизонтом, а вместе с ним — последние красные отблески на воде. В этом уголке пляжа они были совершенно одни. Где-то позади них из бара доносилась музыка, но гипнотический шум воды был сильнее.

— А ты не считаешь, что здесь, на пляже, не совсем удобно? — спросил Роберт, опуская ее с небес на землю. — Кроме того, тут довольно прохладно.

— Я не чувствую холода, — ответила Мелани и теснее прижалась к его телу, от которого, как ни странно, даже самой студеной зимой исходило притягательное тепло. — Я также не считаю, что хотела бы целую ночь гулять по пляжу. Я, скорее, имела в виду, что прекрасно было бы жить у моря.

Роберт поцеловал ее в макушку:

— В этом ты права, это действительно было бы неплохо. Но тогда нам вдвоем пришлось бы искать другую работу.

— Ты как журналист мог бы работать везде, не так ли? — ответила Мелани. — Я как фотограф тоже.



— Да, но дорога к моему агентству была бы ужасной. Тебе же надо часто бывать в аэропорту, а отсюда даже до Гамбурга очень далеко.

— Но это не значит, что мы не смогли бы преодолеть эти трудности. Ну и что тут такого, если бы ты сменил работу и перешел в местную редакцию, а я бы выставляла свои фотографии здесь, в витрине для фотохудожников? Мы, правда, не купались бы в деньгах, но на жизнь нам хватило бы.

— Эй, а ты понимаешь, что мы сейчас строим планы на будущее? — спросил он, широко улыбаясь.

— Да, я это прекрасно понимаю. — Мелани посмотрела на него.

В угасающем вечернем свете были видны лишь контуры лица Роберта, но она уже знала каждую его черту: красиво очерченные брови, мягкие губы, длинный нос и темные глаза с густыми ресницами, которые были слегка похожи на женские.

— У меня такое чувство, что у нас с тобой общее будущее. Не так ли?

Роберт притянул ее к себе и поцеловал.

— Как по мне, у нас с тобой впереди целая вечность, — сказал он, крепко держа ее в своих объятиях до тех пор, пока темнота не окутала их.

Когда эта картина исчезла вдаль, Мелани заметила, что ее щеки стали мокрыми от слез. На какое-то время она поверила, будто снова находится там, у моря, однако теперь поняла, что это было не море, а озеро, над которым беззвучно летало несколько ночных птиц. Слезы все еще катились по щекам, и Мелани не хотелось сдерживать их. Она отвернулась от окна, легла в постель и крепко прижала к себе подушку. Мысли девушки унеслись к маленькой больничной палате, в которой пищали и жужжали аппараты, стараясь сохранить Роберту жизнь. Затем из горла Мелани вырвался всхлип, и это принесло ей облегчение.

Когда в доме все стихло, Ханна с трудом поднялась с постели. Те времена, когда она спала спокойно и долго, давно прошли.

Известие о том, что жених Мелани попал в аварию, стало напоминанием о том, насколько ей повезло, что она еще жива. Приближался ее сотый день рождения. Некоторым людям не была отведена даже половина этого срока. Когда через месяц после происшествия состояние Роберта оставалось очень тяжелым, Ханна даже желала, чтобы ей было суждено умереть вместо него. Однако затем она, просыпаясь, понимала, что, наверное, есть причина, почему еще не подошла ее очередь.

Ханна повернулась к двери. Так же тихо, как всегда, она вышла из своей спальни и похромала по коридору. Болеутоляющие таблетки слабо действовали на нее, но ей все же удавалось передвигаться самостоятельно.

В это время ей некуда было спешить. Мария спала, возраст сказывался и на ней, пусть и не в такой мере, как на Ханне. Ее дочь старалась не подавать виду, между тем Ханна видела, что морщины и седые пряди в ее волосах были не единственными признаками возраста. У Марии болело бедро, она была метеочувствительной и иногда бывала довольно раздраженной.

Чей-то всхлип заставил Ханну резко остановиться. Плакала Мелани. И она имела на это полное право. Ее любовь находилась в плену у тьмы, которую никто не мог себе представить.

Ханна положила руку на дверную ручку. Может быть, зайти и утешить ее? Она слишком хорошо понимала ту печаль, которая переполняла Мелани, и знала, что нельзя оставлять ее наедине с болью. Поэтому у Ханны и возникла идея насчет чердака. Тот хлам, который там

хранился, ей, собственно говоря, был не нужен. Многое ей даже хотелось бы забыть. Однако Мелани надо было чем-то заняться. И, наверное, пора бы навести порядок — и на чердаке, и в голове.

Приняв решение не заходить в комнату к правнучке, Ханна похромала дальше.

Добравшись до маленькой двери, за которой находилась комната с алтарем, женщина остановилась. Вскоре после переезда сюда она сама переоборудовала маленькую комнату, которая раньше, вероятно, служила для переодевания. На родине Ханны существовал такой обычай — устраивать в доме помещение для умерших родных, где можно было бы поминать их и где могли бы жить их души.

Ханна подошла к алтарю, на который они с Марией всегда приносили свежие цветы, и тихо поздоровалась со своими предками по-вьетнамски, затем посмотрела на рисунки и фотографии, некоторые из них с любовью погладила пальцами, перед другими уважительно склонила голову. «Все равно, как бы ни поступали с нами наши предки, они заслуживают нашего уважения, — подумала женщина. — Такого же уважения, которого мы желаем себе, когда покинем этот мир».

После того как Ханна зажгла курительные палочки, она повернулась и подошла к маленькому, немного кособокому шкафчику, к которому имелся лишь один ключ — тот, который она носила на цепочке на шее и никогда не снимала. Этот шкаф был у нее так много лет, и он постоянно сопровождал ее к тому месту, которое становилось ее новым домом. Не обращая внимания на боль в пальцах, Ханна вытащила из-под ночной рубашки длинную цепочку с ключом и открыла дверцу.

Из шкафа доносился знакомый запах высохших цветов, бумаги и старой ткани. Ханна осторожно погладила рукой лежавшие там предметы. Все это будет принадлежать Мелани, когда ее прабабушка однажды уйдет из этого мира.

В конце концов женщина вынула из шкафчика всего два предмета: коричневый конверт и фотографическую пластинку. С этого она и начнет. Некоторые истории не начинаются просто так, им нужен толчок. Ханна хотела дать Мелани время, чтобы та сама нашла их и, может быть, стала расспрашивать ее.

Женщина снова закрыла шкаф, еще раз взглянула на изображения предков и вышла из комнаты. Она тихо проскользнула по коридору к двери, за которой лестница вела вверх. Из-за боли в костях эта лестница показалась Ханне почти непреодолимым препятствием. Однако у нее была целая ночь, чтобы подняться вверх и снова спуститься. А завтра начнется новый день.

## 2

Луч солнца пробудил Мелани ото сна. Птицы щебетали под ее окном, ветер гулял в кронах деревьев.

Она какое-то время наслаждалась этими звуками, затем медленно открыла глаза. Обои в цветочек и синий полог над кроватью показались ей сначала сном, однако воспоминания быстро вернули ее к действительности. Она была на вилле прабабушки и бабушки.

Накануне вечером, наплакавшись, Мелани кое-как смогла надеть ночную рубашку и забраться под одеяло. Ее удивило то, как хорошо она спала: ни один из кошмаров, так часто преследовавших ее в последнее время, ей не приснился. Она даже ни разу не проснулась, и ее постельное белье не было мокрым от пота.

Зевая, Мелани потянулась в постели, и матрас слегка закрипел под ее телом.

Естественно, снова появилась тревога, и она снова почувствовала давящую боль в желудке, которая не хотела покидать ее с того момента, как ей сообщили об аварии. Тем не менее этой ночью что-то действительно было не так, как всегда. Глаза Мелани не опухли, и она не чувствовала свинцовой тяжести в голове.

«Наверное, это благодаря деревенскому воздуху», — подумала девушка, вставая. И сразу же ее взгляд упал на старую тумбочку, на которой лежал мобильный телефон. Никаких новых сообщений. «Это хорошо», — сказала себе Мелани. Каждое утро она ожидала сообщений из клиники. И так же сильно, как надеялась на хорошую новость, она боялась плохой. Когда кто-то умирал ночью, родным об этом не сообщали, чтобы не будить их, а ожидали до утра.

Мелани соскользнула с высокой кровати, и у нее возникло такое чувство, словно ей снова было двенадцать лет. Девушка подошла к окну. Утреннее солнце превратило озеро в блестящее зеркало. По нему плавали утки, на короткое время ныряя, а затем продолжая свой путь. Лебедь, которого она уже видела накануне, величественно рассекал воду своим телом.

«Может быть, стоит пробежать вокруг озера, — промелькнула у Мелани мысль. — Я уже давно этого не делала». Перспектива в одиночку сделать круг вдоль озера показалась ей вдруг такой привлекательной, что она оторвалась от великолепного вида и вытащила из шкафа то, что было больше всего похоже на спортивную одежду. Затем Мелани исчезла в ванной.

Она отказалась от мысли взять с собой MP3-плеер. А вот что делать с мобилкой? Вдруг позвонят? Как глупо, что на леггинсах нет карманов.

«Или все же не стоит идти на пробежку?» — подумала девушка. Пока она боролась с собой, ее взгляд упал на вид из окна. Утро действительно было чудесным. Мелани посмотрела на свой мобильный телефон. «А ведь я могу просто взять его в руку», — вдруг подумала она, и таким образом у нее созрело решение.

Солнечный свет исполнил свои обещания: утро было необычайно теплым для апреля. Мелани с удовольствием подставила лицо солнцу.

Она чувствовала на коже солнечные лучи. Раньше в хорошую погоду Мелани всегда ощущала внутреннюю легкость, но сейчас этого не было.

Ее мать считала, что Мелани в душе выстроила защитную стену, чтобы почва не уходила у нее из-под ног. Однако девушка знала, что она сама подавляла в себе всякое позитивное чувство из-за угрызений совести.

Но как бы там ни было, сейчас у нее появилось желание делать хоть что-нибудь, что в последнее время с ней бывало не часто. Крепко зажав мобилку в руке, Мелани немного пробежала по усыпанной гравием дороге, а затем помчалась через луг, примыкавший к озеру.

Дорожка, по которой можно было обежать озеро, была узкой и очень хорошо утоптанной. По выходным дням в теплую погоду по ней прогуливались отпускники и экскурсанты. Сейчас здесь не было ни души. Мелани взглянула на озеро и снова побежала. Трава гладила ее по лодыжкам и кусала за ноги. Уже в самом начале пути девушка чуть не споткнулась, поскольку была не готова к неровностям дорожки. Но потом Мелани побежала дальше и в конце концов почувствовала себя увереннее.

Где-то вдалеке куковала кукушка. Мелани снова вспомнила о том, что всегда говорила ей бабушка со стороны отца: нужно считать вслух, сколько раз прокукует кукушка, и тогда можно определить, до какого возраста ты доживешь. Конечно, это было глупо и даже

несколько кощунственно.

На этот раз кукушка старалась очень долго, и ее голос сопровождал Мелани всю дорогу мимо ив до того места, где камыш пророс далеко вглубь луга. Там тоже была дорожка через камыш, однако он закрывал вид на озеро.

Где-то сбоку слышался шорох. Мелани не боялась диких зверей, но все же ей не хотелось испугнуть самку лебедя или встретиться с бродячей собакой.

Впрочем, это был человек. Он шел ей навстречу. У него были короткие светлые волосы. Незнакомец был одет в джинсы и футболку. В руке он держал ведро, а удилище небрежно нес на плече.

«Неужели кто-то ловит рыбу в этом озере?» — спросила себя Мелани. Озеро, правда, было довольно большим, и, конечно, здесь водилась рыба, но какова она на вкус?

— Доброе утро! — окликнул ее незнакомец, и Мелани ответила на его приветствие кивком, потому что ее легкие подали знак — отсутствие тренировок не пошло ей на пользу.

Собственно говоря, у нее не было причин останавливаться, однако мужчина вдруг крикнул ей вслед:

— Вы случайно не родственница тем двум пожилым дамам?

Мелани остановилась и обернулась в его сторону.

— А зачем вам это знать? — с трудом переводя дыхание, поинтересовалась она.

И только сейчас она увидела, что мужчина еще довольно молод, моложе сорока. Трехдневная щетина делала его старше. Выжидательная и даже несколько нахальная улыбка смутила Мелани. Она уже давно не обращала внимания, если кто-то из мужчин ей улыбался.

— Томас Хансен, садовник, — представился он. — Мне нужно знать, родственница ли вы хозяйкам этого дома, чтобы ненароком не отослать вас из этой усадьбы.

Мелани, ничего не понимая, наморщила лоб:

— А мои бабушки сказали вам, чтобы вы это сделали?

Мужчина расплылся в широкой улыбке:

— Конечно, нет. Но тем не менее я слежу за тем, чтобы здесь не было слишком много посторонних лиц. Они распугивают лебедей.

— Вы это серьезно говорите?

Мелани пыталась вспомнить, когда ее бабушки успели нанять нового садовника. И вообще, рассказывали ли они ей о нем? Может быть, она, погрузившись в свою печаль, этого не расслышала?

Мужчина рассмеялся:

— Нет. Здесь может бегать каждый, кто пожелает. Я просто хотел вас остановить. Я подумал, что вы приходите родственницей этим дамам. Вы ведь их внучка, верно?

— Мои бабушки говорят с вами обо мне?

— Время от времени. И они рассказывают о вас только хорошее, тут вы можете не беспокоиться. Я часто спрашивал себя, когда же вы здесь появитесь.

Что следовало сказать этому типу? Он явно любил поговорить и был совсем не похож на садовника.

— Ну и как, вы что-нибудь поймали? — Мелани указала на ведро.

— Старый ботинок и жестяную банку. Я чуть не поймал карпа, но постепенно прихожу к мысли, что здесь водится только он один. Его чешуя показалась мне такой знакомой, когда я на короткое время увидел его под поверхностью воды. И тогда я быстро вытянул удочку, потому что не хочу заполучить на свою сковородку этот раритетный экземпляр. — Мужчина

улыбнулся, а затем добавил: — Но не буду задерживать вас болтовней о своем улове. Кроме того, мне нужно идти поливать клумбы.

Мелани кивнула:

— Хорошо. Приятно было вас встретить.

— Взаимно. Еще увидимся! — Он кивнул и пошел дальше.

И только сейчас Мелани поняла, что она стояла напротив него, а из одежды на ней были только плотно облегавшие ее тело леггинсы и довольно поношенная футболка. Девушка тут же покраснела, но для смущения было уже слишком поздно. Она решила забыть об этом эпизоде и впредь одеваться лучше на тот случай, если этот привлекательный садовник повстречается ей снова.

— А ваш садовник всегда ни с того ни с сего начинает разговаривать с людьми и расспрашивать их? — спросила Мелани, когда сидела с бабушками за завтраком.

У Ханны был довольно болезненный вид. Темные круги под глазами свидетельствовали о том, что прошлой ночью ее сильно мучил ревматизм.

— Ты имеешь в виду Томаса? — уточнила Мария, которая выглядела лучше, чем ее мать.

Она налила Мелани немного кофе и протянула свежее испеченный круассан.

— Да, именно! С каких пор он у вас работает? Я даже не знала, что у вас новый садовник.

— Он приблудился к нам месяц назад, — улыбаясь, ответила Ханна.

— Приблудился? Как котенок?

— Мы написали письмо в общество садоводов, после того как вынуждены были признать, что наш прежний садовник на самом деле не слишком разбирается в растениях. И когда Томас спросил, может ли он занять это место, мы его приняли. Он, кажется, приятный молодой человек.

— И довольно привлекательный, — лукаво добавила Мария. — К тому же он хорошо знает свое дело. Ты бы посмотрела, с какой любовью он сажал камписы в ящики!

— И за жасмином он тоже ухаживает очень бережно.

Мелани улыбнулась. Ей было известно, как много значит для Ханны жасмин. Человек, который бережно обращался с жасмином, сразу же завоевывал ее симпатию. Мелани догадывалась, что ее бабушки любят наблюдать за тем, как работает Томас, особенно летом.

— Неужели он чем-то тебя рассердил? — осведомилась Мария.

— Нет, ни в коем случае.

— Но у тебя такой вид, будто он в чем-то провинился! — воскликнула Мария. — Он что, свистел тебе вслед? Ну да, принимая во внимание твой внешний вид, такое можно себе представить.

Мелани покраснела:

— Нет, он... Он лишь сказал мне, что вы говорили с ним обо мне.

— Разумеется, говорили, — призналась Ханна. — Все же следовало ожидать, что однажды ты его встретишь. Поэтому мы и рассказали ему о тебе и о Елене.

— А вы...

По виду садовника было не похоже, что он знал об аварии, но, возможно, он просто был хорошим актером...

— Рассказали ли мы ему о Роберте? — угадала Мария. — Нет, конечно. А что, надо было?

Пожилые женщины переглянулись.

— Нет, хорошо, что вы этого не сделали.

Мелани сама себя не узнавала. Почему встреча с садовником не выходила у нее из головы?

— А что он тебе сказал? — поинтересовалась Ханна.

— Он лишь спросил, не родственница ли я вам.

— Это было очень мило с его стороны!

— Да... В любом случае это была приятная встреча.

По лицу Ханны пробежала улыбка, и она положила остаток круассана себе в рот.

Чердаки всегда оказывали на Мелани магическое воздействие. Они были мозгом дома, местом, где обитали воспоминания и тайны прошлого. Местом, где в подростковом возрасте можно было побыть одной, переживая проблемы взросления.

Когда Ханна и Мария купили эту виллу, Мелани как раз постигло первое любовное разочарование и, как следствие, тоска. Здесь, наверху, она лечила свою боль с помощью теней, которые гнездились за ящиками, шороха ветра и треска потолочных балок.

Теперь же она снова очутилась в этом месте и ей показалось, что изменился лишь перечень ее проблем. Тогда она боролась с прыщами, мечтательностью и любовным разочарованием. Сейчас же мужчина, которого она любила, лежал в коме. Какими простыми были ее проблемы раньше! Ей почти захотелось вернуться в то время.

Хотя чердак ни в коей мере не потерял своей магии, Мелани засомневалась в том, что он сможет ей помочь.

Она бросила взгляд на продолговатое помещение, которое сразу же раскрыло перед ней несколько своих тайн, как только она включила свисавшую с потолка лампочку.

Мелани пришла в восторг. Здесь и раньше находилось очень много старинных ненужных вещей. Многие из них были просто забыты прежними хозяевами. Ханна разместила некоторые вещи в своем музее, однако большинство из них пришлось выставить на въезде в усадьбу, и их подобрали либо торговцы антиквариатом, либо мусорщики. И тем не менее Мелани показалось, что с тех пор чердак был еще сильнее переполнен. Везде стояли ящики, сундуки, старая мебель, ширмы и другие предметы, которых она не могла распознать в слабом свете лампочки. Музей забытых вещей...

Чтобы на чердаке стало светлее, Мелани повесила гаражную лампу на одну из балок и включила ее. Затем девушка осмотрелась по сторонам. Мебель, разумеется, не представляла для выставки никакого интереса. Тогда Мелани повернулась к ящикам и сундукам, до которых могла дотянуться без особого труда.

Уже из первого сундука ей в нос ударил спертый запах. Запах шариков от моли, смешанный со слабым ароматом старых духов, исходил от большого тюка тюли, на которую были нашиты пайетки. Сначала Мелани подумала, что обнаружила карнавальный костюм, но потом увидела, что это вечернее платье. Раньше оно, наверное, было ярко-розового цвета, однако от краски, как и от духов, осталось лишь воспоминание.

Девушка осторожно вытащила платье из сундука. «Пятидесятые годы», — решила она. Наверное, это было одно из платьев, которые Ханна надевала, выходя в свет. В ту пору она была королевой парижских шляпниц.

Талия платья была очень узкой, а низ походил на колокол. Мелани удивилась тому, какой худощавой и изящной была ее прабабушка. Она и сейчас не была толстой, но в молодости, казалось, имела такие пропорции, которым могла бы позавидовать любая

манекенщица.

Захочет ли Ханна поместить это платье на выставке? В любом случае Мелани решила показать его ей в качестве возможного экспоната.

Взгляд девушки упал на старую вешалку для верхней одежды, стоявшую в углу. Перед ней было несколько ящиков, и, если они будут достаточно легкими, она просто отставит их в сторону, а платье, как и другие находки, повесит на вешалку.

Когда Мелани приподняла самый верхний ящик, со штабеля в ее сторону соскользнуло что-то коричневое. Поначалу она не могла понять, что это такое, но потом этот предмет упал ей на лицо и свалился на пол. Мелани отставила ящик в сторону и рядом со штабелем обнаружила старый, выцветший конверт. В нем, похоже, было больше, чем одно письмо. Мелани осторожно повертела его в руках. Надпись разобрать было уже невозможно, но конверт не был заклеен. Мелани осторожно открыла его.

Лежавшая в конверте фотографическая пластинка стала для нее сюрпризом. Чтобы лучше рассмотреть ее, Мелани подошла поближе к одному из маленьких чердачных окон. На фотографии были изображены две девочки четырнадцати или пятнадцати лет. Обе были одеты в аозай, однако платье младшей выглядело несколько благороднее, чем аозай старшей девочки. Они держались за руки, их лица сияли. В конверте вместе с фотопластинкой лежали высохшие цветы жасмина, некоторые из них уже превратились в пыль. Там было также несколько густо исписанных листков тончайшей почтовой бумаги.

Мелани рассматривала пластинку со всех сторон. На ней была неизвестно кем сделанная надпись на вьетнамском языке: «Жасминовые сестры».

Кем были эти девочки? Может быть, Ханна их знала?

Когда Мелани развернула листки, то увидела, что на них записана целая история. Почерк был очень аккуратным, так пишут дети, которые овладели навыками каллиграфии лишь несколько лет назад. История была изложена по-французски, но Мелани очень хорошо знала французский язык. Она уселась по-турецки на пол и начала читать.

### *Храм жасмина*

Жила-была богатая девочка, которую звали Хоа Нхай, что означает не что иное, как «цветок жасмина». Хоа Нхай жила в большом доме в большом городе, у нее были красивые платья, и она могла есть фрукты всегда, когда хотела. Хотя у нее было много игрушек и книг, она очень скучала. Больше всего ей хотелось, чтобы у нее была сестра, с которой она могла бы играть или гулять по большому саду, но у ее матери был всего один ребенок.

И вот однажды к ним в сад забралась бедная девочка. На ее лице были полосы грязи, на голове — небрежно заплетенные косички. Она пахла рыбой и водорослями и была немного старше, чем Хоа Нхай. Грубый аозай был велик незнакомой девочке, потому что ее тело было довольно худым — однако ее большие глаза были прекрасны, как два черных драгоценных камня.

Вместо того чтобы позвать слуг, которые присматривали за ней целыми днями, Хоа Нхай подошла к девочке:

— Привет, я Хоа Нхай. А ты кто?

— Тхань, — представилась та. — Тхань из порта.

Так вот, значит, откуда запах водорослей и рыбы!

— А что ты ищешь здесь, Тхань из порта? — спросила богатая девочка.

— Я хотела просто посмотреть на сад. Но если тебе это не нравится, я уйду. — Бедная

девочка, казалось, очень смутилась.

Ее взгляд остановился на шелковом одеянии Хоа Нхай.

— Не бойся, — ответила Хоа Нхай. — Если ты хочешь, я покажу тебе сад.

Тхань сначала недоверчиво посмотрела на нее, словно опасаясь, что хозяйка сада ответит ее к клетке с кровожадными тиграми, но потом присоединилась к Хоа Нхай.

Хоа Нхай показала ей орхидеи и прекрасные разноцветные франжипани, а также стрелиции и розы, которые ее отец получил в подарок от своего начальника-француза. Тхань смотрела на все это, словно на драгоценные камни. Заметив на деревьях обезьян или птиц, она радостно вскрикивала, словно видела их в первый раз.

— А откуда ты родом? — удивленно спросила Хоа Нхай, потому что не могла представить себе ни одного места в Сайгоне, где не было бы деревьев, цветов, птиц и обезьян.

— Как я уже сказала, из порта, — ответила Тхань. — Но, может быть, я водяной дух.

— Тогда вода должна течь у тебя из рукавов, — возразила Хоа Нхай, потому что знала от своей матери несколько историй про водяных духов.

Когда ее отец бывал дома, мать при нем не решалась рассказывать эти истории, но когда они были одни, Хоа Нхай слушала истории о духах воды, воздуха и о духах предков, которые бродили по городу или подкарауливали людей на рисовых полях.

— И у тебя был бы ил в волосах...

— Да, этого у меня нет, — ответила Тхань, осмотрев себя.

Они не смогли долго разговаривать, потому что Хоа Нхай позвала ее мать.

— Ты придешь завтра? — спросила Хоа Нхай, бросив взгляд на дом.

— Постараюсь, — ответила Тхань, которая вдруг, казалось, съежилась, словно хотела спрятаться от какого-то чудовища. — Я буду ждать тебя здесь.

И с этими словами она исчезла в кустах.

С того дня Хоа Нхай и Тхань стали встречаться каждый день. Чуть раньше, если Тхань удавалось поймать много рыбы, чуть позже, если ей везло меньше.

Однажды Тхань появилась в саду очень расстроенная. И шла она так неосторожно, что ее чуть не заметил один из слуг.

— Моя мама чувствует себя очень плохо, — сказала она, когда Хоа Нхай наконец нашла ее. — Мне нужно пойти в храм Семи Солнц и попросить богов о помощи.

Об этом храме Хоа Нхай еще никогда не слышала.

Она знала, что у Тхань есть только мама, потому что ее отец утонул уже давно во время рыбной ловли.

— Храм Семи Солнц — это самое страшное место на свете, — сказала Тхань таинственным голосом, потому что любила страшные истории. — Никто не входит туда после наступления темноты, потому что там живет злая старуха, которая одним своим взглядом может убить человека. Даже взрослые мужчины плюются, когда говорят о ней.

— А что тебе нужно в этом храме? — испуганно спросила Хоа Нхай. — И что будет, если тебя увидит старуха?

— Пусть хранительница и настоящая ведьма, но сам храм не злой. Говорят, что посреди внутреннего двора растет чудотворный куст жасмина, цветки которого приносят счастье, но лишь в том случае, если сорвать их в полночь.

— Ты хочешь пойти в храм в полночь? — Хоа Нхай недоверчиво посмотрела на Тхань.

— Да, и я хотела попросить тебя пойти со мной. Ты очень счастливый человек, и мне



кажется, что ты могла бы мне помочь.

Хоа Нхай никогда не задумывалась над тем, счастлива ли она. Но она жила в этом большом доме, у нее был чудесный сад, и никто не посмел бы назвать ее нищей. Да, наверное, она счастлива! И она заинтересовалась этим храмом, пользовавшимся дурной славой.

— Ну, хорошо, — ответила Хоа Нхай, — я пойду с тобой. Но как цветы жасмина могут помочь твоей матери? Надо заварить из них чай для нее?

— Нет, я положу ей веточку под подушку. А потом буду молиться за нее. Я уверена, что тогда она выздоровеет.

Была светлая лунная ночь, когда Хоа Нхай прокралась через ворота сада. Если ее родители узнают, куда она направляется, они ее накажут. Однако она дала обещание Тхань и хотела сдержать его.

Идя по дороге, которую ей описала Тхань, Хоа Нхай заметила, что город становится каким-то странным. Здания казались все беднее и беднее, и запахи были непривычными.

— Хоа Нхай! — прошептал вдруг кто-то в темноте. И сразу же из темного угла вышла Тхань и обняла подругу. — Значит, ты все-таки пришла.

— Я ведь обещала. Надеюсь, что еще не слишком поздно.

— Нет-нет, сейчас самое подходящее время, — ответила Тхань и показала на луну. — Когда мы дойдем до храма, будет ровно полночь. Надеюсь, что хранительница храма уже будет спать.

— Мы будем вести себя тихо, как мыши, — сказала Хоа Нхай, подбадривая подругу, хотя сама очень боялась хранительницы храма.

На северной окраине города хижины бедняков лепились друг к другу, словно крысы на холоде. В отбросах рылись бродячие собаки. Где-то раздавался плач.

Тхань схватила подругу за руку.

— Не бойся, — сказала она. — Люди здесь бедные, но никому ничего плохого не делают. Многие из них участвовали в восстаниях против tâu[6]. Их покарали. И поэтому сейчас они вынуждены жить здесь.

Хоа Нхай ничего не знала о восстаниях и наказаниях. Ее отец никогда не говорил плохо о tâu, потому что работал на них.

За бедными хижинами простиралась свободная земля. Луна отражалась в рисовых полях, которые покрывали землю, словно промокшие ковры. Вдалеке могущественно и угрожающе вздымались джунгли, откуда раздавались крики обезьян.

— Как дела у твоей матери? — спросила Хоа Нхай, когда они оставили хижины позади.

— Она становится все слабее, — ответила Тхань. — Я очень боюсь, что она умрет.

— Когда твоя мать получит цветки жасмина, она снова станет здоровой.

Через какое-то время перед ними показался храм. Время и дожди стерли черты каменных лиц, украшавших его. Вокруг него росла очень высокая трава, что немного беспокоило девочек, потому что под длинными стеблями часто прятались змеи, которые могли неожиданно укусить, если на них наступить. Маленькую тропинку к воротам едва можно было различить.

Подруги осторожно крались по тропинке. Лунного света было достаточно, чтобы отличать камни, ветки и сучья от змей и скорпионов. Через некоторое время обе девочки почувствовали себя немного увереннее и пошли быстрее. Перед воротами в храм они остановились.

— А какие боги здесь живут? — спросила Хоа Нхай.

— Я этого не знаю, — ответила Тхань, благоговейно рассматривая здание. — Но если у них есть сила, чтобы вернуть человеку здоровье и принести ему счастье, значит, это очень дружелюбные боги.

Девочки медленно приближались к воротам храма. Непогода и время сделали дерево черным и отняли блеск у колокола, язык которого имел форму рыбы.

— Она, конечно, спит, — прошептала Хоа Нхай, чувствуя, как дрожит рука Тхань. — Посмотри, нигде не горит свет.

— Духам свет не нужен.

— Она всего лишь человек, — возразила Хоа Нхай, потому что ее отец всегда утверждал, что духов не бывает. — Она, конечно, спит.

Хоа Нхай положила руку на толстые деревянные брусья. Они все еще хранили в себе тепло дня. Еле дыша, она прислушалась к тому, что делается внутри храма. «Там, где есть люди, есть и звуки», — говорила ее мать. По звукам можно понять, есть ли жизнь в помещении. Девочка ничего не почувствовала. Ветерок ласкал камни, что-то шуршало, однако это были всего лишь листья. Храм казался мертвым. Когда девочки немного нажали на дверь, она поддалась и открылась — к сожалению, не беззвучно. Скрип петель эхом разнесся по всему двору. Хоа Нхай окаменела. Был ли слух у старухи таким, каким он бывает у пожилых женщин, или же она слышала лучше?

Затаив дыхание, девочки на миг замерли и прислушались. Ничего не происходило. Наверное, им снова повезло. Они проскользнули через слегка приоткрытую дверь и спрятались в тени. Во внутренний двор можно было попасть через обрамленную колоннами дорожку, камни которой еле слышно шуршали под ногами девочек.

В лунном сиянии цветки жасмина светились, словно белые звезды. Крепкие ветки казались толстыми, будто ветви настоящего дерева. Может быть, этот куст жасмина уже видел, как мимо него пронеслись два или три столетия.

Девочки вышли из тени и очутились под ярким лунным светом.

— Давай нарвем цветов, — еле слышно прошептала Тхань. — Иначе полночь пройдет и они перестанут действовать.

Она шагнула вперед и протянула руку за похожими на звездочки цветами, но на миг остановилась и огляделась по сторонам. Затем она сорвала маленькую веточку и быстро спрятала ее под одежду.

— Теперь ты, — прошептала она и оглянулась на подругу.

Хоа Нхай шагнула к жасмину, со страхом и почтением посмотрев на него. Она тоже сорвала себе веточку.

— Что вы здесь ищете? — вдруг раздался позади них скрипучий голос.

Девочки испуганно обернулись. Опиравшаяся на суковатую палку старуха казалась хрупкой и слабой. Ее длинные седые волосы были завязаны узлом на затылке, а лицо покрыто морщинами. Руки женщины были такими тонкими, что казались просто костями, обтянутыми кожей. Остальная фигура скрывалась под длинной рубахой. Собственно говоря, для духа она выглядела довольно безобидно, если бы не блестящие глаза, строго смотревшие на девочек.

— Простите, bà[7], мы...

У Хоа Нхай слова застряли в горле. Хранительница храма сверлила ее горящим взглядом. Сердце девочки прыгало в груди, словно рыба в сетке.

— Неужели у вас нет почтения к богам и духам умерших? — Голос старухи был пронзительным и холодным, как лед, как ветер, который веял над могилами. Такого ужаса не внушала даже пророчица, к которой люди обращались, чтобы на похоронах определить время, подходящее для того, чтобы положить мертвое тело в гроб.

Хоа Нхай хотела убежать из храма как можно быстрее. Ее руки потянулись, чтобы схватить Тхань и потащить ее за собой, но затем она снова подумала о матери своей подруги. Может быть, боги послали им испытание? Может быть, все было иначе, нежели рассказывали те, кто не решался заходить в храм в ночное время?

— У нас есть уважение к ним, но есть и причина, чтобы быть здесь.

Старуха, судя по всему, не ожидала такого ответа.

— Да? Какая же?

То, что она задала этот вопрос, настолько удивило Хоа Нхай, что девочка сначала даже не нашла, что ответить. Однако затем она услышала свой голос:

— Нам нужны цветки для больной женщины. Они должны вернуть ей здоровье.

Неожиданно старуха схватила ее за руку и крепко вцепилась в нее. Хоа Нхай испуганно хватала воздух ртом, но кричать не смогла.

— Ты намного храбрее, чем другие девочки в твоем возрасте, — сказала смотрительница и грубо повернула ее руку так, что ладонь оказалась вверх. — Дай-ка я посмотрю, что тебя ожидает.

Как ни пыталась девочка освободиться от хватки старухи, ей это не удалось. Женщина ткнула холодным костлявым пальцем в ее кожу и стала обводить пальцем узоры на ладони. При этом она что-то бормотала, но девочка не понимала ее слов. Хоа Нхай, ища помощи, взглянула на подругу, но та словно парализовало. Тхань, будто окаменевшая, застыла рядом с деревом и чуть не раздавила нежные цветки на своей груди.

Хотя пальцы старухи были холодными как лед, Хоа Нхай показалось, что она чувствует жжение в ладони. По спине у нее пробежал холодок ужаса. Неужели это и был ритуал, который старуха проводила для того, чтобы убить человека? Может быть, сейчас ее пронзит молния или схватят судороги? Она ведь не хотела умирать! Может, было бы лучше, если бы она отговорила Тхань от этой глупой затеи с храмом...

Старуха довольно долго занималась рукой Хоа Нхай, затем пристально посмотрела на девочку и сказала:

— Ты носишь в себе дракона, который пока что спит. Но однажды он вырвется наружу и расправит крылья. Ты будешь путешествовать далеко по свету, и жизнь твоя будет нелегкой. Тебе придется пройти долгий путь, прежде чем ты обретишь мир и спокойствие.

О чем говорила старуха? Девочка не поняла, что та имела в виду. Но ее слова пробудили в ней страх.

С насмешливым хихиканьем старуха отпустила руку Хоа Нхай.

— Идите и заберите цветы с собой, пусть они принесут вам то, чего вы заслуживаете. — С этими словами она повернулась и растворилась, опираясь на палку, в тени, так же бесшумно, как и появилась.

Хоа Нхай вздохнула с продолжительным стоном. Она даже не заметила, что непроизвольно задержала дыхание, но сейчас ее легкие горели, как будто внутри нее действительно был дракон. Девочка оглянулась, ища глазами Тхань, которая, бледная как мертвец, по-прежнему стояла рядом с деревом.

Они были живы. Пока. Но слова старухи прозвучали, словно проклятие.

— Давай уйдем отсюда, — сказала Хоа Нхай и взяла Тхань за руку.

Тени, окутавшие храм, теперь имели угрожающий вид. В шорохе трав, казалось, слышалось шипение не менее сотни змей. И лишь когда перед девочками появились первые дома на окраине города, они снова успокоились.

Тхань внезапно остановилась и выдернула ладонь из руки Хоа Нхай.

— Что случилось? — удивленно спросила та. — Тебе плохо?

Тхань отняла другую руку от своей груди и стала рассматривать раздавленные цветки.

— Мы не должны никому ничего рассказывать, ты слышишь? — тихо проговорила она. — Никому.

— Конечно, мы ничего никому не скажем. Если мои родители узнают о том, что я наделала, они меня не выпустят даже в сад.

Хоа Нхай увидела, как омрачилось лицо ее подруги.

— Цветы... теперь они ничего не стоят, — пробормотала Тхань. — Теперь они не принесут счастья.

— Тогда возьми мои, — предложила Хоа Нхай и протянула подруге целые цветки. — Они помогут твоей матери.

Взгляд Тхань не изменился. Она медленно покачала головой:

— Это не поможет. Твои цветы прокляты, как и мои. Лучше выбрось их.

И с этими словами Тхань уронила свою ветку с цветами на землю.

— А как же твоя мать? — спросила Хоа Нхай. — Что ты собираешься делать, чтобы ей стало лучше?

Тхань лишь пожала плечами. Она не знала. Цветы жасмина явно были ее последней надеждой.

Хоа Нхай не решилась выбросить свои цветы, потому что они все еще были прекрасны.

— Я сохраню их, — сказала она. — Если они приносят счастье, я предложу их тебе еще раз. Если же они приносят несчастье, то я все вынесу одна.

Тхань покачала головой:

— Выбрось их, умоляю тебя! Старуха навлечет на нас несчастье. Она прокляла нас своим взглядом.

Однако Хоа Нхай не хотела ничего слышать.

— Она всего лишь старая женщина, — сказала девочка и с ужасом и содроганием потерла руку, которую так крепко держала в своей руке смотрительница. — Она никому ничего не может сделать.

— Но она ведь что-то тебе напороочила!

— Это был просто бред, разве ты не слышала? Мы не уедем отсюда, и ты это знаешь точно так же, как и я. Мы останемся со своими семьями.

Но у Тхань был такой вид, словно она не верила своей подруге.

— Если ты хочешь сохранить эти проклятые цветы, то хотя бы спрячь их как следует, чтобы никто не нашел, а я посмотрю, может, мне удастся сохранить жизнь своей матери другим способом.

— А если она уйдет из жизни, я попрошу моих родителей, чтобы они взяли тебя к нам. И тогда ты будешь моей сестрой, это я тебе обещаю.

Хоа Нхай протянула подруге руку. Тхань робко взяла ее, и таким образом они скрепили свой союз.

Мелани опустила листки. Эта сказка странным образом тронула ее. Кто же это

написал? Неужели ее прабабушка?

Полюбовавшись еще некоторое время красивым почерком, Мелани снова сложила бумагу и засунула ее в конверт. Фотографию же она рассматривала еще долго. Кто были эти девочки? Ни одна из них, казалось, не была похожа на Ханну.

Мелани решила расспросить об этом прабабушку, когда выполнит хотя бы часть работы. Она спрятала фотопластинку обратно в конверт, положила его рядом с дверью, чтобы не забыть, когда снова пойдет вниз, и принялась за работу.

Мелани вытащила из ящиков и сундуков кое-какие вещи, которые выглядели еще вполне пригодными. Часть одежды пострадала от моли, хотя и незначительно, однако ее все же можно было починить. Мелани извлекла также шляпы, перчатки и старые палантины. Пока она перебирала тюль и сатин, время от времени находя даже бархат и нежный шелк, она впервые за много дней не думала непрерывно о своем мобильном телефоне. И лишь после того, как Мелани разобрала первый штабель ящиков, она снова вспомнила о нем. Телефон лежал там, где она его оставила. В нем не было никаких новых сообщений.

В полдень Мелани с конвертом в руке пошла вниз. Мимоходом она заметила во дворе большой красно-белый туристический автобус. С нижнего этажа доносились голоса посетителей. Несколько женщин смеялись. Запах сигарет поднимался вверх через открытые окна. Очевидно, мужчины-туристы предпочли вместе с водителем автобуса устроить маленький перекур, вместо того чтобы изучать моду прошедших столетий.

На жилом этаже, напротив, было тихо. Дверь салона была открыта. Неужели Ханна там?

Войдя в салон, Мелани увидела прабабушку. Она сидела у окна, погруженная в свои мысли. Ее палка стояла рядом с ней. На этот раз Ханна была одета в синий аозай и выглядела так, словно снова могла пройти пару шагов без посторонней помощи.

— Я не помешаю? — осторожно спросила Мелани.

Ханна обернулась. У нее был такой вид, будто она проснулась ото сна.

— Нет, дитя мое, ты мне не мешаешь. Как продвигается работа на чердаке?

— Очень хорошо, — ответила Мелани. — У меня такое чувство, будто это занятие идет мне на пользу. Я нашла много вещей для твоей выставки. Некоторые платья немного пострадали, но их можно починить.

— Это меня радует. Давно пора обновить выставку.

— У вас снова посетители, как я вижу.

— Да, это туристическое бюро любит возить сюда своих клиентов. Недавно здесь побывала даже группа из Китая, представь себе!

— Это же прекрасно!

— Конечно. И я надеюсь, что однажды несколько моих земляков найдут сюда дорогу. Но у тебя такой вид, будто на сердце у тебя нечто иное.

Мелани кивнула и протянула Ханне конверт.

— Вот это упало на меня, когда я приподняла один из ящиков. Я заглянула туда.

Ханна некоторое время рассматривала конверт. По выражению ее лица невозможно было догадаться, рада она этой находке или нет. Мелани поняла: ее прабабушка знает, что спрятано в конверте.

— Ты прочитала эту историю?

Мелани кивнула.

— Две девочки, забравшиеся в жасминовый храм. Красивая история, хоть и немного

страшная.

Улыбка скользнула по лицу Ханны, когда она положила конверт на стол и вытащила оттуда листки бумаги и фотографию.

— Это ты написала ту историю? — продолжала спрашивать Мелани. — Ты знаешь, кто эти девочки на фотографии?

Ханна пододвинула к себе фотографию и некоторое время рассматривала ее. Улыбка пожилой женщины стала печальной, почти тоскливой.

— Да, это написала я, — призналась Ханна. — Я сделала это для Марии, она любила всякие истории и особенно эту, про жасминовых сестер. Она всегда спрашивала, что было дальше, но я никогда ей этого не рассказывала, и однажды она просто забыла о ней.

— Значит, у этой истории было продолжение?

— Конечно, было. И, наверное, она продолжается, ведь я еще не умерла.

Мелани удивленно уставилась на прабабушку:

— Неужели ты — одна из этих девочек?

Ханна кивнула:

— Да, много лет назад меня звали Хоа Нхай.

Некоторое время она молчала. Казалось, она прислушивалась к тому, как звучит это имя. Затем Ханна пальцем указала на лицо девочки, той, которая была моложе.

— Вот это я.

— Значит, другая девочка — Тхань?

Ханна кивнула.

— Да, это моя названная сестра Тхань.

На ее лице промелькнула улыбка, в которой отразилась любовь.

— Все, что ты прочитала, — правда. Однажды она забралась в наш сад. И с того момента наши судьбы долгое время были связаны.

Улыбка исчезла так же быстро, как и появилась.

— Есть причины, почему я до сих пор никогда не рассказывала тебе о ней. Этой историей я хотела воздвигнуть ей памятник, но у меня не хватило мужества рассказывать дальше. Если Мария помнит эту историю, она, наверное, думает, что это просто вымышленный персонаж. Твоя мать ничего об этом не знает. Она не знает даже, что когда-то меня звали Хоа Нхай.

— Хоа Нхай — красивое имя, — констатировала Мелани и снова посмотрела на фотографию.

Она знала этот вьетнамский обычай — давать детям имена, значение которых указывает на то, чего родители ожидают от своих отпрысков. Чаще всего имена мальчиков означали силу, мудрость и мужество, а имена девочек были связаны с красотой, поэтому среди них так часто встречались названия цветов.

Ханна ни разу не рассказывала о своих родителях. И, вообще, ее детство никогда не было темой для разговоров.

— Твои родители попали прямо в точку. Цветки жасмина очень красивы. И ты тоже очень красивая.

Ханна рассмеялась и махнула рукой:

— Наверное, они назвали бы меня так даже в том случае, если бы я была уродиной. Такое часто бывало. Иногда девочке давали красивое имя, а после она становилась настолько малопривлекательной, что родители старались поскорее найти ей мужа, чтобы, по

крайней мере, использовать притягательность молодости.

— А почему ты сменила свое имя?

— Было множество обстоятельств, которые к этому привели.

— Ты никогда об этом не говорила.

Ханна взглянула на правнучку:

— Бывают истории, которых лучше не рассказывать. Или если рассказывать, то только в нужный момент.

Мелани опустилась на табуретку перед ротанговым креслом. Свежий бриз повеял из окна и смахнул ей на лицо несколько прядей.

— Я хотела бы узнать еще кое-что о твоей жизни, *grand-mère*.

Ханна ничего не сказала на это, но посмотрела на Мелани долгим испытующим взглядом.

— Значит, ты нашла мои платья?

— Да, насколько я могу судить, у тебя много одежды в стиле сороковых и пятидесятих годов. Тогда ты была королевой парижских шляпниц.

Ханна фыркнула и отмахнулась:

— Ах, какая там королева! Я была одной из многих. Журналисты гонялись за мной лишь потому, что у меня азиатская внешность и довольно известная фамилия, а мой муж был ранен на войне. Историю моей жизни не стыдно было рассказывать — в отличие от некоторых других, которые во время войны покрыли себя позором.

— Но тем не менее ты была достаточно богатой, чтобы позволить себе такие прекрасные платья.

— Поройся лучше, и тогда ты найдешь совершенно другие платья, — посоветовала правнучке Ханна. — Если ты отыщешь хотя бы одно из одеяний, сшитых до того, как я стала «королевой шляпниц», я с удовольствием расскажу тебе историю о нем.

Мелани взглянула на конверт:

— А что же случилось с девочками? С твоей сестрой? Какое продолжение у этой истории? Ну, *grand-mère*, пожалуйста, рассказывай дальше! Конверт ведь не случайно лежал там наверху!

Прежде чем Ханна успела ответить, из-за угла появилась Мария. У нее был немного озабоченный вид.

— Что случилось, дитя мое? Ты выглядишь так, словно вот-вот взлетишь на воздух, — спросила Ханна, заметив плохое настроение дочери.

— Одна из туристок повредила витрину. На стекле образовалась большая трещина. Мне придется вызвать стекольщика, чтобы он заменил стекло.

— А разве Томас не сможет это сделать? — спросила Мелани.

— Он не стекольщик. Кроме того, это ведь дело страховой компании, мы сами не имеем права просто так взять и залатать витрину.

— А какой витрине досталось? — осведомилась Мелани.

— Той, в которой выставлено свадебное платье конца девятнадцатого — начала двадцатого века. Может быть, ты поможешь мне перенести этот экспонат в более безопасное место? Манекен довольно тяжелый.

— Ну конечно, бабушка!

Мелани быстро последовала за Марией вниз. Туристический автобус как раз выезжал со двора.

Зал для экспозиций, в котором были выставлены модели, сохранившиеся лучше других, каждый раз заставлял Мелани затаить дух — и это несмотря на то, что она видела эту одежду, пожалуй, сотни раз. Она хорошо помнила, как они оборудовали этот зал. Тогда ее мать, она сама и даже ее отец помогали друг другу устанавливать витрины и размещать там экспонаты.

Легкая грусть охватила Мелани при этой мысли. Как давно она ничего не слышала о своем отце! После развода с ее матерью, состоявшегося несколько лет тому назад, он просто исчез. Он выплатил ей щедрую компенсацию, однако после судебного заседания, освободившего его от обязательств, больше не давал о себе знать никому, даже собственной дочери. Мелани не знала, где он живет. За это время она почти никогда не думала о нем, что было очень печально, потому что, собственно говоря, у них были хорошие отношения — по крайней мере до того, как обнаружился его роман и отец отдал предпочтение другой женщине.

Удар пришелся по самому низу витрины. К сожалению, на подоле платья было два разрыва, да и кружева чуть-чуть пострадали.

Мелани, словно окаменев, стояла перед витриной. Свадебное платье... Она вспомнила, как думала о нем, когда ехала из аэропорта, исполненная планов на будущее. Немного позже эти планы рассыпались из-за дорожной аварии, в которую попал Роберт. Разбитая витрина показалась Мелани символом того, что произошло за это время, потому что, если не случится чуда, она уже не выйдет замуж. Во всяком случае, не за Роберта. А может быть, и вообще ни за кого.

— Неужели кто-то попал в стекло своей палкой? — спросила Мелани, чтобы отогнать угнетавшие ее мысли, и указала на кучу осколков.

— Ты угадала! — ответила Мария, обходя осколки на цыпочках. — Одна из женщин слишком быстро повернулась, наверное, чтобы позвать другую — вот тут все и случилось. Как ни глупо, но она порвала платье палкой. Нам придется его латать. — Бабушка громко вздохнула.

— Может быть, нам следует поставить бронированное стекло? — предложила Мелани. — А сигнализация сработала? Я ничего не слышала!

— К счастью, я ее отключила. Пока я нахожусь в помещении, никто ничего не украдет. И, опять же к счастью, другие посетители так испугались, что тут же ушли из зала. Эта пожилая дама заверила меня, что оплатит ущерб, но я не верю, что дождусь от нее хоть какой-то компенсации. Такое иногда случается. В конце концов, она ведь не нарочно ударила палкой по витрине.

Мария говорила об этой женщине так, будто ей самой было не семьдесят семь лет. Это всегда немного сместило Мелани.

После того как они подмели осколки, Мелани помогла Марии вынуть манекен из витрины.

К ее удивлению, платье лишь немного пахло пылью, но не затхлостью. Если оно и дальше будет висеть под стеклом, то любоваться им можно будет и через сто лет.

— Лучше всего отнести платье наверх, в комнату для шитья, — предложила Мария и взяла манекен за ноги.

Мелани взяла его за плечи, очень осторожно, чтобы не повредить хрупкое платье еще больше.

— Вам надо бы подумать о том, чтобы установить здесь небольшой лифт, — заметила



девушка, когда они с бабушкой несли манекен вверх по лестнице. — Или хотя бы что-то похожее на эскалатор. Тогда и grand-mère будет гораздо легче.

— Я уже давно пытаюсь внушить ей эту мысль, но она отвечает, что ей это не нужно. Она считает, что тогда уж лучше мне сразу усадить ее в инвалидную коляску.

— Это, учитывая ревматизм, который ее так мучает, было бы неплохой идеей: тогда она, по крайней мере, могла бы выходить на свежий воздух и ей не пришлось бы сидеть на сквозняках в салоне.

— Ну да. Но ты же ее знаешь. Я подозреваю, что где-то в глубине души она считает себя тридцати-или сорокалетней. А в этом возрасте человек не признает ни инвалидных колясок, ни лифтов. — Мария поставила манекен и, шумно дыша, вытерла пот со лба. — Так что если ты спросишь меня, то я ничего не имею против лифта, особенно в данный момент. А я чувствую себя так, как будто мне не больше двадцати лет.

### 3

После обеда Мелани вернулась на чердак. Ханна ловко уклонилась от ответа насчет ее подозрений, что конверт не случайно оказался на чердаке, но, может быть, надо было дать прабабушке еще немного времени.

После того как Мелани открыла еще один сундук и нашла там очень мало пригодных вещей, вдруг зажужжал мобильный телефон.

Ее сердце сразу же забилося часто-часто. Она выудила мобилку из кармана брюк, и ее плохие предчувствия усилились, когда она увидела номер своей матери. Они договорились звонить друг другу только в крайнем случае. Новостями они обменивались с помощью sms-сообщений.

— Алло, мама, — ответила Мелани.

Кровь шумела у нее в ушах. Время для звонка было необычным. Она не могла сейчас прийти из больницы. Кроме того, на этой неделе у Роберта должна была дежурить Катя, его мать.

— Привет, Мелани.

В голосе Елены прозвучала тревога. Мелани вздохнула:

— Что нового, мама? Неужели что-то случилось?

— Только что мне позвонила Катя. Доктор Паульсен хочет сделать Роберту эндоскопию легких. Ее просили дать согласие на это, но она хотела, чтобы ты тоже была проинформирована.

Мелани опустила на один из сундуков:

— А что, у него что-то не так с легкими?

— Врачи говорят, что они обнаружили там какой-то очаг. Это может быть небольшим воспалением. Они хотят посмотреть и, если нужно, взять биопсию, чтобы быть уверенными.

— У Роберта воспаление легких? — Мелани встревоженно вскочила на ноги.

— Предположительно. Врачи точно не знают, но хотят принять меры до того, как обнаружится что-нибудь хуже. Еще одно воспаление легких или бронхит в его состоянии — это плохо.

Мелани почувствовала, как завибрировал ее желудок. Она с ужасом вспомнила о бронхите, который развился у Роберта почти сразу после аварии и который был следствием того, что пришлось поддерживать его дыхание через шланг.

— Мелани?

Только сейчас она заметила, что молчит уже несколько секунд.

— Да, я слушаю, — быстро сказала девушка, пытаясь подавить всхлип, который рвался у нее из горла. — Когда... Когда они хотят это сделать?

— Сегодня после обеда, в пять часов. Катя считает, что это обычная рутинная процедура, хотя ей пришлось для этого подписать целую кучу бумаг.

Желудок Мелани сжался.

— Ладно. Ты сообщишь мне, как прошло обследование?

— Катя хотела сама позвонить тебе, как только Роберта вывезут из операционной. Завтра я съезжу туда и поговорю с ней. К сожалению, мне врачи не говорят, что происходит. Конечно, было бы лучше, если бы они рассказали мне обо всем, но так уж получилось, что я не его мать, — вздохнула Елена. — А как там у вас дела? — сменила она тему, однако ей не удалось успокоить Мелани.

— Хорошо... Я убираю на чердаке.

— На чердаке?

— Ну да. Я, собственно, не выношу отсюда все вещи. Я просто должна найти для Ханны несколько новых экспонатов. Ты не поверишь, сколько всего тут скопилось.

В другое время эта фраза прозвучала бы весело, но теперь она была произнесена глухим, еле слышным голосом. Сейчас Мелани не хотелось говорить об этом. И Елена это почувствовала.

— Хорошо, тогда не буду тебя отвлекать. Позвоню, как только что-то узнаю.

— Спасибо.

После того как Елена нажала на «отбой», Мелани некоторое время молча смотрела на телефон. Вся положительная энергия, которой она зарядилась с утра, улетучилась в одно мгновение.

Слово «обследование» звучало тревожно. А что, если есть другая причина? А вдруг врачи обнаружат у него рак? Или рану в легких, которую они сначала не заметили? Мелани ненадолго задумалась, стоит ли ей вернуться в Берлин, но поняла, что она ничем не сможет помочь, и с тяжелым сердцем решила остаться.

Девушка посмотрела на сундуки, увидела, как блестят пайетки на платьях. Душевный подъем — продолжать работать и извлечь на белый свет еще больше одежды, а может быть, и еще несколько воспоминаний прабабушки, — моментально исчез. «Я сделаю это завтра, — сказала себе Мелани. — Если с Робертом все будет хорошо. Может быть, мне стоит посидеть немного у озера и подумать?»

С мобильным телефоном в руке она спустилась вниз. В музее снова были посетители, поэтому Мелани покинула здание через запасной выход и пошла по направлению к озеру. Краем глаза она заметила Томаса, который как раз вырезал старые ветки из живой изгороди. Девушка была рада, что на этот раз он не заговорил с ней.

Выйдя на берег озера, она бросила взгляд на широкую водную гладь. В голове у нее вертелось множество мыслей, но она не могла ухватиться ни за одну из них.

В конце концов Мелани уселась на большой валун, который когда-то давно заблудился, застрял на берегу и остался там навсегда. Обычно на нем сидели птицы, греясь на солнышке, и Мелани поняла, почему это было их любимое место. Солнце нагревало камень, что среди лета, конечно, было весьма неприятно, но сейчас было очень здорово чувствовать его тепло и при этом быть со всех сторон окруженной камышом и кустами. Лишь лебедь мог видеть ее, но у него были свои заботы, и он продолжал кружить по озеру.

— Мелани, вот ты где! — Из-за угла появилась Ханна. Она тяжело опиралась на палку. По ее лицу было видно, что ей больно, но она осознанно шла на это, лишь бы не сидеть без дела. — Что ты здесь делаешь? — спросила она. — А я думала, что ты продолжаешь расчищать чердак.

— Роберту сегодня после обеда будут обследовать легкие, — устало ответила Мелани. — Врачи подозревают воспаление или нечто в этом роде. Мама только что мне позвонила.

Ханна тяжело вздохнула:

— По-видимому, боги не хотят над нами сжалиться. Тут на камне есть еще немножко места для меня?

— Конечно. — Мелани подвинулась в сторону. — Может быть, принести тебе из дома подушку?

Однако для Ханны твердый камень, казалось, не представлял неудобств. Она уселась рядом с Мелани, отставив в сторону палку, и одной рукой обняла правнучку.

Мелани ожидала, что она скажет что-то вроде «Да ладно, все будет хорошо», но прабабушка молчала. Через некоторое время девушка бросила взгляд на часы. Четверть третьего. Еще три часа. И кто знает, что будет потом.

— Ты была права, это я отнесла конверт наверх, — неожиданно сказала Ханна. При этом ее рука оставалась на плече Мелани. — Мне пришлось потратить очень много времени на то, чтобы подняться по лестнице. Если бы меня застукала Мария, она прочитала бы мне продолжительную лекцию. Но я хотела, чтобы ты нашла эту фотографию. И начала задавать вопросы.

— Почему? — спросила Мелани.

— Как я уже говорила, для каждой хорошей истории нужен подходящий момент. Последние месяцы я очень часто беспокоилась о тебе. Выдержишь ли ты все это, и как ты это перенесешь. Когда твоя мать рассказала мне об обмороке, в голову мне пришла идея насчет чердака. Ну, и к тому же... Я уже давно думала над тем, стоит ли рассказывать тебе свою историю. Есть очень много такого, что я уже давно ношу в себе. Мне кажется, что наступает пора доверить это кому-то, прежде чем я уйду к своим предкам.

— Не говори так! — воскликнула Мелани и подняла голову.

Мысль о том, что она может потерять еще одного любимого человека, показалась ей невыносимой — пусть даже она пока еще не совсем потеряла Роберта.

— Мне девяносто шесть лет, я имею право так говорить! — улыбаясь, возразила Ханна. — Я не собираюсь побить рекорд француженки-долгожительницы, так что уж лучше не буду рассчитывать прожить еще тридцать лет. Авария, в которую попал Роберт, еще раз наглядно показала мне, насколько все это преходяще. То, что я вообще еще жива, само по себе является большим счастьем! За все эти годы судьба многократно пыталась укоротить мой срок, но я до сих пор жива, и пора бы мне рассказать тебе о некоторых вещах. Не потому, что мне скучно, а потому, что я хочу, чтобы ты почерпнула силы из того, что услышишь. А они могут тебе понадобиться.

Как она может набраться сил из истории своей прабабушки? Но тем не менее Мелани кивнула.

— Ты должна знать, что можно прожить с человеком многие-многие годы, может, иногда даже половину столетия, и все-таки не знать его до конца. Всегда существуют ниши, в которых прячутся разные вещи, как на чердаке какого-нибудь дома. Никогда люди не расскажут нам все свои истории. Даже я кое-что навсегда оставлю при себе. Есть много

такого, о чем я до сих пор не говорила никому, даже твоей бабушке и твоей матери, но тебе расскажу. Если ты этого хочешь.

Мелани кивнула:

— Конечно, пожалуйста, *grand-mère*, Расскажи. Возможно, тогда время пройдет быстрее, пока...

— О, моя история не должна быть для тебя способом убить время. Оно проходит даже тогда, когда ты просто смотришь на озеро. Или читаешь книгу. Воспринимай это как путешествие.

— Хорошо.

Ханна еще какое-то время смотрела на Мелани, потом перевела взгляд на озеро, где все еще величественно плавал кругами лебедь, а взлетающие утки наводили рябь на зеркальную гладь воды.

#### 4 Сайгон, 1917

Мало того что я была вьетнамкой, я еще и росла в очень хороших условиях. Мой отец занимал высокую должность в администрации колониального правительства. И это возбуждало у некоторой части местного населения настоящую ненависть. К *tâu*, как я называла французов, некоторые люди относились очень враждебно. То же самое относилось к местным жителям, которые работали на чужеземцев.

Но этого я, будучи ребенком, не замечала. Кроме того, я не любила играть с другими детьми, а предпочитала сидеть в саду и мечтать.

Благодаря работе отца у нас было все, что нужно, и даже больше. Мы жили в красивом белом доме с огромным садом, и, когда я достигла определенного возраста, у меня появился учитель, который учил меня считать, писать и говорить по-французски. Я очень любила рисовать, и больше всего — вечерние платья француженок. Я не могла насмотреться на роскошную ткань и затейливый крой платьев.

Хотя у моей матери тоже были такие платья (время от времени моих родителей приглашали к себе французы), она настаивала на том, чтобы дома я носила только аозай, как и она сама. Однако их шили по ее заказу лишь из шелка, и мне грозило суровое наказание, если я слишком сильно их пачкала.

Ярче всего в моей памяти запечатлелись визиты французов в наш дом. Иногда они приходили вместе с посланниками императорского двора. Вечерние собрания высшего общества всегда были очень интересными, пусть даже в большинстве случаев мне удавалось наблюдать за ними лишь тайком, потому что моя нянька в такие дни довольно рано отправляла меня спать.

Я уже точно не помню, какую должность занимал мой отец, но он был очень влиятельным человеком. Той нищеты, которая царила в городе и вокруг него, я почти не видела. Но я слышала, как разговаривают между собой наши домашние слуги. Когда разразилась эпидемия холеры, многие из них были очень озабочены судьбой своих родных.

Однажды в мою жизнь вошла Тхань, и с той ночи в храме Семи Солнц мы обе были связаны своими обещаниями. Когда у нее получалось, она приходила ко мне в наш сад. Мне было трудно убегать из-под надзора, особенно днем, когда слуги бдительно следили за мной. Поэтому я была рада тому, что Тхань могла свободно ходить туда, куда хочет, и даже немного завидовала ей.

Однажды она предложила мне пойти вместе с ней в ее хижину.

— Я хотела бы показать тебе нашу лодку, порт и познакомить тебя со своей матерью. Я рассказала ей о тебе, и она очень рада, что я нашла себе подругу.

— Значит, ей стало лучше?

— Нет, но когда я рассказываю ей о тебе, я, по крайней мере, отвлекаю ее от грустных мыслей.

— И ты все еще не хочешь взять у меня цветы жасмина? — спросила я и тут же пожалела об этом, потому что лицо Тхань помрачнело.

— Нет, не нужны мне эти цветы. Я просто хотела бы, чтобы ты пошла вместе со мной ко мне домой. Когда моя мама увидит тебя, она хотя бы на пару часов отвлечется и, может быть, будет спокойно спать. Она непременно хочет познакомиться с тобой.

После ночной прогулки меня мучили угрызения совести по отношению к своим родителям, пусть даже они абсолютно ничего об этом не узнали. Цветы я, конечно, сохранила и спрятала их у себя под кроватью. До сих пор я не почувствовала ни положительного, ни отрицательного их воздействия. Поэтому я оставила жасмин на прежнем месте.

— Хорошо, я пойду с тобой, — сказала я, потому что не хотела расстраивать Тхань. — Лучше всего, если мы проберемся через то место в заборе, где ты всегда проходишь, когда идешь сюда.

Я сама испугалась своей отваги. Если слуги заметят, что меня нет, они поднимут тревогу. И моя мать, без сомнения, посадит меня под домашний арест на целый месяц. Но я не могла поступить иначе. Если я могла поспособствовать тому, чтобы мама Тхань пожила хотя бы еще немного, я готова была пойти на риск.

Таким образом, мы с подругой пролезли через живую изгородь, в которой был просвет, достаточный для того, чтобы через него могла пробраться худенькая девочка. Спешившие мимо прохожие удивленно озирались на нас, однако им не было до нас никакого дела.

Когда мы шли по дороге в храм, я уже увидела часть города, но это было ничто по сравнению с тем, что показала мне Тхань. Нищета, которую великодушно маскировала ночь, теперь была видна во всех подробностях, так что едва можно было бы поверить, что речь идет об одном и том же городе. В той части, где жили французы, улицы были вымощены брусчаткой, они были чистыми, а дома — светлыми и высокими, и там же имелись парки с прекрасными цветами. Зато в нижней части города многие улицы занесло илом и грязью, в канавах гнили отбросы и дохлые крысы, а люди, стараясь не дышать, спешили быстрее пройти мимо.

Меня охватил ужас, когда я увидела лежащую посреди дороги мертвую собаку. Казалось, по ее черепу проехала повозка. Кровь стекала в лужу. Собаку убили, очевидно, совсем недавно, потому что кровь еще не свернулась.

— Это приносит счастье и удачу, — заметила Тхань, когда увидела, на что я смотрю.

— Увидеть мертвую собаку — хорошая примета? — в ужасе спросила я. — Но почему? Тхань пожала плечами:

— Этого я не знаю. Старые люди так говорят, а молодые в это верят.

Я с отвращением отвернулась. Одновременно я спросила себя, как суеверные люди могут верить в такие ужасные вещи.

Через пару улиц мы добрались до Телона[8]. Об этом месте мои родители никогда не говорили, зато много говорили слуги. Здесь, по их словам, было полным-полно опиумных притонов. И французы, и вьетнамцы ходили туда, чтобы забыть свои заботы, или для того,

чтобы найти свою смерть в состоянии наркотического опьянения. Тогда я, конечно, не имела ни малейшего понятия о том, что такое на самом деле опиум, однако истории о местах, где люди употребляли его, будили мою фантазию, и я представляла себе, как на самом деле может выглядеть такой притон внутри.

— А ты знаешь, где находится опиумный притон? — прошептала я Тхань, и мне показалось, что все люди на улице уставились на меня.

Мой тонкий аозай бросался в глаза еще в бедном квартале, правда, там у людей было слишком много собственных забот. Здесь же, как мне казалось, все буквально сверлили меня взглядами.

— Вон там, на той стороне, один из них! — храбро объяснила мне Тхань и указала на здание слева от нас.

Это было деревянное строение, стены которого были покрыты синей краской. Над дверью кто-то прицепил металлического дракона. Рядом висел китайский фонарик с синими кистями. Маленькие окна были закрыты темными занавесками.

Это было совсем не похоже на то, что я представляла себе в своих фантазиях.

— Ты уже бывала в таком домике? — спросила я, потому что думала, что Тхань способна на все.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, туда детей не пускают. Даже тогда, когда они просят опиум для своих больных матерей.

Тхань печально опустила голову.

— Значит, ты уже пыталась?

— Да, потому что я слышала от рыбаков, что опиум заглушает боль. Но, даже если бы меня туда и пустили, у меня все равно не хватило бы денег. Империя дракона — очень дорогое удовольствие, слишком дорогое, если человек живет только ловлей рыбы.

— Ах, какие красивые девочки! — прозвучал вдруг позади нас чей-то певучий голос.

Голова Тхань моментально повернулась туда. Я заметила, как ее глаза расширились от страха.

Когда я обернулась следом за ней, то уперлась взглядом в морщинистое лицо какой-то старухи. Она улыбалась, но эта улыбка не соответствовала выражению ее глаз, которые пристально и оценивающе смотрели на нас.

Тхань схватила меня за руку. Я сочла, что мы должны поздороваться с этой старухой, но еще до того как я успела это сделать, Тхань дернула меня в сторону и потащила за собой. Мне не оставалось ничего иного, кроме как успевать за ней. А она мчалась так, словно за нами гналась целая свора диких собак.

— Давай же, быстрее! — подгоняла меня Тхань, когда ей стало трудно тащить меня за руку. — Нам нужно убежать отсюда!

Мы мчались по грязи, брызги которой попадали на тонкий шелк моей одежды.

— А что это за женщина? — спросила я, когда Тхань наконец замедлила бег и отпустила мою руку, потому что я уже и сама успевала за ней.

— Это одна из тех, кого ты должна опасаться, — задыхаясь, сказала она. — Это продавщица девственниц. Она заставляет называть себя «тетя» и берет под свое покровительство девочек, сбегавших из дому. Затем, когда девочки достигают нужного возраста, она продает их девственность мужчинам.

— Девственность? А что это такое? — Это слово я слышала в первый раз.

Тхань остановилась и удивленно покачала головой:

— Как, ты этого не знаешь?

— Нет.

Мне показалось, что это то, о чем и самой Тхань еще рано было знать. Когда она в конце концов объяснила мне, что это такое, у меня запылали щеки и я поняла, о чем иногда шептались девочки-служанки.

— Говорят, что если мужчина силой возьмет девственницу, то это принесет ему счастье и удачу, — добавила Тхань.

При этих словах перед моими глазами опять возникла раздавленная собака, и вдруг меня охватил сильный страх. Мне стало еще страшнее, чем тогда, перед хранительницей храма, чьи слова я уже успела вытеснить из своей памяти.

— Как далеко до хижины твоей матери? — спросила я и настороженно оглянулась через плечо.

К счастью, старуха не стала нас преследовать.

— Уже недалеко. — Теперь и Тхань стала спокойнее. — Моя мать всегда предупреждает, чтобы я держалась подальше от таких женщин, как эта, — сказала она. — Мы не должны рассказывать ей, что встретились с этой торговкой, слышишь? Это всегда очень расстраивает ее.

Я могла это понять. Какая мать хотела бы, чтобы ее дочь изнасиловали? Чтобы она, вся окровавленная, лежала в придорожной канаве лишь потому, что какой-то мужчина захотел, чтобы ему сопутствовала удача?

Через некоторое время мы добрались до порта, где между пароходами и моторными лодками покачивались джонки и маленькие парусники. Красные паруса джонок всегда напоминали мне спинные плавники дракона, и, наверное, создатели этих кораблей пытались воплотить именно этот образ. Возможно, они также верили, что такая форма паруса приносит кораблю удачу, однако сегодня после обеда я начала сомневаться в приметах, якобы суливших людям счастье и удачу. Цветы жасмина из старых храмов, драконы, раздавленные собаки, обесчещенные девственницы... Я не видела в этом никакой связи.

О хижине Тхань у меня тоже было свое романтическое представление, но вид жилища моей подруги разочаровал меня еще больше, чем опиумный притон.

У притонов был простой и даже безобидный вид, а вот дом Тхань представлял собой обыкновенный сарай, сделанный из дерева, жести и рисовой бумаги. Настоящей крыши у него не было. Но все же он стоял на сваях, так что вода не сразу добиралась до него, когда ее уровень в Меконге повышался. По правде сказать, эти деревянные сваи были усеяны ракушками и казались довольно дряхлыми. Любая мощная волна сразу же разрушила бы их и унесла жильцов этого дома в пучину, на верную гибель.

— Нам еще повезло, что мы живем не в квартале бедняков, — сказала Тхань, когда мы подходили к ее скромному жилищу. Ее, казалось, не смущал вид их хижины. — Мы, может быть, живем так же бедно, как и они, но зато утром я всегда вижу воду и у меня есть своя лодка, на которой я могу уплыть в направлении моря.

Я была потрясена. Здесь ведь невозможно было жить! Тем более такому тяжелобольному человеку, как мама Тхань.

— Идем со мной, — весело сказала моя подруга и стала карабкаться вверх по шаткой лестнице.

Я последовала за ней, несмотря на то что гнилое дерево оставляло зеленые следы на

моем аозай. Мой наряд все равно уже был испорчен.

Внутри было тихо и спокойно. Я не могла припомнить, чтобы когда-нибудь в нашем доме бывала такая всепоглощающая тишина. Конечно, там тоже никто не кричал, но всегда были слышны какие-то звуки: дребезжание кастрюль, разговоры слуг, музыка, которую слушала моя мать, заведя граммофон. Здесь же, казалось, тишина заполняла каждый уголок маленького помещения.

— Мама, я уже вернулась! — крикнула Тхань, торопливо подходя к деревянной бочке с водой и наполняя миску.

Мне стало не по себе, и я остановилась у двери. Я была потрясена нищетой, царившей в хижине. И запах здесь был ужасным: воняло рыбой и болезнью.

Мать Тхань не отвечала.

— Мама? — снова позвала Тхань.

Но было по-прежнему тихо. Моя подруга исчезла за занавеской, а я все еще не решалась подойти поближе. Мой взгляд упал на циновки из рисовой соломки, которыми был покрыт пол. Они были грязными и дырявыми. Трудно было представить, чтобы кто-то захотел ступить на них ногой, а ведь у Тхань даже не было обуви!

Жалобный крик разорвал тишину.

— Тхань, что случилось? — спросила я и, когда она заплакала, тоже бросилась туда, за занавеску.

И тут я впервые в своей жизни встретила со смертью. Она превратила мать Тхань в тихую, бледную, погруженную в себя куклу, от которой исходил странный запах болезни.

В то мгновение, когда я увидела Тхань, склонившуюся над телом мертвой матери, я поняла, что наступило время сдержать свою клятву. Я не имела ни малейшего понятия, как это сделать. Мои родители ни за что не потерпят у себя в доме такую девочку, как Тхань. Но я, по крайней мере, должна была хотя бы попытаться это сделать.

Прошло довольно много времени, прежде чем могильщики забрали мать Тхань, и еще больше времени понадобилось на то, чтобы убедить Тхань пойти ко мне домой. Во всем ее теле, казалось, сидел ужас. Пока я уговаривала ее, у меня было такое чувство, будто мысленно она находится очень далеко и даже не слушает меня.

Я дергала ее за руку, умоляла, может быть, еще и потому, что была не уверена, что в одиночку найду дорогу домой. Между тем уже стемнело, и мысль о том, что мне придется бежать через Телон, внушала мне еще больший страх, чем воспоминание о дальней дороге к храму Семи Солнц.

Наконец Тхань встала, но ее лицо оставалось окаменевшим. Когда она повернулась и пошла к заднему выходу из дома, мне показалось, что она хочет броситься в воду. Но прежде чем я успела схватить ее за руку, она сказала:

— Я хочу взять с собой кое-что из вещей.

Ее узелок был очень маленьким. Я спрашивала себя, что она вообще туда положила, ведь у нее почти ничего не было. Пока море позволит, ее хижина будет принадлежать ей. Но что будет дальше?

Когда мы шли через Телон, я обнаружила, что темнота изменила вид этого района. По улицам фланировали ярко разукрашенные женщины, которые постоянно улыбались и приставали к проходящим мимо мужчинам. Перед опиумным притоном горели китайские фонарики (я подумала, что каждый дом, на котором висели такие фонарики, был опиумным притоном). То, что здесь была масса баров и борделей, которые освещались точно так же, я



узнала намного позже. Острый, противный запах доносился из некоторых дверей, и почти во всех окнах горел яркий белый или красный свет.

К счастью, я напрасно испуганно оглядывалась, боясь встретить продавщицу девственниц. Вместе с тем у меня сложилось впечатление, что Тхань уже не испугалась бы, пояись старуха снова позади нас. Моя подруга не говорила ни слова. Она молчала даже тогда, когда мы оставили позади Телон и кварталы бедняков. Тхань вяло переставляла ноги, а ее взгляд был обращен в пустоту.

И лишь тогда, когда мы приблизились к моему дому, она подняла глаза.

— Твои родители меня не примут, — сказала Тхань печально.

— Примут, — возразила я и взяла ее за руку. — Я сделаю все для того, чтобы исполнить свое обещание.

Моя мать, конечно, за прошедшее время заметила мое отсутствие. Или, точнее говоря, она уже приказала разыскать меня. Моя нянька, очень расстроенная, ожидала меня у ворот. Она бросилась ко мне навстречу, размахивая руками, словно испуганная курица-наседка, и изрыгая одно проклятие за другим. Ей не разрешалось притрагиваться ко мне, моя мать ей запрещала, но в этот момент было похоже на то, что нянька нарушит запрет и надерет мне уши.

При виде Тхань она удивленно остановилась.

— А это еще кто?

— Это Тхань. Я хочу представить ее своей матери.

Вид моей подруги, и без того жалкий, перед лицом враждебно глядящей на нее няньки стал еще печальнее.

— Ты хочешь ее... — У няньки слова застряли в горле. Она схватила меня за плечо. — Сначала иди в дом, я хочу, чтобы ты была чистой, прежде чем получишь наказание от своей матери.

— А что будет с Тхань? — осмелилась спросить я.

— Посмотрим. В любом случае в таком виде перед госпожой она не появится!

Нянька потащила нас за собой. Тхань безропотно позволила делать с собой все, что хотела нянька. Она даже не пискнула, когда нас обеих засунули в лохань с водой и грубо стали смывать с нас грязь. У меня было такое чувство, будто с меня живьем снимают кожу, и я громко кричала, но ничего не помогало.

С горячей кожей и опухшими глазами я в конце концов очутилась перед своей матерью, которая сидела в салоне на французской софе. На ней было светлое вечернее платье, наверное, она ходила в нем в гости к одной из своих знакомых. Щеки матери были очень бледными, а взгляд — острым как лезвие ножа.

— Где ты была? — ледяным голосом спросила она.

Моя мать никогда не повышала голоса, однако я слишком хорошо знала, что этому спокойному тону доверять нельзя. Лишь ее высокое положение в обществе удерживало ее от того, чтобы надавать мне пощечин или отругать меня, как это сделала бы простая вьетнамка. Однако ее злость по отношению ко мне была такой же огромной, как и злость других матерей, которые боялись за своих детей.

— Кто это? — Мать подбородком указала на Тхань. Ее глаза заблестели. — Это с ней ты где-то шлялась?

— Это моя подруга, — честно ответила я. У меня почти не было надежды на то, что татап позволит мне высказать мою просьбу, но я ведь дала обещание Тхань. — Ее мать

сегодня умерла, поэтому меня так долго не было.

Мама умерла Тхань взглядом с головы до ног.

— А как звали твою мать? — спросила она после.

— Бин Нгуен, — ответила Тхань тихим голосом. — Она долго болела.

— А где твой отец?

— Он уже давно умер. Я его не знала.

Мать вздохнула. Выражение ее лица не изменилось.

Я чувствовала себя так, словно стояла на раскаленных углях. Моя мама всегда подчеркивала, как важно быть милосердной, потому что поведение человека на земле определяет его судьбу на том свете. Я надеялась, что она и сейчас помнит об этом.

— Мама, прошу тебя взять Тхань к нам, — умоляющим голосом сказала я. — У нее нет другого места, где она могла бы остаться, а ее мать не хотела, чтобы она попала в руки к продавщице девственниц.

По тому, как вздрогнула моя мать, я поняла: она знала, что означают эти слова.

— Мы не можем оставить ее у нас.

Скорее, моя мать *не хотела* оставлять ее у нас, и я это почувствовала.

— Я дала обещание, — сказала я. — И ты ведь сама всегда говорила, что нужно помогать другим. Если Тхань попадет в руки к продавщице девственниц...

— Откуда ты об этом знаешь? — спросила мать, однако я не позволила отвлечь себя от того, что хотела сказать.

— Тхань... могла бы работать здесь, у нас в доме. Я могла бы даже отдать ей свою комнату.

— Я хочу знать, откуда ты знаешь про продавщиц девственниц?

— Мы встретили одну из них, и она с нами заговорила.

У моей матери перехватило дух. Я еще никогда не видела ее такой испуганной. И вдруг черты ее лица ожесточились.

— В этом доме есть определенные правила. Одно из них гласит: тебе запрещено покидать дом без сопровождения взрослых и в одиночку бегать по городу.

У меня на языке вертелось возражение, что я ведь была не одна, но я промолчала.

— Тебя могли похитить. Это могла бы сделать одна из тех страшных баб. Ты можешь себе представить, какой ад тебя бы ожидал? А если бы ты попала в руки к кому-нибудь из этих бунтовщиков? — Мать сделала короткую паузу, словно желая дать мне возможность ответить, и потом продолжила говорить, все-таки повысив голос: — Нет, конечно, ты не имеешь ни малейшего понятия о том, что происходит там, на улице! Твой отец тяжело работает ради того, чтобы тебе не пришлось узнать, что это за мир! А ты так просто ставишь на карту свою жизнь!

Звук ее голоса напоминал звон разбитого стекла и так неприятно дребезжал у меня в ушах, что я закрыла глаза и отвернулась. Такой разъяренной я свою мать еще не видела.

Последовало долгое молчание. Оно было еще хуже, чем резкие слова. Я рассчитывала на то, что она отошлет меня в мою комнату и заставит ждать, пока домой вернется отец, чтобы он наказал меня по-настоящему.

— Пожалуйста, накажи меня, мама, но не прогоняй Тхань, — в конце концов сказала я тонким голосом и на всякий случай втянула голову в плечи, ожидая еще одной тирады.

Но в этот момент мне было все равно, я беспокоилась только о Тхань, потому что у нее на карту было поставлено больше, чем у меня. Она не могла оставаться в хижине, в которой

жила до сих пор. Сваи, на которых стояло ее жилище, были гнилыми и обросли ракушками. Если река выйдет из берегов, Тхань погибнет!

Я с мольбой опустилась перед матерью на колени. Что еще я могла сделать, чтобы смягчить ее сердце?

Но выражение ее лица не изменилось.

— Нам больше не нужны слуги, — сказала она, снова и снова бросая взгляд на Тхань.

— Но я недавно слышала, как Ли жаловалась на то, что она не справляется с работой!

Теперь уже мать удивленно посмотрела на меня.

— Когда ты это слышала? — спросила она.

Мать строго руководила слугами. Поэтому они жаловались лишь тогда, когда хозяйки не было поблизости.

— Всего несколько дней назад, — ответила я. — Прошу тебя, мама! Я уверена, что Тхань не захочет брать плату! Ей нужно лишь немножко еды!

Я оглянулась. Тхань застыла, словно превратившись в соляной столб, как тогда в храме, когда ее сковал страх.

Я не знаю, уступила ли бы какая-нибудь другая мать такой просьбе. Но моя лишь сказала:

— Отведи ее вниз, в кухню, и скажи Ли, что сегодня она будет спать у нас. Я не выгоню сироту среди ночи на улицу. Когда твой отец вернется домой, я поговорю с ним о том, что делать дальше.

— Спасибо, мама!

Я низко поклонилась ей и уже хотела повернуться и убежать, но мать удержала меня на месте.

— Ты ведь понимаешь, это вовсе не означает, что она останется у нас? Французы финансируют дома для сирот, и эта девочка тоже сможет там жить.

Я очень рассердилась из-за того, что она уничтожила мою надежду.

— Что же касается тебя, то ты будешь находиться под домашним арестом, который продлится три недели. Я скажу твоему учителю, чтобы в наказание он давал тебе больше заданий. А если ты еще хотя бы раз сбежишь, я отошлю тебя на целый год к бабушке в деревню. Ты меня поняла?

В устах моей матери не было угрозы страшнее, чем та, что меня пошлют в деревню к бабушке, да еще на целый год! Моя бабушка со стороны отца была такой же злобной, как и старой. Пребывание там стало бы для меня адом.

— Да, мама, — подавленно ответила я, после чего она меня отпустила.

Тхань поплелась следом за мной. Она не решалась ничего сказать. Я же в тот момент была рада, что ей разрешили остаться у нас хотя бы на одну ночь.

Наша повариха сразу же полюбила Тхань. Она не только выделила ей чистое место в кухне, но даже дала одеяло, которым укрывалась сама. Для вечно брюзжащей Ли это было очень великодушным поступком.

— Бедная девочка, — пробормотала кухарка таким голосом, который мог бы принадлежать и мужчине, потому что он был очень низким. — У нее нет отца, а теперь еще и мать умерла. Человек без семьи — самое печальное, что может быть на свете.

Семья Ли была очень большой: у нее были родители, родители родителей, дети, племянники, племянницы, тети, дяди, двоюродные братья и так далее. Ее семья жила за городом, в маленькой деревне, и все ютились вместе в одном доме. Работа не позволяла Ли

часто там бывать, но когда у нее случались выходные, она всегда ездила к своей семье. Я спрашивала себя, что она или ее мать сказали бы по поводу Тхань. Может быть, они бы сразу приняли ее к себе...

Мы вместе сидели в кухне и доедали остатки ужина. При этом я заметила, что впалые щеки Тхань немного порозовели, а глаза снова приобрели прежний блеск.

— Все как-нибудь уладится, — пообещала я ей, хотя сама не имела ни малейшего понятия о том, какое решение примет мой отец.

Он всю свою жизнь был большой загадкой для меня, окном, через которое невозможно было ничего увидеть, потому что на нем висела плотная занавеска.

Всю ночь я лежала в постели, мучаясь от боли в животе. Мои родители долго говорили о Тхань. Я слышала их голоса, доносившиеся до моей комнаты, но, к сожалению, они звучали неразборчиво и я могла понять лишь отдельные слова. Больше всего мне хотелось пойти к Тхань, которая спала в кухне, на циновке из рисовой соломки. Я могла бы подслушать разговор родителей, но не решилась на это. Я вытащила цветы жасмина из-под кровати (за это время они уже стали совсем сухими, но для меня это не имело значения) и попросила богов о том, чтобы Тхань осталась у нас. В конце концов я уснула с этой мыслью, и мне приснился страшный сон, в котором мертвая собака ожила и с расколотым черепом гонялась за мной.

Когда утром я проснулась, в руке у меня все еще была веточка жасмина. Больше всего мне хотелось побежать к матери и спросить, какое решение принял отец. Но мы ведь не были обычной семьей, и, таким образом, мне не оставалось ничего иного, как ждать, пока она придет ко мне.

Я надела простой аозай в знак своего раскаяния и пошла вниз, в кухню.

Место, где спала Тхань, было пустым. Страх острыми когтями вонзился в мой желудок. Неужели мои родители на рассвете прогнали ее?

— Тхань наверху, у хозяйки, — проворчала Ли, заметив мой взгляд. — Лучше садись на свое место. После вчерашнего непослушания ты больше не должна позволять себе никаких вольностей.

Я села за кухонный стол. Проходили томительные минуты. Наблюдая за тем, как повариха разжигает огонь, я все время прислушивалась к тому, что делается в коридоре. Когда там раздался звук чьих-то шагов, я нервно повернулась, однако это была лишь одна из девочек-служанок.

Покажется ли Тхань здесь еще хотя бы раз, если ее прогонят? И что потом будет с ней? Я видела, в какой ужас пришла моя мать при упоминании о продавщице девственниц, но достаточно ли этого, чтобы уговорить моего отца?

— А вот и она, — в конце концов проворчала Ли, когда я начала считать годовые кольца на досках стола. — Теперь можешь спросить ее.

Я подняла взгляд. Улыбка Тхань ответила на мой вопрос, прежде чем я его задала.

— Значит, тебе разрешили остаться? — спросила я, когда мы крепко обнялись.

Тхань поспешно кивнула:

— Да, помощницей в кухне.

Я взглянула на Ли. Та безучастно смотрела на огонь, но я предполагала, что мои родители расспросили и ее о работе. Мне очень хотелось поблагодарить кухарку, однако в этот момент она подозвала Тхань к себе:

— Если ты хочешь помогать мне, то сразу же берись за работу, пока госпожа не

передумала.

Таким образом Тхань, хоть и не стала моей сестрой, все же осталась в нашем доме, пусть даже в качестве служанки. Она помогала Ли выполнять работу по кухне и бегала в лавки как посыльная, когда моей матери нужно было сделать какие-то покупки. Я немного стыдилась этого, потому что обещала ей нечто другое. Но Тхань это не смущало, ведь теперь она жила в теплом светлом доме. К работе она привыкла и получала за нее достаточно еды. Моменты, когда она могла отдохнуть, случались нечасто, но все же случались.

— Я счастлива, — заверила меня подруга, когда мы вместе сидели в саду и она закалывала мне волосы наверх, чтобы они были похожи на прическу моей матери. — И я очень благодарна твоим родителям. И тебе. Если бы ты тогда не упомянула о продавщице девственниц...

— Мне кажется, что, скорее, за тебя заступилась Ли, — ответила я. — Ей действительно нужна была помощница, и она, по-моему, довольна тобой.

— Она пообещала взять меня с собой, когда поедет в гости к своей семье. Я думаю, что это очень мило с ее стороны.

— И ты поедешь с ней?

— Конечно, иначе это будет невежливо. Ты так не думаешь?

Она была права. Тем не менее у меня все же осталось небольшое опасение, что однажды она уйдет вместе с Ли. Я боялась, что семье Ли так понравится Тхань, что они захотят удочерить ее, так как при таком количестве людей еще один рот не будет в тягость. В тот день, когда Тхань должна была вернуться назад, я нервно бегала на верхнем этаже дома перед окнами, ожидая, когда же она покажется.

Когда перед дверью нашего дома появились две фигуры, у меня стало гораздо легче на душе. Тхань не осталась в деревне, и я не потеряла свою подругу.

— А что ты думала? — сказала она с лукавой улыбкой, когда я сообщила ей о своих сомнениях. — Родные Ли очень милы и любезны, но я не могла там остаться. У них в доме уже столько людей, что я даже путала их имена. И я не могла бы оставить Сайгон.

Это показалось мне полуправдой, потому что я уже знала: Тхань мечтает о большой семье, особенно после того, как Ли рассказала ей, какое это счастье — иметь многочисленную родню. Однако подруга не хотела меня расстраивать.

После того как я отсидела у своего учителя назначенные мне в наказание уроки и выполнила домашнее задание (он задал мне дополнительные упражнения по французскому языку и каллиграфии, так что я натерла себе мозоли на пальцах ручкой с пером), я попыталась научить Тхань читать и писать. Я заметила, что она иногда стоит под окном моей классной комнаты и внимательно слушает. Когда я заговорила с ней и спросила, умеет ли она писать, Тхань отрицательно покачала головой.

— У моей матери никогда не было денег, чтобы отправить меня в школу. Зато я очень хорошо знаю море и умею ловить рыбу.

— А что бы ты хотела делать позже? Ты ведь не хочешь всю жизнь оставаться служанкой, не так ли?

Задавая Тхань этот вопрос, я спросила себя, что же я сама хочу делать в будущем. Я слышала, что женщины в Европе работают секретаршами или даже учатся в университете. Здесь, в Сайгоне, девушки выходили замуж и рожали детей. Наверное, со мной будет то же самое.

— Я хотела бы когда-нибудь стать врачом, — храбро заявила Тхань. — Чтобы помогать

больным женщинам; тогда им не пришлось бы умирать, как моей матери.

— Но для этого тебе нужно ходить в школу, — сказала я. — А как ты будешь это делать?

И тут у меня появилась идея. Конечно, мои родители не разрешат Тхань брать уроки у моего учителя, но по вечерам, когда она заканчивала работу, я приносила ей свои учебники и учила ее читать и считать. При этом я заметила, что сама гораздо лучше запоминала учебный материал, если проходила его вместе с Тхань.

Учитель был весьма удивлен моими успехами и одобрительно высказался по этому поводу в разговоре с моей матерью. Он даже порекомендовал отправить меня в школу для девочек из богатых семей, после которой я могла бы учиться в высшем учебном заведении. Моя мать, как бы она ни была польщена моими успехами в учебе, похоже, была совсем не в восторге от предложения учителя. Этого она ему, правда, не сказала, но я заметила это по ее лицу. Скорее всего, она возлагала надежду на то, что я выйду замуж сразу же, как только достигну соответствующего возраста.

Однако за это время со мной что-то произошло. Тхань заразила меня желанием учиться в университете. Хотя я не думала, что мы с ней когда-нибудь его осуществим, я позволила себе мечтать вместе со своей подругой. Может быть, я могла бы обучаться искусствам, путешествовать по свету и увидеть все те картины, о которых так мечтательно и с восторгом говорили дамы в салоне моей матери. Я хотела увидеть другие страны, хотела слушать музыку и изучать иностранные языки. Французский давался мне очень легко, если верить моему учителю и дамам из салона. Почему бы мне не овладеть и другими иностранными языками?

Но жизнь очень своенравна, а счастье в то время было похоже на птицу, которая слишком худа для любой клетки. Оно остается с человеком лишь до тех пор, пока само того желает, а затем может запросто упорхнуть.

Я не имела ни малейшего понятия о волнениях, которые время от времени сотрясали страну. Несмотря на то что я довольно рано поняла, что мы не принадлежим к *tâu*, а живем лучше, чем другие, лишь потому, что мой отец служит их правительству, и хотя я также знала, в какой нищете живут простые вьетнамцы, но все же не имела понятия, насколько опасным было брожение в стране. Лишь гораздо позже я узнала, что время от времени вспыхивали восстания, предводители которых чаще всего попадали в тюрьму, и потом их отвозили на Кондао[9] на кораблях, где они сидели в клетках для тигров и доживали свою жизнь, как растения. Однако чем больше людей отправляли на этот остров-тюрьму, тем более беспокойными становились настроения в стране.

Когда однажды, вскоре после окончания сезона дождей, я увидела нескольких разъяренных мужчин с оружием в руках, проходивших мимо нашего дома, я пришла в ужас. У них был такой дикий и решительный вид, что я испуганно отшатнулась от окна, пусть даже они не обратили на меня никакого внимания. Я слышала, как они ругают правительство и императора, а затем до моего слуха донеслись выстрелы винтовок. Разумеется, тут же появилась французская полиция. Между залпами винтовок по всему городу были слышны крики. Люди в панике разбегались. Я не решилась высунуться наружу, потому что Тхань утверждала, что пули из винтовок, не попавшие в цель, могут летать по воздуху как попало. Представление о том, что эти смертоносные кусочки свинца могут летать по саду и убить кого-то из нас, показалось мне ужасным.

Моя мать не подавала виду, что она тоже обеспокоена. Она сидела в салоне с несколькими женщинами, часть из которых были женами правительственных чиновников, а

часть — француженками, мужа которых владели плантациями в глубине страны.

Вечером место моего отца за столом осталось пустым.

— Он, наверное, решает какие-то важные вопросы, — сказала мать, но ее слова прозвучали так, словно она сама себя успокаивала. — После бунта сегодня утром, конечно, кое-что нужно сделать.

— Это значит, что людей снова отправят на Кондао? — спросила я, хотя и знала, что такие вопросы, как этот, были неприятны моей матери.

Но я не могла думать ни о чем, кроме как о выстрелах и пулях, которые иногда убивают ни в чем не повинных людей.

— Да, конечно, если эти люди бунтуют против правительства и императора, они должны быть наказаны.

При этом мать дрожащей рукой поднесла стакан с водой ко рту, выпила глоток и невидящим взглядом уставилась в пустоту.

Мой отец не пришел домой и после ужина. Нянька отправила меня в постель, но, как только она исчезла, я вылезла из-под одеяла и уселась у окна. Оттуда мне было довольно хорошо видно улицу. Однако там были только торговцы, тащившие свои повозки домой, и несколько мужчин, которые, втянув головы в плечи, поспешно перебежали через улицу.

Тем не менее я сидела там в надежде, что что-то произойдет. А потом у меня отяжелели веки и я погрузилась в какой-то странный сон, в котором были солдаты, и огонь, и корабль, на палубе которого стояло несколько дюжин клеток.

Когда кто-то тронул меня за плечо, я испуганно проснулась и увидела перед собой лицо Тхань, освещенное лунным сиянием.

— Там, внизу, какие-то мужчины в форме, — еле дыша, сообщила она. Очевидно, она взбежала вверх по лестнице. — Мне кажется, они говорят о твоём отце.

Мое сердце забилося так сильно, что я стала хватать воздух ртом. Мужчины в форме — это либо полицейские, либо солдаты. Что им здесь надо? Поскольку мой отец вряд ли принадлежал к повстанцам, они же не могут его арестовать!

— Давай пойдем посмотрим, — сказала я, хватая Тхань за руку.

При этом я заметила, что ее пальцы были холодными как лед, словно она чего-то сильно боялась.

Мы вместе прокрались к лестнице. Няньки нигде не было видно, как и других слуг. Зато на нижнем этаже раздавались возбужденные голоса.

Я уловила лишь обрывки фраз, как-то связанные с восстаниями и смертью. Моя голова была не в состоянии свести их воедино.

Последовавший за этим плач моей матери оказался чем-то вроде отсутствующей части мозаики. Мать рыдала так ужасно, что мой позвоночник, как мне показалось, от страха превратился в лед. Мое сознание не хотело верить в это, но сердце уже все знало.

Я молча сидела на корточках рядом с Тхань и смотрела сквозь перила лестницы. Моя подруга, казалось, так же, как и я, поняла, что этой ночью с моим отцом произошло нечто ужасное. Но она ничего не говорила.

Когда взрослые в конце концов вышли в холл, жизнь снова вернулась к нам. Мы быстро шмыгнули наверх в мою комнату. Там мы уселись на пол.

— Он мертв, правда? — спросила я Тхань.

Она опустила голову и ничего не сказала. Этого ответа было достаточно. В тот момент мне следовало бы заплакать, но почему-то у меня в ушах все еще стояли рыдания Тхань,

оплакивавшей свою мать.

Через какое-то время чужие люди покинули дом. Я взяла Тхань с собой в свою комнату, потому что не хотела этой ночью оставаться в одиночестве. Я ожидала, что кто-нибудь придет и скажет мне что-то определенное. И в ожидании я уснула.

— Твоего отца застрелили, — сказала мать, когда утром появилась в моей комнате.

Того, что Тхань спала вместе со мной в моей кровати, она, похоже, даже не заметила.

— Его доставили сюда вчера. Но ты не должна заходить в его комнату, поняла?

Это означало, что он лежит там, на смертном одре.

Я послушно кивнула и при этом ощутила, как мало печали я испытываю. Мне казалось, что это изменится, когда пройдет первое потрясение, но даже тогда, когда я стояла у могилы отца, я не чувствовала того ужасного жжения, которое, как я думала, должна была испытать.

Мой отец постоянно был на работе, мной он интересовался лишь тогда, когда нужно было показать меня кому-то или принять какое-то решение, касающееся меня. Он делал все для того, чтобы мать и я могли вести достойную жизнь. Но он никогда не занимался мной лично. Я должна была вести себя по отношению к нему уважительно и быть послушной. Невозможно было даже представить себе, чтобы он играл со мной в лошадки или какие-нибудь другие игры.

Моя же мать, в отличие от меня, была совершенно подавлена. Сразу же после похорон она слегла в постель и почти целый месяц не выходила из своей затемненной спальни.

Это очень беспокоило меня, потому что, пусть даже ее любовь была похожа на отшлифованный до блеска драгоценный камень, все же она всегда была рядом со мной. Я не хотела терять мать, потому что не знала, что без нее дальше будет с Тхань. Конечно, я могла бы попасть к своей бабушке, к этой жестокой старухе, но тогда Тхань точно очутилась бы на улице.

Я хотела зайти к матери, чтобы утешить ее, однако нянька удержала меня от этого. «Мать в трауре и не может выносить твоего вида», — объяснила она мне. Так что я вместе с Тхань сидела, свернувшись в клубочек, и через некоторое время мне даже понравилось, что никто не беспокоится обо мне, потому что так я могла слушать истории своей подруги и мы могли вместе гадать, как это — быть мертвым.

Со смертью моего отца для нас все изменилось. Я думала, что мы находимся в безопасности, однако дом больше не принадлежал нам. Собственно говоря, он никогда не был нашим. Нам разрешалось жить в нем лишь до тех пор, пока отец состоял на службе у императора и правительства. Но теперь он был мертв и его место должен был занять другой человек.

Когда мать сказала мне об этом, я по-настоящему осознала, какие последствия имеет смерть моего отца.

Нам не оставалось ничего иного, кроме как выселиться из прекрасного дома и отправиться к моей бабушке по материнской линии.

— А что будет с Тхань? — спросила я у мамы. — Мы же не можем выгнать ее на улицу.

— Ли может забрать ее к себе, — с отсутствующим видом ответила мать.

За несколько недель из сияющей красавицы она превратилась в некое подобие привидения, которое тихо кралось по коридорам. Она растерянным взглядом смотрела на жизнь, которую когда-то здесь вела.

— Она не хочет к Ли. Кроме того, их семья такая большая, что им не нужен лишний едок. Но нам, наверное, понадобится кто-то, кто будет нам помогать.



— Пусть это решает бабушка, — только и сказала мать, и в тот момент я ужасно разозлилась на нее.

Пока был жив мой отец, она предоставляла ему право принимать важные решения. А теперь она предоставит это право собственной матери.

Раньше я восхищалась своей матерью за ее элегантность, но теперь не хотела быть такой, как она, из-за ее нерешительности.

В один из серых дней после обеда мы покинули наш дом. Слугам разрешили там остаться. Они будут служить новому хозяину, если он этого захочет.

Как бы там ни было, но нас избавили от встречи с этой новой семьей.

То, что осталось после продажи личных вещей, мы в сумках потащили через весь город к моей, еще незнакомой мне, бабушке. Колониальное правительство предоставило нам повозку, но, поскольку моя мать отдавала себе отчет в том, что ее жизнь с красивыми платьями, светскими салонами и приемами закончилась, она отказалась от нее.

Наше новое жилище находилось в северном районе города, рядом с рисовыми полями, в такой местности, куда раньше я и ногой не ступила бы. Бабушку свою я знала только по фотографии. Пока мы жили в красивом доме, мы никогда не бывали у нее в гостях. Моя мать делала все возможное, чтобы скрыть свое простое происхождение, но теперь ей не оставалось ничего иного, кроме как пойти к ней.

Моя bà была худощавой женщиной с резкими чертами лица. Ее руки были костлявыми и узловатыми от тяжелой работы. Ее муж утонул во время наводнения, и с тех пор она едва сводила концы с концами, зарабатывая себе на жизнь шитьем. У нее было очень много небольших заказов. В этой местности никто не мог позволить себе заказать красивое вечернее платье. Но многие просили бабушку перешить старые предметы одежды или сшить новые, поэтому у нее было достаточно средств даже для того, чтобы принять нас к себе.

Она бросила на мою мать ледяной взгляд, когда та ей поклонилась.

— Я думаю, что ты и не вспомнила бы обо мне, если бы твой муж не умер, — начала bà хриплым строгим голосом. — Но так уж получается, что все происходит, как хотят боги. В конце концов любое высокомерие когда-нибудь бывает наказано.

Я не знала причины плохих отношений между матерью и бабушкой, однако чувствовала, что это как-то связано с моим отцом. Матап вышла замуж за мужчину, занимавшего более высокое положение в обществе, чем она. Может быть, это было его желанием, а может, желанием его матери, чтобы моя татап порвала со своей семьей и не поддерживала с ней никаких связей.

Поскольку моя бабушка со стороны отца отказалась пустить к себе свою невестку, моя мать теперь полностью зависела от той семьи, из которой происходила.

— Собственно говоря, я не должна была пускать тебя к себе после того, как ты поступила со мной. Однако в твоих жилах течет моя кровь и кровь твоего отца, и я прогневила бы своих предков, если бы отказалась заботиться о тебе. Как бы там ни было, от твоего брака появился ребенок, так что я не могу назвать его бессмысленным.

От таких злых слов моя мать, казалось, становилась все меньше и меньше, а тем временем bà обратила взор на меня.

Меня неприятно поразила сцена, которую я вынуждена была наблюдать, так как я привыкла видеть, как моя мать раздает приказы или мило болтает с кем-то. То, что кто-то может грубо отчитать ее, до сих пор не укладывалось у меня в голове, потому что даже мой отец обращался с ней очень уважительно и любезно.

То, что бабушка так обошлась с моей матерью, обидело и разозлило меня, и мне было трудно это скрыть.

Вà какое-то время внимательно рассматривала меня, а затем сказала:

— К счастью, ты мало похожа на своего отца. Скорее, ты удалась в наш род. Твоя мать когда-нибудь рассказывала тебе обо мне, пока вы жили в красивом доме?

Я взглянула на свою маман, которая немного дрожала. Ей явно было очень трудно держать себя в руках.

— Рассказывала, — ответила я, и это не было ложью.

Бабушка, казалось, не поверила мне. Она насмешливо фыркнула и сказала:

— Твоя дочь, кажется, испытывает к нам больше уважения, чем ты! Она держится своей матери и принимает ее сторону.

Маман заплакала:

— Прости меня! Я так сожалею! Ты же знаешь, как все было. Я так его любила!

Бабушка отмахнулась:

— И вот теперь ты видишь, до чего довела тебя такая глупость, как любовь! Я сразу сказала тебе, что ничего дельного из этого не выйдет. Он был слишком хорош для тебя. Тебе надо было послушаться меня и выйти за парня, которого мы тебе подыскали. И ты не должна была отдаляться от своей семьи. Тогда тебе не пришлось бы сейчас выть!

Моя мать горько рыдала, однако это не разжалобило бабушку. Она снова повернулась ко мне:

— Надеюсь, что ты умеешь хорошо и упорно работать. Я не думаю, что тебя научили чему-то путному, однако ты, похоже, не глупа. Покажи-ка мне свои руки!

Я протянула ей ладони. Бабушка взяла их в свои и что-то презрительно прошипела. Я, со своей стороны, почувствовала, что руки у нее такие же крепкие и жесткие, как и сердце.

— У тебя подвижные пальцы. Это хорошо. Будешь помогать мне шить.

— Но я не умею шить.

— Значит, научишься.

Она отпустила мои руки, и по ее взгляду было понятно, что она не потерпит никаких возражений.

— А это кто? — спросила вà и указала на Тхань, которая с испуганным видом стояла у двери. — Это тоже твой ребенок? Что-то она не похожа ни на тебя, ни на твоего мужа.

— Это не мой ребенок, а...

Я видела, что моя мать чуть не сказала «служанка», но она понимала, что это вызвало бы еще больше насмешек со стороны ее матери.

Это было очень невежливо, однако я ни в коем случае не хотела, чтобы вà продолжала насмехаться над маман, поэтому поспешила вмешаться:

— Это Тхань. Она сирота, которую мы приняли к себе.

Моя бабушка окинула меня гневным взглядом, но этот взгляд смягчился, когда я не отвела глаз.

— Так-так, сирота. Я никогда бы не поверила, что семья из высшего общества возьмет к себе девочку с улицы.

Она кивком подозвала Тхань к себе. Та робко подошла ближе.

— А что случилось с твоей семьей? — спросила бабушка.

Тхань едва могла говорить.

— Они умерли, — с трудом произнесла она хриплым голосом.

— Рассказывай! — потребовала bà, и Тхань, взяв себя в руки, поведала о своем отце, матери и о ее тихой смерти.

— Тебе пришлось нелегко, но все же ты до самого конца хранила верность матери. А это качество я ценю очень высоко. — Бабушка снова взглянула на тапан. — Как бы там ни было, ты привела с собой двух человек, которые понимают, что такое семья. Это хорошо.

Она еще какое-то время наслаждалась отчаянием дочери, а затем повернулась к Тхань:

— Поскольку мне может помогать лишь одна из вас, другой придется искать себе работу. Если ты занималась ловлей рыбы, значит, сможешь сажать рис на полях. Один мой знакомый владеет несколькими рисовыми полями рядом с городом, и ему всегда нужны помощники. Если ты будешь беречься змей, то сможешь зарабатывать неплохие деньги, которые нужны семье. С этого момента ты наша, при условии, что ты будешь уважать наш род.

Тхань поспешно кивнула и посмотрела на меня. Я улыбнулась ей, но тут же быстро отвела взгляд и снова стала смотреть перед собой.

Бабушка больше не обращала на нас внимания. Ей недостаточно было тех слез, которые пролила ее дочь, и она сказала ей:

— Ты будешь вести домашнее хозяйство. И отвечать за уборную. А я смогу брать больше заказов и зарабатывать больше денег для своей неверной дочери.

Чистить уборную — это было самое большое оскорбление для моей матери, которое только можно было себе представить. Но она больше не плакала, а молча выносила свой позор. Bà, казалось, этого и ожидала, потому что с довольным видом кивнула:

— Я покажу вам, где вы будете спать. Дом у меня маленький, но сейчас в нем не живет никто, кроме меня, так что у меня найдется место для всех вас.

Мы засеменили вслед за бабушкой: мама впереди, а Тхань и я за ней.

Дом был действительно очень маленьким, но не таким жалким, как хижина, в которой обитала Тхань со своей матерью. У моей подруги был довольный вид, хотя бабушка изрядно ее напугала. Моя мать снова превратилась в бледную тень, и больше по ее виду ничего нельзя было понять. А я не знала, что чувствую. Дом был темным, а бабушка оказалась такой женщиной, которой следовало опасаться. Мое будущее виделось мне неопределенным, как никогда раньше. Мечтам об учебе в университете и о путешествиях тут, казалось, места не было.

Bà с удовольствием мстила моей матери за то, что та отвернулась от нее и ее мира. Мать получила комнатку еще меньше, чем у меня и Тхань, — это, собственно, был чулан, где хранились метлы и веники.

— Это для того, чтобы ты снова научилась смирению по отношению к своей семье. Своей настоящей семье.

Моя мать молча подчинилась, потому что ей не оставалось ничего иного.

Тхань и мне в этом смысле повезло больше. Нашей комнатой стал чердак, и, таким образом, мы получили самое большое помещение в доме. Там стояли мешки, в которых хранился рис и другие припасы. Когда окно на фронтоне было открыто, мы могли смотреть на джунгли, покрывающие горы, и нам были видны также рисовые поля, в которых отражалось небо.

В первый вечер мы с Тхань сидели перед окошком и наблюдали за тем, как грязное светло-серое небо превращалось в прозрачную черноту.

— Как ты думаешь, здесь тоже будут стрелять? — спросила я у Тхань, потому что вокруг

было так тихо, что невозможно было представить себе никаких восстаний.

— Нет, не будут. Этот квартал называется «город мира». Самое волнующее событие, которое здесь может произойти, — это если осел своим хвостом прихлопнет москита.

— Значит, будем надеяться, что все останется так, как есть.

Вид гор и джунглей, сначала покрытых белым туманом, а затем поглощенных темнотой, до сегодняшнего дня запомнился мне больше, чем многое из того, что произошло потом. Это был последний день, когда мне было разрешено оставаться ребенком.

Следующие несколько месяцев я почти не выходила из швейной комнаты своей bà. Она учила меня шить, ругала, если я допускала какую-то ошибку или портила материю, уколов иголкой палец. Это случалось довольно часто, и бабушка вскоре стала сомневаться в том, действительно ли я гожусь для такой работы. Но поскольку я очень старалась и не жаловалась, когда из ранок капала кровь, она стала относиться ко мне внимательнее и через некоторое время даже начала поручать более ответственную работу.

Время от времени у меня появлялась надежда, что к нам хотя бы по ошибке забредут француженки в своих красивых нарядах. Мне хотелось посмотреть на платья, которые были такими мягкими и ткань которых казалась текучей, словно вода, омывающая камни в бассейне реки. Однако tâu не заглядывали в эту местность. Зато здесь бывало много крестьянок, уличных торговок, и некоторые из них проделывали довольно дальний путь, чтобы перешить или перелицевать поношенные платья. Иногда мы буквально утопали в старой одежде, что приводило мою бабушку в отличное расположение духа. Она тогда даже не портила жизнь тамап.

Когда Тхань возвращалась с рисового поля и приносила нам свой заработок за неделю, бывало, что бабушка начинала что-то тихо напевать себе под нос и посылала нас на рынок, чтобы купить там пару цыплят или большую рыбу.

Мамап за это время научилась готовить, или, точнее говоря, снова вспомнила то, чему ее учили во времена молодости. Она не рассчитывала на похвалу своей матери, но когда ей особенно хорошо удавалось приготовить нам обед, то, как бы там ни было, за отсутствием критики ее оставляли в покое и она могла предаться печали и своим мыслям.

Если сразу после смерти мужа она напоминала привидение, то сейчас все больше и больше становилась похожа на тень, которую я почти не воспринимала. Мамап теперь очень редко разговаривала со мной, с одной стороны, потому что и она, и я вынуждены были много работать, а с другой, наверное, и потому, что она сожалела о том, что из-за нее я занималась такой тяжелой работой в швейной мастерской.

Тхань и я начали прогуливаться по улицам. Не в тех местах, которые пользовались дурной славой, нет, — мы использовали свободные минуты, которые у нас оставались после работы, чтобы хоть как-то изучить местность. Здесь тоже были улицы, на которых толкались торговцы, маленькие лавки, в которых продавались ткани и прочее. Эти ткани в большинстве своем попадали сюда из Китая и были очень пестрыми — слишком пестрыми для аозай, но люди, похоже, все же их покупали.

Одна из таких лавок принадлежала мужчине по имени Хан Лао. Моя бабушка покупала у него материю для одежды, которую носила сама и которую мы тоже вскоре стали носить, потому что шелковые аозай были тут неуместны. Тхань для работы у крестьянина требовалась крепкая одежда, а будучи швеей, мне самой надо было выглядеть прилично, но не так, чтобы людям казалось, будто у меня слишком много денег. Для того чтобы внести свой вклад в благосостояние семьи, я предложила бабушке продать мои шелковые аозай. За

гардероб моей матери bà взялась сама, объясняя это тем, что татап тоже должна внести свой вклад в общий котел.

В любом случае в лавку Хан Лао мы ходили с удовольствием. Вид рулонов материи, которые громоздились повсюду, действовал на нас завораживающе, а пестрые узоры и рисунки на них были самым прекрасным, что я видела с момента выселения из красивого дома. Бабушка же ни в грош не ставила узоры и рисунки, она, скорее, была человеком практичным. Побрякушка из жемчужин и перьев, висевшая над дверью, была единственным украшением, которое имелось у нее в доме.

За это время красивые ткани мне даже снились, приобретая вид французских бальных платьев и других пышных одеяний, которых я уже давно не видела.

— А можно ли научиться изготавливать такую материю? — спросила я у Тхань, когда мы по обыкновению сидели вместе вечером перед чердачным окном.

Приближался сезон дождей, и из джунглей доносились глухие раскаты грома. Наверное, какое-то время мы не сможем выходить в город. Было решено, что Тхань во время сезона дождей останется в доме у крестьянина, чтобы не опаздывать на работу. А меня не будут выпускать из швейной мастерской. То, что мы будем разлучены на время, когда облака будут изливать на землю потоки воды, огорчало нас.

— Я так не думаю, — возразила Тхань, которая, погрузившись в свои мысли, уставилась неподвижным взглядом на темнеющее небо. — Можно изучать медицину и искусство, а также право и физику. Но чтобы в высшем учебном заведении была такая специальность, как ткачество, я не слышала.

— А ты по-прежнему хочешь стать врачом? — спросила я, потому что мы уже давно не говорили с ней на эту тему.

Те дни, когда мы вдвоем сидели в саду и обсуждали всевозможные вопросы, казались мне бесконечно далекими.

— Да, хочу. Вчера дочку крестьянина чуть не укусила змея. Мы все очень боимся змей, они иногда плавают между растениями, и, если не повезет, можно нечаянно схватить змею рукой.

Лучше бы она мне этого не говорила, потому что с того момента я стала бояться, что моя подруга нечаянно потревожит какую-нибудь змею и та ее укусит.

— Когда я стану врачом, я найду медикаменты, которые смогут спасти человека после укуса змеи. И буду лечить другие болезни, убивающие людей. Тогда, если ты заболеешь, тебе не нужно будет платить доктору. Я буду бесплатно лечить тебя и твою семью.

Если учесть, какие деньги требовали врачи, это было очень хорошее предложение. У французов имелись собственные доктора, а вьетнамцы чаще всего обращались к целителям или китайским врачам, лечившим целебными травами. Или же они умирали, как мать Тхань, если не могли позволить себе ни того ни другого.

Тем вечером мы еще долго сидели у окошка, почти не разговаривая друг с другом. Через два дня начался дождь, и, как и было согласовано с крестьянином, Тхань осталась у него. Я с утра до поздней ночи сидела в швейной мастерской, работая больше, чем обычно, чтобы вечером не чувствовать себя одинокой.

Моя мать за это время стала очень замкнутой. Мне хотелось поговорить с ней и попытаться утешить ее, но она, казалось, не хотела этого. Она тоже много работала, выполняя самую тяжелую работу, а затем уходила в свою каморку и оставалась там, никому не показываясь на глаза. Она послушно выполняла распоряжения своей матери, но я видела,

что в ней происходят какие-то изменения. Если в первое время татап еще пыталась завоевать расположение своей матери, то теперь она сдалась. Ей, похоже, было все равно, что думает ее мать, что она говорит и делает. Иногда я замечала легкое презрение на ее лице, когда bà в очередной раз обрушивала на нее свои тирады.

К счастью, дождь через пару недель прекратился, и Тхань вернулась домой с таким количеством денег, что нам удалось купить на них много риса. А у меня наконец появился кто-то, с кем я могла поговорить, кому я могла бы описать свои впечатления и выслушать его мнение. Для меня это было самым ценным на свете.

После того как прошел год траура, бабушка однажды за ужином заявила:

— Тебе нужен новый муж, дочь моя. Ты слишком молода, чтобы провести остаток жизни вдовой. Кроме того, нашей семье нужно иметь еще пару внуков, чтобы обеспечить доходы на будущее.

Моя мать не оторвала взгляда от своей миски с рисом, но я заметила, как напряглась ее спина. Наверное, для нее было бы лучше до конца жизни чистить уборную, чем выйти замуж за мужчину, которого ей подыщет собственная мать. А этого следовало ожидать, потому что у татап не было времени на то, чтобы заниматься поисками мужа. И, скорее всего, она к этому и не стремилась, потому что до сих пор по ночам тайно оплакивала моего отца.

Но мать ничего не ответила. Bà раздраженно фыркнула. Наверное, она надеялась, что дочь будет ей возражать.

У нас на улице жил кузнец, крепкий мужчина, умевший много и тяжело работать. Год назад у него во время родов умерла жена. И теперь он хотел обзавестись новой женой, которая могла бы еще рожать детей. И, как сказала бабушка, моя мать была достаточно молода для этого.

Bà организовала встречу с этим мужчиной. Однажды ближе к вечеру он пришел к нам. Мне его имя ни о чем не говорило, но теперь, увидев его, я поняла, кто это. Когда мы с Тхань иногда проходили по улице, то видели его сидящим возле уличной кузни. Он был довольно высокого роста, у него были короткие жесткие волосы и крепкие руки. Мы даже иногда проходили мимо его кузницы. Он не только выполнял кузнечные работы, но также подрабатывал, изготавливая колеса и оси для повозок. В своей мастерской он ремонтировал все: от плуга до токарного станка.

У него было не особенно выразительное лицо, и то же самое можно было сказать о его глазах: они были такими маленькими, что белков почти не было видно — преобладала темная радужная оболочка.

Матап и кузнец молча сидели друг напротив друга, а между ними в чашках стоял чай, из которого шел пар. Тхань и мне не разрешили присутствовать при этом, но мы прокрались вдоль дома и подглядывали через окно.

Взгляд моей матери был равнодушным. Она сидела перед человеком, который не шел ни в какое сравнение с тем мужчиной, которого она потеряла. Матап понимала, что у нее нет иного выхода, кроме как выйти за него замуж. Наверное, она отдавала себе отчет и в том, что, выйдя за него замуж, сможет покинуть этот дом. Тогда ее мать в лучшем случае будет приходить к ней по праздникам или приглашать ее к себе, а основная часть ее жизни будет проходить в доме мужа. Вполне возможно, что свекровь будет обращаться с ней гораздо лучше, чем bà.

Как на это смотрел кузнец, я не знала. Но мне было понятно, что татап ему понравилась, потому что, пусть даже на ней не было красивого платья и горечь ожесточила

черты ее лица, она все же по-прежнему была красивой. Чего еще ему желать?

Вот так они и договорились, и всего через несколько недель после первой встречи bà объявила, что маман выходит замуж за кузнеца.

— Я рада, что ты наконец делаешь то, чего требует от тебя твоя мать, — строго сказала она дочери. — Надеюсь, что ты больше не опозоришь нашу семью и будешь слушаться своего мужа.

Маман лишь кивнула в ответ и продолжала есть свой рис.

Собственно говоря, в те времена людям жилось не так уж хорошо, чтобы они могли устраивать пышные праздники. Первая мировая война не прошла для Азии бесследно. Особенно это чувствовалось в колониях, из которых выжимали соки больше, чем обычно.

И все же свадьба моей матери и кузнеца была большим праздником.

Кроме того, моя бабушка сделала кое-что, заслуживающее уважение: она скрыла от кузнеца то, что Тхань не приходится моей матери родной дочерью. Я не знаю, оказала ли bà давление на мою мать, но та промолчала, когда кузнец гордо заявил, что с этого момента мы его дочери.

Поскольку он был молчаливым, но дружелюбным человеком, это была неплохая сделка. И даже больше — теперь я наконец сдержала свое обещание.

Тхань стала моей сестрой.

## 5

— Нам нужно идти в дом, — сказала Ханна и указала на небо.

Оно начало затягиваться темными тучами. Правда, солнце еще светило, но уже явственно чувствовался холодок, который должен был принести с собой дождь.

— Наверное, в порядке исключения метеорологи оказались правы.

Мелани помогла ей подняться. До дома было довольно далеко. Хотя Ханне все еще было трудно ходить, она уже не так часто морщилась от боли.

— Я чувствую приближение дождей, — сказала она почти с облегчением. — И это странно. Других людей ревматизм донимает сильнее в дождливые дни. А у меня такое бывает при сухой погоде. Это, наверное, оттого, что я родилась на берегу Меконга.

Она засмеялась над своими словами, а затем крепче уцепилась за руку Мелани.

«Роберт смог бы отнести ее на руках», — подумала Мелани. Она тут же вспомнила об обследовании и бросила взгляд на часы. Без четверти шесть. Обследование либо уже закончилось, либо было в полном разгаре. Рассказ Ханны заставил ее забыть о времени!

Мелани уже хотела было схватить свой мобильный телефон, однако затем вспомнила, что услышала бы сигнал сообщения или вызов.

— Здравствуйте, мадам де Вальер. Вам лучше идти в дом. Похоже, надвигается гроза. — Садовник, который толкал мимо них тачку, полную нарезанных ветвей, улыбнулся им во весь рот.

— Не беспокойся, Томас, я уже в пути! — засмеялась Ханна.

Когда его взгляд встретился со взглядом Мелани, девушка быстро отвела глаза.

— Что это с тобой? — спросила Ханна, когда Томас свернул за угол.

— Ничего, — удивленно ответила Мелани.

— А почему ты смотришь в сторону? Он так любезно тебе улыбнулся.

— Он видел меня в футболке и леггинсах, — ответила Мелани.

Ханна наморщила лоб:

— Тебе ведь уже не двенадцать лет! Поверь мне, там, в городе, он видел кое-что и похуже. А ты же на самом деле не бегемот, так что тебе нечего стесняться.

Мелани и сама не знала, почему ей стало неловко. Ну, так получилось. Ей казалось, что если она ответит на улыбку садовника, то этим как бы изменит Роберту. Конечно, это было глупо, ведь даже на работе она часто разговаривала и обменивалась шутками с другими мужчинами. Но сейчас все было иначе — пусть даже она ни с того ни с сего сама себе показалась монашенкой.

И действительно, дождь начался быстрее, чем они ожидали. Как только тучи затянули небо и первые капли забарабанили по стеклам окон и по поверхности озера, с Ханной произошла перемена. Боль, которая накануне держала ее в крепких объятиях, ослабела, и лицо женщины разгладилось. Как только ревматизм возвращался в допустимые пределы, она вставала со своего ротангового кресла и ходила по салону. Правда, для ходьбы ей все равно нужна была палка, но ее движения становились более свободными.

— Сезон дождей, — сказала Ханна с лукавой улыбкой. — Как прекрасно, что я снова могу ходить. Как по мне, лучше бы дождь никогда не прекращался.

— Однако у остальной части мира может быть иное мнение, — возразила Мелани, которая сидела на своей табуретке, как на раскаленных углях, в ожидании звонка Кати или матери.

Но мобильный телефон молчал.

— Какое мне дело до остальной части мира!

Ханна выгнула спину. Дождь усиливался. Раскат грома присоединился к шуму дождя.

— Я, старая женщина, так часто была вынуждена заботиться об остальной части мира, что будет справедливо, если мир хотя бы раз подстроится под меня.

— Но ведь когда летом не бывает солнца, ты тоже становишься неласковой, *grand-mère*, — напомнила Мелани.

— Это правда. Но тогда ревматизм сразу же напоминает мне о том, что я не так уж сильно люблю солнце. — Ханна замолчала, а затем ухмыльнулась и тихо рассмеялась: — Ты слышишь, что я говорю? Ужасно, правда? Когда я была в твоём возрасте, я только головой качала, глядя на пожилых людей, которые были такими, как я сейчас.

— Да нет, ты определенно так не делала, — возразила Мелани. — Ты всегда испытывала уважение к старшим.

— Ну что ты, у меня тоже бывали минуты слабости. Ни одного человека нельзя назвать ангелом, на каждом одеянии из перьев обязательно бывает чуть-чуть грязи. Все зависит от того, белые или черные перья под этой грязью.

Они некоторое время сидели молча, прислушиваясь к дождю и раскатам грома. Время от времени где-то вдалеке вспыхивали молнии.

Мысли Мелани снова вернулись к клинике. Она посмотрела на часы. Девятнадцать часов пять минут. И все еще нет звонка от Кати.

«Может быть, лучше мне самой ей позвонить?» — подумала она.

Со дня последнего разговора с будущей свекровью прошло почти две недели.

Их отношения с Катей никогда не были безоблачными, та не скрывала, что ей бы хотелось не такую жену для Роберта. Однако через какое-то время она привыкла к Мелани и по крайней мере стала не такой холодной. Но все же, когда Роберт попал в аварию, отношения между Мелани и ее будущей свекровью снова ухудшились. Поэтому Катя в последнее время общалась больше с Еленой, чем с Мелани.



— Я схожу на чердак и посмотрю, что еще я могу там сделать, — сказала Мелани, засовывая телефон в карман.

На самом деле она хотела позвонить Кате, но Ханна, конечно, сказала бы, что она может сделать это и в салоне.

— Иди, дитя мое, а я на минутку загляну в свой кабинет. Терпеть не могу сидеть без дела.

— Ты по-прежнему ходишь в кабинет?

— А почему бы и нет? — задала вопрос Ханна. — Может быть, я и стара, но все еще хочу хоть немного поработать. Пусть даже я больше не могу держать в руках иголку. Я занимаюсь бухгалтерскими книгами и размышляю о том, что бы еще придумать с этой виллой. Кроме всего прочего, у меня ведь есть еще доля в швейной мастерской в Сайгоне.

— Ты имеешь в виду в Хошимине? — поправила ее Мелани, подмигнув, потому что знала: прабабушка не признает нового названия города.

— Для меня этот город навсегда останется Сайгоном, как бы его ни называли.

Они вместе прошли часть коридора, а затем Ханна исчезла за дверью своего кабинета. Это было маленькое помещение, заставленное книгами и старыми папками с документами. Некоторым из них было уже лет пятьдесят, но Ханна просто не могла расстаться со старыми деловыми бумагами.

— В них находится бóльшая часть моей жизни, — говорила она, когда ее дочь пыталась убедить ее выбросить эти папки. — Если кто-то когда-нибудь захочет написать мою биографию, они ему понадобятся.

Мелани вспомнила об истории, которую рассказывала ей Ханна, и ей очень захотелось услышать продолжение. Но сначала ей надо спросить, как дела у Роберта.

На чердаке девушка уселась на один из еще не раскрытых ящиков. Несколько минут она смотрела на телефон, прислушиваясь к шуму дождя, барабанищего по крыше. Затем набрала номер Кати.

Пока в трубке раздавались гудки, сердце Мелани билось так, будто готово было выскочить из груди.

Катя не отвечала. После четырех звонков отозвался электронный почтовый ящик. Мелани вздохнула и нажала на «отбой».

Гора ящиков и сундуков вдруг показалась ей непреодолимой. Но здесь, наверху, девушка, как ни странно, чувствовала себя хорошо.

Мелани сунула мобильный телефон в карман и снова принялась за работу.

«Может быть, мне надо взять один из этих ящиков, чтобы складывать туда вещи, которые смогут пригодиться», — подумала она, подтягивая к себе пустой ящик. В него Мелани уложила платье с пайетками, пару шляпок и перчатки.

Она повернулась к очередному, еще не распакованному ящику, когда зажужжал мобильный телефон. Голос Кати был довольно усталым.

— Я уже думала, что они никогда не закончат обследование. Врач считает, что как будто все в порядке. То, что они увидели на снимке, было всего лишь остатками старого бронхита. Следовательно, нет оснований для беспокойства.

Мелани облегченно вздохнула. Значит, Роберт преодолел и это.

— Елена сказала мне, что ты взяла небольшой тайм-аут. — В словах Кати был какой-то скрытый смысл, и это заставило Мелани насторожиться.

— Я на пару дней уехала к своей прабабушке. Моя мать, конечно, объяснила вам

причину.

— Да, обморок. За прошедшие недели произошло так много всего. Не каждый способен вынести столь большую нагрузку.

Облегчение, которое испытала Мелани, моментально превратилось в дым, и та злость, которую она носила в себе со времени первой стычки с Катей, снова вернулась.

Причина была незначительной. Во время одного из первых совместных посещений больницы у Мелани закружилась голова, и ей пришлось выйти из комнаты. С тех пор в глазах Кати она была слабой женщиной, и та указывала ей, что делать. Но прежде всего будущая свекровь давала Мелани почувствовать, что именно она, Катя, будет решать, что будет с ее сыном.

У Кати тоже было очень тяжело на душе, но она нравилась себе в роли сильной личности, которая ни за что не сдастся, что бы ни произошло. Таким образом, у нее был повод демонстрировать Мелани свое превосходство.

— Ну ладно, желаю тебе хорошо отдохнуть. У меня все под контролем, — еще раз уколола будущую невестку Катя, когда не услышала ответа. — Буду держать тебя в курсе.

С этими словами она нажала на «отбой».

Мелани чувствовала себя так, словно ее выпороли. Больше всего ей хотелось сейчас спуститься вниз и рассказать все Ханне. Но она была уже не маленьким ребенком, который бежит к взрослым, как только у него возникают проблемы.

Этот звонок продолжал лежать тяжким грузом на душе Мелани даже после того, как они поужинали и монотонный шум посудомоечной машины разнесся по помещениям верхнего этажа.

Мария рано попрощалась с ними и отправилась спать, потому что этот день сильно ее утомил. Кроме того, на завтрашний день был запланирован визит к стекольщику.

Мелани нервно ходила взад-вперед по своей комнате. Что же ей делать? Неужели мало того, что произошло? И как бы отреагировала Катя, если бы Роберту стало хуже? Или если бы у Мелани еще раз случился обморок? Неужели будущая свекровь когда-нибудь запретит Мелани показываться у Роберта?

Девушка растерянно вздохнула. Может быть, Ханна еще не спит? Откуда-то издалека доносились раскаты грома. Мелани знала, что прабабушка отправлялась спать только тогда, когда была уверена в том, что больше ничего не случится.

Однако девушка нашла Ханну не в ее комнате, а в салоне. Закутавшись в одеяло, прабабушка сидела в большом кресле из ротанга и смотрела на луну, свет которой время от времени пробивался на землю сквозь дождевые тучи.

— Ах, ты тоже еще не спишь? — спросила Ханна, когда Мелани вошла в салон. — Ты не устала от всей этой суеты на чердаке?

Мелани действительно устала, но знала, что внутреннее беспокойство все равно не даст ей уснуть.

— Да ничего, — ответила она и опустилась на одну из табуреток.

— Ты ведь еще не рассказала, звонила ли тебе твоя свекровь. Или Елена.

Да, за ужином она не сказала об этом ни слова. Погрузившись в свои мысли, Мелани слушала отчет Марии о переговорах со стекольщиком.

— Звонила Катя, — ответила девушка, стараясь не смотреть на Ханну. — Все прошло хорошо, врачи ничего не нашли.

— Но?..

Мелани вздохнула:

— Никаких «но». Вот только с тех пор, как Роберт лежит в коме, Катя с каждым днем все хуже и хуже относится ко мне.

Собственно говоря, она не хотела жаловаться Ханне, но эти слова вырвались у нее помимо ее воли.

— Она думает, что я слишком слабая, что я не та женщина, которая нужна Роберту. Разумеется, она супермама, которой не требуется сон и которая не знает, что такое усталость, и она не упускает ни малейшей возможности, чтобы показать мне, что она сильнее меня! Лишь она одна имеет право решать, что должно происходить с ее сыном, и теперь, через столько лет, у нее снова появилась возможность для этого!

Мелани умолкла. От того, что ее сердце учащенно билось, да и от злости, у девушки перехватило дух. В сущности, ей не хотелось себя накручивать, но теперь она испытывала бешеное желание схватить что-нибудь в руки и с размаху швырнуть им о стену.

Ханна долго смотрела на нее, а затем сказала:

— Не суди о Кате строго. Каждой матери очень тяжело видеть своего тяжелобольного ребенка и знать, что она ничего не может сделать, чтобы он снова стал здоровым.

— Но мне ведь тоже плохо! — На глазах у Мелани появились слезы. — Неужели Катя думает, что мне приятно видеть, как мужчина, которого я люблю, живет только благодаря аппаратам, которые поддерживают в нем жизнь, в то время как я погибаю от тоски по нему?

— Я не знаю, что думает твоя свекровь, — ответила Ханна. — Но в данном случае она, похоже, руководствуется только своей материнской любовью, и ей, наверное, не нравится, что это чувство конкурирует с другой любовью. После аварии Роберт снова стал для нее маленьким ребенком, и, скорее всего, собственная боль заставляет ее ограждать его от всего, в том числе и от любви его невесты.

Мелани покачала головой. Это объяснение прозвучало как-то неубедительно. Ее недовольство Катей было слишком сильным.

— Боюсь, что она и прежде не любила меня. А теперь ее неприязнь рвется наружу.

Мелани встала со своей табуретки и села рядом с ротанговым креслом. В это мгновение ей больше всего хотелось снова почувствовать себя маленькой девочкой, которая пока что еще ничего не знает о проблемах взрослых.

Ханна, успокаивая, погладила ее по голове.

— Ты расскажешь мне, что было дальше с тобой и Тхань? — наконец спросила Мелани. — Конечно, если ты не слишком устала.

Ханна рассмеялась:

— В моем возрасте человек постоянно чувствует усталость, однако не может уснуть. Я с удовольствием расскажу тебе продолжение этой истории, но должна предупредить, что она будет не очень радостной.

— Я этого не боюсь, — ответила Мелани.

— Хорошо. Давай посмотрим, как далеко мы продвинемся этой ночью.

## 6 Сайгон, 1925

Годы уплывали один за другим, а в городе не происходило ничего, достойного упоминания. Французы держали население в ежовых рукавицах. Время от времени ходили разговоры о бунтах, но эти восстания подавляли еще до того, как раздавались первые выстрелы. Зато на окраине города французы начали строить аэропорт, что восхитило моего

отчима.

— У них манеры, как у быков, зато в технике они кое-что соображают, — обычно говорил он.

Отчим не слишком любил французов, в отличие от моего родного отца, но он был достаточно честным, чтобы признать заслуги другого человека, за что я его очень уважала.

В то время как я выполняла швейные работы для своей бабушки и немного позже даже начала кое-что продавать на улице, Тхань, как и раньше, работала у крестьянина, возделывая рис в северной части города. Теперь ей не нужно было преодолевать дорогу пешком: наш отчим собрал для нее велосипед из старых запчастей, и из-за этого я немножко завидовала своей подруге. Но, конечно, велосипед был ей нужнее, чем мне.

Мы делали все, что могли, чтобы вести нормальную жизнь, которая удовлетворяла бы нас. Значит, судьба распорядилась так, чтобы мы нашли свое место.

Однажды утром, когда я зашла в швейную мастерскую, чтобы снова взяться за работу, я удивилась царившей там тишине.

Обычно, даже если не было слышно голоса моей бабушки, все равно чувствовалось ее присутствие.

Я обнаружила ее в постели. Ее глаза были открыты, а дыхание стало каким-то странным, свистящим.

— Bà, что с тобой? — спросила я, увидев, что она не спит.

Когда она слышала меня, ее лицо исказилось и стало похоже на гримасу. Я не поняла, что она хочет — засмеяться или заплакать. Из-за того, что половина лица у нее полностью онемела, бабушка не могла контролировать и другую половину. Я сразу поняла, что тут что-то не так, и вызвала доктора Нгока, который за год до этого переехал сюда из Ханоя и открыл частную практику недалеко от нашего дома.

— Апоплексический удар, — определил врач после того, как обследовал бабушку. — Ее нужно срочно поместить в больницу.

Наверное, она стала бы возражать, если б могла. Пребывание в больнице стоило очень дорого. Однако доктора Нгока не беспокоило то, что на лечение будут израсходованы все накопленные бабушкой деньги. Он распорядился, чтобы ее на повозке отвезли в больницу, которая находилась в той части города, где мы жили раньше.

Известие о том, что ее мать получила апоплексический удар и теперь лежит в больнице, не вызвало у тамап никакого волнения. Она лишь кивнула и стала энергичнее месить тесто для лепешек. Хотя я и не видела на ее лице улыбки, но могла бы поклясться, что мать обрадовалась болезни бабушки. Наверное, в этот момент она надеялась, что бабушка умрет. Это была мысль, которой не должно было быть у дочери, но в данном случае мне это не казалось удивительным.

Когда стало понятно, что бабушка никогда больше не выздоровеет и уже не сможет ходить, мать все же предприняла то, что, наверное, очень удивило бы bà — если бы она смогла это понять. Она забрала ее в дом кузнеца.

Возможно, мой отчим повлиял на нее. А может быть, тамап увидела в этом возможность отомстить матери за все, что та с ней сделала.

Bà перевезли к нам и уложили в постель. Я испугалась, увидев ее в таком состоянии. Казалось, от нее почти ничего не осталось. Ее тело превратилось в ссохшуюся слабую оболочку, изо рта доносились странные звуки, которые нельзя было назвать речью, а глаза смотрели в одну точку. Мысль о том, что прежняя bà пребывает в заточении в этом

разрушенном теле, внушала мне страх.

Тхань же очень сочувствовала ей. Страдания bà лишь укрепили ее желание стать врачом, пусть даже на протяжении нескольких лет нам не преподавали никаких уроков и у нас больше не было доступа к книгам.

— Когда я соберу достаточно денег, — сказала Тхань, когда мы вместе с ней шли по городу, — я куплю себе учебники и все наверстаю. А затем я запишусь в университет.

У меня не хватило мужества, чтобы возразить своей «чи», как официально звучало обращение к старшей сестре. Я подозревала, что наш отчим не отпустит ее учиться, тем более что мы обе были уже в том возрасте, когда нас можно было выдать замуж.

Мысль о том, что нас выдадут замуж точно так же, как и татап, висела над нами, словно дамоклов меч. Не было сомнения в том, что наш отчим найдет мужа и для Тхань, ведь он, как бы там ни было, признал ее своей дочерью.

Однажды, вскоре после того как закончился сезон дождей, я пришла домой с очень нехорошим предчувствием. Я даже не могла сказать почему — ведь в тот день я продала очень много сшитых мною вещей, даже заезжим французам, которые пришли в восторг оттого, что я так свободно владею их языком. На эти деньги я сразу же купила кое-какие продукты, которые нужны были матери для приготовления пищи и на отсутствие которых она жаловалась мне утром.

Хотя до веранды оставалось всего несколько шагов, я остановилась, словно не знала, стоит ли туда входить. В доме царило странное настроение. Было такое ощущение, будто надвигается тайфун. Невидимое облако приглушало свет и делало краски темнее, чем обычно.

Я заставила себя идти вперед. Не имело смысла оставаться здесь, на улице, ведь то, что решила сделать с нами судьба, она все равно с нами сделает. На первый взгляд все казалось таким же, как всегда. Рядом с лестницей, ведущей на веранду, дремал облезлый желтый пес, который, собственно, принадлежал не нам, но который был постоянным гостем в кузнице моего отчима и время от времени даже ловил крыс и мышей, словно считал себя кошкой.

Мою бабушку усадили в кресло-качалку рядом с дверью, наверное, для того, чтобы на нее упали солнечные лучи. Она пустым взглядом смотрела на улицу.

— Я вернулась, bà, — сказала я, хотя и знала, что она меня не понимает.

И, возможно, никогда больше не сможет понимать. Даже китайский целитель, который хвастался тем, что у него есть целебные травы от любой болезни, не смог нас обнадежить.

Когда я отодвинула в сторону занавеску из жемчужин, закрывавшую дверь в кухню, я услышала мужской голос, показавшийся мне знакомым, но услышать его здесь я не ожидала.

— Для нас было бы большой честью, если бы ваша дочь и наш сын стали парой.

Я окаменела. Это был не кто иной, как владелец маленькой лавки, торговавший тканью в конце улицы! У него было три сына, которые были немного старше, чем Тхань и я.

— Это очень большая честь, — ответил мой отчим.

Но что он здесь делал? Он ведь закрывал кузницу только поздно вечером!

— Большая честь для нашей семьи. А также для Хоа Нхай. Она очень обрадуется.

Я испуганно затаила дыхание, а затем осторожно прикрыла занавеску и прижалась к стене. Мое сердце билось так, что я с трудом разбирала, о чем говорят в соседней комнате.

Собака на веранде посмотрела на меня, однако не издала ни звука и, фыркнув, положила голову на лапы.

Меня хотят выдать замуж!

Конечно, в моем возрасте это было самое естественное событие на свете. В семнадцать лет некоторые девочки, жившие по соседству, уже стали матерями.

Я говорила с Тхань на эту тему, и мы обе решили сочетаться браком только с тем, кого полюбим.

Это было очень рискованное желание, учитывая то, что тогда было принято, чтобы родители сами выбирали супругов для своих дочерей.

Мне стало понятно, что мне не дадут сказать ни слова. Мамап сама когда-то воспротивилась желанию матери выдать ее замуж и вышла за моего отца, однако годы, проведенные в семье кузнеца, изменили ее. Она больше не была той умной женщиной, которая встречалась в своем салоне с француженками. Теперь она была женой кузнеца и снова стала простолюдинкой.

И вдруг я почувствовала невероятный гнев. Как же она может так со мной поступать?

Как мамап может ожидать, что ее дочь будет счастлива с мужчиной, которого не любит?

Я поняла, что не вынесу этого. Я сердито огляделась. Очевидно, еще никто не заметил, что я уже вернулась. Вероятно, они ожидали меня, чтобы поставить перед свершившимся фактом.

Но им придется подождать!

Я украдкой выбралась из дома мимо bà, которая пребывала в своем мире и меня, конечно, выдать не могла.

Когда дом остался позади, я бросилась бежать, даже не зная толком куда. Больше всего мне хотелось покинуть город навсегда. У меня в груди горело и колело, а по щекам бежали слезы.

Краем глаза я замечала удивленные взгляды прохожих. Некоторые из них перешептывались. Наверное, завтра они спросят у мамап, куда я так спешила. Но мне было все равно. С этого момента моя спокойная жизнь закончилась, потому что с сегодняшнего дня меня будут готовить к тому, как стать хорошей супругой. Для меня больше не будет существовать ничего, кроме семьи, нелюбимого мужа и детей, которых я не хочу, но вынуждена буду рожать, потому что это будет моей обязанностью.

И лишь после того, как я целый час бесцельно бродила по городу, до меня дошло, что я стою на дороге, ведущей к рисовым полям. Вдалеке я уже видела площадки насыщенного зеленого цвета, заполненные водой.

Здесь, на улице, я могла спокойно подумать и найти способ убедить своих родителей, что для свадьбы слишком рано и что муж, которого они нашли для меня, не тот, кто мне нужен.

Я замедлила шаг и посмотрела на землю. Каждый вдох вызывал покалывание под ребрами. Мое сердце все еще колотилось, как сумасшедшее.

Перед моим мысленным взором стояли сыновья торговцев тканью: Минь, Банг и Хао. Все они унаследовали лошадиное лицо и длинный нос своего отца, у всех были хитрые глаза, и все были довольно заносчивыми. Пусть даже ткани, которые продавал их отец, были красивыми, но его сыновей нельзя было назвать красавцами. Кому же я предназначалась? Первенцу Миню? Он был на два года старше меня и, собственно, уже давно должен был жениться. Очевидно, ни одна из семей не была готова к тому, чтобы выдать за него свою дочь. В отличие от моего отчима, голос которого звучал очень восторженно...

Пройдя некоторое время по дороге с опущенной головой, я оторвала взгляд от земли.

Никто не окликал меня, но мне все же показалось, что кто-то на меня смотрит. И затем я увидела ее — худощавую фигурку в синем аозай. Широкополая шляпа из рисовой соломки скрывала ее лицо, но то, как она двигалась, позволило мне ее узнать. Наконец-то!

Я тут же остановилась и стала ждать, пока Тхань подъедет поближе. Когда я убедилась, что она меня заметила, я подняла руку и помахала ей. Через несколько минут она подъехала ко мне на своем велосипеде.

— Хоа Нхай? Что ты здесь делаешь? Что-то случилось?

Тхань прыгнула с седла. Я не смогла ответить ей сразу же, потому что меня душили слезы.

— Что с тобой? — спросила Тхань и сняла сумку с плеча. — Вà стало хуже?

— Нет, с ней все в порядке, — всхлипывая, ответила я. — Вот только...

— Давай присядем.

Тхань потащила меня за руку к широкому камню, лежавшему на краю дороги.

Она положила велосипед на землю, сняла шляпу и обняла меня.

— Они...

Больше я не смогла ничего из себя выжать и только всхлипывала.

Тхань крепко прижала меня к себе:

— Сначала успокойся. У нас есть время.

И это время было необходимо мне, потому что я все плакала и плакала. Главным образом от злости на свою мать и на отчима, но также от разочарования и страха.

О торговце тканью люди говорили, что он плохо обращается со своей женой. А если это передалось его сыновьям?

И вообще, я пока что не хотела иметь детей! То, что рассказала мне Тхань — что роды связаны с кровью, криками и сильной болью, — вызывало у меня страх.

Через некоторое время мои слезы иссякли, но я продолжала всхлипывать.

— Я как раз пришла с рынка, немного позже, чем обычно, и услышала, что у нас гость, — начала рассказывать я.

Тхань наморщила лоб:

— Гость? Но мать с отчимом предупредили бы нас об этом.

Я покачала головой:

— Они этого не сделали. Они даже не сказали нам, что хотят выдать меня замуж.

— Замуж? За кого?

— За сына торговца тканью. Он сегодня был у нас дома, и они все с ним обсудили! — Слезы снова хлынули из моих глаз. — Они считают, что для меня это большая честь.

Тхань, казалось, была потрясена.

— Но у сыновей торговца тканью головы, как у лошадей. И, кроме того, у них какие-то делишки с tâu. Может быть, во французском квартале к этому относятся хорошо, но здешние люди их не любят.

— Наверное, отец изменил свое мнение по поводу французов, — ответила я с горечью. — Он утверждал, что я буду очень рада.

Тхань погладила меня по голове. Очевидно, она тоже не знала, что делать, но хотела утешить меня.

Мы довольно долго молча сидели на обочине. Мимо нас медленно проезжала повозка, запряженная волом. На ней спал возница, натянув шляпу из рисовой соломки себе на лицо. Вол, казалось, точно знал, куда нужно двигаться. И вдруг я тоже поняла это.

— Мы могли бы уехать отсюда, — услышала я свой голос, когда повозка проехала мимо нас.

Тхань ослабила объятия и посмотрела на меня:

— Уехать? Но куда?

— Куда-нибудь, где нас не смогут выдать замуж против нашей воли. Может быть, в Ханой. Или в Китай.

Тхань покачала головой:

— Мы не можем просто так взять и уйти из дому! У нас ведь есть долг перед нашей семьей. Мы ее часть. Ты же видела, что вышло, когда твоя мать бросила свою семью.

Я снова рассердилась, на этот раз уже на Тхань.

— Ты ведь хочешь стать врачом, не так ли? — бросила я ей и вскочила на ноги.

В следующий момент тон моего голоса стал неприятен мне самой. Но Тхань, похоже, почувствовала то же, что и я.

— Неужели ты веришь, что пойдешь учиться? Они выдадут тебя замуж точно так же, как и меня. Может быть, еще за одного сына продавца тканей.

Тхань покачала головой:

— Этого они не сделают. Я не их дочь и вскоре стану самостоятельным человеком. — Но, пока она говорила эти слова, в ее глазах появилось сомнение.

— Они приняли тебя в семью как дочь! — возразила я. — Поскольку ты должна быть благодарна им, и в особенности нашему отчиму, тебя они уж точно выдадут замуж. — Я схватила подругу за руку. — Если мы останемся здесь, то никогда не сможем заниматься тем, чем хотим. Может быть, я сама еще не знаю, чего хочу от жизни, но выходить замуж я уж точно не собираюсь. Если и связать с кем-то свою жизнь, то с мужчиной, которого я сама себе выберу и полюблю. А ты — ты ведь хочешь учиться. Но здесь тебе этого не позволят все равно, сколько бы денег ты ни собрала...

Тхань несколько минут молча смотрела на свою обувь, к которой прилипла грязь с рисового поля.

— Но их все равно не хватит, если мы уедем в Ханой. Там у меня так же мало шансов поступить в университет, как и здесь, я уже узнавала. — В ее голосе прозвучала горечь, и мне стало жаль, что я разрушила ее иллюзии. — Но, может быть...

Тхань подняла глаза. В них появился лихорадочный блеск.

— Может быть, мы смогли бы уехать в Европу или Америку. Я недавно слышала, как один француз рассказывал о том, что женщины там могут учиться в высших учебных заведениях. — Она схватила меня за руки. — Мы вдвоем сможем это сделать!

Казалось, она моментально забыла о привязанности к своей семье. Или же она всего лишь хотела меня успокоить? В тот момент мне было все равно. Тхань послала луч солнца сквозь тучи, сгустившиеся надо мной.

— Но для поездки нам нужны деньги. Больше, чем я сумела сэкономить. — Энтузиазм Тхань исчез так же неожиданно, как и загорелся. — Нет, мы не сможем этого сделать. Нам нужно поговорить с матерью. Может быть, нам удастся заставить ее убедить отца хотя бы не выдавать тебя именно за этого парня.

Солнечный луч исчез, а серая мгла, окружавшая меня, казалось, стала еще плотнее и темнее. Я удрученно покачала головой:

— Она не сможет отговорить его. Он глава семьи. Даже бабушка не смогла бы его убедить, если бы была здорова. У нас остается единственный выход — бегство.



Тхань схватила меня за руку. Ее ладонь была такой же холодной, как и моя.

— Давай сначала посмотрим, что нам скажут дома. Утро вечера мудренее.

Она была права: убежать сломя голову было бы глупо. Для такого плана нужна подготовка. До обручения должно пройти некоторое время. И к тому же пройдет еще какое-то время, прежде чем я выйду замуж. Может быть, они еще не договорились насчет приданого.

Я тяжело опустилась на камень рядом с Тхань. Я чувствовала себя совершенно обессиленной. Даже не знаю, через какое время Тхань подняла меня на ноги.

Между тем стало смеркаться. Когда мы пришли домой, гость уже ушел. Матап и отчим снова занесли бà в дом.

Тхань и я молча выгрузили мои покупки и помыли грязную посуду в старом эмалированном тазу.

— Хоа Нхай, — раздался через некоторое время голос матери над нашими головами. — Мы хотим поговорить с тобой.

Тхань сжала губы, а затем ободряюще кивнула мне. Мне было бы лучше, если бы мать сразу же отчитала меня за поздний приход, но для этого ей не надо было бы вести меня к кузнецу.

Я быстро вытерла руки и последовала за матап в комнату, в которой они разговаривали с торговцем тканью. В воздухе висел неприятный запах сигарет. Мой отчим не курил, но, очевидно, гость предпочитал табачные изделия французов.

Отчим сидел на циновке из рисовой соломки и пил чай, глядя в окно на улицу, жизнь на которой все больше и больше сковывала темнота. Лишь когда я опустилась перед ним на корточки, он перевел взгляд на меня.

Кузнец был порядочным, честным человеком, он никогда не относился плохо к моей матери или к нам с Тхань. Я пыталась убедить себя в этом, чтобы внушить себе надежду на то, что я, быть может, сумею его отговорить. Ведь в Сайгоне так много молодых мужчин. Почему же я должна выйти замуж именно за одного из сыновей торговца тканью?

Мое тело непроизвольно напряглось. Чтобы отчим не догадался по моему лицу, что со мной происходит, я смотрела на свои руки, лежащие на коленях.

Матап села рядом с мужем.

— Тебе уже семнадцать лет, — сказал отчим почти торжественно. — Пришла пора искать тебе мужа.

«Да вы уже нашли его», — чуть не вырвалось у меня, однако мне удалось взять себя в руки. Я продолжала сидеть с опущенной головой, рассматривая циновку из рисовой соломки. Маленький жучок с трудом карабкался по тесно переплетенным соломинкам. Его тонкие ножки снова и снова застревали в промежутках между стеблями, которые, наверное, казались ему глубокими канавами и рвами. Вот так же будет и со мной, если я выйду замуж за сына торговца тканью. Как бы я ни старалась, я не смогу избежать брака, если он однажды будет заключен.

Погрузившись в мысли о жуке, я едва не пропустила мимо ушей то, что говорил отчим. И лишь имя торговца тканью вернуло меня к действительности.

— Его сын Минь был бы подходящим женихом для тебя. Мы приняли решение позволить ему просить твоей руки.

Значит, Минь. Мое предложение оказалось верным. Меня снова охватил гнев.

— А если я не хочу выходить за него? — вырвалось у меня, и в следующее мгновение я

сама испугалась этого, потому что детям нельзя было перечить отцу и матери.

— Дочери не подобает подвергать сомнению решение своих родителей, — строго сказала мать.

Ее голос звучал так, как тогда, когда я вернулась с прогулки в город. Но в тот день мне удалось убедить ее принять к нам Тхань. Сейчас же у меня было такое чувство, будто я сижу перед статуей. Никто бы не смог смягчить ее сердце.

— Ты познакомишься с Минем на следующих выходных и будешь вести себя как подобает, — добавила она. — Мы будем принимать здесь всю их семью, потому что они хотят узнать как можно больше о своей невестке.

«А что, если они от меня откажутся? Что, если я им не понравлюсь?» Я не решилась задать эти вопросы, но в этом и не было необходимости, потому что я уже знала ответ матери: «Тогда ты сама во всем будешь виновата».

— А... а Минь согласен?

Я при всем желании не могла поверить, будто нравлюсь ему. Наверное, он вообще меня толком не рассмотрел!

— Речь идет о союзе двух семей и о благосостоянии их детей, — снова заговорил кузнец. — Нам этот союз необходим. У господина Хана есть связи среди французов. Он повысит наш авторитет, и это будет честью для нас.

«И еще он приведет к нам хорошую клиентуру», — с горечью подумала я. Французы, покупающие шелковую ткань, в конце концов придут и в кузницу. И, может быть, будут делать заказы для нового аэропорта. Лишь теперь я поняла, почему мой отчим так мечтательно об этом говорил. Просто я не ожидала от него такого.

— Ты очень хорошо говоришь по-французски, ты умная и хорошо справляешься с работой по дому, — стал перечислять мои достоинства отчим, а татап в это время одобрительно кивала головой. — Кроме того, ты прекрасно шьешь. У тебя есть все, что господин Хан ожидает от невестки. Как ты знаешь, Минь — старший сын, и когда-нибудь он унаследует лавку.

Кузнец на какое-то время замолчал, затем глубоко вздохнул и сказал последнее слово:

— Ты будешь хорошо обеспечена. В наше время это может предложить своим дочерям не каждая семья. Радуйся нашему выбору.

Еще несколько мгновений я сидела, уставившись на циновку из рисовой соломки. Жук тем временем уже куда-то исчез, выбравшись через дырку. Неужели такая же дырка существует и для меня? Или же мне придется вечно мучиться, ведя такую жизнь, которой я для себя не хотела?

В этот момент я пожелала себе набраться мужества, но мне это не удалось. Если бы я сейчас запротестовала и стала спорить с родителями, если бы я стала возражать, это привело бы лишь к тому, что меня бы наказали. И мне все равно пришлось бы выйти замуж за Миня.

Когда я вышла из комнаты, жемчужный занавес тихонько задрезбезджал. Сразу же после того, как я вошла в кухню, там появилась Тхань. Она несла в руке пустую чайную чашку. Наверное, она как раз давала ба попить и воспользовалась возможностью подслушать наш разговор.

— Минь... — тихо сказала я и подошла к очагу, чтобы выгрести золу. — Они хотят выдать меня замуж за Миня.

— За лошадиную голову? — Тхань тряхнула волосами, словно лошадь гривой, и широко ухмыльнулась. — У тебя будет куча мелких блох.

Собственно говоря, мне было не до смеха, однако подруге удалось меня рассмешить.

Тхань погладила меня по спине.

— Все будет хорошо. Пусть пройдет эта ночь, а утром мы будем умнее.

Прошло несколько бессонных ночей. Мысль о побеге из дому внушала мне страх. Но вместе с тем это была единственная возможность избежать нежеланного замужества.

Мои мысли все время вращались по кругу. Мне казалось, что я стою на распутье. Одна дорога ведет в лавку, где продаются ткани, к Миню, а другая — в джунгли неизвестности. Тхань сказала: «Европа». Там женщинам разрешено учиться в университетах. Получать высшее образование. Я не знала, хочу ли этого, но, конечно, там даже швея зарабатывает намного больше. Да и, кроме того, Тхань утверждала, что в Европе женщина сама может выбрать себе мужа.

Неделя подошла к концу, и в наш дом пришел господин Хан с сыном и женой. Я не старалась быть особенно интересной или умной собеседницей, но, казалось, именно это им и понравилось. Моя мать после этого визита имела очень довольный вид и похвалила меня за хорошее поведение.

Ночью я тихо плакала. Следующее утро нарисовало синие тени у меня под глазами, и я чувствовала себя слишком слабой, чтобы встать с постели. С тех пор как угроза замужества стала витать над моей головой, словно грозовая туча, мне не удавалось шить так много, как раньше. Я была рассеянной, постоянно ранила иголкой пальцы, пачкала ткань кровью, после чего мне приходилось ее отстирывать. По вечерам я молча съедала свою порцию и так же молча выполняла свою работу.

Тхань тоже, казалось, лишилась дара речи. Когда мы вдвоем находились в своей комнатухе, то просто сидели рядом, ничего не говоря. И все же мне казалось, что она умеет читать мои мысли точно так же, как я ее.

Однажды ночью мы даже заснули сидя, прислонившись друг к другу, а утром проснулись в таком же положении. У нас болели кости, но мы были счастливы. Это счастье, казалось, было очень хрупким, потому что если мы так ничего и не придумаем, если не решимся сделать шаг прочь из нашего дома, то, вероятно, из-за моего замужества будем разлучены навсегда.

— Я сегодня схожу в порт, — однажды утром заявила Тхань.

Она заколола волосы наверх, чтобы спрятать их под шляпой из рисовой соломки. Решительность в ее голосе заставила меня мгновенно проснуться.

— А что тебе нужно в порту? — спросила я, хотя уже подозревала, о чем идет речь.

— Я узнаю, не собирается ли в ближайшее время отплывать какой-нибудь корабль, который возьмет нас с собой, — ответила Тхань так тихо, что, кроме меня, этого никто не мог услышать.

— Но тебе ведь нужно идти к крестьянину на рисовое поле, — возразила я, но Тхань отмахнулась.

— Я его не подведу. Приду к нему чуть позже и скажу, что поработаю немного дольше.

Меня словно ударило током. Тхань хочет убежать вместе со мной! Наверное, в одиночку я на это не решилась бы, но теперь, когда она собиралась пойти в порт, мне показалось, что с моих плеч свалилась огромная тяжесть. Я не стану невесткой Хана и увижу целый мир.

— Лучше делай вид, будто все идет, как обычно, — посоветовала мне Тхань, увидев восторг в моих глазах. — Сегодня вечером я сообщу тебе о том, что узнала.

С этими словами она повернулась и направилась в кухню.

Время до вечера тянулось медленно, но тем не менее на душе у меня было легко. Я не знала, найдет ли Тхань корабль, однако она с детства знала многих рыбаков. И они, конечно, будут готовы нам помочь.

Мне хотелось танцевать от радости, но в тот день я вела себя как обычно и старалась быть как можно более незаметной. Единственное, что могло бы меня выдать, — то, что работа у меня спорилась. Я не знала, когда мы совершим побег, но мне нужно было закончить платья для женщин, которые ценили мою работу, и потому мне не хотелось их подводить.

Когда Тхань вечером вернулась домой, у нее был очень серьезный вид. Я боялась, что она не нашла корабля, однако, как ни мучила меня неизвестность, пока что у меня не было возможности ее расспросить, не подвергая себя опасности. Мне нужно было набраться терпения до тех пор, пока татап и мой отчим не лягут спать.

Тхань молчала, пока в доме не стихли все звуки и лишь шум ночного ветра слышался за окном. Наконец она сказала:

— Я встретила с человеком по имени Хуанг. Он готов отвезти нас в Китай. А там мы, конечно, найдем фрахтовый корабль, который плывет в Англию... или в Америку.

В тот момент мне подходила любая страна, лишь бы она была подальше от Индокитая. Мне хотелось ликовать, но это было невозможно, поэтому я лишь обняла Тхань и крепко прижала ее к себе.

— Спасибо!

Тхань покачала головой, словно не хотела, чтобы я ее благодарила.

— Мы будем там работать, ходить в настоящую школу, а затем станем учиться в университете. Мы создадим свои семьи, выбрав мужей, которых полюбим. Как тебе это нравится?

Мне показалось, что в ее голосе вдруг появилось сомнение, и я быстро ответила:

— Это звучит прекрасно. И тогда ты наконец сможешь стать врачом, как тебе и хотелось.

— Я сделаю для этого все, — ответила Тхань, и я была уверена, что в тот момент она думала о своей матери.

Ночь нашего побега выдалась ясной и свежей. Меконг вышел из берегов, давая нам возможность уплыть на маленькой джонке Хуанга.

Мы сложили в сумки лишь самое необходимое: одежду, немного провианта и деньги, которые мы сэкономили и спрятали у себя под матрасами.

С часто бьющимися сердцами мы вдвоем вслушивались в темноту. Матап и кузнец давно уже ушли к себе, однако мы хотели подождать, чтобы убедиться в том, что они уснули.

А затем наш час пробил. Тхань встала, словно внутри у нее был заводной механизм, как у часов, молча достала сумки из тайника и взяла с моей постели одеяло. Мы вместе прокрались к дверям и прислушались. Было тихо, даже бабушка не стонала во сне. Это был подходящий момент. Мы с Тхань взглянули друг на друга. Мне очень хотелось спросить у нее, правильно ли мы поступаем. Но я понимала, что другой возможности у нас не будет. Пусть даже нам было страшно, пусть даже мы не знали, что нас ожидает — нам все равно следовало воспользоваться этим шансом.

Свое самое дорогое сокровище — фотографию, на которой были изображены мы с Тхань, — я оставила на покрывале. Пусть у моей матери останется хоть какое-то воспоминание о нас.

Затем мы выскользнули наружу, как тогда, когда ходили в храм. Но сейчас здесь не было ни забора, ни бдительных слуг, которые могли бы меня удержать. Я взяла с собой самое необходимое — аозай и еще одно платье, кое-какое нижнее белье и мыло.

Сначала я хотела захватить с собой цветки жасмина, однако затем передумала и оставила их под половицей. Будет лучше, если они будут спать там. Я не знала, приносят ли они счастье и удачу, однако в Европе они нам не понадобятся. Я была уверена, что проклятия нашей страны не дотянутся туда, где, по слухам, каждый мог делать то, что хочет. А счастье мы найдем и так.

Под покровом темноты — луна спряталась за тучей — мы с Тхань быстро шли по улицам Сайгона. Теперь нам не нужно было бояться продавщицы девственниц, мы уже вышли из детского возраста. Семнадцатилетняя и девятнадцатилетняя девушки были для этих женщин не интересны.

Однако мы постарались обойти Телон, потому что не хотели наткнуться на пьяных французов.

Еще до того, как мы увидели порт, мы почувствовали его запах. Когда мне стало ясно, что я, скорее всего, никогда больше не увижу эту реку, я остановилась, закрыла глаза и глубоко вдохнула. Аромат морских водорослей и ила, соли и земли, которая придавала реке коричневый цвет, должны были навеки запечатлеться в моей памяти. От многочисленных рыбацких лодок шел запах рыбы, который впитался в дерево так, что оно пахло даже тогда, когда улов был давно выгружен из лодок.

Луна наконец-то выбралась из-за тучи и осветила высокие крыши складов, которые построили французы, и огромные пароходы, гудки которых были слышны далеко в городе. Путешествие на одном из таких кораблей, конечно, было бы более приятным, но столько денег у нас не было. А то, что у нас было, нам понадобится для того, чтобы в новой стране, куда доставит нас корабль, начать новую жизнь.

Наш корабль будет отплывать из другой части порта, где были пришвартованы не только рыбацкие лодки, но и корабли контрабандистов.

— Хуанг — контрабандист, правда? — спросила я Тхань, потому что она ни словом не обмолвилась о том, что этот человек — рыбац.

Если у него была маленькая джонка, то он, наверное, был контрабандистом. Для плаваний ему нужен был маневренный кораблик, который мог бы проплывать мимо французов, не выдавая себя шумом двигателя или паром.

— Надеюсь, он ждет нас, — прошептала Тхань, осматривая причал.

На волнах качалось много парусников и лодок, однако человека, который должен был взять нас на борт, видно не было.

— Конечно, ждет, — успокоила я ее.

Мы медленно пошли дальше. В это время в порту околачивались не только моряки и контрабандисты. Иногда тут появлялись также девочки из Телона, которые надеялись найти себе клиента, ничего не заработав у себя в квартале.

Вдруг перед нами появились какие-то тени. Неужели это люди Хуанга? Скорее всего, это были они, потому что направлялись прямо к нам.

— Эй вы! — по-французски обратился к нам один из мужчин.

Это было неудивительно, поскольку контрабандисты работали и для французов, и с французами. Большей неожиданностью для меня было то, что человек, чье лицо я увидела первым, был европейцем.

— Так это вы те девочки, которые хотят уехать из Сайгона?

— А где Хуанг? — спросила я по-французски.

Мужчина почесал голову:

— Он ждет на корабле. Он послал нас сюда, чтобы забрать вас.

Я схватила Тхань за руку и притянула ее к себе:

— А это действительно люди Хуанга?

— Должно быть, это они, — ответила она.

— Но эти люди — *tâu*! Неужели они будут работать на вьетнамца?

— У контрабандистов свои законы, — ответила Тхай. — Их команды состоят из разных людей, в том числе из *tâu*.

— Ну, в чем дело? Вы хотите ехать или нет? — нетерпеливо спросил мужчина.

Двое его сопровождающих как-то странно уставились на нас.

Тхань, может быть, и была права, но вид этих людей не вызывал у меня доверия. Но если мы сейчас убежим от них, то, вероятно, упустим возможность уехать отсюда.

— Хорошо, мы идем с вами! — ответила я.

Окруженные мужчинами, мы быстро пошли вдоль берега, пока наконец не очутились перед какой-то шхуной. Это удивило меня, потому что, собственно, у Хуанга должна была быть джонка.

— А это действительно тот корабль? — спросила я.

— Нет, это...

Но прежде чем Тхань закончила фразу, мужчины грубо схватили нас и потащили к трапу.

— Мы не можем ждать всю ночь, — проворчал главный, а один из его спутников сказал что-то на языке, которого я не понимала.

Хотя мы ожесточенно сопротивлялись и кричали, призывая на помощь, не появился никто, кто мог бы остановить этих мужчин. Поскольку мы не могли им противостоять, они затащили нас на корабль, к люку, который был почти не виден на палубе.

— Давайте их сюда! — раздался чей-то грубый голос с резким акцентом, а затем нас толкнули вниз.

Мы чуть не упали, но нас подхватили какие-то люди, которые ждали в темноте, и затащили внутрь корабля.

Как мы ни кричали, как ни сопротивлялись — ничего не помогло. Люк над нами захлопнулся. Мы были в западне. Мужчины потащили нас дальше в маленький отсек, который был отделен от трюма крепкой решеткой.

— Отпустите! — снова закричала я. — Наши семьи будут нас искать! Они пошлют вдогонку за вами полицию!

Мужчины грубо расхохотались.

— А я думал, что вы очень хотите оказаться подальше от своих семей! — насмешливо сказал один из них. — Вот мы вас и увезем!

Я поняла, что Хуанг нас предал. Наверное, он получил за нас кучу денег.

— А куда? — испуганно спросила Тхань.

Ответа она не получила.

В следующее мгновение у нас не осталось даже вопросов. В отсеке мы были не одни. За решеткой на корточках сидело десять-пятнадцать девочек. У всех был испуганный вид. У нескольких девочек были кровавые царапины на лице и руках, у кое-кого были синяки,

словно мужчины избили их, потому что они отказывались идти на корабль. Один из мужчин открыл дверь. Она тихо заскрипела, когда он потянул ее на себя.

— Марш туда, и ни звука! — гаркнул мужчина. — Если будете вести себя хорошо, вас не будут бить.

Другие девочки молча уставились на нас, но, поскольку они явно уже познакомились с кулаками этих негодяев, не произнесли ни слова. Решетка тяжело захлопнулась за нами. Один из мужчин сделал угрожающий жест, а затем наши тюремщики повернулись и ушли наверх.

Я с яростью ударила по решетке, но замок не раскрылся. Тхань смотрела на девочек. Она, казалось, была потрясена, потому что не двигалась с места. Я тоже повернулась и увидела, что другие вопросительно смотрят на нас.

— Теперь, наверное, уже достаточно, — прошептала одна из них.

— Кто вы такие? — спросила я. — Что это за люди?

— А вы как думаете? — Голос другой девочки был таким же хриплым, как и ее смех. — Все очень просто, это торговцы людьми. Они прочесывают побережье и ищут девочек, которые достаточно глупы, чтобы решиться подойти к ним поближе. Мы все были такими дурами.

Немного позже на шхуне запустили мотор. Когда корабль поплыл, Тхань залилась слезами. Я прижала ее к себе, пытаюсь успокоить и утешить. Она не сопротивлялась, но в то мгновение мне хотелось, чтобы она оттолкнула меня, чтобы она меня ударила, потому что во всем была виновата я одна.

Тут не было никого, кто мог бы ответить на наши вопросы. Никого, кто хорошо относился бы к нам. Единственное, что мы слышали от этих мужчин, были угрозы. Остальные девочки говорили очень мало, они были парализованы страхом. И Тхань, и я чувствовали себя точно так же.

О бегстве нельзя было даже и думать. Даже если бы нам удалось выбраться из клетки, все равно были еще люк и море.

Я подумала о татап и спросила себя, что она будет делать, когда обнаружит, что наши постели пусты. Будет ли она нас проклинать? Или же она станет беспокоиться и искать нас? Будет ли кузнец обыскивать город и окрестности?

Это было вполне вероятно, потому что союз с сыном торговца тканью был очень важен для них, важен для кузницы. В эти мгновения, когда Тхань с ничего не выражающим взглядом сидела рядом со мной, не говоря ни слова, я хотела, чтобы наши родители нашли нас благодаря счастливой случайности. В тихой молитве я даже пообещала своим предкам, что тогда выйду замуж за Миня.

Но, конечно, никто не пришел к нам на помощь. Никто не остановил корабль, никто не победил торговцев людьми.

Вскоре нам показалось, что корабль везет нас прямо в ад, которым священники tâu пугали неверующих. Здесь было жарко, как в печи, а воздух был таким густым, что его можно было резать ножом. Одежда липла к телу, и даже с волос капал пот. От пленниц ужасно пахло, и эта вонь отравляла и без того тяжелый воздух. Молодые женщины большую часть времени находились в полудреме. И это было самое разумное в данной ситуации.

Куда нас везли, нам не говорили. Торговцы людьми давали нам воду и хлеб, чтобы мы не умерли с голоду, но на большее мы не могли рассчитывать.

Через несколько дней прозвучал страшный грохот, разбудивший нас всех.

— Что случилось? — прошептала Тхань, которая, как и я, проснулась от испуга.

Машины, подгонявшие корабль, стали работать медленнее, пока не остановились совсем.

— Это пираты, — испуганно пробормотала одна из девочек. — Будет лучше, если мы прикинемся мертвыми.

— Зачем нам это делать? — спросила я. — Ведь тогда они точно выбросят нас за борт.

— Поверь мне, это лучше, чем то, что с нами сделают пираты.

О пиратах Тхань никогда не рассказывала. В ее историях встречались морские чудовища и духи, но не эти люди.

— Чаще всего это китайцы, — добавила другая девочка, в то время как мы прислушивались к торопливым шагам над нашими головами. — Если команда сопротивляется, пираты ее сразу же расстреливают. Иногда они забирают корабли, потому что их собственное судно недостаточно хорошо для них. Иногда они отпускают корабли, после того как те заплатят дань за разрешение двигаться дальше.

И снова нас охватил страх — еще более сильный, чем прежде. Как будет выглядеть оплата за проезд на этом корабле? Стоящих внимания товаров у торговцев людьми не было. Только мы...

Дверь внезапно распахнулась. Мужчины говорили по-французски.

— Сколько вы нам отдадите? — спросил один из них, тот, у которого был сильный китайский акцент.

— Двух, — сказал один из торговцев людьми.

— Трех, — потребовал пират.

— Но это же пятая часть нашего груза! У нас клиенты на другом конце света!

— Трех, — продолжал настаивать пират. — Иначе твои клиенты не получат ничего.

Торговец людьми заскрипел зубами. Затем кивнул:

— Ну ладно, трех. Выбирайте сами!

Девочки прижались к стене. Я потащила Тхань за собой, пытаюсь спрятаться как можно дальше. То, чего пираты не увидят, они не смогут захотеть.

Немного погодя мужчины очутились возле решетки. Их предводителем был крепко сбитый человек с широким лицом, коротко остриженными волосами и бородой. Его одежда была темной, а поверх куртки на поясе висела кобура с револьвером. Возможно, у него с собой было и другое оружие. Двое из его помощников держали торговцев людьми под прицелом винтовок.

Взгляды мужчин скользили по нам, и мне казалось, что я ощущаю неприятное прикосновение.

Некоторые девочки закрыли глаза, словно пытаюсь таким образом стать невидимыми. Другие опустили головы, чтобы не показывать своих лиц.

— Вот эта, эта и вон та! — сказал пират.

Я вздрогнула, надеясь, что он не показал пальцем на меня или Тхань.

Дверь распахнулась. Мои мышцы напряглись. У меня в ушах шумела кровь. «Пожалуйста, только не мы! — молилась я про себя. — Когда я снова буду на свободе, обещаю, что вернусь домой и выйду замуж за Миня».

Двух девочек выдернули из общей кучи. Они тут же начали кричать, да так сильно, что у меня завибрировали барабанные перепонки. Затем кто-то наклонился к нам.

Я была уверена, что они заберут меня, и, дрожа от страха, закрыла глаза. А затем ее



оторвали от меня. Мужчины грубо потащили Тхань наверх. Она закричала, но была слишком слаба, чтобы защищаться. Я открыла глаза, и мои руки тут же вытянулись вперед, чтобы удержать ее.

— Нет! — услышала я свой крик, когда попыталась вцепиться в Тхань, и вдруг почувствовала сильный удар.

Мои руки сами собой разомкнулись, я покачнулась и больно ударилась о переборку. Несмотря на то что вокруг меня все вращалось, я попыталась снова подняться на ноги, однако мое тело уже не повиновалось мне. Я почувствовала привкус крови на губах, и у меня больше не было сил, чтобы хоть что-то сделать.

Я услышала, как Тхань кричит и зовет меня по имени. А затем люк захлопнулся и у меня перед глазами почернело.

## 7

Мелани проснулась в предрассветных сумерках и обнаружила, что уснула, облокотившись на ротанговое кресло. Выпрямившись, она почувствовала боль в шее, и ей понадобилось некоторое время, чтобы восстановить ровное дыхание. Когда она потягивалась, у нее между лопатками слегка похрустывало.

Приглушенный свет залил салон нежно-розовым сиянием. На какое-то время Мелани почувствовала себя так, словно ее перенесли в детство, в то лето, когда она просыпалась раньше матери, а затем пользовалась моментом неограниченной свободы, чтобы выбраться из кровати и тихо, как тигрица, пройтись по дому.

Девушка с любовью посмотрела на лицо пожилой дамы, которая безмятежно спала в широком кресле, и потом почувствовала, что боль и страх возвращаются к ней. Тянувшая боль в груди сгустилась в комок, от которого не удавалось избавиться, даже делая глубокие вдохи и выдохи.

Мелани поднялась и задумалась, не совершить ли ей снова утреннюю пробежку. Хотя погода была пасмурной, девушка все же решила пробежаться и направилась к озеру.

Все это время история прабабушки не выходила у нее из головы. Детство Ханны никогда не было темой для обсуждения в их семье. Все знали о том, как она сделала карьеру в Париже, однако, как оказалось, этому предшествовало много событий, и Мелани поняла это только теперь. Она с радостью думала о том, что после обеда снова пойдет в салон и узнает, что произошло на корабле торговцев людьми.

Озеро было накрыто толстым колпаком тумана. Воздух был влажным, словно в джунглях. Но тем не менее на небо было приятно смотреть.

Мелани начала со спортивной ходьбы. Свой телефон она и на этот раз держала в руке, но теперь обернула куртку вокруг бедер. Никогда ведь не знаешь, кого встретишь.

Немного не дойдя до камышей, девушка ускорила темп. Она снова думала о чердаке. Что еще она сможет там найти? Может быть, Ханна нарочно спрятала наверху еще какие-нибудь интересные вещи, связанные с ее историей?

Внезапно раздавшийся шорох заставил Мелани испуганно отпрянуть в сторону. В первый момент она подумала, что это лебедь с озера, однако затем навстречу ей вышел Томас с удочкой и ведром в руках.

— Доброе утро! — радостно воскликнул он. — Вы действительно ранняя пташка!

Мелани была рада, что на этот раз на ней было больше одежды.

— Делаем, что можем, — ответила она и вытянула шею, заглядывая в ведро. —

Сегодняшний день более удачный?

Мужчина широко улыбнулся:

— Это как посмотреть. Карп, конечно, может считать удачей то, что я его не поймал. Но по моим прикидкам за прошедшие дни я уже выловил из озера все банки из-под пива. В любом случае сегодня я не поймал ни одной.

— Вы должны дать им время на то, чтобы пополнить поголовье, — ответила Мелани и сама удивилась тому, что разговор доставляет ей удовольствие.

Томас рассмеялся:

— Да, дело, наверное, именно в этом! Я учту ваш совет. Но скажите мне, вчера кто-то бушевал на вилле? Я видел в мусорном баке осколки стекла.

— Ой, наверное, я не должна была бросать их туда!

Мелани вдруг засомневалась, не выбросила ли она случайно стекло в контейнер для органических отходов.

— Нет, конечно. Выбрасывая мусор, я увидел осколки.

— Одна пожилая дама нечаянно попала палкой в нашу витрину.

— Ага, значит, все же кто-то разбушевался. Может быть, вы поговорите с вашими бабушками, чтобы они наняли меня в качестве охранника?

— А что вы хотите сделать? Арестовать бедную женщину?

— Нет, я никогда не был таким бессердечным. Зато присутствие охранника заставит людей быть осторожнее.

Садовник опять улыбнулся во весь рот. Мелани ответила на его улыбку, но постепенно ситуация опять становилась неприятной для нее. «Если бы Катя увидела меня сейчас...»

Стараясь не думать о своей будущей свекрови, Мелани в конце концов спросила:

— Вы тоже живете на вилле?

— Нет, в подсобном помещении, расположенном немного в стороне. На краю сада есть сарай.

— А там можно жить?

В прошлый раз, когда Мелани здесь была, она обнаружила только сарай для садового инвентаря. Неужели садовник смеется над ней?

— Я сделал там небольшой ремонт. После того как меня взяли на работу, я несколько выходных потратил на то, чтобы превратить сарай в жилое помещение. И мне это удалось.

Он немного помолчал, посмотрел на девушку и сказал:

— Если хотите, можете как-нибудь зайти ко мне в гости.

Мелани была уверена в том, что не сделает этого, как бы ни любопытно ей было взглянуть, во что этот человек превратил сарай.

— Спасибо за предложение, — вежливо сказала она и указала на дорогу перед собой. — Я... Мне нужно...

Томас кивнул:

— Не буду вас задерживать. Мы, конечно, скоро снова увидимся, похоже, сегодня будет прекрасный день!

И с этими словами он повернулся и ушел.

С чувством неловкости Мелани посмотрела ему вслед, однако затем прогнала неприятные мысли и продолжила путь.

Когда через час она зашла в кухню, ее бабушка оживленно спорила с прабабушкой.

— Мапап, сколько можно тебе говорить, чтобы ты даже не пыталась брать в руки

острые предметы?! — пронзительно кричала Мария на французском языке.

Мелани вышла из-за угла. На первый взгляд казалось, что ничего не произошло. Стол был накрыт для завтрака, запах круассанов распространялся по кухне.

Бабушка с озабоченным лицом стояла перед своей матерью, а та с упрямым видом смотрела на нее.

— Если вы забыли, то я напому: я уже не маленький ребенок! — ответила Ханна. — Что такого, если я открою банку с вареньем?

— Но не ножом же! — С видом обвинителя Мария подняла вверх *corpus delicti*[10] — небольшой нож для овощей. — А если бы ты укололась или порезалась? В отличие от меня, ты, наверное, забыла, что принимаешь медикаменты, которые разжижают кровь!

Мелани хорошо помнила, как они все встревожились, когда врач обнаружил у Ханны тромбоз. После этого ей прописали лекарства, разжижающие кровь.

— Мелани, хоть ты, пожалуйста, скажи своей прабабушке, чтобы она не делала глупостей! — попросила Мария, заметив внучку.

— А также попроси свою бабушку, чтобы она не волновалась из-за пустяков. Я открывала таким способом банки с вареньем еще тогда, когда она лежала в пеленках!

— Это, наверное, действительно так, *grand-mère*, но тем не менее ты должна соблюдать осторожность, — примиряющим тоном произнесла Мелани. — Я ведь как донор смогу дать тебе всего два литра крови!

Ханна фыркнула.

— Вот уж не думала, что ты переметнешься на сторону Марии! — проговорила она с нарочито оскорбленным видом.

— Проследи за ней, когда я после завтрака поеду к стекольщику. А лучше всего не ходи сегодня на чердак.

Ханна собиралась возразить, но Мелани быстро произнесла:

— Сегодня я хотела показать вам то, что уже успела найти. Содержимое ящиков разбросано повсюду, и мы должны решить, что сохранить, а что нет. То, что мы не будем оставлять себе, мы можем упаковать в мешки и попытаться разместить в каком-нибудь другом музее.

— Не думаю, что кто-то заинтересуется старыми вещами, — сказала Мария, которая уже успокоилась и стала наливать кофе в чашки.

Ханна поддержала дочь:

— Старую рухлядь можно выбросить. Когда нас двоих уже не будет, ты останешься охранять эти старые вещи.

Она улыбнулась и взяла себе круассан.

Когда такси увезло Марию, Мелани полезла на чердак, чтобы забрать оттуда ящики. И через несколько минут салон превратился в склад одежды. Вещи, которые больше невозможно было использовать, Мелани тут же упаковывала в мешки для мусора, чтобы они не валялись под ногами.

Хорошие вещи она раскладывала на мебели и на полу.

— Боже мой! — воскликнула Ханна, увидев платье с пайетками. — Я и не знала, что оно сохранилось!

— А когда ты его носила? — спросила Мелани.

— Ах, я надевала его на бал в Ницце. Это платье показалось мне ужасным, поэтому сразу же после праздника я отдала его на съедение моли и спрятала так, что теперь

действительно удивляюсь тому, что оно уцелело.

— Так вот, мне оно нравится, — призналась Мелани. — И если ты хочешь знать мое мнение, то на него и сегодня найдутся покупатели.

— Да. Когда смотришь на современных молодых людей на улице, кажется, что они готовы носить все, что угодно.

Мелани на короткое время задумалась, а затем вспомнила то, о чем она хотела спросить уже довольно давно.

— А что ты, собственно, думаешь о том, чтобы организовать показ мод в этих платьях? По крайней мере в тех, которые можно надевать, не рискуя их повредить?

— Да, это прекрасная идея! Но где мы организуем дефиле? Твоей бабушке, конечно, не понравится, если мы устроим его здесь.

— Может быть, будет даже лучше, если показ мод пройдет не на вилле. Так мы сможем сделать рекламу нашему музею за его пределами и, кроме того, заработать кучу денег.

— Кучу денег мы зарабатываем и тут.

— Да, конечно. Но представь себе, что мы проведем этот показ во время «Фэшн уик»! Ретро-шоу! Конечно, нам это обойдется в определенную сумму, но зато благодаря ему весь мир узнает о твоём музее, и тогда японцы толпой повалят сюда... — Мелани замолчала, увидев, что Ханна улыбается ей во весь рот. — Что такое? Разве не было бы чудесно, если бы к тебе заглядывали зарубежные экскурсанты? Таких хорошо сохранившихся старинных платьев нет больше нигде, за исключением разве что больших музеев.

— Я улыбаюсь не потому, что мне не нравится твоя идея, — ответила Ханна. — Просто я только что снова увидела прежнюю предприимчивую Мелани. Мою внучку с тысячью хороших идей.

Девушка обескураженно посмотрела на прабабушку:

— Что ты имеешь в виду?

— У тебя снова загорелись глаза, когда ты говорила о показе мод, а я уже давно этого не видела.

Мелани опустила взгляд и смущенно улыбнулась:

— Ну да, в данный момент... Мне кажется, что я действительно с удовольствием организовала бы это шоу. Когда...

— Когда Роберт снова придет в себя?

Мелани сразу же почувствовала, как тяжелый камень снова опустился ей на грудь. Да, когда он снова проснется...

— Ну, тогда, может быть, тебе нужно начать подготовку заранее, а когда ты в следующий раз будешь у Роберта, расскажи ему об этом. Может быть, для него это станет дополнительным стимулом для того, чтобы прийти в себя. Скажи ему также, что ты будешь манекенщицей, которая наденет платье невесты.

— Но, *grand-mère*...

— Никаких «но», Мелани! — Ханна схватила правнучку за руку. — Роберт не хотел бы, чтобы ты перестала жить и работать. Я совершенно уверена, что он разозлился бы на тебя, узнав, что из-за него ты отказываешься от хороших идей.

Мелани глубоко вздохнула. После всего пережитого она уже не могла представить себе, что Роберт мог из-за чего-то сердиться на нее.

— Ты знаешь, мне было бы очень приятно, если бы он на меня рассердился, даже ужасно разозлился, потому что тогда он мог бы поссориться со мной и выйти из этой

проклятой комы!

— Он выйдет из нее. А я на твоём месте доставила бы ему радость, создав что-нибудь прекрасное, пока он будет приходить в себя. Тогда он определенно поостережется снова впасть в кому!

Последующие несколько часов прабабушка и правнучка мужественно сортировали содержимое ящиков, и Мелани даже удалось отодвинуть в сторону мысли о Роберте. Ханна была права: её жених был бы ею недоволен. И он бы обрадовался, услышав о показе мод. И, конечно, не упустил бы возможности сфотографировать все это и сообщить об этом в газете. Тем более что у него были очень хорошие отношения с Ханной и Марией и он частенько предлагал им написать заметку об их музее.

— Вот это нам бы пригодилось! — Ханна вытащила голубое платье с нежно блестящими камешками и довольно рискованным декольте. — Это платье я надевала в шестидесятые годы на какой-то благотворительный гала-концерт. Это было прекрасное представление. Мне было уже далеко за пятьдесят, а меня принимали за сорокалетнюю. Можешь себе представить, очень многие пожилые дивы ужасно мне завидовали.

— Наверное, они завидовали бы тебе даже сейчас, — ответила Мелани, щупая тонкий крепдешин.

— И, кроме того, Джеки Кеннеди лично спросила меня, откуда у меня такое платье. Она тогда как раз собиралась стать миссис Онассис.

— Ты знала Джеки Кеннеди?

Мелани пришла в восторг. Конечно, её прабабушка была знакома с известными, выдающимися личностями, но такого она не ожидала.

— Ну, знала — это, пожалуй, слишком громко сказано. Я разговаривала с ней, она похвалила мое платье, и мне удалось вручить ей свою визитную карточку. Но Джеки так и не купила у меня шляпу, к сожалению.

— Почему ты до сих пор об этом не рассказывала?

— Не было повода, — отмахнулась Ханна. — И к тому же ты меня знаешь: я не люблю хвастаться.

В этом она была права: Ханна всегда наслаждалась своим успехом, но никогда не объявляла о нем публично.

Когда они снова вернулись к одежде, Ханна вдруг остановилась. Очевидно, она что-то обнаружила среди вещей.

— Быть этого не может! — пробормотала она и, словно притянутая невидимой силой, подошла к невзрачному коричневому платью, которое лежало под красивым голубым туалетом.

Коричневое платье было сшито из грубой ткани и имело довольно простой крой, но сохранилось так хорошо, что у Мелани не поднялась рука его выбросить.

Дрожащими руками Ханна взяла платье и пощупала ткань.

— В каком году оно было сшито? — спросила Мелани, но прабабушка ей не ответила.

Она некоторое время внимательно рассматривала платье, а затем стала ощупывать его кант. Через несколько минут она остановилась.

— Нет ли у тебя под рукой случайно ножниц, дитя мое? — спросила прабабушка.

— Под рукой нет, но я сейчас их принесу.

Мелани поспешно вышла из салона и помчалась в кухню. Что вдруг случилось с её прабабушкой?

Когда девушка вернулась с ножницами, Ханна уже уселась на одну из табуреток. Остальные платья, казалось, ее больше не интересовали. Она держала в руках кайму, которая выглядела немного выпуклой.

Мелани вспомнила об утреннем споре, но все же протянула Ханне ножницы. Если уж ее прабабушка и умела обращаться с каким-то предметом, то это были именно ножницы.

Ханна ловко распустила шов и расправила ткань.

— А что это... — начала Мелани, но тут Ханна извлекла из платья несколько старых денежных купюр.

Они были плотно скручены, и вид у них был довольно потрепанный. Ханна задумчиво посмотрела на них, а потом взглянула на Мелани.

— За столько лет я, конечно, забыла очень многое, — сказала она, и по ее щеке скатилась слеза.

Мелани уселась на табуретку рядом с прабабушкой и обняла ее за плечи. Ханна прижалась к ней и тыльной стороной ладони вытерла лицо.

— Эти деньги подарила мне одна хорошая подруга, и было это очень-очень давно. Она хотела, чтобы я научилась чему-нибудь хорошему. Я зашила деньги в платье, чтобы их у меня не отняли.

Мелани гладила Ханну по руке, спрашивая себя, в каком году могло быть сшито платье. Она предполагала, что то были двадцатые годы. Может быть, это произошло во время мирового экономического кризиса?

— Я думаю, что должна рассказать тебе о ней, — в конце концов произнесла Ханна и осторожно освободилась из объятий правнучки. — Ты, конечно, уже сгораешь от любопытства, желая узнать, что произошло со мной на корабле, не так ли?

— Конечно, — ласково сказала Мелани.

Она спросила себя, почему на глазах у ее прабабушки вдруг выступили слезы? Неужели это как-то связано с Тхань?

— Хорошо. Тогда я предлагаю следующее: ты принесешь нам по чашке чая, потому что эта часть истории довольно продолжительная и мне понадобится время, чтобы сосредоточиться, ведь то, что случилось тогда, мне очень хочется навсегда выбросить из памяти. — Она посмотрела на деньги и осторожно развернула их. — Но, как ты видишь, прошлое с себя так просто не стряхнешь.

Мелани бросила короткий взгляд на купюры и увидела, что это были рейхсмарки. Эти деньги были напечатаны после снижения инфляции. Значит, Ханна, очевидно, была в Германии после 1925 года? Что же произошло с ней после похищения?

Мелани встала и пошла в кухню.

Пока закипала вода в чайнике, она смотрела на свой мобильный телефон. Там было уже несколько sms, и среди них — сообщение из агентства. После аварии Шарлотта стала очень осторожно относиться к звонкам. Она всегда заранее старалась убедиться в том, что все в порядке.

Поскольку вода еще не закипела, Мелани решила сразу же позвонить своему ассистенту.

— Привет, дорогая! Давно тебя не слышала! — воскликнула Шарлотта, когда Мелани поздоровалась с ней. — Как у тебя дела?

— Теперь довольно хорошо, — ответила Мелани. — Я сейчас в гостях у своей прабабушки.

— О, в этом крутом музее мод!

Конечно, Мелани с восторгом рассказала всем в агентстве о вилле.

— Я должна обязательно приехать к вам и все это увидеть.

— Тебе здесь будут рады в любое время, — сказала Мелани, хотя и понимала, что Шарлотта выберется сюда лишь тогда, когда выйдет на пенсию. — Ну, говори, почему ты мне звонила?

— Один из твоих клиентов спрашивал, скоро ли можно будет сделать тебе заказ.

— Кто это?

— Дорнберг!

У Мелани перехватило дух. Луи Дорнберг был одним из самых дорогих дизайнеров, с которыми она когда-либо работала! Она с удовольствием вспоминала фотосессию в Тунисе, где она фотографировала его коллекцию.

— Да, он хочет, чтобы ты делала фотографии для его новой рекламной кампании. Разве это не классно?

— Да, конечно, — ответила Мелани несколько неуверенно.

Как бы ей ни льстило такое предложение, она знала, что Дорнберг не удовлетворится короткими съемками в Берлине или даже в Германии.

— Что-то не слышу восторга в твоем голосе, — констатировала Шарлотта.

— Ах, ты же знаешь, какие у меня сейчас обстоятельства.

— Конечно, знаю. Но фотосессия состоится не раньше сентября. И она будет проходить на Бали!

У Мелани сжалось сердце. Бали — это, конечно, прекрасно, и если бы в начале года все было по-другому, то сейчас она бы, наверное, прыгала от восторга. Однако теперь ее охватило неприятное чувство.

— Дай мне немного подумать, хорошо? Пожалуйста...

— Тебе нужно время на размышления? Мы же говорим о Дорнберге!

Мелани беспокойно заходила по комнате:

— Да, я знаю. Но в данной ситуации я просто не могу ответить сразу. Дай мне хотя бы пару дней, хорошо?

Шарлотта вздохнула:

— Ну ладно, только для тебя. Ты знаешь, что Дорнберг не любит, когда его заставляют ждать. Такой человек, как он, получает ответ сразу же.

— Я... я обещаю, что тебе не придется заставлять его долго ждать.

После этих слов последовала пауза. Мелани могла представить себе, что происходит сейчас у Шарлотты в голове. Но если Роберт по-прежнему будет лежать в коме, она вряд ли сможет исчезнуть в Азии на целых три недели.

— Я сделаю все, что смогу. В крайнем случае скажу, что ты заболела или что до тебя невозможно дозвониться. Это обидит его меньше, чем предложенное тобой время на размышление.

— Благодарю тебя от всего сердца!

Мелани нажала на «отбой» и посмотрела в окно. Солнце спряталось за тучей, у которой был такой вид, словно она собиралась излиться дождем. Почему жизнь поставила Мелани перед дилеммой?

Девушка поняла, что ей очень хочется поработать и она любит свою профессию, однако чувство долга по отношению к Роберту удерживает ее от этого. Странно, но ее это рассердило. Неужели это означало, что ее любовь к нему угасает?

Лишь через несколько минут Мелани заметила, что чайник уже выключился. Она еще раз вскипятила воду, а затем заварила чай.

— С тобой все в порядке? — спросила Ханна, когда Мелани вернулась в салон. — У тебя взволнованный вид.

Девушка поставила чашки с чаем на маленький стол между табуретками.

— Звонила Шарлотта.

— Ну и?.. Плохие новости?

Мелани рассказала прабабушке о телефонном разговоре. В заключение она проговорила почти со страхом:

— Мне так хочется на работу. Но не может ли это быть признаком того, что я... больше не люблю Роберта?

Ханна с недовольным видом покачала головой:

— Ты ни в коем случае не должна внушать себе такое! Любовь к человеку не зависит от того, чем еще ты желаешь заниматься. Повторяю тебе еще раз: Роберт хотел бы, чтобы ты продолжала работать! И если ты будешь меньше показываться в клинике, там в любом случае все будет идти своим чередом. Врачи там хорошие. Они каждый день стараются поскорее вернуть тебе твоего жениха. Когда Роберт придет в себя, ты будешь ему нужна, но, скорее всего, он не сразу спрыгнет с постели и станет прежним. — Ханна некоторое время шевелила пальцами, а затем снова потянулась к коричневому платью, словно оно было спасательным кругом. — Я сама уже несколько раз бывала в такой ситуации, когда мне казалось, что лучше сдаться. Но затем я вспоминала, что хочу жить.

Она многозначительно посмотрела на правнучку:

— Прошу тебя, дитя, воспринимай случившееся с Робертом как шанс набраться сил. То, что будет потом, окажется еще труднее. И хорошенько подумай о своей профессии. Если ты хочешь работать, то работай! У тебя за спиной твоя семья — ни Елена, ни Мария, ни я не допустим, чтобы твоя свекровь приковала тебя к больничной кровати.

Ханна глубоко вздохнула, словно ей вдруг стало трудно дышать. Встревоженная, Мелани вскочила на ноги:

— Все в порядке, *grand-mère*?

— Да, со мной все хорошо, — ответила Ханна, и ее руки стали чуть слабее сжимать подол платья. — Я просто вошла в раж от собственной речи. В моем возрасте не стоит этого делать. Ты все еще хочешь услышать историю этого платья?

— Да, конечно. Если ты все еще хочешь ее мне рассказать.

Мелани вдруг пожалела, что сообщила Ханне о предложении из агентства. Ей не хотелось, чтобы прабабушка волновалась из-за нее.

— Разумеется. И, возможно, моя история хоть немного поможет тебе принять верное решение.

Ханна сделала глоток чая, а затем закрыла глаза. Ей нужно было вернуться очень далеко назад, в свои воспоминания.

## 8 1925—1926

Нашему путешествию, казалось, не будет конца. Климат резко менялся: сначала было жарко, как в духовке, затем холодно, как на льду. Часто корабль резко подбрасывало на волнах, шторм и волны немилосердно трепали его. Груз швыряло по трюму. Каждый раз, когда что-то билось о решетку, некоторые девочки испуганно вскрикивали. Машины



перегревались, пытаясь удержать заданный курс — куда бы ни вез нас корабль.

В такие минуты мне иногда хотелось, чтобы шторм унес всех нас в пучину.

Но однажды судно замедлило ход и остановилось. Его корпус дернулся, и машины замерли. Неужели снова появились пираты? Или же мы добрались до цели нашей поездки?

Над нашими головами загремели чьи-то шаги, послышались голоса, раздался грохот цепи — наверное, это опускали якорь. Что же будет дальше?

Остальные девочки так же, как и я, уже не имели сил, чтобы плакать или хоть что-то говорить. Мы, словно в летаргическом сне, сидели друг возле друга и даже не двинулись с места, когда в трюме появились мужчины.

— А вот и мы! — крикнул один из них по-французски. — Давайте, марш наверх!

Загремели ключи, а затем зарешеченная дверь открылась. Некоторые из девочек добровольно подчинились приказу, остальные остались сидеть. Я была среди тех, кто застыл на полу. Все мои мысли были о Тхань. Могла ли я хоть что-то сделать? И какова ее судьба?

— Вставай! — заорал на меня один из мужчин.

И, поскольку я не выполнила его требования, грубо дернул меня за руку. Я все еще не могла двигаться; тогда он схватил меня за волосы и резко рванул назад. Прямо перед собой я увидела его искаженное злобой лицо.

— Не валяй дурака!

От него разило алкоголем и сигарами. Меня затошнило, но в желудке у меня ничего не было, так что мне даже вырвать было нечем. Его глаза — грязно-зеленые, как вода Меконга во время муссонов, — некоторое время злобно смотрели на меня, а затем он потащил меня за собой.

Я безвольно поднималась по трапу, который уже давно опустили к нам в трюм.

Палуба была освещена так ярко, что моим глазам стало больно. Остальных девочек нигде не было.

Какой-то незнакомый едкий запах буквально разрывал мои легкие и вызвал у меня кашель. Чьи-то грубые руки схватили меня, словно я была тюком хлопка. Ночной воздух холодными зубами впился в мои руки и ноги. На мне все еще была одежда, в которой меня похитили, и никто не дал мне ни одеяла, ни пальто.

Несмотря ни на что, я попыталась оглядеться. Фонари в этом порту были не такими, как у нас, да и темнота здесь, казалось, была еще чернее. Тут совершенно не было слышно даже легкого запаха орхидей и пряностей. Зато мне показалось, что я чувствую запах грязи, из-за которой палуба под моими ногами стала скользкой.

Где я очутилась? Сколько миль было между этим холодным и темным местом и моей родиной?

По шаткому трапу меня вывели на портовую набережную. Здесь в больших, но мелких лужах отражался свет фонарей. Немного дальше стояла какая-то повозка, которую я до сих пор никогда не видела. Наверное, это был один из автомобилей, о которых рассказывал мой отчим. Я испугалась, когда поняла, какими далекими показались мне воспоминания о нем и о маме.

Человек, который ждал у автомобиля, был одет в пальто с меховым воротником. Он что-то сказал остальным и знаком приказал мне сесть в машину.

От запаха кожи я чуть не задохнулась, однако сиденье подо мной было мягким, а кабина защищала от пронзительного холода. Я была не одна. Какой-то мужчина с грубым лицом сидел на заднем сиденье, а на противоположной стороне жались друг к другу еще две

девочки с корабля. Они так дрожали, что можно было подумать, будто у них какое-то нервное заболевание.

Мужчины на улице еще некоторое время поговорили на незнакомом мне языке. Было похоже на то, что они ссорились. В конце концов владелец пальто с меховым воротником сердито закончил разговор и сел в автомобиль. Через несколько минут загудел двигатель и машина тронулась.

Когда холод немного отпустил мои конечности и я перестала лязгать зубами, я выглянула из окна.

Порт с его огромными складскими помещениями, которые с трудом различались в темноте, исчез позади, а вместо них показались дома, похожие на те, в которых жили французы в Сайгоне. Большинство из них имело довольно ободранный вид, и я спросила себя, не попала ли я в страну *tây*.

Однако чужой, резавший слух язык не был французским. И все же я, должно быть, была в Европе. Но где именно?

Больше всего меня интересовало то, попаду ли я когда-нибудь домой.

Эта мысль вызвала у меня болезненную улыбку. Сначала я мечтала убежать оттуда, а теперь мне так хотелось вернуться назад! И я должна была найти Тхань.

После поездки, показавшейся мне бесконечной, мы добрались до ярко освещенного квартала. Эта улица немного напомнила мне Телон, хоть и выглядела не такой грязной. Я снова подумала об опиумных притонах и о борделях. Если эта часть города была чем-то вроде Телона, то я погибла.

У дома, перед которым остановилась машина, казалось, были красные глаза. Красный свет лился из дешевых абажуров и отражался от стен. Меня вместе с девочками вытащили из машины и быстро завели в дверь.

В нос нам ударил тяжелый запах. Узкий коридор вел еще через одну дверь в помещение, которое было немного похоже на рабочий кабинет моего отца.

Там сидела женщина в наглухо застегнутом черном платье. Ее рыжие волосы были уложены в крупные локоны, а лицо казалось унылым. Она внимательно рассматривала девочек одну за другой, иногда качая головой, иногда кивая.

Через некоторое время она что-то сказала мужчине в пальто с меховым воротником, который стоял позади нас, загораживая дверь. Он сердито ответил, затем крикнул что-то, и в комнате появились мужчины, которые забирали нас с корабля.

Обеих девочек куда-то увели, а я осталась стоять. Тогда женщина стала ходить вокруг меня, словно кошка. Время от времени она грубо хватала меня за подбородок, задирала его. Она запустила пальцы в мои волосы, брезгливо поморщилась и сказала что-то мужчине. Он ей ответил и рассмеялся.

В конце концов женщина наклонилась ко мне.

— Говорят, ты знаешь французский? — Она говорила по-французски с сильным акцентом.

Я кивнула.

— Хорошо! Тебе повезло, я забираю тебя к себе.

И снова я увидела перед собой раздавленную собаку и продавщицу девственниц. Если эта женщина говорила о везении, то это означало гибель, в этом я была уверена.

— Такой маленький цветочек лотоса понравится нашим клиентам.

И она снова что-то сказала мужчине на незнакомом языке, а затем крикнула:

— Ариана!

У женщины, которая явилась на зов, были черные волосы, и она была очень худой. Вокруг ее губ залегли жесткие складки, и вблизи она казалась старше, чем, наверное, была на самом деле.

Того, что сказала ей рыжая женщина, я не поняла, однако Ариане, очевидно, дали задание заняться мной.

— Идем со мной, — сказала Ариана и взяла меня за руку.

Ее французский язык был безукоризненным, вероятно, она была урожденной *tâu*. От нее исходил легкий аромат роз, и когда она двигалась, ее платье тихо шелестело. Ариана провела меня мимо других ожидающих женщин, которые смотрели на меня — кто с любопытством, кто враждебно, — а затем потащила по узкой лестнице куда-то наверх.

— Как тебя зовут? — спросила она, когда мы поднялись на следующий этаж.

Я не могла издать ни звука.

— Ну, говори же. Или тебе отрезали язык?

Я назвала ей свое имя.

— Хо-Най, — повторила женщина не совсем правильно и покачала головой. — Странное имя. Но, наверное, у вас у всех там такие имена. Откуда ты попала сюда?

— Из Сайгона, — с трудом прохрипела я.

— Ах, я когда-то слышала об этом городе. Это в Индокитае. — Казалось, название моей страны таяло у нее на языке. — Один из моих клиентов бывал там и восторженно рассказывал об орхидеях и о жасмине. К сожалению, он не захотел взять меня туда с собой...

Слово «клиент» заставило меня застыть. Этот дом был таким же, как дома в Телоне!

Меня охватила дрожь. Тогда нам удалось сбежать от продавщицы девственниц. Теперь же я очутилась в борделе.

— *Mon Dieu!*[11] — воскликнула Ариана и бросилась ко мне, потому что я зашаталась и чуть не упала.

Несмотря на то что она была очень худой, у нее было достаточно сил, чтобы подхватить меня на руки.

— У тебя закружилась голова? Тебе плохо? Эти сволочи морили тебя голодом, да?

Ариана смахнула прядь волос с моего лица и попыталась улыбнуться.

— Постарайся снова взять себя в руки. Это самый важный совет, который я могу тебе дать: вставай на ноги, что бы ни случилось. Этот дом... Тебе здесь может быть легко или тяжело, это уж как получится. На родину, конечно, ты так легко не попадешь. Но когда-нибудь ты станешь слишком старой для того, чем мы тут занимаемся. Если тебе повезет, они тебя отпустят и ты сможешь уйти, куда захочешь. Если нет, тебе придется стать уличной проституткой. Может быть, тебе удастся отложить немного денег. Советую тебе сделать это.

Я не поняла, что она хотела этим сказать, но у меня откуда-то снова взялись силы, чтобы выпрямиться.

Мы остановились перед какой-то поцарапанной дверью.

— Это моя комната, — пояснила Ариана. — Ты будешь жить здесь вместе со мной, пока тебе не дадут отдельную комнату. Если ты будешь хорошо зарабатывать, то это произойдет довольно скоро, если нет, то нам придется еще долго жить вместе. А если ты будешь действовать мне на нервы, то сразу же вылетишь отсюда. Тебе понятно?

Я испуганно уставилась на нее, и она, очевидно, приняла это за согласие.

— Пока ты будешь мыться, я подыщу тебе новую одежду. И даже не вздумай пытаться

удрать отсюда. Я не допущу, чтобы у меня из-за тебя возникли неприятности, скорее я надеру тебе задницу.

За дверью находилась маленькая комната, в которой стояли кровать и кушетка.

— Подожди здесь!

Ариана вытащила из комода ночную рубашку и грубое полотенце, а затем повернулась ко мне.

— Ванная находится в конце коридора, — объяснила она. — Остальные девочки уже закончили работу на сегодня и будут мыться только завтра утром, поэтому ты можешь пойти искупаться. Воду уже налили, однако я не могу обещать тебе, что она теплая, потому что слуга топит печку только раз в день. Хотя после корабля...

Ариана запнулась и покачала головой, потом отвела меня в помещение, где можно было помыться, и включила свет. Это была узкая комнатуха, в которой стояла ванна с надбитой эмалью, а также маленькая табуретка с тазом для мытья и большой фарфоровой кружкой.

— Раздевайся! — велела Ариана, наливая воду из ведер, стоявших рядом с дверью.

Несколько капель упало на пол. Они стекли в бороздки между кафельными плитками и потекли в направлении двери.

Я не хотела раздеваться перед этой женщиной. Когда я купалась вместе с Тхань, мне не было стыдно, но Тхань была моей подругой, моей сестрой.

— Ну, не ломайся, — сказала Ариана, которая, казалось, поняла, что со мной происходит. — Из-за того, что я на тебя смотрю, тебя не убавится. Кроме того... — Она сжала губы, а затем повернулась, чтобы уйти. — Я подожду снаружи. Залезай в ванну и не возись долго!

С этими словами она покинула помещение. Я посмотрела на ванну. На поверхности воды плавало что-то зеленоватое, словно водоросли. Я осторожно окунула пальцы в воду. Вода действительно была ледяной. «Наверное, было бы лучше, если бы я в ней утонула», — подумала я.

«Нет, ты не должна этого делать, — вдруг сказал внутренний голос, похожий на голос Тхань. — Кто тогда будет меня искать? Только ты одна знаешь, что произошло. Только ты сможешь меня найти».

Я сняла с себя старую одежду, которая за это время превратилась в клочья, и погрузилась в холодную воду.

Когда я вышла из ванны, Ариана с нетерпеливым видом ждала меня у двери. На лестнице, ведущей вверх, раздавались чьи-то шаги. Девушки, ожидавшие внизу, поднимались по ступеням и постепенно исчезали в своих комнатах.

— Ну, как ты чувствуешь себя в роли кормилицы? — насмешливо спросила у Арианы молодая женщина с курчавыми волосами.

Она довольно плохо говорила по-французски, он явно был для нее чужим. Однако она выбрала этот язык, наверное, для того, чтобы я тоже ее понимала.

Ариана улыбнулась ей во весь рот:

— К счастью, эта малышка достаточно взрослая, так что ее больше не надо кормить грудью. Но если хочешь, я с удовольствием отдам ее тебе, Эрика.

— Нет, не надо, у меня есть занятие получше. Пока что у меня, как бы там ни было, достаточно клиентов.

Женщина сделала неприличный жест и схватила себя за груди, сдвинув их вместе.

Ариана ничего на это не сказала, но ее глаза сердито заблестели.

— Ты можешь спать на кушетке, — заявила она, когда мы вернулись в ее комнату. — В ближайшее время тебе дадут новые вещи, а пока что можешь взять себе кое-что из моих. Ты ведь достаточно худая.

Ариана, не стыдясь, сбросила платье. Под ним была тонкая нижняя юбка и чулки, которые с помощью подвязок крепились к поясу. Эту нижнюю юбку она тоже сбросила с себя вместе с резинками и чулками и спустя мгновение стояла посреди комнаты в чем мать родила. Ее, казалось, это нисколько не смущало, но я пристыженно опустила взгляд.

Ариана засмеялась.

— Ты еще и не такое здесь увидишь! Привыкай.

У меня горели щеки. Я никогда не хотела выставять свое обнаженное тело напоказ. Может быть, девочки из Телона так и делали, но только не я.

«Но теперь ты одна из них», — сказал тихий голос у меня в голове.

Чтобы не смотреть на голую женщину, я легла на кушетку, закрыла глаза и постаралась думать о чем-то другом. Я вспомнила Тхань и задала себе вопрос: может быть, ей удалось убежать от пиратов? Может быть, французы остановили пиратский корабль и спасли девочек? Я ухватилась за эту мысль.

— Бедная малышка, — прошептала Ариана, садясь возле меня на кушетку и убирая волосы с моего лица, — орхидея, вырванная из родной земли. Эти свиньи...

Я все слышала, но не решилась открыть глаза.

— Я буду присматривать за тобой, — пообещала Ариана и укрыла меня одеялом. — А теперь спи.

Немного погодя свет погас и я услышала скрип металлической кровати. Тогда я открыла глаза и увидела за окном луну. Она казалась бледнее и холоднее, чем у меня дома, но все же я могла видеть ее. Впрочем, недолго, потому что вскоре мои глаза закрылись.

В последующие дни Ариана объяснила мне, что я нахожусь в Германии, а точнее в Гамбурге, и что мне следует учить немецкий. Она сказала, что я буду работать на Хансена — так звали мужчину в пальто с меховым воротником — и что моей задачей будет спать с мужчинами. То, как она мне это описала, чуть не довело меня до обморока.

— Боже мой, — недовольно проворчала Ариана. — Ты же не можешь терять сознание из-за любого дерьма!

Она недовольно фыркнула, а затем открыла форточку. К этому времени я уже поняла, что это единственная часть окна, которая открывалась. Чтобы девочки не сбежали, Хансен убрал все ручки.

— Слушай внимательно! — сказала Ариана, опускаясь передо мной на корточки. — И, главное, смотри на меня!

Я с отвращением открыла глаза.

— Если ты хочешь здесь выжить, тебе придется научиться смотреть на определенные вещи и выслушивать их, а также самой это делать. Я... Мне очень жаль, что ты тут очутилась. Однако Хансен не отпустит тебя, независимо от того, будешь ты это делать или нет. Ты даже представить себе не можешь, что приходится терпеть девочкам, которые занимаются проституцией на улице! Они вынуждены отдаваться каждому, кто появляется перед ними, и очень часто их забирают в полицейский участок. Большинство из них умирают молодыми, либо заразившись каким-нибудь заболеванием, либо от ножа какого-нибудь сумасшедшего. Здесь же, внутри здания, ты хотя бы находишься в безопасности, пока делаешь то, что от тебя требуют. Тебя не должно тошнить, когда ты увидишь меня или кого-

то другого без одежды. По крайней мере делай вид, будто тебя это не волнует!

Я испугалась, заметив в глазах Арианы слезы.

— Наши с тобой судьбы зависят от того, будешь ли ты слишком щепетильной.

— Почему? — спросила я.

Ариана быстро отвернулась и оперлась локтями на комод. Там стояла тарелка с липкими остатками соуса. Еда здесь была плохой, но ею хотя бы можно было насытиться.

— Потому что скоро я стану слишком старой, — ответила она. — Тогда они выкинут меня на улицу, и я там умру. — Она отвернулась. — Но я не хочу умирать, значит, должна заниматься новыми девочками. Такими, как ты. Я объясняю им, что от них требуется, и показываю, что они должны делать. И пока я справляюсь с этой задачей и мои ученицы приносят хороший доход, хозяева оставят меня в этой комнатухе. Ведь время от времени у меня тоже бывают клиенты.

Ариана помолчала, а затем, опустив взгляд, добавила:

— Пожалуйста, сделай мне одолжение, не доставляй нам неприятностей. Я знаю, ты возненавидишь это занятие, а вместе с ним и меня, но поверь мне, я не хочу, чтобы тебе было плохо. Я просто хочу выжить. И хочу, чтобы ты тоже выжила.

Теперь я поняла, что Ариана не враг мне. И что мы нужны друг другу. Но я все же не знала, как мне вытерпеть то, о чем она рассказала.

Через несколько дней снова появился мужчина в пальто с меховым воротником. Он вызвал нас к себе, внимательно осмотрел меня, а затем что-то сказал Ариане. Она уже немного научила меня немецкому языку, однако моих познаний было недостаточно для того, чтобы понять, о чем они говорят.

Правда, Хансен говорил и по-французски.

— Матросы рассказывали мне, что в твоей стране есть поверье: если мужчина возьмет девственницу, это принесет ему удачу и счастье. — Он явно наслаждался этим грязным словом и выражением ужаса на моем лице. — Я собираюсь сделать одного из моих клиентов очень счастливым. И он хорошо заплатит за это счастье.

У меня забурлило в желудке, и я не знаю, как мне удалось не упасть в обморок от ужаса.

Хансен снова сказал что-то Ариане, и она ему кивнула. Затем он махнул рукой, словно отгоняя надоедливую муху.

— Хансен хочет, чтобы я тебя подготовила, — объяснила Ариана, когда мы снова пошли наверх. — Он продаст твою девственность с аукциона тому, кто больше заплатит. — Она прислонилась к стене, словно силы покинули ее. — Поэтому он выжидал. Поэтому никто не мог к тебе прикоснуться. Ублюдок...

Затем она снова выпрямилась:

— А сейчас пойдем, у нас есть чем заняться. И если у тебя покраснеют уши и ты закроешь глаза, я все равно буду говорить тебе о том, что тебе предстоит. Лучше, если ты заранее узнаешь об этом.

Ариана ничего не скрывала. Зачастую меня шокировал ее словарный запас, но то, что описывали ее слова, было еще хуже.

Когда день подошел к концу и я вынуждена была выйти из комнаты, освободив ее для очередного клиента, я с безучастным видом сидела на лестнице, где нашла себе уединенное место и где меня никто не видел. Описания Арианы преследовали меня даже во сне. И с этого момента я каждое утро просыпалась в страхе.

День, когда меня должны были продать с аукциона, настал быстрее, чем мне хотелось.

Другие девочки, мимо которых я предпочитала проходить тихо и осторожно, потому что чувствовала их враждебное отношение к себе, хихикали и шептались за моей спиной, однако я не понимала их слов. Когда Ариана находилась неподалеку, девочки молчали, из чего я сделала вывод: они не говорили обо мне и о ней ничего хорошего.

В тот вечер, когда должен был состояться аукцион, я дрожала как осиновый лист. Я почти не следила за тем, как Ариана подбирает мне платье. Все мои мысли сосредоточились на том, как бы убежать отсюда. Однако дом охраняли слишком хорошо, а бежать, выбравшись через окно, было невозможно — даже если бы я смогла дотянуться до форточки, она была слишком узкой, чтобы можно было пролезть через нее.

— Я дам тебе кое-что, чтобы ему было легче. Мужчины быстро теряют терпение, когда речь идет о...

Ариана вытащила из ящика комода что-то красное. Это было шелковое платье, очень простого покроя, но тем не менее выглядевшее элегантно.

Она надела платье на меня, а затем потребовала, чтобы я легла.

— Ну, ложись же! Я хочу посмотреть, можешь ли ты забеременеть!

Я воспротивилась, когда она схватила меня за плечи и попыталась уложить на кушетку: я боялась, что в это время мужчина сразу же зайдет в дверь.

— Черт возьми, не устраивай тут цирк! — рассердилась Ариана. — Будешь устраивать его с тем типом, может быть, ему такое понравится. Я просто хочу посмотреть, сможет он сделать тебе ребенка или нет. Лучше бы нет, потому что тогда тебе уже после первого раза придется идти к engelmacherin.

«Женщина, которая делает ангелов» — это было еще одно выражение, значения которого я не понимала.

Ариана силой уложила меня на кушетку и раздвинула мои бедра. Я чуть не умерла от стыда, когда она засунула в меня свои пальцы.

— Тебе повезло, девочка, — сказала она потом, отодвинувшись от меня. — Все же этот тип не сможет тебя сегодня обрюхатить.

Я резко выдохнула, но осталась лежать.

— Вставай! — потребовала Ариана, подошла к тазику и вымыла руки. — В следующий раз такое обследование ты сможешь сделать себе сама. Тебе лишь нужно обратить внимание на то, как выглядит твоя жидкость и какова она на ощупь.

Затем последовала лекция, во время которой я зажала себе уши руками. Увидев это, Ариана грубо толкнула меня:

— Сделай одолжение, слушай внимательно! Или тебе очень хочется родить ублюдка?

Этого мне как раз не хотелось. Но больше всего я не хотела делать то, что могло привести к появлению этого «ублюдка».

— Если ты не уверена, то лучше откажи клиенту, — закончила Ариана. — Но не дай бог, чтобы об этом узнали другие девушки! Если об этом станет известно Жизель, она избьет тебя до потери сознания. Ей все равно, сдохнешь ты у повитухи или... — В голосе Арианы послышалась горечь, затем она опустила голову и сказала: — Пора.

В Красном салоне собралось много мужчин. Хансен приказал налить своим гостям вина и шампанского, потом подошел к кое-кому из них, кого явно считал довольно богатым. Мужчины, которые были настроены на то, чтобы получить быстрое удовольствие, сразу же исчезли, отправившись наверх с некоторыми из девочек. Остальные знали, что в этот вечер им будет предложено нечто особенное.

Ариана сидела рядом со мной. Ее лицо было неподвижным, а взгляд пустым. Казалось, ее мысли были далеко отсюда.

Я не решалась спросить, что сейчас произойдет. Но чувствовала на себе взгляды мужчин, тех, которые похотливо смотрели на меня и которые явно будут предлагать за меня свою цену.

— Тебе еще повезло. В некоторых заведениях такие аукционы проводят для широкой публики, — хриплым шепотом сказала мне Ариана. — У Хансена же есть постоянные клиенты. Как бы там ни было, тот, кто получит право залезть на тебя первым, должен быть богатым.

Меня охватила паника. А что, если сейчас побежать к двери? Может быть, будет лучше, если меня убьют люди Хансена? Или, может быть, броситься в воду?

Эта мысль настолько сильно овладела мной, что я даже не поняла, когда начались торги. Это происходило не так, как на конном рынке. Мужчины еле заметно поднимали руку, а Хансен знаком отказывал им. Наверное, он точно знал, сколько денег означал каждый жест.

Через некоторое время количество поднятых рук уменьшилось — стало слишком дорого. Однако некоторые мужчины, похоже, были одержимы идеей оседлать удачу, пусть даже ценой изнасилования девственницы.

Когда Ариана фыркнула от отвращения, я подняла взгляд. Теперь всего двое мужчин поднимали по очереди руки. Оба они были старше моего отца и даже отчима, и вид у них был весьма неприглядный. От ужаса у меня разрывались внутренности. Больше всего мне хотелось заплакать, но я помнила, что сказала мне Ариана, и пыталась держать себя в руках. В конце концов Ариана толкнула меня.

Передо мной стоял мужчина с покрасневшими щеками и влажными глазами. У него было довольно большое брюхо, зато очень тонкие ноги, что делало его похожим на жабу, одетую в костюм. У него были маленькие глаза, которые утонули в толстых щеках, заканчивавшихся двойным подбородком. Он протянул мне согнутую в локте руку. Это был жест, который я видела у тату, когда они водили своих женщин по городу. Мне следовало идти с ним. Однако я не могла сдвинуться с места.

— Иди же, — прошипела мне Ариана, когда мужчина нетерпеливо фыркнул, а Хансен насторожился. — Все произойдет быстро, вот увидишь.

За этим последовали самые страшные пятнадцать минут в моей жизни. Никогда еще я не испытывала такого отвращения и ужаса. Мужчина был очень нетерпеливым и овладел мной.

Когда он наконец сполз с меня, я лежала и думала, что лучше бы я умерла.

В конце концов в комнате появилась Ариана.

— Mon Dieu, у тебя вид, как у... — Она прикусила губу и не закончила фразу. Затем она наклонилась надо мной. — С тобой все в порядке?

Я смотрела мимо нее.

— Конечно, нет. — Ариана беспомощно оглянулась и, не найдя того, что искала, вышла из комнаты.

— Вот, — сказала она, когда вернулась.

Она засунула мне что-то между бедер и натянула на меня трусы.

— Ты можешь встать? — спросила она затем.

Поскольку я все еще не могла двигаться, она подняла меня на ноги.



— Ну, давай, вставай. Нам нужно уйти отсюда. Сейчас сюда явится Хансен.

Мне кое-как удалось добраться до нашей комнаты. Запах, преследовавший меня, был похож на запах мужчины, который лежал на мне, — у Арианы только что побывал клиент. Но это меня не интересовало. Я упала на кушетку, и мне хотелось только одного — умереть.

Несколько следующих дней я пролежала в лихорадке. Не знаю почему, но я тяжело заболела и была уверена, что умру. Этот мужчина что-то сломал во мне, что-то порвал, а теперь я погибала от этой раны. В бреду я смутно видела, как появился врач, пожилой мужчина с седой бородой. Он обследовал меня холодными руками, установил диагноз, которого я не поняла, и снова исчез.

С того момента вода, которую мне давали, стала горькой от каких-то лекарств. Она принесла мне тревожные сны. Сны, в которых я видела лицо Тхань с засохшей на нем коркой крови, сны, в которых она с мольбой протягивала ко мне руки, плакала и просила о помощи. Сны, в которых ее насиловали пираты и никто не мог ей помочь. Отчаяние раздирало меня. Затем, когда я чувствовала, что вот-вот не выдержу, снова возвращались тьма и забвение.

Высокая температура держалась долго, пока однажды утром я не открыла глаза и в первый момент даже не поняла, где нахожусь. Свет был тусклым, но прозрачным. Все, казалось, было окутано белой дымкой. Неужели я уже на небесах?

Нет, мое сердце билось. Я была жива. В воздухе чувствовался легкий аромат роз. Он заглушал запах старых простыней, пота и влажных обоев.

— Слава богу, ты пришла в себя! — Голос был хриплым, словно женщина, которой он принадлежал, слишком много курила или чересчур громко разговаривала. — Я уж думала, что все кончено.

Ариана села рядом со мной и погладила меня по голове.

— Ханна, — прошептала она. — Лучше я буду называть тебя Ханной. Твое старое имя принадлежит твоей прежней жизни. Пусть оно там и останется. Ты меня понимаешь?

Я поняла. Я стала иной. Я уже больше не была той девочкой, которая уехала из Сайгона. Я пережила болезнь и бред, и, может быть, однажды мне удастся сбежать отсюда. До тех пор пока я снова не окажусь в Сайгоне, я буду носить это новое имя. Ханна. Имя позора. Имя моей кары. Кары, которая постигает тех, кто убегает из дому.

Прошел год. За этот год я научилась равнодушно выносить то, что делали со мной мужчины. За этот год я научилась понимать их язык и даже говорить на нем, пусть и с очень сильным акцентом. За этот год я не раз мечтала о побеге, но не имела сил его осуществить.

Время от времени я вызывала неудовольствие других девочек, которые смеялись надо мной из-за моей внешности и речи. Но Ариана защищала меня и даже стала моей подругой. Может быть, я оставалась там только из-за нее.

Зима 1926 года выдалась довольно мягкой, но она сопровождалась сильными бурями, которые заставляли наших клиентов сидеть дома. Девушки волновались. Даже если клиенты не ходили в бордель, бандиты Хансена появлялись тут регулярно, чтобы пользоваться нашими услугами. Я познакомилась с одним из них. И мне очень не хотелось, чтобы эта встреча повторилась.

Может быть, причиной тому были штормы и сырая погода, но Ариане вдруг стало плохо. У нее начались приступы кашля и немного повысилась температура. Тем не менее она продолжала работать из-за страха перед Хансеном и Жизель, которая управляла борделем.

— Ты уверена, что у тебя нет чахотки? — однажды услышала я вопрос одной из

девушек, обращенный к Ариане.

Я спряталась в нише за тяжелой занавеской — это было единственное место, где я не была выставлена на всеобщее обозрение. Здесь я могла оставаться собой и на какое-то время снова оживлять в себе девочку по имени Хоа Нхай.

Ниша была тем местом, где я могла предаваться мыслям, испытывать желания и даже давать волю гневу. И, кроме того, строить планы побега. Пусть даже я и не знала, смогу ли когда-нибудь их осуществить.

— Откуда у меня чахотка? — ответила Ариана, и по ее голосу было слышно, что этот вопрос испугал ее.

— Потому что ты постоянно кашляешь, — ответила Минна. — Жизель уже что-то заподозрила. Она считает, что чахоточным тут не место.

Минна была подругой Арианы, и за это время мы с ней тоже поладили. Такое отношение ко мне было, наверное, исключением: большинство девушек шипели «косоглазая», когда я проходила мимо них.

— Это не чахотка, — тихо ответила Ариана. — Доктор Холлербрукк считает, что у меня слабые легкие. Мне нужно сменить климат, но как это сделать? Хансен определенно не намерен вывозить нас на загородные прогулки.

— Но все равно тебе следует быть осторожной. Сейчас к Хансену поступает так много нового товара, что мы ему уже не нужны. А скоро, конечно, тут появится еще больше молодых девок, на этот раз, наверное, из Африки.

Сразу же после этих слов перед моим мысленным взором появились картины ужасного плавания. То, что другим девочкам придется пережить то, что пережили мы с Тхань, тяжелым грузом лежало у меня на сердце. И вдруг ниша показалась мне невероятно тесной и мне захотелось убежать отсюда, потому что в ушах у меня снова и снова раздавался крик Тхань. Но я не могла уйти, прежде чем Ариана и Минна закончат разговор. Иначе они могли заподозрить, что я их подслушиваю.

Позже, когда я выбралась из ниши и вытеснила печаль и тоску о Тхань в самый дальний угол своей души, мне стало понятно, что может означать этот разговор.

Что будет со мной, если у Арианы действительно чахотка и она не сможет больше работать? А если ей придется уйти отсюда? Тогда я буду совершенно беззащитна перед другими девушками!

— Эй, что с тобой? — проворчала Ариана, войдя в комнату.

Пора было готовиться к приему клиентов. На Гамбург опускался вечер. Пройдет еще немного времени, и первые мужчины уже будут стоять на пороге.

— У тебя заплаканное лицо. Какие-то неприятности?

Я отрицательно покачала головой:

— Нет.

Но у меня не было желания объяснять ей, почему у меня опухли глаза и покраснели щеки.

Ариана вопросительно посмотрела на меня.

— Ты тоскуешь по дому, да? — Она не стала ждать моего ответа. — Да, это чувство испытывают все. При условии, конечно, что у человека есть родина. А если кто-то, как я, попал сюда из глухого, забытого места, где люди друг для друга ничего не значат, то никакой ностальгии у него нет. В лучшем случае он чувствует отвращение к новому месту. Зато у тебя на родине, наверное, очень красиво.

Я кивнула, радуясь тому, что она не подозревала о настоящей причине моей печали.

— Да, моя родина действительно прекрасна. Там растут пальмы. У Меконга тысячи рукавов, по которым его вода течет в море.

— А небо? — взволнованно спросила Ариана. — Какое у вас небо? Оно такое же синее, как здесь летом? Или желтое, как рассказывают матросы?

— У нашего неба много красок, — ответила я, и вдруг у меня на сердце потеплело.

Незаметно для себя я неожиданно перешла на родной язык:

— Во время сезона дождей небо действительно кажется желтоватым, но чаще всего оно имеет сияющий голубой или синий оттенок, а потом становится зеленым, изумрудно-голубым или розовым, особенно по утрам. Вечером оно красное, как огонь, а ночью фиолетовое или иссиня-черное, с серебряными звездами.

И лишь когда я заметила удивленный взгляд Арианы, мне стало ясно, что она меня не поняла. Я попыталась еще раз перечислить цвета, но уже по-немецки. А когда мне это не удалось, перешла на французский, на котором я говорила гораздо лучше.

— Чудесная страна! — ответила Ариана печальным голосом. — Как бы мне хотелось ее повидать.

При других обстоятельствах я пообещала бы взять ее с собой и все ей показать, однако это было невозможно. Мы обе находились в заточении, в холодном штормовом Гамбурге, где, кроме оттенков серого, было очень мало красок, да и те казались покрытыми какой-то пеленой.

На следующее утро мы проснулись оттого, что кто-то сильно колотил в нашу дверь.

— Ханна, ты должна зайти к Жизель!

Я не узнала, чей это был голос, но поняла, что нужно торопиться.

— Что случилось? — проворчала Ариана.

— Меня вызывает Жизель, — ответила я, выбираясь из постели и нащупывая платье.

— Разве ты не отдала ей вчера деньги?

— Конечно, отдала! Не знаю, что ей нужно.

Я заколола волосы на затылке, надела домашние туфли и покинула комнату.

Уже издалека мне были слышны голоса других девушек. Тут явно царил переполох.

Перед кабинетом Жизель образовалась довольно большая толпа. Девушки стояли друг за другом, вытянув шеи. Когда я протискивалась мимо них, они шипели мне вслед ругательства, которых я не понимала.

Жизель сидела за своим письменным столом, словно черная королева на троне. Ее рот был перекошен еще сильнее, чем обычно. Перед ней стояла Эрика с распущенными волосами, дрожащая от злости. Другие девушки зашептались, когда я вышла вперед и встала перед ними.

— Она обокрала меня! — заявила Эрика и показала на меня пальцем, причем таким жестом, словно бросила в меня нож. — Я уверена, что это сделала она!

— Это правда? — строго спросила Жизель.

Ошеломленная таким заявлением, я покачала головой.

— Я... Я не знаю, что она имеет в виду.

— Ха, она изображает из себя невинную! Может быть, тебя нужно сослать в бордель в конце улицы?

Эрика с угрожающим видом шагнула ко мне, злобно на меня поглядывая.

Я не имела ни малейшего понятия, откуда у нее столько ненависти ко мне. Конечно,

Эрика была одной из тех девиц, которые меня недолюбливали, но я не давала ей никакого повода клеветать на меня перед Жизель.

— А почему ты решила, что это сделала именно Ханна? — раздался голос в задних рядах.

Ариана протолкалась через толпу и сердито уставилась на Эрику. Что она успела услышать?

— Она спит далеко от твоей комнаты и знает, что у тебя нечего искать. С чего бы ей тебя обворовывать?

Слова Арианы заставили Эрику оторвать от меня исполненный ненависти взгляд.

Она какое-то время ничего не могла сказать. Однако дар речи быстро вернулся к ней.

— Я уверена, что это сделала она. Эта узкоглазая крадется по коридорам и подслушивает нас. Кто знает, что у нее на уме? Может быть, в один прекрасный день она тебя зарежет!

— Я никогда этого не сделаю! — крикнула я, дрожа всем телом. — И я у тебя ничего не крала.

Эрика скрестила руки на груди и насмешливо улыбнулась. Она, казалось, знала, кому здесь больше верят.

— С моего платья исчезла брошка, — сказала она и посмотрела на Жизель.

Будучи любимицей Жизель, она, очевидно, получила эту брошку от нее, потому что, собственно, ни у кого из девушек не было достаточно денег, чтобы позволить себе купить такую вещь.

— Я понятия не имею, как выглядит эта брошка, — продолжала защищаться я.

При этом у меня снова появился очень сильный акцент, из-за которого другие иногда просто не могли меня понять, хотя я тщательно подбирала слова.

— Не притворяйся, ты, желтокожая гадюка! — заорала на меня Эрика.

— Я ничего у тебя не крала! — закричала я в ответ. — Клянусь своей семьей!

Взгляд Эрики стал презрительным.

— Если она вообще у тебя была.

Я уже хотела броситься на нее, но Ариана встала между нами.

— Прекрати немедленно! — крикнула она Эрике.

Обе некоторое время злобно смотрели друг на друга, а затем Эрика наконец отвела взгляд. Однако торжествующая улыбка все еще сияла на ее лице.

— Ариана, разберись с ней, — угрожающим тоном проскрипела Жизель. — Я не потерплю воровок под своей крышей.

«Можно подумать, что кому-то так уж хочется жить с тобой под одной крышей», — насмешливо подумала я. Но за это время я уже довольно хорошо изучила немецкий язык, чтобы понять, что у меня появились серьезные неприятности. Если я вылечу из «Красного дома», то Хансен меня просто так не отпустит. Он переведет меня в один из публичных домов, которые принадлежат ему и о которых девушки шептались, что там — настоящий ад. Ариана грубо схватила меня за руку и потащила за собой. За нашими спинами раздался злорадный смех.

Поднявшись наверх, Ариана грубо толкнула меня.

— Что ты устроила? Неужели ты думаешь, что я и дальше стану защищать тебя, если ты будешь делать глупости?

— Я ничего не украла, это правда! — воскликнула я, глядя на нее с мольбой. —

Посмотри в моих вещах! Поищи в моей постели! У меня нет этой брошки!

Ариана скрестила руки на груди:

— Я это знаю.

— Что?!

— Я знаю, что ты ничего не украла. Дело в другом. Ты сделала что-нибудь такое, что вызвало недовольство Эрики или Жизель?

Я беспомощно покачала головой:

— Даже не знаю.

— Может быть, ты увела клиента у Эрики из-под носа? Или один из мужчин, который являлся ее постоянным посетителем, начал выбирать тебя?

— Не знаю, я...

Я лихорадочно пыталась вспомнить, какие клиенты были у меня за последние дни, но я даже не запоминала их лиц.

Ариана стала беспокойно ходить по комнате. При этом она время от времени кашляла.

— Что-то тут не так... Эрика не стала бы обвинять тебя без причины.

Казалось, она лихорадочно пытается разобраться в своих мыслях. Затем Ариана резко остановилась, кивнула и вышла из комнаты, ничего мне не сказав и не дав никаких указаний.

В тот вечер меня охватила такая тревога, что я едва замечала, когда мужчины влезали на меня и удовлетворяли свою похоть. Когда ночь закончилась, я легла спать и, к счастью, была такой усталой, что не заметила возвращения Арианы. Я не могла ни о чем думать.

— Ты, собственно, понимаешь, как тебе везет?

Резкий голос Арианы разбудил меня.

Свинцовый утренний свет заполнил комнату. Я резко встала и стала протирать глаза. У Арианы, которая стояла возле моей кровати, был сердитый вид.

— Мы нашли эту проклятую брошку, — хрипло сказала она. — Она торчала в щели красного шезлонга, там, внизу.

Я поняла, что это еще не все.

— Ты спрашиваешь себя, почему тебе повезло, или нет? — Голос Арианы стал очень резким.

Я кивнула.

— Тебе посчастливилось, что Эрика — дура. И что мне удалось убедить Жизель в том, что ты не виновата, а ее любимица просто тебя ревнует.

— Но почему же она ревнует? — У меня болели барабанные перепонки. — Пожалуйста, объясни мне, я ничего не понимаю.

— Во-первых, — Ариана взглянула на дверь и стала говорить тише, — брошка сначала была не в шезлонге. Она была здесь, в этой комнате.

У меня перехватило дух.

— Лучше дыши, пока ты не посинела, — сказала Ариана. — Эта дура попыталась выставить тебя воровкой. Но она перепутала кровати. Она подсунула брошку в мою постель вместо твоей.

Для меня это было непостижимо! Ужасным было уже то, что я сюда попала. А теперь какая-то девка не только испытывала ко мне ненависть, но даже пыталась оклеветать меня! Я расплакалась, потому что не привыкла к такой враждебности.

— Не плачь, иначе тебе придется ждать целый день, пока твои глаза снова смогут открыться. Опасность мы пока предотвратили, но ты действительно должна обращать

внимание на то, чтобы у тебя не было никаких конфликтов с Эрикой и, главное, чтобы ты не отбивала у нее клиентов. Садись внизу в углу, там, где ее не бывает. И просто держись от нее подальше.

— А если она не захочет держаться от меня подальше? — всхлипнула я.

У меня никогда не было такого ощущения, будто в этом доме я кому-то перешла дорогу.

— Все равно ты будешь держаться от нее подальше, что бы она ни делала, — спокойно произнесла Ариана и нагнулась ко мне, словно боялась, что за дверью кто-то подслушивает. — Но все же внимательно следи за ней и, если заметишь, что что-то не так, скажи мне. Эрика думает, будто никто не знает, что у нее в голове, но мне прекрасно известно, что она из себя представляет. Только не давай ей тебя запугать.

Появление брошки не изменило настроения, царившего в «Красном доме», но Эрика все-таки оставила меня в покое. Так проходили недели. И у меня не было даже проблеска надежды.

Поскольку у Арианы был календарь, я знала, что уже наступил март, однако по погоде этого нельзя было сказать. Было холодно, мокро и время от времени шел снег. Солнечному свету почти никогда не удавалось пробиться через толстое одеяло облаков.

Одним апрельским утром, когда погода устраивала сюрпризы похуже, чем муссоны на моей родине, я, проснувшись, услышала странный хрип. Поначалу я не могла понять, откуда он доносится, но затем обнаружила, что Ариана еще не встала, чего раньше не бывало.

Я поднялась и увидела, что она лежит в постели. Лицо у нее было багровым. Она натужно кашляла.

Я тут же выскочила из комнаты и помчалась по коридору. Я бежала к единственному человеку, который имел достаточно власти, чтобы вызвать врача.

— Заходи! — крикнула Жизель на мой стук, явно предполагая, что сейчас появится кто угодно, только не я.

Улыбка моментально исчезла с ее ярко накрашенных губ.

— Что тебе надо?

— Ариана... — едва дыша, сказала я, игнорируя враждебный взгляд женщины с огненно-рыжими волосами. — У нее высокая температура, и она не просыпается!

Хозяйка борделя ничего не сказала. У нее был такой вид, словно она не особо испугалась и даже не удивилась.

— Ей нужна помощь! — настойчиво произнесла я, однако Жизель и теперь не проявила особого интереса.

— Я вызову врача! — крикнула я, и это наконец вывело Жизель из полусонного состояния.

— Ты останешься здесь! — гаркнула она, когда я уже хотела повернуться и уйти. — Я сама пошлю за врачом. Иди наверх и займись Арианой.

Я выдержала ее злобный взгляд, а затем торопливо вернулась наверх, в нашу комнату.

Ариана до сих пор не пришла в себя. Хрипло дыша, она ворочалась на кровати с боку на бок.

А если у нее все же чахотка? И что это вообще за болезнь?

Прошло много времени, прежде чем пришел врач. Минуты превращались в часы. Я уже стала бояться, что Жизель проигнорировала мои слова, однако после обеда на лестнице послышались чьи-то тяжелые шаги. Это не мог быть Хансен, он никогда не показывался на верхних этажах.

У человека, которому я открыла дверь, были седые волосы, и борода у него тоже была седой. Это был врач, которого я видела в бреду.

По выражению его лица было понятно, что ему не хочется обследовать Ариану, но в конце концов он все же сделал это, потом отложил стетоскоп в сторону, вздохнул и достал из кармана блокнот.

— У вашей... коллеги воспаление легких. Пожалуйста, принесите ей вот это лекарство.

Я смотрела на лист бумаги, который он всунул мне в руку, и мне очень хотелось сказать врачу, что мне не разрешат сходить за этим лекарством. Но я промолчала и только кивнула.

Я знала, что Жизель будет орать на меня. В комнате, в которой находится больная, нельзя было принимать клиентов. Надежды на то, что меня освободят от «работы» и я смогу ухаживать за Арианой, у меня не было. Но я, по крайней мере, хотела попытаться. Ведь до сих пор Ариана всегда выручала меня.

Жизель действительно устроила скандал. Но это было еще не все. Она возмущалась из-за того, что теперь ей приходится платить деньги за старую проститутку, которая уже давно не привлекает так много клиентов, как раньше. О том, что сама она была намного старше Арианы, она не упоминала. Как и того факта, что Ариана все-таки приносила пользу этому заведению, хотя бы до тех пор, пока не заболела.

— Но мое сердце все же не камень, — в конце концов проворчала Жизель и дала мальчику-посыльному рецепт и немного денег.

Посыльный появился лишь через час. Все это время я делала Ариане холодные компрессы, но ей не становилось лучше. Вернее, ей стало еще хуже. Я растворила принесенный порошок в воде и стала вливать лекарство больной в рот.

— Но не вздумай отлынивать от работы! — пригрозила мне Жизель. — За Арианой будешь ухаживать потом.

Я была рада, что мне выделили будуар. Таким образом, мне не нужно было меняться с одной из девушек.

К мужчинам в тот вечер я проявляла еще больше равнодушия, чем обычно. Когда я сдала деньги, а Жизель, увидев приличную сумму, даже похвалила меня и пожелала мне спокойной ночи, я вернулась в свою комнату. Там пахло чем-то кислым и было ужасно душно, но из страха, что холодный воздух может ухудшить состояние Арианы, я не стала открывать форточку.

У Арианы была высокая температура! Я ужасно испугалась, обнаружив, что жар, исходивший от ее тела, чувствовался даже тогда, когда я стояла у кровати. Лекарство не помогло!

Но я не решилась пойти вниз, к Жизель. Она, без сомнения, скорее избил бы меня, чем среди ночи стала еще раз посылать мальчика к врачу и оплачивать счет.

Я старалась сбить температуру с помощью холодных компрессов, борясь со сном, который железной рукой охватывал меня. Но через какое-то время усталость оказалась сильнее и унесла меня прочь. Впрочем, длилось это недолго. Меня разбудило судорожное дыхание Арианы.

— Ханна, — прошептала она, и улыбка пробежала по ее лицу, — который час?

Этот вопрос был очень странным, но, может быть, во сне она потеряла чувство времени.

— Скоро утро, — ответила я, снимая горячий и почти сухой платок со лба больной и опуская его в ведро с водой. — Как ты себя чувствуешь?

Ариана ничего не ответила. Ее взгляд затуманился. Мне уже показалось, что она готова

снова впасть в забытие, однако затем ее рука нащупала мою.

— Я тебе сейчас кое-что скажу.

Правда, прежде чем она смогла сделать это, у нее снова начался кашель, причем такой сильный, что она, казалось, вот-вот задохнется. Но все же Ариана снова взяла себя в руки.

**Больше книг Вы можете скачать на сайте - [ReadRoom.me](http://ReadRoom.me)**

— Слушай внимательно, — задыхаясь, проговорила она, и я наклонилась к ней. — За стенкой шкафа для одежды есть дырка, нужно только немного отодвинуть дерево в сторону. Там лежит все, что я за эти годы присвоила и сэкономила.

Зачем она мне это рассказывает? Меня охватило плохое предчувствие.

— Если со мной что-нибудь случится, я хочу, чтобы ты забрала эти деньги себе.

— Нет, нет, не говори так! — встревоженно ответила я.

— Я хочу, чтобы ты взяла эти деньги себе! — настойчиво, собрав все свои силы и самообладание, повторила Ариана. — Также я хочу, чтобы ты исчезла отсюда, и чем раньше, тем лучше. Мне с большим трудом удавалось защищать тебя и убеждать Жизель в том, что твоя работа приносит ей доход. А недавно поступили новые девочки. Они ждут в других домах, и я слышала, что они намного послушнее, чем ты...

Ариана снова закашлялась. Я была уверена, что она бредит. Когда это я проявляла непослушание?

— Они попытаются обменять тебя на другую девочку, а потом для тебя начнется настоящий ад, потому что из других домов выбраться еще труднее, чем отсюда, — продолжала Ариана, когда ей стало немного легче.

Ее костлявая рука впиалась в мое плечо, и швы рубашки отреагировали протестующим звуком рвущихся ниток.

— Возьми деньги и подумай, как исчезнуть отсюда. Есть много способов. И не верь, что Хансен — это бог. Он не всевидящий, и его люди тоже видят далеко не все. Я... у меня не было выбора, но у тебя он есть. И ты сильная...

Новый приступ кашля заглушил ее слова. На этот раз он был таким сильным, что ее лицо сначала побагровело, а затем посинело. Я вскочила. Я не знала, что делать. Врача здесь не было, и никто из девочек мне не поможет!

Однако Ариана опять успокоилась. Цвет ее лица изменился с багрового на лихорадочно-красный, и, казалось, она снова могла втягивать в себя воздух. Ариана посмотрела на меня. В ее глазах стояли слезы.

— Девочка, прошу тебя, сделай то, что я тебе говорю! — сказала она.

— Мы могли бы уйти вместе, — прошептала я.

Мое сердце часто билось в груди от страха.

— Я-то точно уйду, — тихо сказала больная. — Но вместе нам уйти не удастся. Так что смотри, убирайся отсюда, и чем раньше, тем лучше. У тебя впереди целая жизнь, не допусти, чтобы чужие люди разбили ее и отобрали у тебя все. Ты обещаешь мне?

Давая это обещание, я чувствовала себя очень плохо. Во-первых, потому что я не знала, смогу ли сдержать его, а во-вторых, потому что боялась, что это именно то обещание, которое дают умирающим.

Но все же я дала слово, и после этого Ариана отпустила меня. Она снова улыбнулась, слабо закашлялась и немного погодя опять уснула. Я вытащила мокрое полотенце из ведра и снова приложила его к ее лбу.

Через три дня Ариана умерла. Когда утром я, как всегда, подошла к ней, ее тело было



уже холодным. Ее глаза и рот были широко открыты. Ариана выглядела так, словно хотела сделать последний отчаянный вдох.

Известие о ее смерти распространилось с быстротой молнии. Появилась Жизель, которая пробормотала злобное проклятие и послала гонца за могильщиком.

Девочки с любопытством столпились у двери, чтобы посмотреть на мертвую. Жизель попыталась закрыть Ариане глаза и рот, но ей это не удалось, поэтому она снова грязно выругалась, гаркнула, что не потерпит трупа в своем доме, и выскочила из комнаты. Девушки не обращали на меня внимания, когда я, сгорбившись на своей кровати, тихонько плакала. Никто, кроме меня, не уронил ни слезинки по Ариане. Все предпочитали пялиться на нее во все глаза. Наверное, они были рады увидеть хоть что-то, что было еще хуже, чем их работа в «Красном доме».

— Ну-ну, девочка, смотри не выплачь все глаза, — услышала я в конце концов ласковый старческий голос.

Передо мной стоял могильщик. Его помощники уже вынесли труп. Я смотрела в доброе лицо старика, обрамленное желтоватыми бакенбардами. Его редкие седые волосы были зачесаны на лоб.

Он некоторое время смотрел на меня, а я смотрела на него и на его черный выходной костюм с черным галстуком. Он выглядел так, как тâu из моего детства, когда они ходили в церковь. Эти дни казались мне теперь такими далекими...

Мужчина протянул руку и погладил меня по голове:

— Ты очень красивая! Надеюсь, что тебя мне не придется хоронить.

Наверное, я посмотрела на него с таким испугом, что он сразу же убрал руку и печально улыбнулся мне.

— Она была твоей подругой? — спросил он затем.

Я печально кивнула.

— Тогда я сделаю ее особенно красивой для последнего путешествия. И не беспокойся, я закрою ей рот и глаза. В таком виде, как сейчас, она не предстанет перед нашим Господом Богом.

— Спасибо. — Я ничего не знала о его Господе Боге, но хорошо, что могильщик возьмет на себя заботу об Ариане.

Старик кивнул мне и, прежде чем уйти, еще раз оглянулся:

— Повесь раскрытые ножницы над дверью, тогда в твою комнату не зайдет друг Хайн[12].

После он исчез.

В тот вечер жизнь в «Красном доме» шла своим чередом: дребезжало пианино, приходили клиенты, я отводила некоторых из них наверх, в свою комнату, и они получали от меня то, что хотели. Однако в то время как мужчины ворочались между моими бедрами, я спрашивала себя, что имел в виду человек в черном, давая мне совет. Кто это — друг Хайн? Неужели так звали одного из клиентов? И почему ножницы должны были удержать его от того, чтобы зайти в мою комнату?

Не найдя ответов на эти вопросы, я подумала об Ариане, которая сейчас, наверное, спит в своем гробу с закрытыми глазами и закрытым ртом и которая наконец-то стала свободной.

Похороны должны были состояться через три дня. Было понятно, что мы, девочки, пойдем на кладбище. Другой семьи у Арианы не было. Я вспоминала ее последние слова и спрашивала себя, будет ли у меня когда-нибудь возможность выбраться из «Красного дома».

Хотя я тосковала по Ариане, я все же испытывала приятное волнение. В первый раз в жизни я увижу Гамбург, пройду по улицам! Хватит ли у меня храбрости, чтобы сбежать от остальных девочек? Мое сердце билось часто-часто, когда я думала об этом, и все это время мои руки холодели так, что казались ледяными. Какая-то зудящая, тянущая боль в желудке становилась слабее только тогда, когда мне удавалось поспать, а спала я в эти дни очень мало.

За это время я нашла спрятанные деньги и тайком начала зашивать купюры в кайму своего платья. К счастью, у Арианы были собственные принадлежности для шитья, и мнегодились мои навыки портнихи. Кроме того, вместе с деньгами я нашла чей-то берлинский адрес. Я уже поняла, что сбережений Арианы не хватит на то, чтобы вернуться на корабле во Вьетнам, но зато на дорогу до Берлина там было вполне достаточно. В этом городе я смогла бы устроиться на работу и попытаться накопить денег. Когда-нибудь я вернусь и буду искать Тхань!

Утром перед похоронами меня вызвала к себе Жизель.

Она насмешливо взглянула на мое грубое коричневое платье, которое когда-то принадлежало Ариане, и заявила:

— Ты можешь это снять. Ты останешься здесь.

— Что вы имеете в виду? — Я была уверена, что должна отдать последние почести своей подруге. — Почему мне нельзя пойти на похороны?

Вместо ответа я получила оглушительную пощечину. И без того узкие, выкрашенные в ярко-красный цвет губы Жизель полностью исчезли. Ее глаза злобно заблестели.

— Ты останешься здесь! За тобой будет следить Эрика, и храни тебя бог, если ты что-нибудь тут устроишь!

Эрика будет меня охранять? Это было то же самое, как если бы за мной присматривали бандиты Хансена. В присутствии Эрики я даже дышать не смогу, потому что она будет рассматривать это как преступление. Наверное, теперь она усядется со всеми ключами от дома в кабинете Жизель и будет делать вид, будто она здесь хозяйка. Возможность сбежать ускользнула от меня.

И я ничего не могла поделать. Словно окаменев, я повернулась и ушла в свою комнату. У меня болела щека, но сильнее, чем эта боль, была ненависть, которая жгла мне душу. Я убегу любой ценой!

Эрика не горела желанием идти на похороны. Как и остальные, она не проявила ни малейшей жалости к покойной. Более того, она не упускала возможности посмеяться над видом Арианы, умершей в своей постели. Даже в день похорон Эрика не удержалась от иронии.

— Ах, если бы Ариану увидели ее постоянные клиенты! — орала она на весь коридор и хохотала.

Остальные девочки воздержались от этого. Было видно, что они еще сохранили остатки совести.

Я стояла у окна, когда одетая в черное компания вышла из «Красного дома». Из других домов тоже вышли облаченные в траур женщины. Может быть, у Арианы было не много подруг, но, очевидно, в этой местности все же были люди, которые уважали ее и сожалели о ее смерти.

Через некоторое время я поняла, что, кроме Эрики, в «Красном доме» осталось очень мало людей.

Эрика была обрадована тем, что Жизель оказала ей такое огромное доверие, но ей было недостаточно того, чтобы, сидя на первом этаже, следить за тем, чтобы я там не появлялась. Когда все ушли, она поднялась наверх. Не постучавшись, Эрика ворвалась ко мне в комнату и с насмешливой ухмылкой уселась на кровать Арианы, на которой лежал лишь голый матрас.

— Может быть, тебе хочется сбежать отсюда? — спросила она тоном, которым могла расположить к себе любого клиента, какого только хотела.

Ее голос вызывал у меня отвращение. Эрика была насквозь фальшивой и опасной, как змея на рисовом поле.

Я молчала. Конечно, это не понравилось Эрике. Она поднялась и стала ходить вокруг меня, как кошка вокруг добычи, готовая в любой момент всадить в нее свои когти.

— Я вижу это по твоим глазам. Ты хочешь вернуться в свои джунгли, правда? Маленькая обезьянка хочет в джунгли...

Эрика захихикала над своей шуткой, а я почувствовала жгучую боль в груди. А что, если броситься на Эрику и сдавить ей горло? Тогда я обрету покой и смогу убежать. Однако мой разум быстро взял верх над эмоциями.

Эрика, возможно, и была моим врагом, но вина в том, что я попала сюда, лежала на других. И, в конце концов, мне не хотелось иметь еще больше неприятностей.

— Я могла бы открыть тебе клетку, обезьянка, — злобно «польстила» мне Эрика. — Мне не нравится, что ты находишься здесь и отбиваешь у меня клиентов.

Я посмотрела мимо нее на стену, а затем отвернулась к окну. Тучи в тот день рассеялись, и казалось, что солнечный свет — это привет, который Ариана посылала мне с небес.

Внезапно ногти Эрики впились в мои щеки и больно повернули мою голову набок.

— Смотри на меня, когда я к тебе обращаюсь! Или ты уже забыла, как разговаривать на нашем языке, обезьяна?

Я взвыла от боли и злости. Я проклинала себя за то, что у меня не хватает храбрости вскочить и ударить ее.

— Ну, попроси меня выпустить тебя отсюда! — зашипела Эрика.

Ее ногти оставили на моей коже кровавые следы, которые позже мне пришлось запудривать.

— Нет! — упрямо сказала я.

— Проси меня! — крикнула она.

— Нет, — спокойно ответила я, и потом мне еще некоторое время пришлось ощущать прикосновение ногтей Эрики к моим щекам.

Наконец моя соперница потеряла удовольствие от этой игры. Она отпустила меня и, тяжело дыша, смотрела на меня, словно ее же хватка забрала у нее последние силы.

— Ты кусок дерьма!

Пока Эрика обрушивала на меня все злобные ругательства, которые она знала, мой взгляд безучастно блуждал по комнате. Перед моими глазами возникали картины, как я убегу из этого борделя, как я оставлю все это позади и когда-нибудь увижу перед собой притоки Меконга.

Моя душа умчалась назад, в Сайгон, в тот вечер, когда я вместе с Тхань убежала на берег реки, чтобы понаблюдать за рыбацкими лодками и парусными кораблями. Я совершенно отчетливо видела перед собой красные паруса джонок и рыбаков в шляпах из рисовой

соломки. И Тхань, чьи круглые щеки были коричневыми от солнца, тогда как моя кожа все еще была белой как молоко.

В то мгновение я не позволила себе думать о том, что случилось с Тхань. Я вцепилась в это мгновение и оставалась в нем до тех пор, пока дверь громко не захлопнулась на замок и одна из вышивок Арианы, напоминавшая о ее прежней жизни, не упала со стены. Эрика повернула ключ в замке, но мне было уже все равно. Я победила ее!

Наверное, теперь она будет распространять лживые истории о том, как я хотела сбежать. Но в тот миг она оставила меня в покое, и я могла готовиться к побегу.

Подходящий момент наступил следующей ночью. После того как последний клиент покинул «Красный дом», я переоделась. Я все еще чувствовала прикосновения мужчин на своей коже и не могла уснуть от отвращения.

С тех пор как дверь в комнату хозяйки борделя закрылась, прошло где-то полчаса. Этого должно быть достаточно. Жизель спала очень крепко, и, если мне повезет, я уже буду в Берлине, прежде чем обнаружат мое отсутствие. Берлин не мог находиться очень далеко... И даже если он находится далеко, я, по крайней мере, окажусь на достаточном расстоянии от Гамбурга, чтобы до меня не добрались бандиты Хансена.

Странно, но Эрика ничего не рассказала Жизель о нашей стычке. Все было тихо и мирно. Я восприняла это как добрый знак.

Я еще раз взглянула на пустую кровать, на которой Ариана испустила последний вздох, и повернулась к двери. Мне было трудно прислушиваться, потому что мое сердце гулко билось в груди. Мои ноги тряслись, и меня подташнивало — я с утра ничего не ела.

И все же мне удалось подойти к лестнице. Комната Эрики находилась напротив. Если она еще не спит, то, услышав шум, выйдет посмотреть, что происходит. Но сегодня, чтобы заслужить одобрение Жизель, она обслужила в два раза больше клиентов и, скорее всего, спала глубоким сном.

Ступеньки лестницы поскрипывали подо мной, но этот звук был слишком тихим, чтобы хоть одна из уставших женщин могла его услышать.

Добравшись до первого этажа, я попыталась сориентироваться в темноте, потому что лунный свет не пробивался в коридор. По памяти я спустилась вниз, обогнула лестницу, прошла по еще одному коридору и устремилась к выходу. Я почти дошла до черного хода, как вдруг в коридоре открылась дверь.

Кто-то вышел из комнаты Жизель. Я окаменела, увидев, что это Хансен.

— Куда это ты собралась? — строго спросил он.

Волосы у меня на затылке встали дыбом. Я не подозревала, что он находится в доме. Это было самое плохое, что могло со мной случиться.

— Я ухожу, — тем не менее услышала я свой голос.

Я понятия не имела, откуда у меня взялось столько храбрости. И снова перед моим внутренним взором возникла старуха из храма и ее странное пророчество о том, что внутри меня живет дракон. Она была права, говоря о том, что мне придется путешествовать по свету; может быть, и насчет дракона она не ошиблась. Хансен был один, и если бы мне удалось добежать до двери...

Хансен изумленно уставился на меня.

— Уходишь? — вырвалось у него. — Ты что, с ума сошла? Никуда ты не уйдешь!

Его лицо исказилось. На меня обрушился целый поток ругательств, закончившихся угрозой:

— Ты неблагодарный маленький кусок дерьма! Я покажу тебе, что ты должна здесь делать!

Отступая назад, я лихорадочно искала выход. Если Хансен меня сейчас схватит, я никогда отсюда не выберусь. Я бросилась к кабинету Жизель. Может быть, мне удастся перехитрить Хансена и запереть его там?

Однако едва я ступила на порог, как Хансен грубо схватил меня за руку. Мне удалось вывернуться из его хватки, но он бросился за мной, загнал в кабинет и закрыл дверь своим телом.

— Ах ты дрянь такая! Сейчас я покажу тебе, кого ты должна здесь слушаться!

Он расстегнул свой пояс. Это могло означать все, что угодно. Так или иначе, это означало для меня верную смерть, если я не буду защищаться.

А затем я увидела улыбку Венеры — Венеры, которая, подняв руки вверх, стояла на письменном столе Жизель и гордо демонстрировала натертые до блеска груди.

Мои руки, словно сами собой, схватили статуэтку. Она была не особенно большой, но довольно тяжелой. Из всех сил, которые у меня остались, несмотря на страх, я швырнула статуэтку в Хансена.

Тяжелое основание статуэткі попало ему в висок, и его голова дернулась в сторону. В следующий миг Хансен потерял равновесие. Он покачнулся и ударился головой о комод, в котором хранились бухгалтерские книги. С тихим вздохом он свалился на пол.

От испуга я закрыла рот рукой. Неужели я его убила? Статуэтка лежала рядом с ним на полу. Раны на голове у Хансена не было, но, может быть, он сломал себе шею...

Мне показалось, что я слышу голос Тхань: «Беги! Наверное, другие уже услышали шум и сейчас появятся здесь. Тогда тебя покарают!»

Я бросилась к выходу, радуясь тому, что деньги Арианы были у меня с собой. Однако эйфория моментально закончилась. Дверь была закрыта на ключ! А ключа в замке не было...

Где же мне взять ключ? Я стала выдвигать ящики столов, но там ничего не было.

Мой взгляд упал на Хансена, который все еще лежал без движения. Дом принадлежал ему, значит, ключи должны быть у него с собой.

Я едва решилась дотронуться до него, боясь, что он в любой момент может очнуться и схватить меня. Помедлив, я робко прикоснулась к нему кончиками пальцев. В голове у меня тикали невидимые часы. Чем больше времени пройдет, тем выше вероятность того, что он очнется. Сначала я залезла к нему под пиджак, и моя рука ощутила неприятное тепло его тела. Мое сердце бешено колотилось.

«Если он очнется, ты умрешь», — эта мысль билась в моей голове.

К моему огромному разочарованию, в карманах пиджака Хансена ничего не было. А в карманах брюк? Мне было страшно опускать туда руку. «Ты должна это сделать», — сказала я себе и с отвращением сунула руку в карман его брюк. Однако и там ничего не обнаружила.

В панике, готовая разрыдаться, я выпрямилась и осмотрелась по сторонам. Где Жизель могла спрятать ключи? Неужели в своей спальне?

Я вспомнила о двери, из которой вышел Хансен. Прислушавшись к тому, что делается в коридоре, и еще раз бросив внимательный взгляд на сутенера, я выскользнула из кабинета и прокралась к двери. Ох, как я надеялась, что за этой дверью не находится спальня, в которой он ночевал с Жизель!

Однако именно так, конечно, и было! Теплые влажные испарения ударили мне в нос.

Жизель лежала, укрывшись одеялом, и тихо похрапывала. Мне стало плохо, когда я почувствовала запах, свидетельствующий о том, что Хансен только что с ней переспал.

«Почему, собственно говоря, Хансен тайком выходил из ее спальни?» — спросила я себя, но сейчас у меня не было времени на размышления. На тумбочке рядом с кроватью я увидела связку ключей. Я на цыпочках прокралась туда.

При этом я все время прислушивалась к тому, что делается в коридоре.

«Если я убила его, то он, конечно, меня не удержит. А если нет?»

Впрочем, в глубине души я все же надеялась, что он жив, потому что не хотела, чтобы меня повесили!

Пока я смотрела на Жизель, надеясь, что она меня не услышит, мои пальцы сами собой потянулись к ключам. Я приподняла их, не заметив, что один из них отсоединен от связки. Едва я взяла связку, как он упал на тумбочку, причем так громко стукнул, что для меня этот звук прозвучал, как раскат грома.

Я затаила дыхание.

Храп Жизель стих, и она беспокойно заворочалась.

«Беги отсюда! — сказала я себе. — Беги быстрее, пока она не поняла, что происходит!»

Я выскочила из спальни. В следующий миг я испугалась тени, которая показалась из двери, ведущей в кабинет. Неужели Хансен снова встал на ноги? Позади меня на подушках ворочалась Жизель. Однако потом мне стало понятно, что эту тень отбрасывал не человек. И что Хансен все еще должен находиться внутри кабинета. У окна в комнате Жизель стояли высокие напольные часы. Это их тень падала через дверной проем.

Я торопливо пошла дальше.

Заглянув в кабинет, я увидела, что Хансен по-прежнему лежит на полу. Неужели он действительно был мертв? Я могла бы посмотреть, так ли это, но в тот момент главным для меня было исчезнуть отсюда.

Трясущимися руками я стала искать в связке подходящий ключ. И каждый раз, когда я находила не тот ключ, мне хотелось закричать.

Наконец я отыскала нужный ключ. Замок открылся, и я очутилась на свободе!

Чуть погодя я вышла во внутренний двор. Добравшись до ворот, я еще раз оглянулась назад, на «Красный дом». Его глаза, таившие угрозу, сейчас были закрыты, но в любой момент это могло измениться.

И вот я незаметно выбралась на улицу.

## 9

Этой ночью Мелани не могла уснуть. У нее из головы не выходило предложение Дорнберга, и к тому же история прабабушки, рассказанная накануне, так потрясла ее, что девушка долго не могла уснуть.

Неужели все действительно так и было? Мелани не могла поверить в то, что ее прабабушка была продана в бордель. Однако Ханна не стала бы ей лгать.

Вечером Мария была по-настоящему удивлена тем, какая печальная тишина воцарилась за столом.

Прабабушка попросила Мелани никому не рассказывать о ее истории — ни Елене, ни Марии, ни Роберту. Время, проведенное Ханной в Гамбурге, должно было оставаться их тайной. И так оно и будет.

Но тем не менее Мелани задавала себе вопрос: что же ей делать, зная все это? И что

будет дальше?

Когда матрац вдруг показался ей слишком жестким, а одеяло — слишком теплым, она встала и накинула на себя купальный халат. Бросив взгляд на часы, она увидела, что был уже четвертый час ночи. На горизонте показалась серебряная полоска. Птицы завели свои песни, которые в ночной тишине казались какими-то нереальными.

Походив некоторое время по комнате взад и вперед, Мелани вытащила из ящика стола бумагу для писем. Пора.

Она уселась за маленький письменный стол и стала писать Роберту, рассказывая ему о прошедших днях. В конце письма она попросила у него совета. При этом мысли Мелани вдруг обратились к той ночи, когда они с ним впервые ночевали у Ханны и Марии. Бабушка и прабабушка настояли на том, чтобы она представила им своего друга, вместе с которым живет уже полгода.

— Как ты думаешь, я понравился твоей прабабушке? — спросил Роберт, снимая с себя футболку.

— Думаю, что да. По крайней мере она тебя не выгнала, — ответила Мелани.

Роберт рассмеялся и бросил в нее футболку.

— Ты уверена, что твоя прабабушка может так поступить? Она показалась мне очень приятной пожилой дамой.

— Ну, приятные пожилые дамы когда-то тоже были темпераментными молодыми женщинами. Кто знает, что вытворяла моя прабабушка в юности.

— Наверняка мужчины толпами бегали за ней. К счастью, вы все, кажется, похожи на нее. Думаю, что еще никогда не видел такой красивой женщины в возрасте за девяносто. Большинство пожилых дам просто приятные, милые, но твоя прабабушка настоящая красавица.

— Если ты хочешь убедиться в том, что понравился ей, повтори ей эти слова, — ответила Мелани, встала и обхватила его руками. — Но не дай бог ты бросишь меня и сбежишь с Ханной! Этого я тебе не прощу.

Роберт нежно поцеловал ее. Его губы казались тонкой шелковой вуалью, которая медленно скользила по ее коже. Мелани охватило желание, постоянно оживавшее внутри нее, стоило лишь ему появиться вблизи, и теперь это желание выросло у нее в груди, заставив броситься к Роберту и с силой прижаться губами. Она вдохнула его запах, почувствовала его тепло. Все было так прекрасно, что она даже громко вздохнула. Мелани очень часто обнимала его тело, и все же в такой момент, как этот, ей показалось, что она держит Роберта в объятиях первый раз. Она стала целовать его грудь так нежно, словно пробовала его кожу на вкус.

— Эй, секунду, — прошептал он. Его лицо тоже горело от желания, но разум все же одержал верх. — Мы же не можем заниматься этим в доме твоей прабабушки.

Эти слова, произнесенные шепотом, еще сильнее возбудили Мелани. Конечно, этого нельзя было делать. По крайней мере обычным способом. Но в этот миг она так мечтала о его прикосновениях, о тяжести его тела на своем теле, о его движениях. Ей нравилось то, как прилипала их мокрая от пота кожа, словно они хотели слиться воедино навеки.

— Бабушка спит очень крепко, и судя по виду прабабушки, она тоже не собирается бодрствовать, — ответила Мелани и прикусила его кожу, да так, что Роберт застонал.

Она точно знала, что ему это нравится и он не сможет устоять, когда она ласкает его таким образом.

— Кроме того, мы ведь можем вести себя тихо, не так ли?

— Ты — и вдруг тихо? — спросил он с широкой улыбкой и осторожно повел ее к кровати.

— Показать тебе, как я это делаю?

— Да, пожалуйста. Да!

Роберт притянул ее к себе и крепко поцеловал, а затем его руки забрались под ее футболку. То, как он гладил ее по спине снизу вверх, заставило Мелани тихо вздохнуть. Но она старалась не издавать громких звуков: ей хотелось доказать ему, что она сможет это.

Несколько мгновений спустя, когда они обнаженные лежали друг возле друга и целовались, Мелани чуть не забыла о своих благих намерениях. Роберт провел языком по чувствительному месту на ее шее, и девушка тихо застонала, чем вызвала у него широкую улыбку.

— Ты все-таки не можешь вести себя тихо, — прошептал он и продолжил свое занятие.

Мелани прикусила губу, положила руки на его затылок и стала гладить его плечи. Поласкав несколько минут, Роберт взял ее, и ей вдруг стало совершенно все равно, что скажут ее бабушки, если все-таки услышат их. Мелани и Роберт погрузились в свои ощущения, забыв о том, где они находятся, пока сон в конце концов не одолел их.

Мелани отложила шариковую ручку в сторону. Несколько слезинок упали на лист бумаги и немного размыли текст. Сердце девушки горело от боли, но воспоминания заставили ее улыбнуться.

Нет, конечно, так не бывает, если перестаешь любить человека.

Вложив письмо в конверт и заклеив его, Мелани встала.

Еще будучи ребенком, она любила прогуливаться по комнатам, где выставлена одежда, конечно, тайком, когда все уже спали. И сейчас она ощущала легкое щекотание в животе, когда кралась по коридору, а потом по лестнице вниз. Перед дверью, ведущей в бывший банкетный зал, девушка остановилась. Красный глаз охранной сигнализации сердито сверкнул ей навстречу. Мелани набрала код на табло, а затем открыла дверь.

Ее встретило тихое шипение кондиционера. В витринах отражался лунный свет, падавший через окна. Рука Мелани потянулась к выключателю, однако затем девушка передумала. Лунного света было достаточно, чтобы рассмотреть одежду.

Мелани стала переходить от витрины к витрине.

Ее бабушка и прабабушка классифицировали экспонаты музея по столетиям. Те, что относились к теме «Средневековье», были довольно немногочисленными. Оригиналов здесь не было, но, поскольку Ханна и Мария посчитали, что нельзя лишать людей понятия об этой эпохе, они заказали два платья — наряд благородной дамы и жены купца. Экспонаты шестнадцатого и семнадцатого веков тоже были реконструированы, а вот что касается восемнадцатого века, то Ханне много лет назад удалось купить французское платье в стиле барокко — настоящую редкость в частной коллекции. Платье пережило бурю Французской революции. Мелани испытывала глубокое уважение к швеям, которые вручную делали каждый шов, каждую строчку, каждую маленькую розочку.

Для раздела «Девятнадцатый век» Ханна собрала очень много находок: пышные платья в стиле бидермейер и жесткие мужские костюмы, элегантные сюртуки, дополненные высокими цилиндрами, и платья с украшенными рюшами турнюрками. Тонкие перчатки висели на спинках стульев, словно ожидая, что в следующий миг их наденут. Гвоздем программы были различные корсеты, которые собирала Мария. Подобно тому как Ханна



любила шляпы, страстью Марии были корсеты, пусть даже у нее никогда не было необходимости носить их. У нее были модели из бархата, парчи и шелка, с различными рисунками, ярких расцветок или же размытых, пастельных тонов, украшенные кружевами или вышивкой. Для корсетов была отдельная витрина, где они красовались на изящных манекенах в комбинации с длинными панталонами или кринолинами.

Во время одного из посещений музея Роберт в шутку потребовал от Мелани, чтобы та иногда надевала нечто подобное, чтобы возбуждать его.

Большая часть экспозиции относилась к двадцатому веку. Здесь у Ханны и Марии были только подлинные вещи. Мелани сразу же увидела, что тут больше экспонатов, чем могли охватить взглядом посетители за время одного посещения. Собственно говоря, платья с чердака на самом деле были не нужны. «Тем лучше, — сказала она себе. — В таком случае у меня будет достаточно экспонатов для собственного показа мод». От этой мысли ей снова стало легче. Мелани сразу же вспомнила нескольких манекенщиц, которые за небольшую плату смогли бы продемонстрировать эти платья и которые не были бы слишком высокого роста для этих размеров. «Но все надо делать постепенно, шаг за шагом», — напомнила она себе и пошла дальше.

Пустое место, где раньше находилось свадебное платье, выглядело как-то странно, и это настроило Мелани на печальный лад. «Вот так и в моей жизни», — сказала она себе, и внезапно у нее пропало желание осматривать экспозицию. Она повернулась и поспешно ушла из помещения, даже не бросив прощального взгляда на одежду.

В коридоре Мелани прислонилась к стене и закрыла глаза. Слезы катились по ее щекам. Да, это была глупая затея — прийти сюда. Она уже не была маленьким ребенком, который мечтал о пышных балах в королевских замках.

В свою комнату, однако, Мелани не вернулась, а села на лестнице. Отсюда она не только могла видеть холл. Даже просто посидев здесь некоторое время, она испытывала облегчение. Когда ее родители разводились, они, чтобы не втягивать дочь в домашнюю войну, отправили ее на лето к бабушкам. Хотя все старались окружить Мелани вниманием, она чувствовала себя хорошо только тогда, когда могла сидеть на лестнице в одиночестве и предаваться мыслям.

И она снова вспомнила о звонке Шарлотты. На Бали Мелани еще не бывала. И три недели работы с Дорнбергом сделали бы ее топ-фотографом. Роберт отметил бы такое известие шампанским и роскошным ужином.

«Может быть, действительно при следующем посещении рассказать ему об этом?» — промелькнула у нее мысль. Только когда состоится это посещение?

Пусть даже Мелани была уверена в том, что любит Роберта, она не испытывала желания ходить в больницу. Собственно говоря, она хотела провести на вилле всего пару дней, но за это время почувствовала, что эта местность действует на нее благотворно — хоть и не оберегает от непрошенных мыслей или боли. Находиться здесь — это совершенно иное, нежели сидеть в пустой квартире. Да и история Ханны, продолжение которой очень интересовало Мелани, еще не окончена...

Но когда же сказать Шарлотте о своем решении? Не будет ли поздно сделать это через неделю? Не получится ли так, что она потом всю свою жизнь будет жалеть о том, что не воспользовалась этим шансом? Или же она будет злиться, если ее не будет рядом, когда Роберт придет в себя...

Мелани прислонилась к перилам, прислушиваясь к шорохам в доме. Сквозняк скользил

по каменным стенам, потрескивала деревянная лестница. Время от времени что-то щелкало и раздавались какие-то шорохи. Может быть, здесь водились мыши? При этой мысли Мелани улыбнулась, и песня виллы потихоньку убаюкала ее.

Проснувшись, девушка обнаружила, что все еще сидит на лестнице, прислонившись к перилам. Утреннее солнце ярко освещало холл. Пение птиц заглушало звуки дома.

Мелани выпрямила заболевшие конечности. «Наверное, лучше было лечь в постель, — подумала она. — Как бы там ни было, мне уже не двенадцать лет».

Она вернулась в свою комнату, но у нее уже не было желания лечь на кровать. Мелани приняла душ и оделась. На этот раз не для утренней пробежки. Она просто хотела посидеть у озера и снова предаться размышлениям, пока не проснется Ханна и не расскажет ей продолжение своей истории.

Мелани медленно прошла по дорожке, потом свернула на траву и поймала себя на мысли, что оглядывается по сторонам, ища садовника. Утренняя роса промочила насквозь ее спортивную обувь и увлажнила щиколотки.

Роберт как-то сказал, что любить для него — это то же самое, что бежать босиком по мокрому лугу, держась за руки. Они проделывали это много раз, и на какой-то момент Мелани представила себе, что именно это она сейчас и делает.

Пока она дошла до озера, штанины ее джинсов тоже промокли, однако это не смущало ее, потому что теперь она как бы чувствовала себя немного ближе к Роберту.

Она опустилась на широкий камень, где сидела накануне, слушая рассказ Ханны. Девушка бросила беглый взгляд на свой мобильный телефон, который молчал с тех пор, как позвонила Катя, а затем теснее запахнула куртку. Туман над озером медленно исчезал под лучами восходящего солнца. Некоторое время Мелани смотрела на водную гладь, которая покрывалась легкой рябью от утреннего бриза, а затем услышала позади себя какой-то лязг.

На ее лице промелькнула улыбка. Наконец-то! Садовник вышел на утреннюю рыбалку. Сегодня Мелани даже обрадовалась встрече с ним. Наверное, сейчас он исчезнет в камышах и будет там ждать, когда снова клюнет банка из-под пива или какой-нибудь ботинок.

— Доброе утро! — крикнул ей Томас. — Пожалуй, мне надо постепенно привыкать к тому, что теперь я больше не буду находиться у озера в одиночестве.

— Обещаю, что не буду выхватывать у вас из-под носа пивные бутылки, банки или рыбу. Но все же хорошая пара обуви была бы сейчас для меня весьма кстати.

— Если вам нравятся дырявые резиновые сапоги, я с удовольствием уступлю вам свой улов.

Мелани некоторое время смотрела на садовника, а затем спросила:

— Собственно говоря, зачем вы ходите сюда рыбачить, если в озере нет ничего стоящего?

— Потому что я вознамерился очистить его от мусора! — Томас ухмыльнулся, но затем покачал головой. — Нет, скорее потому, что мне, когда я смотрю на воду, лучше думается.

Мелани кивнула:

— Я вас понимаю. Честно говоря, я тоже прихожу сюда именно поэтому.

— А о чем вы думаете? — вырвалось у Томаса, но он тут же поднял руки. — Извините, меня это не касается.

— Никаких проблем, — ответила Мелани. — Есть много чего, о чем я должна подумать.

«Ну, давай, скажи ему, — подстегивала она себя. — Он очень приятный человек и должен знать, что ты не свободна».

— Мой жених несколько месяцев назад попал в аварию и с тех пор лежит в коме.

Томас сначала ничего не ответил. Он долго смотрел на кончики своих ботинок, а потом отставил ведро в сторону.

— Может быть, это прозвучит немного банально, но я искренне сожалею.

— Спасибо. — Мелани немного подвинулась. — Садитесь рядом со мной. Может быть, это не самое подходящее место для рыбалки, но...

Томас кивнул и опустился рядом с ней на камень. Он уперся локтями в колени и некоторое время молча смотрел на свои руки, после чего сказал:

— Я никогда не думал, что буду работать садовником.

Мелани удивленно посмотрела на него:

— И как вы дошли до этого?

— Жизнь иногда очень любит испортить игру, вам это известно? У меня было все: прекрасный дом и жена, которая как раз ожидала нашего первого ребенка. Все было прекрасно. Наверное, слишком прекрасно...

От внезапно возникшего подозрения у Мелани пробежал мороз по коже.

— Ваша жена умерла?

Томас кивнул и опустил голову:

— У нее отказало сердце, когда она была на шестом месяце. Это произошло внезапно. Никто не знал, что у нее врожденный порок сердца, она никогда не чувствовала себя плохо. Врачи попытались спасти хотя бы ребенка, но им это не удалось, и ребенок умер вместе с ней.

Повисло молчание. Камыш шумел на ветру. В небе пролетела стая птиц. В остальном мир как будто замер.

Тишину прервал глубокий вздох Томаса.

— Вы знаете, когда мою жену вместе с ребенком похоронили, я чувствовал себя так, будто все вокруг меня стало черно-белым. Все побледнело, даже я сам. Я замкнулся, перестал работать и просто существовал, как растение. Через некоторое время я почти не узнавал себя в зеркале, но мне было все равно. Я совершенно не беспокоился, когда через пару месяцев потерял работу, не мог выплачивать кредит за дом, и в конце концов его у меня отобрали. Прихватив с собой пару книг, я покинул свое пристанище с рюкзаком, набитым одеждой, и превратился в бездомного. В то время друзей у меня уже не осталось. Я подыскивал себе новое место жительства, вернее, поселился под мостом и, наверное, надеялся, что там и умру. Я просто не мог больше выносить эту боль.

— Вы спали под мостом?

— Да, и это место казалось мне идеальным. Я поставил на себе крест. Когда жизнь в городе стала для меня невыносимой, я пошел бродяжничать. И все время искал место, чтобы умереть.

— Вы пытались покончить с собой?

Томас отрицательно покачал головой:

— Нет, как ни странно, это мне в голову не приходило. Я думал, что если буду подвергать свое тело воздействию холода, голода и прочих невзгод, то просто однажды усну навеки. Наверное, в этом виновато мое католическое воспитание.

— А как вы попали сюда? — Мелани внимательно посмотрела на него. — Сейчас вы не похожи на человека, который хочет умереть. Что изменилось?

Томас пожал плечами:

— Не имею ни малейшего понятия. Возможно, все изменил сон, который мне приснился. Когда ночью я спал под деревом, мне приснились жена и ребенок. Ему было уже три или четыре года. Моя жена смеялась. Я хотел протянуть к ней руку, но она повернулась и побежала к воротам в сад. Там она и исчезла, а я проснулся.

— Значит, вы хотели найти тот сад?

В душе Мелани поднялось сочувствие, и она вдруг ощутила, что ее влечет к этому мужчине. Пусть даже садовник внешне был совсем не похож на Роберта, он, казалось, был таким же впечатлительным и ранимым. Наверное, любовь для него тоже была как-то связана с мокрой травой.

— Может быть, именно этого я и хотел. После того как я несколько дней шел пешком все дальше и дальше, у дороги я увидел табличку — указатель с названием музея мод «Блюмензее». К табличке кто-то прицепил листок бумаги. Там было написано: «Требуется садовник». Я вспомнил о своем сне и, несмотря на то что вообще-то я не увлекаюсь эзотерикой, все же решил обратиться туда. Конечно, у меня было мало надежды на то, чтобы получить эту работу. Я сказал себе, что даже если получу отказ, то, может, найду парк, в котором смогу спать и где никто не будет ко мне приставать. — Томас рассмеялся и покачал головой. — Как оказалось, мне недолго суждено было вести спокойную жизнь. Знаете ли, ваши бабушки — очень наблюдательные женщины.

Мелани попыталась представить себе, как Мария стоит перед бездомным и спрашивает его, что он делает на территории ее усадьбы.

— Я как был в рваной одежде, так и позвонил в дверь. На пороге появилась фрау Баренбоом. Я был потрясен, потому что ее фамилия совсем не соответствовала ее виду — я не ожидал увидеть вьетнамку. Она пригласила меня в дом, где я познакомился также с мадам де Вальер. Мы вместе выпили кофе, и я объяснил им, что делаю в их усадьбе. То, что я бродяга, они поняли, наверное, сразу. Я был уверен, что они сочтут меня слабым и неприспособленным к работе, но все же рассказал им свою историю. Когда я закончил, то думал, что они сейчас же прогонят меня прочь. Кому нужен слабак, который не смог удержаться наплаву? Однако мадам де Вальер лишь взглянула на свою дочь, они кивнули друг другу, и я получил работу. Вот теперь я здесь, но должен сказать, что моя жизнь постепенно налаживается и приобретает былой размах. Пусть даже шрамы от прошлого все еще остаются на моей душе, я замечаю, что снова становлюсь самим собой.

Томас взглянул на Мелани. У него были голубые глаза, и в них было нечто такое, что понравилось ей. Однако была и другая пара глаз, и Мелани больше всего на свете желала, чтобы те глаза снова взглянули на нее. Так что она не стала выдерживать взгляд Томаса, а посмотрела на свои мокрые кроссовки.

— Могу себе представить, что у вас сейчас на душе, — сказал он через некоторое время. — Но не теряйте мужества. У вас есть кое-что такое, чего не было у меня. Надежда. Жизнь еще не рассталась с вашим женихом, она просто отодвинула его в сторону, поставив на полосу ожидания.

— И если мне не повезет, то это продлится долгие годы... — печально ответила Мелани.

Теперь, когда Томас сидел рядом с ней, она снова почувствовала, как ей нужна близость мужчины.

— Я так не думаю. Послушайте меня: с тех пор как я начал здесь работать, я снова поверил в то, что в жизни есть что-то хорошее. Конечно, я не могу дать вам никаких

гарантий в том, что касается вашего жениха, да этого и никто не сможет сделать, но вы должны надеяться. Пусть даже это звучит глупо, но позитивные мысли иногда влекут за собой позитивные события. Лично я в этом твердо убежден.

Мелани некоторое время раздумывала над его словами. При этом она вспомнила, что всегда говорила Елена, когда ее дочь испытывала страх перед экзаменом: «Когда стоишь перед горой, то думаешь, будто не преодолеешь ее; когда стоишь на горе, боишься упасть. А когда гора остается позади тебя, ты только смеешься над этим».

Наверное, Мелани никогда не будет смеяться над тем, что произошло, но ей было бы легче, если бы Роберт снова был рядом с ней.

— Я... Я тоже видела сон, когда была в больнице. Сразу же после того, как произошла авария, — произнесла Мелани.

Томас кивнул:

— Вы хотите рассказать его мне?

— Мы с Робертом были в отпуске, и нам нужно было идти на паром. Я потеряла его в толпе, и он уплыл без меня. После этого я стала бояться, что он умрет, потому что мне пришло в голову, будто паром — это переход между жизнью и смертью.

— Но может быть и так, что ваш жених все еще находится на пароме и ищет подходящий причал.

Это сравнение показалось Мелани прекрасным, однако в то же время насторожило ее. А что, если паром причалит не там, где нужно, и Роберт сойдет с него?

— А теперь я пойду посмотрю, что поделявают мои рыбы, — сказал Томас и встал. — Если я когда-нибудь поймаю хоть одну рыбку, разрешите пригласить вас на обед? Просто дружеская встреча, без всяких задних мыслей.

Мелани улыбнулась:

— Да, я приму ваше приглашение. Но только в том случае, если это не будет тот самый пожилой карп.

— Обещаю!

Томас взял свое ведро, удочку и удалился.

— Спасибо вам за ваш рассказ! — крикнула Мелани ему вслед, однако он, скорее всего, ее не услышал.

— Доброе утро, дитя мое! — Ханна радостно улыбнулась Мелани, когда та вошла в дом. — Надеюсь, ты хорошо спала?

— Ну, это как сказать, — ответила Мелани, удивленная тем, что видит Ханну не в аозай, а в брюках, плиссированной блузке и надетой поверх нее вязаной кофте.

У прабабушки был такой вид, будто она собиралась отправиться на пикник. А может быть, к врачу?

— Этой ночью я много думала, — добавила Мелани.

— Я тебе верю, — ответила Ханна. — Но все же я, рассказав свою историю, дала тебе пищу для размышлений. Впрочем, иногда много мыслей — это хорошо. И ты знаешь, честно говоря, сегодня я спала очень крепко, чего со мной уже давно не случалось. Тяжело носить в себе тайну, особенно такую... — Она покачала головой, а затем сказала: — Как ты относишься к тому, чтобы совершить сейчас небольшую прогулку?

— Значит, поэтому ты так нарядилась?

— Пожалуй, да. Ну, так что ты скажешь?

Очевидно, Ханна не ожидала отказа.

— А куда ты хочешь отправиться?

— В Берлин!

Мелани удивленно наморщила лоб. С чего это Ханне пришла в голову такая мысль? Девушка ожидала, что прабабушка пригласит ее совершить небольшую поездку по сельской местности.

— А почему именно в Берлин?

— Следующую часть своей истории я хочу тебе не только рассказать, но и показать. А поскольку Берлин находится буквально за углом...

О проведенном в Берлине времени Ханна раньше уже рассказывала, хотя и мало. Она с восторгом говорила о платьях и музыке двадцатых годов и даже иногда с горящими глазами вспоминала о ночной жизни города той поры. Но это были лишь короткие замечания, которые она мимоходом вставляла в разговор.

— Есть много прекрасных воспоминаний, связывающих меня с Берлином, ведь именно этот город сыграл определяющую роль в моей дальнейшей жизни. Я знаю, что мало рассказывала о нем, но сейчас время пришло. Все же именно там я познакомилась с отцом Марии.

Мелани кивнула:

— Ты когда-то упоминала об этом, но затем мы больше не говорили на эту тему.

Ханна лукаво улыбнулась:

— Да ты все время была чем-то занята. Когда ты была подростком, ты ходила в школу, у тебя были друзья и мечты. Затем ты начала работать, у тебя появился Роберт и многочисленные поездки. Мне казалось, что у тебя нет времени, чтобы выслушать мою историю.

И Ханна была права: только теперь у Мелани появилось время на то, чтобы заняться историей семьи и разузнать о своих предках. И она пожалела, что раньше не расспрашивала о них.

— Ну что, поедem? — продолжала допытываться прабабушка. — Я так долго там не была! И еще мне очень хочется нанести визит твоей матери, побывать у нее в ателье. Я давно не слышала стрекота швейной машинки и не ощущала запаха мокрого горячего фетра и аппетита[13]. Мне кажется, что именно это мне сейчас и нужно.

## 10

Час спустя они уже мчались по автобану в направлении Берлина. Движение было умеренным, лишь пара водителей грузовиков время от времени устраивала между собой «гонки на слонах», а между ними, словно гондолы, величественно проплывали навстречу летней свежести жилые автомобильные фургончики.

Ханна удобно устроилась на переднем сиденье и смотрела по сторонам с таким видом, словно ехала по автобану первый раз в жизни. Казалось, она как губка впитывала впечатления.

— Я не понимала, как мне этого не хватало, — призналась женщина. — Достигнув определенного возраста, начинаешь думать, что тебе уже ничто не может доставить удовольствие.

— Мама будет рада тебя видеть, — произнесла Мелани.

Ханна гордо улыбнулась:

— Больше всех обрадуюсь я. Никогда не думала, что кто-нибудь из моих потомков

научится тому же ремеслу, что и я. И за то, что так получилось, я очень благодарна богам.

— Но мы с Марией тоже работаем в индустрии моды.

— Да, это правда, и этому я тоже рада, — ответила Ханна и с довольным видом сложила руки на коленях. — А у тебя действительно хорошо получаются фотографии. И я надеюсь, что скоро ты снова сможешь фотографировать.

— Да, я тоже на это надеюсь, — задумчиво сказала Мелани.

— Так ты уже решила, что ответить на последнее предложение?

— Нет, в том, что касается этого, я еще не приняла решения. Зато я сегодня беседовала с вашим садовником.

— Ой! А на этот раз на тебе были не леггинсы в обтяжку? — лукаво ухмыльнулась Ханна.

— Да, — ответила Мелани, — ты права, если думаешь, что я веду себя глупо. Разумеется, Роберт не увидел бы ничего предосудительного в том, что я разговаривала с другим мужчиной. Просто я не хотела бы ему изменять.

— Неужели ты действительно думаешь, что изменишь жениху, если улыбнешься садовнику?

— Ну да, немножко.

— Ага, значит, тебе нравится наш садовник!

— Я люблю Роберта. И точка.

— В этом я не сомневаюсь, — произнесла Ханна. — Но иногда, несмотря ни на что, можно находить удовольствие и в общении с другим мужчиной. По этому поводу я тебе такое могу рассказать... Несмотря на то что женщина уверена в себе, вдруг ей в голову приходит мысль: «Ага, а этот парень тоже ничего».

— О'кей, признаю: ваш садовник действительно очень мил.

— И интересен! — добавила Ханна и, казалось, чрезвычайно обрадовалась тому, что Мелани покраснела.

— Да, это так, интересен. Но его история еще интереснее. Он рассказал вам ее, когда сюда попал?

— Да, — ответила Ханна, устремив на Мелани изучающий взгляд. — Он был самым печальным человеком, которого я когда-либо видела.

— Значит, вы взяли его на работу из жалости?

— С одной стороны — да. Но еще и потому, что мы почувствовали: он хочет получить второй шанс. Я в жизни видела столько горя. И знаю точно: о человеке надо судить не по одежде, которую он носит. К тому же я считаю, что Томас — очень хороший садовник и теперь, кажется, снова взял себя в руки.

— Да, очевидно.

Некоторое время прабабушка и правнучка молча прислушивались к шуму мотора и гулу грузовиков, которых они обгоняли. Затем Ханна произнесла:

— И вообще, нет ничего плохого в том, что тебя интересует какой-то мужчина и ты получаешь удовольствие от его присутствия. Твоя свекровь, наверное, открутила бы тебе голову, однако никто не может требовать, чтобы ты оборвала все контакты с внешним миром. Надеюсь, ты даже подружишься с Томасом. Все возможно, и не каждая встреча обязательно должна перерасти в любовную связь. Повторяй себе это всегда, когда находишься среди людей. Никто не заставляет тебя жить исключительно в трауре и печали.

Неужели это возможно — чтобы они с Томасом стали друзьями? Мелани надеялась на

это. И еще она желала ему встретить женщину, к которой у него снова может вспыхнуть любовь.

Мелани повернула голову, мысленно все еще находясь рядом с садовником, а затем окаменела. У нее по спине пробежали мурашки, когда она увидела, что они как раз проехали место, где случилась авария. Следов автокатастрофы больше не было, сломанные ограждения заменили, но все же Мелани показалось, будто она видит на асфальте царапины и следы тормозного пути. Их оставила, конечно, другая машина, но одна мысль об этом вызвала у нее тошноту.

В полиции Мелани хотели показать фотографии с места аварии, но она отказалась. Она не хотела видеть разбитую машину, достаточно было и того, что сила ее воображения создала из происшедшего настоящие кошмары.

Девушка снова быстро перевела взгляд на дорогу, стараясь взять свои чувства под контроль. Неприятное ощущение осталось, но все-таки ей удалось снова сосредоточиться.

При этом она, однако, заметила, что Ханна как-то задумчиво смотрит на нее.

— Это произошло здесь, правда? — спросила наконец прабабушка.

— Что? — Мелани знала, что та имеет в виду, однако не отрывала взгляда от дороги.

— Роберт попал в аварию где-то тут, верно?

— Да. — У Мелани задрожал голос.

Ханна слегка кивнула и снова погрузилась в молчание.

Мелани никогда не говорила с ней о подробностях аварии. Она сообщила лишь о том, что это случилось «где-то на автобане».

К счастью, через некоторое время впереди показался выезд с автобана. Мелани включила указатель поворота и свернула. Теперь у нее на душе стало немного легче. Она прибавила скорость, и всего несколько минут спустя их уже приветствовал каменный медведь, стоящий на въезде в город. Самолет довольно низко пролетел над ними, заходя на посадку в аэропорту Тегель.

Беспокойство, которое испытывала Мелани на автобане, теперь трансформировалось в тоску. Как же ей хотелось снова отправиться в полет! И увидеть другую страну.

Однако она тут же почувствовала тяжесть в груди. Пока Роберт находится в коме, она не может себе этого позволить.

На городском автобане движение было обычным, с периодическими пробками, но как только они съехали с него, смогли увеличить скорость. Мелани использовала всевозможные объездные пути, и в конце концов они подъехали к телевизионной башне.

Обычно припарковаться в центральной части города было практически невозможно, но Мелани повезло: она обнаружила место на стоянке на боковой улице. Недалеко отсюда находилась станция метро — на тот случай, если Ханна не сможет больше идти пешком или расстояние окажется слишком большим для нее.

После того как Мелани помогла прабабушке выйти из машины, та глубоко вздохнула:

— Как прекрасно снова очутиться в городе!

— Я знаю уйму людей, которые возразили бы тебе. Например, у нас в агентстве очень многие хотят переехать за город. Они зеленеют от зависти, когда я рассказываю им о своей прабабушке, которая живет на старой вилле в сельской местности.

— Тогда в следующий раз тебе придется добавить, что такая вилла подразумевает также необходимость выполнять приличный объем работы, — заметила Ханна, не совсем уверенно опираясь на свою палку.



— Все в порядке? — спросила Мелани, заметив это.

— Да, все хорошо. Просто мне ведь уже не двадцать лет. Когда мои ноги какое-то время находятся в согнутом положении, они потом уже не так быстро выпрямляются.

Получив талон за парковку, прабабушка и правнучка медленно пошли вдоль Инвалиденштрассе. Где-то вдалеке на стройке грохотали отбойные молотки. Мимо со звоном прокатился трамвай. К нему присоединились машины. Несколько велосипедистов пытались втиснуться между машинами и трамвайчиком.

Шляпное ателье Елены находилось в угловом доме, классический фасад которого был отремонтирован совсем недавно и теперь сиял нежно-бежевыми тонами. На балконах квартир в верхних этажах цвела огненно-красная герань. В остальном природа вела себя в городе более робко, чем за городом. Зелень на деревьях в парке казалась очень нежной.

Теплый воздух и запах аппретуры ударили Ханне и Мелани в нос, когда они под звон колокольчиков вошли в дверь. Елена обставила свой маленький магазин в классическом стиле: здесь были темная мебель и старинный прилавок. Однако также тут находились дисплеи, на которых шла видеозапись: модистки-шляпницы за работой. В маленьком диванном уголке из светлой кожи посетители могли уютно устроиться и подождать, пока шляпница примет у них заказ.

Шляпы, которые ожидали клиентов позади прилавка, вовсе не были покрыты слоем пыли. Здесь были очень яркие модели с большими цветами и лентами, а также нежных тонов с вуалью или перьями.

Елена особенно гордилась фотографией, на которой она была снята вместе со знаменитой на весь мир танцовщицей, специально прилетевшей из Америки, чтобы заказать ей пару дюжин шляпок, шапочек с перьями и беретов.

— Мама? — громко, на все помещение позвала Мелани, потому что сейчас здесь не было клиентов.

Наверное, ее мать работала над какой-нибудь новой моделью.

Через пару секунд появилась Елена. Под длинным фартуком на ней был темный свитер с высоким воротом и серые брюки. У нее была короткая стрижка (Елена не любила, когда волосы падали на шляпки или сгорали на медных формах), а в глазах отразилось откровенное удивление, когда рядом с дочерью она увидела Ханну.

— Бабушка! Что ты здесь делаешь?

— Какое милое приветствие! — ответила Ханна, улыбаясь. — Неужели ты совсем не рада видеть свою старую grand-mère?

Елена покраснела:

— Я... я просто удивилась тому, что ты здесь появилась. Конечно же, я очень рада. — Она перевела взгляд на Мелани, и он стал несколько укоризненным. — Я рада, что вам удалось сделать мне сюрприз. Я сама хотела посмотреть, что делается у меня в мастерской, поскольку уже давно здесь не была.

— Grand-mère непременно хотела поехать в Берлин и кое-что увидеть, — объяснила Мелани. — Так что мы подумали: сядем-ка мы в машину и совершим небольшое путешествие.

Впрочем, казалось, Елена не поверила им. Но все же она сбросила оцепенение и подошла к ним.

— Как прекрасно видеть тебя, бабушка! — прошептала она в волосы Ханны, обнимая ее так осторожно, словно боялась, что сломает ей кости, если прижмет к себе чуть-чуть

сильнее.

— Я тоже так считаю. По твоему голосу мне всегда трудно угадать, как у тебя дела, но по твоему виду можно сказать, что у тебя все хорошо.

— За исключением происшествий, которое всех нас печалит, дела у меня действительно идут хорошо. Магазин всегда полон, я не знаю, куда деваться от заказов, а летом мне предстоит принять участие в выставке «Фэшн уик». Правда, у меня такое чувство, будто время убегает от меня, но я уж как-нибудь с этим справлюсь.

— Может быть, ты возьмешь меня в качестве манекенщицы для одной из своих моделей? — подмигнув, предложила внучке Ханна. — Эта штучка в первом ряду мне понравилась. И она очень подходит к моим волосам. — Она указала на ярко-розовую шляпку с перьями, лентами и цветами.

— Вообще-то я собиралась послать в ней на подиум английскую королеву, — шутливо возразила Елена. — Но если ты настаиваешь...

— Да, настаиваю! Даже если тебе придется везти меня по подиуму в инвалидной коляске!

Ханна и Мелани обменялись заговорщическими взглядами.

— Идемте со мной, я как раз собираюсь приступить к новым заготовкам. И я только что заварила чай. За чашечкой чая вы сможете понаблюдать немного за моей работой.

— Мы бы с удовольствием, однако у нас другие планы! — с улыбкой ответила Ханна.

Елена вопросительно подняла брови:

— Вот как? Что же вы хотите делать? Неужели собираетесь поехать в клинику?

— Нет, *grand-mère* хотела мне кое-что показать, — сказала Мелани. — Сегодня вечером я собираюсь вернуться на виллу и остаться там еще на некоторое время.

— Значит, тебе там нравится?

— А когда мне там не нравилось? — ответила Мелани и взглянула на прабабушку.

— Если не возражаешь, я воспользуюсь твоим туалетом, — сказала та, обращаясь к Елене.

— Конечно. Ты же знаешь, где он находится.

Опираясь на палку, Ханна направилась вглубь помещения.

Пока ее не было, Мелани и Елена поговорили о состоянии Роберта и о невеселом телефонном разговоре с Катей.

— Если для тебя это слишком тяжело, я могу полностью взять на себя общение с твоей будущей свекровью, мое сокровище. Только скажи. — Елена ободряюще улыбнулась дочери.

— Продолжайте разговаривать, не обращайтесь на меня внимания, — сказала Ханна, снова входя в комнату. — Если, конечно, у вас нет от меня секретов.

— Я только пожаловалась на свою будущую свекровь, вот и все, — призналась Мелани.

— Может быть, мне следует как-нибудь познакомиться с этой дамой? — предложила Ханна, однако Мелани покачала головой.

— Нет, я сама с этим справлюсь. А сейчас мы отправимся посмотреть Берлин, не так ли?

Ханна кивнула, а Елена добавила:

— Только смотри, береги *grand-mère*! Берлин — город опасный.

— Он всегда был таким! — хихикнув, ответила Ханна и взяла Мелани под руку.

Прабабушка и правнучка еще немного прошли вдоль Инвалиденштрассе, мимо вьетнамского ресторанчика, из которого доносились соблазнительные ароматы карри и аниса, а затем свернули на Шоссештрассе. Мелани все это время задавала себе вопрос: куда

направляется Ханна?

— А нам не придется идти слишком далеко? — спросила девушка, заметив, что прабабушка замедлила шаг. — Может быть, стоит взять такси?

Ханна отрицательно покачала головой:

— Нет, нет, не надо. Несмотря на то что я иду медленно, у меня еще есть силы.

— Но ты скажешь мне, когда устанешь, хорошо?

— Скажу, можешь в этом не сомневаться.

Когда они пошли дальше, Мелани обратила внимание на взгляды, которыми прохожие провожали Ханну. Таких старых людей, которые могли самостоятельно передвигаться, не часто можно было увидеть в городе. Мелани, словно защищая Ханну, положила ладонь на кисть прабабушки, по-прежнему державшей ее под руку.

— А куда ты, собственно, направляешься? — спросила Мелани, когда они оставили Шоссештрассе позади.

Совсем рядом была Фридрихштрассе. И, соответственно, на тротуарах стало теснее от прохожих.

— Тут недалеко, — ответила Ханна и зашагала дальше.

Они пересекли Торштрассе, прошлись немного по Фридрихштрассе и в конце концов свернули на боковую улицу, обрамленную старыми домами, которые большей частью сохранились в первозданном виде. При наличии фантазии можно было представить себе, как вдоль этой улицы торопливо ходили служанки в накрахмаленных фартуках и господа в жестких сюртуках.

Мелани удивилась тому, что Ханна так легко преодолела этот путь. Казалось, она даже ускорила шаг, словно ей не терпелось достигнуть цели своего путешествия.

Перед пятиэтажным домом, который выглядел так, словно зуб времени откусил от него часть, они наконец остановились. По сравнению с находившимся рядом огромным красным зданием, которое, судя по мемориальной доске, было раньше еврейским приютом для детей-сирот и окна которого были забиты досками, дом казался маленьким и каким-то сгорбленным, несмотря на высоту. Бордюр на стыке с тротуаром позволял предположить, что раньше это здание было больше. Остаток фасада очень нуждался в ремонте, но тем не менее дом выглядел жилым.

Хотя Мелани и видела это здание раньше, она никогда не обращала на него особого внимания. Когда-то она нашла в почтовом ящике перед магазином Елены приглашение в балхаус на танцевальные курсы. Но в самом танцевальном зале она ни разу не была.

Ханна смотрела на дом с улыбкой, словно стояла перед старым другом, которого она не видела уже много лет.

— Он почти не изменился, — сказала она наконец и увлекла Мелани с собой во двор, который в хорошую погоду использовался в качестве открытой площадки.

На тросах висели лампочки, которые включались с наступлением темноты. За одним из окон на первом этаже виднелась огромная кафельная печь — очевидно, там находилась кухня ресторана, меню которого было размещено рядом с входом. В окнах верхних этажей отражалось синее, слегка облачное небо.

— Я спрашиваю себя, существует ли еще Зеркальный зал, — произнесла Ханна, устремив взор на ряд окон. — Это было прекрасное помещение. Там устраивали не только балы, но и пышные свадьбы. Очень жаль, что война оставила на этом доме такой след.

— Мы могли бы зайти внутрь и спросить, — предложила Мелани. — Люди, которые

здесь работают, могли бы сказать нам, существует ли еще этот зал.

— Верно. Ну, идем.

Когда они вошли внутрь, Мелани удивилась тому, каким узким был вестибюль. Она ожидала увидеть в балхаусе широкие лестничные пролеты, огромный гардероб и красные ковры на паркете, выложенном в шахматном порядке.

Конечно, здесь был гардероб — маленький закоулок сразу за дверью, настолько темный, что крючки для одежды в нем только угадывались. Рядом с ним находилась каморка — касса, казавшаяся такой маленькой, что едва можно было поверить, будто там когда-то сидел человек.

Ханна глубоко вздохнула:

— И пахнет почти так же, как раньше!

На стене рядом с дверью, которая, очевидно, вела в кухню, Мелани обнаружила напечатанный на машинке листок и улыбнулась, поскольку там упоминалось о «месте встреч для легкомысленных персон обоих полов». Это письмо, наверное, было родом из восьмидесятых и было составлено в тогдашнем Министерстве государственной безопасности. Интересно, что сказали бы апостолы морали того времени о нынешних клубах и дискотеках?

— Я могу вам чем-то помочь?

Восторгаясь старой мебелью, они даже не заметили, как позади них появился молодой человек. На вид ему было около двадцати лет. На нем были джинсы и черная рубашка. Темные волосы были коротко подстрижены, а в мочке уха висела серьга, на вид довольно тяжелая.

— Извините, пожалуйста, можно ли взглянуть на Зеркальный зал? — спросила Ханна.

Молодой человек удивленно уставился на нее.

— Собственно говоря, Зеркальный зал открывается только для проведения мероприятий. Однако я мог бы спросить... Вы хотите заказать банкет?

— Я просто хочу еще раз увидеть этот зал. Видите ли, я здесь раньше работала...

По виду молодого человека Мелани определила, что он сейчас напряженно подсчитывает, когда именно могло быть это «раньше». Сама она тоже была удивлена таким заявлением. То, что Ханна работала в балхаусе, было для нее новостью. Или же она сказала это для того, чтобы зайти в зал?

— Пожалуйста, спросите, — подхватила Мелани и изобразила свою самую обворожительную улыбку. — Моей прабабушке очень важно увидеть этот зал, да и мне тоже. Кроме того, я могла бы организовать здесь несколько мероприятий. Владельцы, конечно, обрадовались бы этому, не правда ли?

Молодой человек кивнул и исчез за одной из коричневых дверей. Немного погодя стало слышно, как он торопливо поднимается по лестнице.

— Я задаю себе вопрос, находится ли этот дом по-прежнему в женских руках, — задумчиво сказала Ханна, а Мелани тем временем снова стала с восхищением рассматривать коричневый гардероб, рядом с которым висела табличка, напоминавшая о том, что тут положено соблюдать правила, предписывающие каждому сословию определенную одежду.

Ей показалось, что они с Ханной совершили путешествие во времени. Можно было ожидать, что в любой момент тут появится юная гардеробщица в платье, сшитом по моде двадцатых годов, с короткими локонами, накрученными щипцами, и будет предлагать посетителям принять у них пальто.

Может быть, Ханна была одной из таких девушек?

На противоположной стене висели снимки, на которых запечатлелась история этого дома, а стеклянные вставки на двери, ведущей в ресторан, были украшены цветами в стиле модерн.

— Наверное, этот дом сейчас принадлежит какому-то эксплуатационному обществу или чему-то в этом роде.

— Я так не думаю, они бы сделали из него дискотеку. Посмотри-ка по сторонам. — Ханна сделала широкий жест рукой. — Здесь ведь все выглядит как раньше. Если, конечно, не обращать внимания на то, что время довольно сильно сказалось на инвентаре.

— А кем, собственно, ты здесь работала? — спросила Мелани, уворачиваясь от официанта, который выбежал из кухни с подносом в руках. — Или ты просто обманула паренька?

— Неужели я похожа на женщину, которая получает удовольствие оттого, что водит за нос молодых людей? — широко улыбнулась Ханна.

— Почему бы нет? Но я не думаю, что ты могла сочинить нечто подобное. Однако тебя с этим домом что-то связывает, не так ли?

— И даже больше, чем ты можешь себе представить. Это место спасло меня после всего, что мне пришлось пережить. Кто знает, что было бы со мной, если бы я не появилась здесь в подходящий момент?

Дверь распахнулась, и на пороге снова появился молодой человек. В руке он держал связку ключей.

— О'кей, вам разрешили осмотреть зал.

— Вот и хорошие новости! — ответила Ханна, на что молодой человек посмотрел на нее с некоторым сомнением.

— Но, к сожалению, у нас нет пассажирского лифта. Есть лишь грузовой лифт, который используют для того, чтобы подавать блюда из кухни, — старый, с прежних времен.

— Не беспокойтесь, я справлюсь с лестницей, шаг за шагом. Если вас ждет работа, вы можете спокойно отдать нам ключ. Обещаю, что мы не будем вести себя как вандалы.

Однако это показалось молодому человеку слишком рискованным, и он терпеливо присоединился к ним.

Ханна взбиралась по лестнице со ступеньки на ступеньку. Время от времени она делала короткий перерыв, но в конце концов они добрались до дверей.

Когда молодой человек распахнул широкую дверь, их обдало спертым воздухом. Солнечный свет залил помещение.

— Осмотритесь, но будьте осторожны, — посоветовал молодой человек. — Время от времени с потолка отваливаются небольшие кусочки штукатурки. Управляющий настаивает на том, чтобы зал по возможности оставался таким, каким он был шестьдесят лет назад. Тут по мере необходимости делают лишь косметический ремонт.

— Неужели во время войны здание не пострадало? — спросила Мелани, вспоминая первое впечатление от фасада.

— Конечно, пострадало! Однако, как ни странно, в Зеркальном зале больших повреждений не было. За исключением нескольких трещин.

В этот момент зазвонил мобильный телефон. Мелани сначала подумала, что это звонит ее мобилка. Но парень вытащил из кармана свой телефон, быстро поговорил с кем-то и обратился к женщинам:

— Извините, мне опять нужно идти вниз. Приехал оркестр, который заказан на сегодняшний вечер, и я должен показать музыкантам, где им оставить свои инструменты.

— Они поднимутся сюда, наверх?

— Нет, сегодня вечером танцы будут в ресторане. Этот оркестр будет играть у нас в первый раз, и музыканты еще не знают, что здесь и как.

— Вы разрешите нам побыть тут еще немного? — спросила Ханна так проникновенно, как только могла.

— В порядке исключения. Как только пристрою музыкантов, я зайду за вами.

Ханна была очень довольна.

Зеркальный зал не зря носил такое название. Огромные зеркала, висевшие друг напротив друга, отражали разные перспективы помещения. В настоящий момент длинные столы были отодвинуты в стороны и на них стояли стулья, так что паркет под ними был очень хорошо виден. Оклеенные зелеными обоями стены, как и пол, по всей видимости, подверглись лишь небольшому ремонту. На одном из зеркал с краю виднелась продолговатая трещина.

Пол слегка поскрипывал под шагами посетительниц, когда они подходили к зеркалам. Мелани попыталась представить себе, каковы были шумные балы, которые здесь устраивали, и на миг ей показалось, будто она слышит смех и звон бокалов, чувствует аромат духов и видит блеск украшений, которые тогда носили женщины.

— Раньше в городе было довольно много таких танцевальных залов, или, как их тогда называли, балхаусов, — сказала Ханна, осторожно касаясь рамы на одном из зеркал. — Это было место, куда дамы могли прийти в одиночку, чтобы немного развлечься. Никто не видел ничего плохого в том, что одинокие женщины появлялись здесь без сопровождения мужчин.

Мелани не могла себе представить время, когда дам, явившихся без сопровождения мужчин, считали женщинами легкого поведения.

— Многие женщины, которые приходили сюда, потеряли мужей на войне или во время экономического кризиса. Когда у них снова появились деньги, они захотели почувствовать, что еще живы. Они приходили в балхаус для того, чтобы найти себе новых знакомых или немного отдохнуть в объятиях жиголо.

Поймав на себе скептический взгляд Мелани, Ханна добавила:

— О, это не то, что ты думаешь. Жиголо — это наемные танцоры. Их задача заключалась в том, чтобы ни одна из женщин не сидела у стены. Конечно, время от времени завязывались любовные отношения, иногда всего на одну ночь, но большинство дам на самом деле приходили сюда, чтобы потанцевать. Некоторые из них довольствовались женщиной в качестве партнерши, другие же с большим удовольствием пользовались услугами наемных танцоров, тем более что все они отлично выглядели.

Взгляд Ханны приобрел мечтательное выражение. Она вытащила из сумочки деньги, которые нашла в подоле платья, и развернула их.

— Но нам нужно поторопиться, потому что, если музыканты не тугодумы, этот молодой человек скоро снова здесь появится.

Даже не зная, разрешено ли это, Мелани сняла два стула с одного из столов.

— Поставь их на середину зала, тогда мы сможем лучше прочувствовать царящую здесь атмосферу.

Мелани последовала указанию прабабушки и, усевшись на стул, вынуждена была признать, что Ханна права.

## 11 Берлин, 1927

Когда я сбежала из Гамбурга, мне крупно повезло, что никто не остановил меня и ни у кого не возникло никаких подозрений. И тем не менее мне было очень плохо от страха, даже тогда, когда я в конце концов села на поезд, ехавший в Берлин. Я боялась, что кто-нибудь меня узнает, но, к счастью, видела в вагоне только незнакомые и в основном очень усталые лица.

После того как Гамбург остался позади, у меня на душе стало немного спокойнее. Мои конечности и веки отяжелели, и, хотя в вагоне было не особенно удобно и тепло, меня охватило такое приятное чувство, что в конце концов я погрузилась в глубокий сон без сновидений.

— Эй, фрейлейн, не хотите выйти? — раздался чей-то голос.

На мужчине, который тряс меня за плечо, была фуражка проводника. Вид у него был сердитый. Лишь теперь до меня дошло, что поезд находится на конечной станции. Проводник, очевидно, обходил вагоны, чтобы проверить, все ли пассажиры вышли. Я быстро поднялась, извинилась и поблагодарила проводника, после чего покинула вагон.

Перрон был окутан паром, который выпускали паровозы. Молодые мужчины толкали тележки с багажом к вагонам, стоящим на противоположном пути, в то время как другие помогали своим спутницам заходить в вагоны.

Таким образом, Берлин с первого взгляда производил такое же впечатление, как и Гамбург. Между тем, выйдя с вокзала Лертер Банхоф, я заметила, что пахнет здесь иначе. Тут не было морского бриза, который можно было почувствовать в «Красном доме» даже через окна. Зато очень сильно воняло дымом, который поднимался из многочисленных труб в серое небо.

Поскольку вначале я не знала, куда мне идти, я нашла неподалеку от вокзала скамейку и, сев на нее, посчитала деньги, которые остались у меня после покупки железнодорожного билета. Стоимость немецких денег, их настоящая цена всегда была для меня загадкой. Ариана рассказывала мне, что цифры на купюрах еще год назад были настолько большими, что можно было сойти с ума, однако с введением новых денег они стали меньше. Сколько же здесь стоит еда, а сколько — одежда? Во время пребывания в «Красном доме» я ничего себе сама не покупала и даже не знала, где что можно купить. И вообще, были ли здесь уличные торговцы?

На улицах огромного города я чувствовала себя ужасно одинокой. Все было таким огромным и, казалось, прямо на глазах становилось еще больше. Некоторые здания были намного выше, чем дома *tâu* в Сайгоне.

Поскольку мой желудок за это время уже начал урчать, я осмотрелась по сторонам, ища лавку, где можно было бы купить какую-нибудь еду. Здесь, похоже, совсем не было уличных кухонь, зато имелись забегаловки, которые, впрочем, в этот час были закрыты. Прошло некоторое время, и до моих ноздрей донесся сладкий аромат. Он исходил от булочной. На продавщице был белый, украшенный рюшами фартук. Когда я к ней зашла, она посмотрела на меня с таким же удивлением, как и я на нее.

— Чего изволите? — спросила она.

Я все никак не могла определиться. Когда я показала пальцем на круглую лепешку, глазированную сахаром, позади меня уже образовалась очередь из покупателей. Некоторые из них разговаривали между собой так громко и грубо, что я невольно вспомнила бандитов

Хансена. Я быстро расплатилась одной из купюр, получила сдачу — целую кучу монет — и вышла из магазина с бумажным пакетом в руке.

Мое сердце билось часто-часто. Я свернула за угол ближайшего дома и оглянулась назад, на лавку пекаря. Немного погодя оттуда вышли мужчины, громко разговаривавшие между собой. На них были кепки, как у грузчиков, и грубые куртки. Наверное, это были рабочие.

«Совершенно невозможно, чтобы здесь были люди Хансена, — сказала я себе. — Тут они меня не найдут, этот город очень большой. К тому же они, скорее всего, думают, будто я уплыла на одном из кораблей к себе на родину. Они будут искать меня в порту, но не здесь».

Прошло довольно много времени, прежде чем я смогла убедить себя в том, что мне не угрожает никакая опасность. Конечно, в Берлине тоже были бордели, но я никогда в них не окажусь.

И вообще, мужчины... В тот момент я поклялась себе, что никогда больше не допущу, чтобы хоть один из них прикасался ко мне так, как это делали посетители «Красного дома».

Я нашла местечко, где могла съесть свою сахарную лепешку. Я жадно проглотила ее. Люди, которые поспешно проходили мимо, почти не обращали на меня внимания. По улице ездили машины и телеги. Огромная повозка с надписью «Пивоварня» прогремела на железных колесах по булыжной мостовой. Упряжка была такой тяжелой, что земля под мной задрожала.

Когда я утолила первый голод, то задала себе вопрос: куда же мне идти? К знакомой Арианы? Но как ее найти? Мне не хватало решимости заговорить с кем-нибудь из прохожих. А что, если они меня не поймут?

Мой акцент все еще казался мне слишком сильным, да и к тому же я знала не все слова.

Я бесцельно ходила вокруг, пытаюсь сориентироваться. Что бы делала Тхань на моем месте? Во время прогулок по Сайгону она постоянно задавала тон. У нее хватало храбрости заходить в лавки, и она не видела ничего особенного в том, чтобы заговаривать с людьми на улице, если, конечно, это происходило не в Телоне. Мне так не хватало Тхань! И меня очень печалило то, что я не могу сразу же отправиться на ее поиски.

Я решила поехать к знакомой Арианы и вытащила из кармана листок с адресом. Может быть, семья этой подруги возьмет меня к себе? Может быть, я буду помогать там по хозяйству?

Я собрала все свое мужество и спросила первого мужчину, который встретился мне по дороге. На нем был коричневый жакет, вокруг шеи у него был повязан шарф, а глаза были сильно увеличены стеклами очков.

— Лучше всего поехать на подземке. Немного дальше есть станция.

— На подземке? — переспросила я.

— Это там, на той стороне.

Мужчина указал на металлическую арку, возвышавшуюся на противоположной стороне улицы. На ней было написано «Untergrundbahn»[14].

Я видела такие станции по дороге из Гамбурга, и Ариана рассказывала мне о них, утверждая, что эти поезда ездят под землей. Поскольку Хансен держал меня в «Красном доме», как в тюрьме, сама я никогда не ездила на подземной железной дороге. Однако теперь я была свободна и могла делать все, что захочу.

Поблагодарив прохожего, я перешла улицу и по ступенькам спустилась вниз, на станцию метро. Несколько человек поспешно проскочили впереди меня. Едкий запах



машинного масла, смешанного с запахом гнили, ударил мне в нос. Стены длинной шахты были покрыты кафелем. С каждой стороны перрона были проложены рельсы. На одной из линий ждал поезд. Некоторые пассажиры уже заняли места в вагонах.

Высокий проводник стоял перед одной из дверей, запуская пассажиров в вагон. Конечно, мне придется заплатить. Я вытащила пачку денег и нерешительно стала в очередь.

Мой взгляд упал на потолок туннеля и шахту, в которую, наверное, будет въезжать поезд. А не опасно ли это? Я слышала от одного шахтера, что на его руднике проломилась шахта под тяжестью земли и камней, лежавших на ней. Мне стало плохо.

— Фрейлейн, не спите, люди позади вас тоже хотят ехать! — прикрикнул на меня проводник и назвал стоимость проезда.

Он вернул мне сдачу — купюру и еще пару монет, а затем разрешил войти в вагон.

— Ах, извините, — обратилась я к нему и показала листок. — Как далеко я должна ехать?

— Вы имеете в виду, где вам выходить? — спросил проводник, удивленно рассматривая меня. — Лучше всего на станции «Zoologoscher Garten»[15]. А затем вам нужно будет пройти еще две улицы.

Раздался сигнал, и через некоторое время поезд тронулся. От толчка я покачнулась назад и приземлилась на одну из деревянных скамеек. Поезд исчез в темной шахте.

На станции «Зоологический сад» я чувствовала себя такой же беспомощной, как и прежде. Вид окружающих зданий почти не изменился. Дома здесь тоже тесно прижимались друг к другу, и у них было множество этажей. Насколько понятнее и обозримее был Сайгон, даже во Французском квартале!

После расспросов я в конце концов нашла нужный адрес. Мимо меня медленно проехала повозка, запряженная лошадьми. Где-то плакал грудной ребенок. Несколько человек разговаривали, стоя возле дома. Я глубоко вздохнула и направилась к двери в здание.

Она была полуоткрыта. Запах плесени и кошек ударил мне в нос. Я посмотрела на лестницу, которая вела на три этажа вверх. Поскольку нигде не было табличек, которые указывали бы на то, кто здесь живет, мне не оставалось ничего иного, кроме как стучать во все двери. (На каждом этаже было по две двери.) Но даже тогда, когда я добралась до самого верха, я не нашла фамилии, которая была мне нужна. Неужели подруга Арианы куда-то переселилась?

Разочарованная, я уже собиралась уходить. Если я не найду ее, то мне придется искать место, чтобы переночевать. Вот только где?

Но я не хотела терять надежду. Я зашла во внутренний двор и огляделась по сторонам. Может быть, тут был еще какой-нибудь вход?

И, действительно, я нашла еще одну дверь, но она была закрыта. Я посмотрела наверх.

Возле окна стояла женщина в халате и фартуке. Она развешивала белье на одной из веревок, которые были натянуты поперек двора. То белье, которое уже висело на веревке, казалось мне сероватым — наверное, от жирного черного дыма, который выходил из труб.

— Ну, чего ищешь, девочка? — на странно звучащем берлинском диалекте спросила женщина, заметив меня.

— Ингу Мартин, — ответила я. Мой голос глухо отражался от стен дома. — Я не нашла ее фамилии на табличке возле звонка.

— Неудивительно. Ее теперь зовут Броккманн, она опять вышла замуж.

— Большое спасибо! — ответила я и вернулась в предыдущий дом.

Я испуганно отпрыгнула назад, когда на меня залаяла маленькая собака.

— Дай этой шавке хорошего пинка, тогда она не будет больше гавкать! — посоветовал мне мужчина, проходивший мимо.

Неужели здесь тоже верят в то, что если убьешь собаку, это принесет тебе удачу?

Сторонясь маленькой лающей собаки, я поднялась по лестнице. Фамилию Броккманн я отыскала на третьем этаже. Оказавшись наверху, я почувствовала, что у меня кружится голова, и, кроме того, у меня опять заурчало в желудке. Сахарной лепешки хватило ненадолго.

Я расправила на себе платье, прокашлялась, а затем нажала на кнопку звонка. Раздался громкий звук. Немного погодя послышался детский плач. Какая-то женщина сердито закричала, и кто-то, тяжело ступая, подошел к двери. Я уже испугалась, что дверь откроет муж Инги, однако на пороге появилась женщина с темными волосами и зелеными глазами. Она была примерно того же возраста, что и Ариана. В первый момент мне даже показалось, что это ее сестра, но в ее произношении не было французского акцента.

— Что тебе надо?

— Я... я Ханна, — представилась я. — Я... Мне дала ваш адрес Ариана. Ариана Дюваль.

Глаза мрачно смотревшей на меня женщины округлились. На какой-то миг она, по-видимому, растерялась, но затем покачала головой, словно пытаясь отогнать от себя неприятные мысли.

— Ну, и что тебе тут надо?

— Ариана сказала, что вы, может быть, возьмете меня к себе.

— Что это взбрело ей в голову?

Я почувствовала, что женщина начинает сердиться. Может, она все же не была подругой Арианы?

— Я что, похожа на человека, который может принимать у себя кого попало? И вообще, где ее носит? Я уже восемь лет ничего о ней не слышала. С тех пор как попала сюда.

Да, действительно, это было очень давно.

— Она... она умерла. Неделю назад.

Плечи женщины опустились. На ее лице появилось растерянное выражение. Всего секунду назад она казалась достаточно сильной, чтобы спустить меня с лестницы, а теперь даже зашаталась, и ей пришлось схватиться за дверной косяк.

— Ариана умерла? — спросила женщина, словно не поняла меня.

Я кивнула.

— И она велела тебе прийти ко мне?

По ее виду нельзя было сказать, что она очень мне обрадовалась. Если бы я призналась, что нашла ее адрес в вещах Арианы, она бы немедленно меня прогнала. Так что я ответила утвердительно и на этот вопрос.

Женщина глубоко вздохнула:

— Ну ладно, на одну ночь ты можешь остаться. Но завтра чтобы мухой вылетела отсюда, поняла?

Это выражение насчет мухи я уже знала, девочки в «Красном доме» употребляли его. Я кивнула, после чего Инга впустила меня внутрь и закрыла за мной дверь.

— Так что же случилось с Арианой? — спросила она, проводя меня в кухню —

маленькое, пропахшее старым жиром помещение с покрытыми плесенью обоями.

Я села за кухонный стол, который был довольно шатким и на столешнице которого виднелись следы, оставленные какой-то едкой жидкостью, и пятна воска.

Инга поставила чайник на плиту и подкинула в огонь пару деревянных поленьев. Я смущенно сложила руки на коленях. Что известно этой женщине? Ариана никогда не рассказывала мне о том, как давно она работала в борделе. Неужели Инга тоже раньше жила в «Красном доме»?

— У нее было воспаление легких, — начала я с неизбежного. — Врач выписал медикаменты, но они не помогли.

Инга опустилась на стул напротив меня, и он сердито заскрипел.

— Я знала, что жизнь в борделе убьет ее. Хотя Ариана этого и не заслужила.

Она подумала и добавила:

— Я говорила ей, чтобы она смывалась от Хансена. Понятно, просто так ей бы это не удалось, но какой-нибудь выход нашелся бы. Ты тоже там была?

Я окаменела. Неужели по мне это было видно? Неужели на мне был какой-то знак, который обличал во мне проститутку?

— Не бойся, я просто угадала, — сказала Инга, словно прочитав мои мысли. — Можешь не стесняться, я сама там была. Но я удрала оттуда, как только появилась возможность. У Хансена есть несколько борделей. А старая драконша Жизель все еще там?

Я стыдливо кивнула. От воспоминаний о ней я лишилась дара речи.

— Она любовница Хансена. Говорят, раньше Жизель была красивой, но бардак кого угодно состарит. Удивительно, что Хансен не нашел себе никого моложе.

Не успела она продолжить, как засвистел чайник.

— Я могу предложить тебе только «Muckefuck»[16], хочешь?

Я кивнула, хотя и не имела ни малейшего представления, что это такое.

Через пару минут в металлической кружке передо мной дымилась коричневая жидкость. По запаху она немного напоминала кофе, которым моя мать когда-то угощала гостей в салоне.

— А как ты вообще попала в Гамбург? — спросила Инга и сдула пар, поднимающийся от кружки. — Судя по твоему виду, ты не здешняя.

Я рассказала ей о торговцах людьми, и она огорченно покачала головой.

— Таких сволочей, как Хансен, надо вешать! До чего дошли — отлавливают девчонок у них на родине! — Она сжала руку в кулак. — Но что сделаешь в мире, которым командуют мужчины?!

Она задумалась и через мгновение сказала:

— Когда я решила бежать оттуда, то хотела забрать с собой Ариану, но она побоялась. Она пообещала мне, что приедет ко мне позже, но так и не появилась.

Я рассказала Инге о том, что Хансен приказал открутить ручки от окон.

— Что касается тебя, он, наверное, проявлял особую бдительность. Раньше большинство девочек могли свободно передвигаться по городу. Многие из них уже были сломлены или убеждены в том, что не умеют делать ничего другого, кроме как раздвигать ноги. Рано или поздно в это начинаешь верить. Может быть, и с Арианой произошло то же самое.

— Она всегда хорошо ко мне относилась, — сказала я, грея холодные руки о кружку.

Внутри у меня все дрожало, словно я попала в снежную бурю. Страшные картины снова пронеслись передо мной, и я осознала, как мне повезло. Пусть даже теперь я стояла на

пороге неизвестности.

— Ариана всегда была такой. Она принимала новичков под крылышко и заботилась о них, хотя никто не заставлял ее это делать. И с ней так плохо обходились...

Я ошибалась или на глазах Инги действительно появились слезы? Свет в кухне был не особенно сильным, к тому же постепенно смеркалось. Я могла и ошибаться...

— Ну, пусть покоится с миром, правда? — Инга смущенно вытерла глаза тыльной стороной ладони и шмыгнула носом.

И тут в двери появилась девочка лет трех, с сопливым носом, светлыми кудряшками и в коричневом платице с тесемками. Она смотрела на меня большими круглыми глазами.

— Луиза, ты что тут делаешь? Я же велела тебе идти играть! — сказала Инга, когда увидела, куда я смотрю, и оглянулась.

Ее печаль тут же развеялась.

Луиза сунула палец в рот, продолжая смотреть на меня широко открытыми глазами. Инга протянула ей руки:

— Иди сюда, воробушек!

Девочка медленно сдвинулась с места и позволила матери усадить ее на колени.

Моя мать никогда не брала меня на руки, никогда не сажала к себе на колени, однако в этот момент я очень тосковала по ней. Я вспомнила о том, что когда-то говорила Ли. Она была права: человек без семьи — это действительно самое печальное, что может быть на свете.

Этой ночью я, съев тарелку капустного супа, лежала на старом диване. Хотя мое тело смертельно устало, на душе у меня было беспокойно. Что же мне теперь делать? Я не могла ночевать на улице: хоть и был апрель, но все еще было очень холодно. После того как я сбежала из «Красного дома», я ни за что не хотела умереть от переохлаждения!

Я снова вспомнила, о чем мы с Тхань когда-то мечтали — найти работу и накопить денег столько, чтобы можно было окончить сначала школу, а затем университет. Торговцы людьми разрушили эту мечту, но для меня все еще существовала цель, для осуществления которой нужны были деньги. Лишь заработав денег, я могла вернуться в Сайгон и отправиться на поиски Тхань!

В какой-то момент у меня все же закрылись глаза, и я спала до тех пор, пока кто-то не тряхнул меня за плечо.

— Эй, вставай, уже пора, — сказала Инга. — Мой старик сейчас придет домой. Он не любит гостей.

Я поднялась. Инга сунула мне сморщенное яблоко и кусок хлеба, который был намазан тонким слоем масла.

— Вот, возьми, это все, что я могу тебе дать. И держись подальше от борделей. Найди себе приличную работу, тогда дольше проживешь.

Я пообещала, что так и сделаю, хоть и не знала, с чего начать. Возле двери Инга добавила:

— Если ты вообще ничего не найдешь или попадешь в беду, можешь прийти ко мне, но только тогда. Поняла?

Я кивнула, и она улыбнулась мне:

— Ты найдешь свой путь, девочка. Но держись подальше от мужчин. От них редко бывает что-то хорошее.

Вопрос о том, зачем же в таком случае она вышла замуж, не давал мне покоя, пока я

спускалась по лестнице. Неужели Инга нашла мужчину, с которым все было по-другому? Такого, которого она полюбила?

Всю первую половину дня я бродила по Берлину, рассматривая казавшиеся мне странными магазины, потом снова проехала в подземке и попала в сердце города, где улицы были оживленными и ездили автомобили. Мне казалось, что там я найду работу. Может быть, где-нибудь нужна швея? Или служанка, чтобы убирать и готовить еду?

Но где бы я ни спрашивала, никому не нужны были рабочие руки. На улице я увидела женщину с табличкой на шее, на которой было написано, что она ищет место секретарши. Может быть, мне тоже сделать такую табличку и стоять здесь? Я заметила, что женщина враждебно посмотрела на меня. Ее взгляд был похож на взгляды девочек в «Красном доме». Она явно боялась, что я составлю ей конкуренцию. Прежде чем она что-то успела мне сказать, я исчезла.

В конце концов я свернула на боковую улицу, на которой звучали громкие детские голоса.

Вскоре я дошла до двух больших зданий, похожих на школы, которые строили французы в Сайгоне.

Возле зданий стояли странно одетые бородатые мужчины. На них были темные пальто и черные шляпы, из-под которых с висков ниспадали аккуратно завитые волосы. Один из них держал под мышкой толстую книгу, и ее страница слегка блестела золотом.

О чем разговаривали эти мужчины, я не поняла, потому что говорили они на языке, который не был ни немецким, ни французским. Они показались мне похожими на ученых. В любом случае они держали себя с большим достоинством.

Соседний дом был поменьше, и оттуда доносился запах, напоминавший запах наших уличных кухонь, но все же отличавшийся от него.

На табличке рядом с входом было написано «балхаус». Я спросила себя, что это за дом. Может, люди в нем играли в мяч или там изготавливали мячи?[17]

Мой взгляд упал на листок, прибитый к двери. «Требуется гардеробщица», — гласили жирные буквы. Гардеробщица...

От Арианы я знала, что означает это слово. Гардеробщица должна была заботиться о пальто и шляпах посетителей. Здесь искали молодую женщину с привлекательной внешностью, которая могла быть любезной. Других предварительных знаний и навыков не требовалось!

Не успела я обдумать это, как моя рука сама нажала на ручку двери.

Вместе с тем запах сигаретного дыма заставил меня остановиться на пороге. Страшная мысль промелькнула у меня в голове. А вдруг этот балхаус был чем-то вроде «Красного дома» в Гамбурге?

Быть может, этот листок прицепили нарочно, чтобы заманивать девочек?

— Тыходишьили выходишь? Что ты хочешь? — спросил мужской голос.

Я вздрогнула, но была не в состоянии повернуться и убежать.

И вдруг рядом со мной появился мужчина. Он был не особенно высокого роста, но казался довольно крупным, и это впечатление усиливалось из-за того, что у него на плечах было пальто, как у кучера. Он был намного старше, чем Хансен, у него была седая борода, а его почти белые волосы уже слегка поредели. Этот мужчина не был похож на сутенера, и внутренний голос сказал мне, что бордель вряд ли будет находиться рядом со школой. Но что я знала об этой диковинной стране?

— Я... Я пришла по поводу места гардеробщицы... — все же удалось мне выдать из себя.

Я надеялась, что мужчина поймет, что я сказала. Как бы то ни было, черты его лица смягчились и на губах появилась улыбка.

— Так бы сразу и сказала! И закрой за собой дверь, а то сквозит!

Я медлила. В тот момент мои подозрения, что это еще один «Красный дом», не развеялись. Я могла бы развернуться и убежать. Но что-то удержало меня от этого, и в конце концов я закрыла за собой дверь, которая захлопнулась на защелку.

— Значит, ты хочешь работать у нас, — сказал мужчина и внимательно оглядел меня с головы до ног. — Да, ты мила. Но ты не здешняя, верно?

— Нет, я... Я только что приехала из Гамбурга.

Мужчина рассмеялся:

— Ну, за девушку из Гамбурга я бы тебя не принял. Ладно, я отведу тебя к начальнице. Тебе повезло, что она на месте. Кстати, меня зовут Руди, я швейцар.

Я спросила себя, не был ли Руди иностранцем, потому что он хоть и говорил по-немецки, но совсем не так, как Ариана или Жизель. Он протянул мне свою огромную ладонь. Я робко пожала ее, все еще готовая в любой момент отскочить назад и убежать.

Руди осторожно пожал мою руку и сразу же отпустил ее. Я бросила быстрый взгляд на помещение, видневшееся в открытую дверь. С потолка свисала большая люстра, на чистом паркете стояли столы, накрытые белыми скатертями. Обрамленные золотом зеркала отражали помещение. Обои были выдержаны в приглушенных кремовых тонах, а цоколь — в светло-коричневых. Единственным красным пятном здесь был ковер, устлавший довольно узкий коридор, который вел к двустворчатой двери.

— Ты где потерялась? — Руди уже подходил к лестнице. — Иди за мной и не робей. Начальница не любит робких девочек. Тут надо иметь волосы на зубах[18], если ты понимаешь, что я имею в виду.

Я не поняла, о чем он говорил, но последовала за ним.

К лестнице, деревянные перила которой были украшены красивой резьбой, примыкал длинный коридор. На полу лежал сине-золотистый ковер, который заканчивался перед еще одной широкой двустворчатой дверью.

Руди сделал важное лицо, не спуская глаз с Ханны.

— Стряхни пыль с пальто, девочка, начальница ценит аккуратный вид.

И снова меня охватили сомнения. Я была уверена, что моя одежда — поношенное пальто и коричневое платье — не соответствовала тому, чего ожидала начальница от гардеробщицы. Но Руди уже постучал в дверь, и энергичный женский голос пригласил его войти.

— Ну, Руди, в чем дело? — спросила дама, которая явно была здесь начальницей.

Я тщетно пыталась рассмотреть ее — широкое тело Руди закрывало дверной проем.

— Тут девочка, которая хотела бы вам представиться, если вам будет угодно.

— Пусть зайдет!

Руди шагнул в сторону.

— Удачи! — прошептал он и подмигнул мне.

Я маленькими шагами вошла в комнату. Вид кабинета восхитил и одновременно напугал меня. Он напомнил мне кабинет Жизель, пусть даже здесь на столе не было статуэтки Венеры. Тут были высокие полки, симпатичные картины и небольшой мягкий

уголок, который стоял на ковре с голубым узором. Я смущенно остановилась перед письменным столом, за которым сидела женщина лет сорока в наглухо застегнутом черном платье.

— Я Клер Кюнеманн, — представилась она и выпрямилась на стуле. — А это мой балхаус.

Она расправила руки в стороны, словно птица крылья.

— В Берлине много танцевальных залов — с тех пор как мы преодолели кризис, они растут как грибы после дождя. Но наш дом — особенный. И я уделяю очень большое внимание тому, чтобы у меня был лучший персонал.

Я припомнила слова Руди о волосах на зубах. Если бы я только знала, что он имел в виду... Во всяком случае я еще не встречала человека, у которого бы на зубах росли волосы.

— Как вас зовут? — Фрау Кюнеманн слегка наклонила голову в сторону.

— Ханна.

Мне стало ясно, что одного моего имени не достаточно. Но какую же фамилию мне назвать? Нгуен, как у кузнеца? Я приняла другое решение.

— Ханна Нхай, — уточнила я, потому что была уверена: фрау Кюнеманн сможет выговорить эту фамилию.

— Ханна? — повторила женщина, словно не поняла меня. — Необычное имя для такой девушки, как вы. Вы выглядите так, словно приехали из Китая.

— Из Индокитая, мадам... — поправила я ее.

— Вы говорите по-французски? — удивленно спросила она.

Я кивнула.

— А как насчет немецкого? Слова вы знаете, но у вас довольно сильный акцент.

— Я всего год говорю по-немецки, но продолжаю учиться, — ответила я.

Я знала, что некоторые люди с трудом меня понимали, хотя и считала, что правильно произношу слова.

Фрау Кюнеманн внимательно посмотрела на меня, а затем произнесла:

— Скажите что-нибудь по-французски.

Поначалу я даже не знала, что сказать, но затем выдавила из себя что-то про погоду. Фрау Кюнеманн кивнула.

— Я так и думала. Когда вы говорите по-французски, акцент у вас не такой сильный.

Женщина встала со своего места и обошла вокруг письменного стола. Я удивилась, заметив, что она выше меня почти на две головы.

— На французском языке я говорю с детства, у меня был домашний учитель.

То время, когда я со своим учителем повторяла французские слова, показалось мне невероятно далеким.

— Хорошо, видимо, вы не глупы. Что же заставило вас покинуть родину?

Что я должна была ей ответить? Что торговцы людьми похитили меня и отправили в бордель? Я не могла и не хотела рассказывать ей об этом. Наверное, она сразу же прогнала бы меня. И, кроме того, я очень стыдилась этого. Больше всего мне хотелось забыть это страшное время, и будь что будет.

— У вас, наверное, была любовная связь с каким-то французом? Он вас бросил?

По ее тону я поняла, что к таким вещам она относится крайне неодобрительно.

— Я уехала, потому что хочу учиться в Германии, в университете. — Я попыталась хотя бы наполовину говорить правду. — Это невозможно сделать в моей стране, там меня хотели

выдать замуж.

Клер фыркнула. Сначала я подумала, что это презрительное фыркание относится ко мне, потому что я подвела свою семью. Но затем она сказала:

— Везде, на всем белом свете, людям больше нечего делать, кроме как думать о замужестве! И это притом, что брак — источник зла.

Она вернулась за письменный стол. Я так и не поняла, что означали ее слова.

— Знаете, вы поступили правильно. Я была такой дурой, когда поверила, будто замужем мне будет лучше. Первый муж сбежал от меня, а второй — помер. Ну и что, какая мне польза от этих браков? Никакой. Но, как бы там ни было, у меня есть балхаус, и он всегда хранит мне верность. И если я буду держаться на плаву, то и он не утонет.

Она оперлась локтями на стол.

— Значит так, я хочу дать вам шанс. Сегодня вечером в пять часов вы придете сюда и поработаете в гардеробе вместе с Эллой. Она покажет вам, что к чему. Если вы будете хорошо выполнять свою работу, я возьму вас на пару месяцев испытательного срока. А вы за это время постараетесь избавиться от своего акцента. У нас здесь бывают гости из Франции. С ними вы, конечно, можете говорить по-французски, но в остальное время будете говорить по-немецки, понятно?

Я кивнула, не в силах поверить своему счастью. Не только потому, что эта женщина не была второй Жизель, но и потому, что балхаус не был борделем. Конечно, я по-прежнему не знала, где мне придется ночевать, но в тот момент для меня главным было только одно: сегодня мне разрешили здесь остаться!

В тот вечер я нервничала как никогда. Я не имела ни малейшего понятия о том, что я как гардеробщица должна уметь, но была уверена, что мне будет нетрудно присматривать за пальто. Погуляв еще некоторое время, потому что мне все равно было некуда идти, я за несколько минут до пяти часов вечера вошла в балхаус.

Там было настоящее светопреставление. Музыканты куда-то тащили свои инструменты, повсюду сустились официанты и помощники поваров. На первый взгляд казалось, что никто не обращал на меня внимания.

И тут один из официантов, который был одет в плохо сидящий на нем фрак, гаркнул на меня:

— Тебе чего тут надо?

— Я... я гардеробщица. Фрау Кюнеманн сказала, что сегодня вечером я должна здесь работать.

Мужчина осмотрел меня с головы до ног, немного растерянно оглянулся по сторонам, а затем крикнул:

— Элла, тут новенькая пришла!

Он крикнул так громко, что его, наверное, слышали во всем доме. Среди людей, находившихся в помещении, я не заметила ни одной женщины. Но через несколько минут в двустворчатой двери появилась молодая дама. Ее рыжие волосы были коротко острижены и разделены слева пробором, как у мужчины. На ней было платье травянистого цвета, подвязанное ниже талии широкой тканевой лентой. Юбка заканчивалась немного ниже колен, а на ногах у женщины были белые туфли с пряжками на невысоких каблуках. Я еще никогда не видела ничего более шикарного.

— Ага, это ты! — приветливо сказала она и протянула мне руку. — Я Элла. Фрау Кюнеманн даже не сказала мне, что ты выглядишь так... так экзотично. В первый момент я



приняла тебя за китайскую танцовщицу.

Хотя ее слова не были обидными и она не имела в виду ничего плохого, я все же не смогла заставить себя улыбнуться или сказать ей, что я не китаянка.

— Ну, идем со мной. Фрау Кюнеманн дала мне задание показать тебе все. И, прежде чем ты начнешь здесь работать, тебе надо во что-нибудь переодеться.

Элла схватила меня за руку и потащила по лестнице наверх.

— Ты не болтлива, не так ли? — весело спросила она, когда мы проходили мимо кабинета начальницы.

Очевидно, Элла ожидала, что из меня польется словесный поток.

Дверь кабинета была полуоткрыта, но Клер Кюнеманн нигде не было.

— Начальница сейчас в Зеркальном зале, — пояснила Элла, заметив мой взгляд. — Сегодня вечером там состоится большой весенний бал. Ты появилась в подходящее время, сегодня в наши руки попадет очень много пальто.

Она провела меня к двери поменьше, за которой, к моему огромному удивлению, находилось нечто похожее на гардероб. Здесь стояли три туалетных столика с зеркалами, а на длинном шесте для одежды висели костюмы и даже пара платьев.

— Садись перед зеркалом. Я сейчас попытаюсь привести твои волосы в порядок.

Я робко опустилась на стул за первым попавшимся столиком и стала нервно мять свои холодные как лед руки. Я ожидала, что сразу же начну работать, но, судя по всему, сначала Элла должна была превратить меня в настоящую гардеробщицу.

— Как я уже сказала, сегодня у нас весенний праздник, — пояснила она, подходя к вешалке и перебирая вещи в поисках того, что могло бы мне подойти. — Значит, из тебя мы тоже сделаем весну.

Мне стало ясно, что красивое платье не принадлежало Элле, наверное, ей выдали его здесь.

Я была уверена, что она найдет для меня тоже что-нибудь зеленое, однако она вытащила платье нежно-розового цвета, подняла его вверх и посмотрела на меня.

— Вот это, думаю, идеально подойдет. Зеленый цвет — не твой, в нем ты будешь выглядеть больной. А вот в розовом платье ты будешь похожа на орхидею!

Она повесила платье на зеркало в гардеробе и, прежде чем я успела рассмотреть его более внимательно, поставила рядом со мной пару туфель, потом занялась моей прической.

— Ты очень привязана к своим волосам? — спросила она, пытаясь с помощью гребешка привести в порядок мою гриву.

Это было очень больно, и через несколько мгновений я выглядела так, будто недавно резала лук.

— А что? — спросила я, извиваясь на стуле.

— Потому что было бы лучше остричь их, раз они такие спутанные.

— Нет, не надо! — вырвалось у меня, потому что я была уверена: Элла сделает мне мужскую прическу, такую, как у нее.

— Почему? — спросила она, с трудом пробираясь через спутанные космы. — Длинные волосы больше не в моде. Кроме того, если они будут короткими, тебе будет легче их причесывать. Нашим гостям понравится, если у тебя будут волосы до плеч, поверь мне!

Ее слова звучали убедительно, и, кроме того, в тот момент я, наверное, согласилась бы на все, лишь бы избежать этой адской боли.

— Хорошо, тогда обрежь их, — сказала я, и Элла восторженно хлопала в ладоши. —

Но только до плеч!

— Ой, как здорово! Погоди, я сделаю из тебя настоящую красавицу! — У нее был такой вид, словно она получила в свое распоряжение куклу, с которой могла делать все, что угодно.

Элла откуда-то притащила ножницы и принялась за работу.

— Ты знаешь, я хотела стать парикмахершей, но сейчас очень трудно найти место. Может быть, через два или три года дела будут обстоять лучше, а пока что я работаю здесь. Но моя мечта — стричь волосы!

Я ничего не ответила, но на всякий случай закрыла глаза. Мне казалось, что Элла будет срезать все подряд, и при каждом щелчке ножниц я вздрагивала.

— Эй, не вертись! — сказала Элла и слегка ткнула меня кулаком, после чего я постаралась сидеть спокойнее.

Мне это с трудом удалось, потому что она снова и снова дергала меня за волосы. Но, к счастью, пытка вскоре закончилась.

— Так, теперь еще маленький цветочек, и ты готова!

Я едва решилась открыть глаза. Элла что-то воткнула мне в волосы, и мне не осталось ничего другого, как посмотреть на себя.

Несмотря на ее обещание, я ожидала, что на моей голове будет мужская прическа. Но то, что я увидела, потрясло меня. Элла действительно подстригла мои волосы немного выше плеч и засунула прядь с одной стороны за ухо. И теперь там красовался белый шелковый цветок.

— Можешь быть уверена: все мужчины будут строить тебе глазки! — воскликнула Элла, явно довольная тем, что у нее получилось.

Мне совсем не хотелось, чтобы мужчины строили мне глазки. Я была рада тому, что она не изуродовала меня.

— А сейчас быстро переодевайся и приходи ко мне. С шести часов начнут впускать посетителей, и мы должны быть на месте. — И с этими словами Элла выскочила из комнаты.

Я до сих пор не поняла толком, что со мной произошло. Эта девушка налетела на меня, словно ураган, и полностью меня преобразила.

Я нащупала цветок в своих волосах и впервые за очень долгое время поймала себя на том, что улыбаюсь.

— Ты выглядишь просто великолепно! — сказала Элла, когда я вышла.

Она стояла у двери и с сияющим видом рассматривала меня.

Она действительно подобрала мне очень красивое платье. Не только его цвет шел мне. Ткань платья была мягкой и приятной на ощупь. Оно сделало из бедной девочки пусть и не королеву бала, но зато вполне подходящую для танцзала гардеробщицу, во внешности которой больше ничего не напоминало о «Красном доме».

— Пойдем. Давай-ка вскружим головы мальчикам.

Мы спустились вниз. В туфлях на каблуках я чувствовала себя неуверенно. В борделе я носила обувь на плоской подошве, потому что ничего другого мне не давали. И сейчас мне казалось, что я в любой момент могу упасть с крутой лестницы.

Но тем не менее мне удалось добраться вниз целой и невредимой, и, оставив позади последнюю ступеньку, я почувствовала себя модницей.

Между тем музыканты уже заняли свои места, и лишь официанты шустро бегали вокруг.

Один из них свистнул нам вслед, на что польщенная Элла рассмеялась.

Я удивилась: по всей видимости, ей нравилось, когда мужчины свистят ей вслед. А мне это напомнило «Красный дом», где за свистом чаще всего следовала пара рук, бессовестно ощупывавших меня. Но здесь явно было принято иначе восхищаться женщинами.

В выкрашенном коричневой краской гардеробе мы, казалось, находились в полной безопасности, что меня успокоило, потому что мой скепсис все-таки перевешивал радостное любопытство, которое я испытывала по отношению к Элле.

Моя напарница провела меня к крючкам для одежды и вешалкам, к которым были прикреплены номера.

— Каждому посетителю, который сдает тебе пальто, ты будешь выдавать номерок. Это важно, чтобы потом ты могла найти именно его пальто. Кто потеряет свой номерок, тому не повезло, и ему придется забрать то, что останется. Но не дай уговорить себя выдать пальто без номерка — иногда среди гостей затесываются воры, а еще бывает, что кто-то пытается прихватить пальто получше. Сюда пускают каждого, кто может заплатить за вход, так что в твои руки будет попадать как дорогая, так и дешевая верхняя одежда.

Я никогда не думала, что о пальто можно рассказать так много, однако у Эллы в запасе был целый список того, что надо было знать.

Она подробно объяснила мне, что я должна делать и говорить. Ее указания порядком меня напугали. Как же мне добиться того, чтобы мною остались довольны фрау Кюнеманн и, прежде всего, Элла? Это ведь она будет докладывать начальнице о том, как я себя веду!

— Ну что, мои красавицы? — спросил мужской голос, после того как Элла ненадолго прервала свой инструктаж, чтобы я могла осмыслить то, что она мне рассказала. — Разве не шикарный у нас сегодня вечер?

Мы оглянулись. Возле стойки стоял мужчина в черном фраке, белой рубашке и белом галстуке-бабочке. В руке он держал длинную палку, на конце которой горела сигарета. Некоторые из клиентов «Красного дома» тоже курили такие сигареты.

Его волосы были напояжены и крепко приклеились к голове, а усы были похожи на узкую полоску. Темные глаза перебежали с Эллы на меня и затем опять на Эллу.

— Твоя лекция о пальто была впечатляющей! — сказал он ей, улыбаясь во весь рот.

— Если ты хочешь надо мной посмеяться, то лучше исчезни, я сегодня не в настроении. Мужчина пожал плечами.

— Я никогда не насмехаюсь над тобой, мое сокровище! — сказал он с невинным выражением лица.

— Твое сокровище? — переспросила Элла. — Не растрачивай свой порошок слишком рано, тебе он еще понадобится, когда пожалует госпожа тайная советница.

Молодой человек наморщил нос:

— Я пошлю на переднюю линию Арно. У меня нет ни малейшего желания кружить старую каргу по паркету. А вот с тобой я потанцевал бы с удовольствием!

При этом он почему-то смотрел не на Эллу, а на меня.

— А кто вы, симпатичная фрейлейн? Ваш вид вносит свежесть.

— Я Ханна, — робко ответила я.

— Ханна! Какое красивое имя! Знавал я когда-то девушку по имени Ханна...

— Да, но поскольку она не заполучила от тебя внебрачного ребенка, то уже давно забыла о тебе. И вообще, держи руки подальше от этой малышки, иначе будешь иметь дело со мной!

— В тебе проснулся материнский инстинкт? — Мужчина рассмеялся. — На тебя это не похоже.

Элла схватила стакан с номерками, которые мы должны были развесить на вешалки, и сделала вид, будто хочет бросить им в мужчину.

Мужчина, который все еще смеялся, поднял руки, защищаясь:

— Но, милая моя, ты же не будешь швырять его в меня? Дамы удивятся, если их будет обслуживать мужчина с шишкой на голове.

— А ты расскажи им, что встрял в драку с Хаккманном, и тогда они все захотят забрать тебя к себе домой. — Элла, которая не собиралась ставить стакан на место, широко ухмыльнулась и добавила: — Особенно будет тронута госпожа тайная советница. Она станет еще более настойчиво ухаживать за тобой, Тим.

Тим изобразил на лице ужас, как будто перед ним появился дракон.

— Ну ладно, тогда я лучше уйду, пока не схлопотал. Желаю дамам чудесного вечера! — Он насмешливо отвесил нам поклон и побежал вверх по лестнице.

Элла поставила стакан и посмотрела ему вслед, качая головой.

— Вот прохиндей! Берегись его. Он не только изображает из себя охотника за юбками, а с удовольствием стал бы одним из них. Он частенько пристаёт ко мне, и мне не остается ничего иного, кроме как прибегать к таким средствам.

— Ты бросила бы в него стакан? — спросила я.

— Конечно, бросила бы. И ты тоже должна сделать это, если он приблизится к тебе ближе, чем на метр. — Элла посмотрела на меня и улыбнулась. — У тебя такой невинный вид. Не давай типам вроде Тима обвести себя вокруг пальца.

Я улыбнулась ей в ответ, но на самом деле у меня внутри что-то болезненно сжалось. Если бы Элла знала, сколько всего я уже повидала и что пережила! Хотя было бы лучше, если бы она никогда об этом не узнала. Никто и никогда не должен об этом узнать!

— А что, собственно, здесь делает этот мужчина, Тим? — спросила я, когда снова взяла себя в руки.

Снаружи за дверью слышались громкие голоса. Раздался смех. Неужели это посетители?

— Он один из наших жиголо.

— Жиголо?

Уже в самом звучании этого слова было нечто неприличное.

— Они обслуживают женщин, которые приходят сюда без мужчин. Работают наемными танцорами в балхаусах, чтобы ни одна из дам не осталась сидеть одна. За это они получают чаевые, а иногда дамы забирают их с собой для дальнейших услуг.

Элла многозначительно подмигнула мне.

Я была потрясена. Значит, эти мужчины продавали свои тела, как проститутки?

Прежде чем я успела расспросить Эллу более подробно, дверь открылась и целая толпа болтающих и смеющихся людей заполнила холл.

— Началось! — сказала Элла, выпрямилась и надела на лицо улыбку.

Я попыталась сделать то же самое, но я, конечно, не обладала даже сотой долей ее уверенности в себе.

Как и сказала мне Элла, я принимала у посетителей пальто и выдавала номерки. Руки у меня были холодными как лед и одновременно мокрыми от пота. Время от времени я улыбалась, но избегала смотреть людям в глаза. Все это время я сама себе казалась лакеем,

стоящим в согнутом положении и не имеющим права даже посмотреть в лицо своему хозяину.

Люди, похоже, этого не замечали. И через некоторое время до меня дошло, что очень мало кто из них действительно смотрел на нас. Лиц большинства посетителей не было видно за пальто, которые они нам подавали, а забирая номерки, которые мы пододвигали к ним по стойке, они просто клали на них руки, даже не повернув к нам головы. Мысленно они были уже на балу.

Когда я сказала себе, что люди все равно меня не замечают, работа пошла у меня быстрее. Я даже разрешала себе время от времени смотреть на посетителей, когда вешала пальто в темноте гардероба, а затем возвращалась, чтобы выдать номерок.

Особое впечатление производили на меня некоторые платья, блестящие, как «Katzengold»[19].

На головах у некоторых женщин были ленты для волос, украшенные перьями и камнями. У многих были шелковые перчатки, доходившие до локтей.

Когда первый поток посетителей закончился, Элла сказала:

— Ну, все было неплохо! Фрау Кюнеманн будет довольна, что продано так много входных билетов.

Только сейчас я посмотрела на будочку кассира. Там сидел молодой человек в одежде официанта.

— Обычно билеты продает Хэннинг, наш кассир, но он вчера заболел. Через пару дней он, конечно, опять здесь появится, и тогда я тебя с ним познакомлю.

— Если я еще буду здесь работать, — ответила я.

Я пока что не могла оценить свою работу. Мне казалось, что я с ней плохо справляюсь, однако Элла возразила:

— Я уверена, что ты останешься. Ты даже не представляешь, какой была последняя гардеробщица! Она считала, что работает здесь для того, чтобы найти себе богатого мужчину. Она все время только об этом и думала и в конце концов смылась с каким-то типом. Ох и разозлилась фрау Кюнеманн, скажу я тебе! Но ты, кажется, довольно ловкая, перетаскала пальто больше, чем я. Я скажу начальнице, чтобы она тебя оставила.

Я едва могла поверить своему счастью. Может быть, все еще повернется к лучшему!

Конечно, слова Эллы мало что значили — если фрау Кюнеманн решит иначе, она легко может выставить меня на улицу. Но в тот момент мне стало немного легче. И вообще, было прекрасно, что Элла вела себя со мной так дружелюбно и не видела во мне конкурентку.

Поскольку посетителей стало подходить все меньше и меньше, у Эллы появилось время, чтобы немножко посплетничать о некоторых постоянных гостях.

— Ты видела вон ту даму? — спросила она, когда женщина с короткой стрижкой и в платье с бахромой прошла мимо нас. — Она слишком стара, чтобы носить такое платье!

— Ты так думаешь? — удивилась я.

Да, женщина была старше, чем мы, однако выглядела такой красивой благодаря блескам, которые сверкали у нее на платье. Особенно мне понравилась ее повязка на голове, тоже блестящая и украшенная перьями марабу.

Элла кивнула:

— Еще бы! Кстати, это та самая госпожа тайная советница, о которой я говорила. Она втрескалась в Тима, и больше всего ей хочется сделать его своим любовником.

— А что, у нее нет мужа?

По своей наивности я думала, что тайная советница — это фамилия.

— Да был у нее муж, — ответила Элла. — Но он умер пару лет назад. Он был гораздо старше ее и завещал ей довольно много денег. Но она потратила всю свою молодость, ожидая, пока он протянет ноги. И теперь резво старается нагнать упущенное.

Прежде чем Элла смогла продолжить, в балхаусе появились новые посетители.

Я задала себе вопрос: неужели Элла знает историю каждого из них? И снова пальто за пальто попадали в мои руки. Постепенно я стала приобретать уверенность в себе. Время от времени мне даже удавалось взглянуть людям в лицо и ответить на их улыбки — в том случае, когда они мне улыбались. Но большинство из них просто смотрели сквозь меня.

Между тем оркестр уже заиграл, и мелодия, которую он исполнял, заполнила все помещения балхауса. Было такое ощущение, будто тебя со всех сторон окружает музыка. На какое-то время я поддалась музыке и даже стала мечтать о том, чтобы потанцевать. В «Красном доме» тоже иногда танцевали, когда постоянные клиенты этого желали, но там все было совсем иначе. Да и все равно меня никто не приглашал танцевать.

— Ах, а вот идет самый желанный мужчина Берлина! — вдруг вырвалось у Эллы.

Я повернула голову. Мужчину, заходившего в балхаус, сопровождали две женщины. У них были светлые волнистые волосы до плеч, облегающие блестящие платица и шелковые ленты в волосах, на которых блестели драгоценные камни.

Мужчина поцеловал каждую из них, а затем подошел к перегородке.

Я сначала увидела только его темное шерстяное пальто и хорошо скроенный, на заказ сшитый костюм, который прекрасно сидел на его худощавой и тем не менее широкоплечей фигуре. Аромат, исходивший от него, напомнил мне о торговце приправами в Сайгоне.

— Элла, моя дорогая, я вижу, ты получила подкрепление! — сказал мужчина, снимая с себя пальто. — Кто эта малышка?

В его голосе невозможно было не услышать акцента tâu. Я робко подняла на него глаза. Черты его лица были довольно резкими: у него был длинный нос, крепкий подбородок и красиво очерченные брови. Глаза у мужчины были синими, как цветы ириса.

— А об этом вы спросите у нее сами, месье Лорен, — ответила Элла и кокетливо наклонила голову.

Ее глаза загорелись, что, правда, не произвело на мужчину, стоящего перед ней, никакого впечатления.

Он повернулся ко мне и какое-то время внимательно рассматривал меня. Все мое тело как будто охватило огнем. Его взгляд был таким неприятным, что я опустила глаза. Именно так смотрели на меня мужчины в «Красном доме», и здесь, в балхаусе, где до сих пор все шло хорошо, я не хотела вспоминать о тех взглядах.

— Ну, и как тебя зовут? — ласково спросил месье Лорен.

Я должна была сделать что-то, все, что угодно, только бы больше не смотреть на него.

— Ханна, месье, — ответила я, принимая пальто у его спутницы.

— Ах, маленькая китайская девочка! — пропищала она и захлопала в ладоши.

— А она будет жонглировать тарелками? — спросила ее подруга и захохотала, запрокинув голову. — В Зимнем саду я видела китайнок, которые умеют это делать.

Она не понравилась мне с первого взгляда. Наверное, она напоминала мне Эрику и других девушек из «Красного дома».

— Ты действительно из Китая? — спросил меня мужчина, облокотившись на перегородку и продолжая внимательно меня рассматривать.

Я покачала головой:

— Я из Индокитая, месье.

— Ah, parlez-vous français?[20] — спросил он.

— Oui, monsieur[21], — ответила я, чувствуя, как покраснело мое лицо, словно мне пришлось смотреть на огонь в кузнице отчима.

Хотя я старалась не встречаться взглядом с месье Лореном, его внимание смущало меня все сильнее. Больше всего мне хотелось провалиться сквозь землю.

— Она робеет, — насмешливо заметила одна из блестящих женщин, в то время как другая, соглашаясь с ней, захихикала и потащила мужчину за руку.

— Идем, Лорен, мы хотим развлекаться.

Мужчина на секунду задержался. Неужели он никогда не уйдет? Его спутницы уже начали кривить рты, бросая на меня ядовитые взгляды.

— Хорошо знать, что здесь есть кто-то, кто говорит на моем родном языке, — ласково произнес он по-французски и повернулся к женщинам.

Он поцеловал их в щеки, и они по непонятной причине вскрикнули от радости. Затем троица направилась к лестнице.

Когда я снова решила поднять глаза, Элла взирала на меня с изумлением.

— Я что-то сделала не так? — робко спросила я.

— Нет... нет, ты — нет. Но Лорен... — Она посмотрела туда, где исчез он и его спутницы. — Ты действительно знаешь французский язык?

Очевидно, фрау Кюнеманн почти ничего не рассказала Элле обо мне. Я почувствовала себя неловко, и мне стало нехорошо, потому что мне показалось, будто это признак того, что она не захочет принять меня на работу.

— Да. Фрау Кюнеманн утверждает, что по-французски я говорю лучше, чем по-немецки.

— А ты можешь научить меня?

Сначала я задала себе вопрос, зачем Элле учить французский, но потом поняла: она без ума от этого Лорена! Потому и покраснела. И потому ей, наверное, захотелось выучить французский язык.

— А разве его девочки говорят по-французски?

Элла отмахнулась.

— Нет, точно нет, — сказала она на берлинском диалекте. — Вот увидишь, на следующий бал он придет сюда с другими спутницами. Он еще никогда не приводил сюда одну и ту же девушку дважды.

— Значит, он нечестный.

— Значит, он еще не нашел свою единственную, — поправила меня Элла. — Это как в сказке: принц танцует с девушками, то с одной, то с другой, пока не найдет свою суженую.

— Ты хочешь с ним потанцевать? — спросила я, удивленная тем, что она так много думает об этом мужчине.

Элла глубоко вздохнула:

— О да! И этого хотят многие. Но, к сожалению, в его кругу нет места для маленькой гардеробщицы. Девушки, с которыми он ходит по ресторанам, — это дочери художников или ученых, купцов или больших шишек из банка.

— Больших шишек? — переспросила я.

— Большими шишками называют высокопоставленных мужчин, дурочка! —

укоризненно сказала Элла, рассерженная моим невежеством. — Мой отец развозит уголь по городу и зарабатывает так мало, что им с матерью едва хватает на жизнь. Я всегда посылаю им часть своей зарплаты. Фрау Кюнеманн неплохо платит и даже предоставила мне комнату в балхаусе. Если она возьмет тебя на работу, мы будем жить вместе!

Я была не уверена в том, следует ли мне этому радоваться, после того как я рассердила Эллу, но, наверное, она уже забыла об этом, потому что продолжала болтать:

— Ты знаешь, с твоей предшественницей я тоже неплохо ладила, по крайней мере до тех пор, пока она не начала усиленно интересоваться этим типом. Она смотрела только на него, мечтала о нем, а я в это время вынуждена была выполнять всю работу. В конце концов я даже обрадовалась, когда она удрала. Но с тобой, конечно, все будет иначе, не так ли?

Я кивнула, и Элла одарила меня широкой улыбкой.

— До тех пор пока тебе не понравится один из этих мужчин. Или мне.

Она посмотрела на лестницу, на которой исчез Лорен со своими спутницами. Потом Элла глубоко вздохнула и повернулась к гостям, которые в это время вошли в балхаус.

Наступило время, когда в гардеробе стало спокойно. Элла опустилась на стул, вытащила откуда-то маленький футляр и стала полировать ногти. Я оперлась на стойку, не зная толком, что мне делать. Я не хотела показаться лентяйкой, но чем занимаются гардеробщицы, когда все гости уже вошли? Разве что охраняют пальто?

Проходил час за часом, и свинцовая тяжесть сковала мои ноги. Сегодняшняя суeta давала о себе знать. Я поела лишь то, что утром дала мне с собой подруга Арианы. Да и не смогла бы больше ничего съесть от волнения.

Когда я почувствовала, что в любой момент могу упасть и заснуть, Элла вдруг соскочила со своего стула.

— Идем со мной! — прошептала она и вышла из гардероба.

— Куда? — спросила я.

Она указала большим пальцем через плечо в сторону лестницы:

— Сейчас самое подходящее время, чтобы посмотреть на людей, собравшихся в зале.

Это предложение показалось мне чудовищным, но в то же время очень заманчивым.

— А пальто? — спросила я.

— Сейчас их никто не украдет, да и мы пробудем наверху всего лишь пару минут. Ну, если ты не хочешь посмотреть на бал...

— Ладно! — крикнула я ей вслед, когда она уже повернулась к лестнице.

В мгновение ока я тоже выскочила из гардероба. Элла взяла меня за руку и, предупреждая, приложила палец к губам, а затем потащила наверх.

Оркестр неумоимо играл, и, пока мы подходили к двери бального зала, я почувствовала волнение и огромный страх. Я слишком хорошо помнила, как реагировала Жизель, если обнаруживала меня не там, где я, по ее мнению, должна была быть. Пощечину, которую она мне влепила, когда я однажды вечером спряталась под лестницей, я, как мне казалось, чувствовала до сих пор.

Больше всего мне хотелось удержать Эллу от этого опрометчивого поступка, но мы были уже возле двери. И вид у моей напарницы был такой, словно ничто не могло удержать ее от того, чтобы заглянуть в зал.

— Надеюсь, что Лорен сейчас танцует, — прошептала она. — Ты должна хоть раз это увидеть. Нет человека элегантнее, чем он.

Элла зажмурила один глаз и стала смотреть в щель между створками двери. Она на



секунду застыла, а я в это время лихорадочно оглядывалась по сторонам. А если кто-нибудь из официантов в это время будет подниматься по лестнице? Или если кто-то захочет выйти из зала? Он просто собьет Эллу с ног.

Но она, видимо, ориентировалась здесь достаточно хорошо, потому что с ней ничего подобного не случилось. Оркестр играл, за матовыми стеклами дверей проносились тени танцующих пар.

— Иди сюда. Теперь ты! — прошептала мне Элла и выпрямилась. — Лорен сейчас танцует с одной из своих кошечек. Ты можешь спокойно ее игнорировать, но на него обрати внимание.

У меня не было никакого желания пялиться на француза, но танцы меня заинтересовали. Хотя у меня в душе по-прежнему было какое-то нехорошее чувство, я нагнулась и заглянула, как Элла, в щель между дверями.

У силуэтов теперь появились лица, а тени покрылись красками и блеском. Под музыку двигалось, насколько я могла оценить, пар двадцать. Мужчины и женщины тесно прижимались друг к другу — темные или светло-серые костюмы рядом с разноцветными платьями, которые во время танца выглядели, как целое поле цветущих орхидей.

Я, словно замороженная, наблюдала за ними, видела их ловкодвигающиеся ноги и развевающиеся перья на головных повязках. Они блестели, как утренняя роса на листьях. Над головами воздух был голубым от дыма, запах сигарет и вина проник через щель и добрался до моего носа.

И внезапно передо мной снова возникли картины из «Красного дома», вечер так называемого аукциона и множество ухмыляющихся мужских лиц. Мне стало плохо до тошноты, я уже хотела отпрянуть от двери, но тут увидела его — француза.

Элла была права, он двигался очень элегантно: создавалось впечатление, что он парит над паркетом. В этот момент Лорен был полностью сосредоточен на танце, а женщина, которую он держал в объятиях, была только средством для достижения цели. Если бы он танцевал один, это, конечно, выглядело бы глупо, но если бы это было модно, француз, несомненно, справился бы грациозно даже с этой задачей. Я наблюдала за тем, как он держал плечи, как его руки, казалось, абсолютно невесомые, лежали на теле партнерши, как он уверенно вел ее. Наверное, я могла бы часами наблюдать за ним, но внезапно музыка оборвалась и в зале раздались аплодисменты.

Элла оттащила меня от двери:

— Ну что, ты его видела?

Я кивнула.

— Он прекрасно танцует, правда? — Она даже не стала ждать моего ответа и схватила меня за руку. — Идем, нам пора возвращаться вниз. Никто не должен застать нас здесь.

Вернувшись в гардероб, Элла с восторгом стала рассказывать о танцевальном искусстве Лорена, а также о том, как часто она за ним наблюдала. Очевидно, последние два года он регулярно приходил в балхаус, всегда по выходным дням. Я кивнула в ответ на ее слова, но даже не пыталась представить себе то, о чем она мне говорила. У меня перед глазами снова и снова появлялось то, что я увидела, и в конце концов я поймала себя на мысли, что тоже хотела бы танцевать так легко, словно перышко, уносимое легким порывом ветра.

Восторженный рассказ Эллы продолжался до тех пор, пока на лестнице не появились первые гости, спускавшиеся к нам.

— Неужели им здесь не понравилось? — удивленно спросила я Эллу, которая

приложила палец к губам и стала любезно разговаривать с посетителями.

Мы подали им пальто и попрощались. И лишь затем Элла объяснила:

— Они пойдут в другое место. В варьете или еще куда-нибудь, я не знаю. Эти всегда уходят чуть раньше. Постепенно за ними потянутся другие гости. Они натанцевались, вино ударило им в голову, и им хочется почувствовать еще кое-что или же просто посидеть где-нибудь, где их никто не увидит.

Она улыбнулась:

— Да, вот так и бывает в балхаусе — пришли, ушли. Зато большинство гостей остаются здесь до конца, так что настройся на долгий вечер.

Элла оказалась права: вечер выдался долгим. Однако гости, которые выходили из балхауса, не давали нам заскучать. И, кроме того, Элла болтала без умолку. Большую часть из того, что она мне рассказала, я не запомнила, но ее слова, по крайней мере, отвлекали меня от мыслей о моем неопределенном будущем.

Прошло некоторое время, и снова начался шторм гардероба — большинство людей уходили домой или еще куда-нибудь. Мы принимали номерки, раздавали пальто, и, к счастью, никто не пытался выхватить для себя одежду получше.

Лорен и его спутницы тоже смешались с толпой, так что ни он не стал рассматривать меня дольше, ни его спутницы не успели ничего сказать о китаянках, жонглирующих тарелками. Они просто исчезли, что было для меня огромным облегчением.

Когда все гости наконец разошлись, в фойе появилась Клер Кюнеманн. У нее был немного усталый вид, но ее походка и то, как она держалась, подчеркивали ее решимость, и мое сердце испуганно забилося.

— Элла, я хотела бы с вами поговорить, — сказала она, на мгновение взглянув на меня.

Я никак не могла истолковать выражение ее лица и со страхом посмотрела на Эллу. Наверное, начальница хотела поговорить с ней обо мне. От Эллы зависело, примут ли меня на работу.

Когда фрау Кюнеманн ушла в сопровождении Эллы, я опустилась на стул. Потянулись нескончаемые минуты. Я перебирала свои пальцы и смотрела на теперь уже пустые крючки вешалки, на которых висели номерки.

Вечер мне понравился, несмотря на пристальный взгляд Лорена. Пусть даже я никогда не буду входить в число тех, кто кружится здесь под звуки музыки, я все же наслаждалась мелодией, а также могла бы иметь работу, зарабатывать деньги и, может быть, даже накопить достаточное количество для возвращения во Вьетнам.

— Фрейлейн Нхай? — произнес женский голос.

Увидев перед стойкой фрау Кюнеманн, я моментально вскочила на ноги. Мои руки внезапно стали холодными как лед.

— Пройдите, пожалуйста, со мной.

Эллы с ней не было. Хорошо это или плохо? Я сразу же вышла из гардероба. И про себя стала молить богов, чтобы фрау Кюнеманн приняла меня на работу.

После того как начальница отдала указания одному из своих людей, закрывавшему балхаус, она провела меня в свой кабинет. Эллы не было и там. Я вспомнила, что моя напарница говорила о маленькой квартире наверху. Наверное, она уже ушла туда.

— Присаживайтесь, фрейлейн Нхай.

Я опустилась на стул возле письменного стола. Фрау Кюнеманн на секунду застыла за моей спиной, наблюдая за мной, а затем тоже уселась за стол.

— Я вижу, что вы устали, да и к тому же сейчас уже довольно поздно, поэтому не хочу задерживать вас долгими речами.

Она сложила руки на столе и серьезно посмотрела на меня. Я сделала вывод, что она не хочет, чтобы я здесь оставалась. Вдруг меня охватила ужасная слабость.

— Я слышала от Эллы, что вы очень хорошо справились со своей работой.

Я удивленно подняла глаза. Лицо фрау Кюнеманн по-прежнему оставалось бесстрастным, однако она продолжила:

— По ее словам, вы были старательны, любезны с гостями, но при этом вели себя ненавязчиво и действовали очень ловко. Кроме того, вы в своей новой одежде произвели довольно хорошее впечатление на посетителей. В зале я слышала, как некоторые молодые мужчины говорили о вас.

Это должно было польстить мне, но я все еще очень боялась.

— В вашем лице наш балхаус приобрел бы нечто особенное, чего нет в других танцевальных залах. Вы, может быть, этого не знаете, но в настоящее время немцы очень любят Китай, и хотя я знаю, что вы не китаянка, почему бы мне не использовать это обстоятельство в своих интересах?

Она снова испытующе посмотрела на меня. А я опять вспомнила о том, что сказал мне Руди. Но я все же была очень далека от того, чтобы на моих зубах выросли волосы. А может быть, этого и не понадобится...

— Другими словами, я с удовольствием взяла бы вас на работу. Вы будете получать двадцать марок в неделю, иметь бесплатное питание и проживание: вы поселитесь в комнате наверху вместе с Эллой и сможете забирать еду, которая остается в кухне. Кроме того, вам придется работать не только в гардеробе. Если понадобится, вы будете помогать днем в кухне или во время уборки залов. Вас это устроит?

Я быстро кивнула. Это было больше, чем я надеялась. Я была бы даже готова мыть здесь полы. У меня была честная работа, мне не нужно будет торговать своим телом.

— Хорошо, тогда заканчивайте на сегодня. С завтрашнего дня вы начнете выполнять ее регулярно.

Фрау Кюнеманн поднялась со своего места. Я должна была бы сделать то же самое и поблагодарить ее, но я не могла сдвинуться с места. Мне не верилось, что после всего, что со мной случилось, мне наконец хоть чуть-чуть повезло.

— Вещи у вас с собой?

Этот вопрос заставил меня очнуться. Я быстро встала и подошла к фрау Кюнеманн.

— Я... у меня есть только то, что на мне, — ответила я и посмотрела на взятое взаймы платье и легкие туфли. — Все это дала мне Элла.

Клер Кюнеманн отреагировала на это довольной улыбкой и кивнула мне.

— Хорошо, значит, я выдам вам небольшой аванс, чтобы вы могли купить себе новую одежду. Зайдете завтра с утра в мой кабинет и заберете свой конверт.

— Большое спасибо, фрау Кюнеманн, — сказала я, когда мы подошли к двери. — Вы во мне не разочаруетесь, это я вам обещаю.

Клер Кюнеманн слегка улыбнулась:

— Надеюсь на это, дитя мое. Тем не менее я не строю иллюзий. Рано или поздно мои девушки уходят от меня. Они встречают мужчину — и все, работа закончена. Они предпочитают рожать детей и подавать своему мужу теплый суп.

Мне очень хотелось заверить ее, что со мной такого не произойдет, но я не смогла этого

сказать. Даже если у меня не будет мужа, все равно рано или поздно мое желание вернуться домой и найти Тхань заставит меня покинуть Берлин, в этом я была уверена. Однако фрау Кюнemann, казалось, не обиделась на меня за мое молчание. Она посоветовала мне переодеться и даже проводила на один лестничный пролет выше. Там она указала мне на первую дверь слева. За ней находилась комната Эллы, которую она теперь должна будет делить со мной. Затем фрау Кюнemann пожелала мне спокойной ночи и исчезла в своих апартаментах.

Войдя в комнату, я увидела тесное помещение с косым потолком, в который было встроено окно. В него еле слышно стучали капли дождя. Наверное, дождь только что начался, потому что пальто посетителей были сухими.

Элла сидела на кровати, подогнув ноги по-турецки. Из одежды на ней было только нижнее белье и купальный халат. Она немного напомнила мне Ариану, и, хотя это воспоминание было связано с тяжелым периодом моей жизни, у меня все равно появилось ощущение, будто я попала домой. Меня охватило предчувствие: эта комната будет именно тем местом, где я наконец почувствую себя свободной.

— Ну, что она тебе сказала?

Элла усмехнулась мне во весь рот. Она уже знала ответ.

— Меня приняли на работу, — произнесла я и вдруг почувствовала, что мое лицо расплывается в широкой улыбке.

Наверное, мне следовало ликовать или прыгать от радости, но я смогла лишь улыбнуться, просто улыбнуться.

— Спасибо большое, что ты замолвила за меня словечко.

— Я ведь сказала правду! — ответила Элла. — И, кроме того, ты не жаловалась, когда я остригла тебе волосы, это я тоже учла!

Она встала с кровати и обняла меня, а потом указала на пустую кровать на противоположной стороне комнаты.

— Это твое ложе. Оно немного скрипит, то есть не очень подходит для встреч с мужчиной, но для того, чтобы спать одной, вполне годится. И не бойся, ты мне не помешаешь, я вообще-то рада, что теперь буду тут не одна. А то мне уже начали мерещиться привидения, когда здесь никого нет.

Я хотела возразить, что фрау Кюнemann живет этажом ниже, но промолчала и присела на краешек кровати.

— У тебя что, нет ночной рубашки? — спросила Элла.

Наверное, ей только сейчас бросилось в глаза, что у меня с собой не было никаких вещей.

Я покачала головой.

— Боже мой, они что, отправили тебя без багажа? — Она подошла к комоду, стоявшему с ее стороны, и что-то вытащила оттуда. — Вот, возьми пока что это. А завтра мы с тобой пойдем и купим все необходимое, хорошо?

Я согласилась и, переодевшись, рассказала Элле об авансе, который обещала мне фрау Кюнemann.

— Наша начальница — действительно добрая душа, — сказала на это Элла. — Не все хозяйки балхаусов бывают такими. Только смотри, не рассерди ее. До тех пор пока она довольна тобой, она будет щедрой.

Наконец я улеглась на кровать, хотя мое сердце все еще беспокойно билось. Просто

невероятно, что, с тех пор как я сбежала из Гамбурга, прошло всего два дня. Мне казалось, что минула целая вечность.

Когда я закрыла глаза, дождь, барабанивший по стеклу, стал сильнее, но этот звук мне нравился. В Гамбурге я не любила дождь, но здесь это был первый шум, который заставил меня почувствовать, что я нахожусь дома.

## 12

— Извините, но, к сожалению, я вынужден попросить вас спуститься вместе со мной вниз.

Молодой человек стоял возле двери, строго глядя на обеих женщин, сидевших в центре зала.

— Большое спасибо за то, что позволили нам здесь побыть, — сказала Ханна, а Мелани поставила стулья на прежнее место. — Для меня это действительно значит очень много, понимаете? Старая добрая фрау Клер приняла меня тогда на работу, и даже сейчас в этом зале можно почувствовать ее дух.

— Вы знали прежнюю владелицу? — удивленно спросил молодой человек. Строгое выражение исчезло с его лица. — Я видел ее фотографию в кабинете шефа.

— Когда-то я, будучи юной девушкой, робея, стояла перед ней. — Ханна, улыбаясь, взглянула на Мелани, а затем снова посмотрела на юношу. — А вы знаете, что с вашей внешностью вы могли бы быть прекрасным наемным танцором?

— Вы имеете в виду — жиголо?

На лице молодого человека появилось выражение ужаса.

— Но не такого, конечно, как в фильме с участием Дэвида Боуи, — быстро добавила Мелани.

— Женщины любили бы вас! — сказала Ханна, улыбаясь. — Впрочем, не слушайте старушечью болтовню. Просто примите меры, чтобы я не упала с лестницы, хорошо?

Когда они благополучно спустились вниз, то увидели, что бородатый мужчина втаскивает большой барабан в двустворчатую дверь ресторана. Внутри его коллеги уже устанавливали инструменты. Официант, который встретил их, с деловитым видом бегал вокруг столов, за которыми уже уселись несколько посетителей, с заинтересованным видом наблюдавших за подготовкой к танцам.

— Мы могли бы съесть здесь что-нибудь, — предложила Мелани.

Ей хотелось еще немного побыть тут, ощутить атмосферу этого дома, в котором ее прабабушка сделала первые шаги в новую жизнь.

— Хорошая идея! А потом я покажу тебе, по каким улицам я гуляла в последующие годы.

Они сели за столик. В ресторане в это время было пусто. Мелани и Ханна заказали себе блюда из меню, оформленного в грубовато-деревенском стиле.

За это время Мелани получила sms от Шарлотты. Та спрашивала, приняла ли Мелани решение. Очевидно, Дорнберг проявил нетерпение, как они и предполагали.

И тем не менее девушка решила пока что не отвечать. Все ее мысли были заняты юной Ханной, которая только что получила должность гардеробщицы.

— А почему ты, собственно, никогда не рассказывала нам о балхаусе? — спросила Мелани, попробовав картофельный салат, который им принес официант.

Меню не обмануло — салат действительно был сделан по-домашнему.

— Если бы я стала утверждать, будто просто забыла об этом, ты бы мне, конечно, не поверила, не так ли? — ответила Ханна, пережевывая салат.

Мелани покачала головой:

— Наверное, нет, потому что память у тебя до сих пор что надо.

— Ладно. Тогда я скажу, что причина заключается в том, что я человек, который предпочитает смотреть вперед. Мне кажется ужасным, когда пожилые люди нервируют своих родных, рассказывая им о своем прошлом.

— Но ты же меня не нервируешь. И я уверена, что бабушка и мама с удовольствием послушали бы твой рассказ. Или им уже обо всем известно?

— Только в общих чертах. У меня всегда было столько работы, что мне было не до рассказов. Даже тогда, когда я жила вместе с Марией. У меня всегда была куча проектов и идей, я хотела строить, делать, а не рассказывать. — Ханна бросила на Мелани долгий взгляд, а затем улыбнулась и положила ладонь на руку правнучки. — Я очень рада, что ты хочешь выслушать эту историю, тем более когда мы находимся здесь. Я даже не думала, что когда-нибудь снова сюда вернусь.

Мелани кивнула. Она тоже была рада, что находится здесь, в этом месте. Магия балхауса немного отодвинула ее проблемы на задний план.

Через полчаса прабабушка и правнучка уже сидели в вагоне метро. До Розенталер плац было довольно далеко, и они решили поберечь свои ноги.

— Скажи, тебе берлинская подземка в первый раз действительно показалась неудобной? — спросила Мелани, когда поезд тронулся и помчался по туннелю.

Ханна сидела рядом с ней, полностью расслабившись. По ее виду едва ли можно было сказать, что во время первой поездки она испытывала страх.

— Да, было такое. Конечно, по дороге к гамбургскому вокзалу я видела станцию подземной железной дороги, но раньше никогда по ней не ездила. Ты должна знать, что нас держали в «Красном доме», как в тюрьме. О прогулках по городу нечего было и думать.

Мелани покачала головой. Ей не верилось, что когда-то происходило нечто подобное. А возможно, происходит и сейчас, потому что проституция как была, так и осталась.

— Но со временем я привыкла к подземке и потом даже радовалась, когда вместе с Эллой ездила по городу.

— Вы стали подругами, правда?

— Да. Хотя, конечно, было кое-что, изрядно омрачившее наши отношения. Но все же мне не хотелось бы забегать вперед.

— Следующая станция «Розенталер плац»! — раздался компьютерный голос у них над головами.

Ханна и Мелани вместе с другими пассажирами встали и вышли из вагона. Запах масла и туннельной плесени преследовал их до самой лестницы, ведущей наверх. А наверху их встретил аромат пиццы: перед дверью одной из пиццерий сидели люди, которые ели или ожидали свой заказ.

— Вон туда, — сказала Ханна и указала на перекресток. — Тут не очень далеко, мы дойдем, правда?

Мелани кивнула и подставила прабабушке руку, когда они стояли у пешеходного перехода, ожидая, пока на светофоре загорится зеленый свет.

Время изменило облик домов, но то тут, то там Ханна узнавала некоторые из них. Она прекрасно помнила, что находилось раньше на этом месте.

— В этом доме на той стороне раньше был овощной магазин, а вон в той галерее находилось кафе, — рассказывала она с горящими глазами.

Мелани вдруг осознала, что сама она до сих пор слишком мало интересовалась историей родного города.

— Скажи, разве тебе раньше не хотелось посмотреть на балхаус и на эти улицы? — спросила девушка. — Ты ведь в любое время могла поехать в восточную часть города!

После свадьбы, состоявшейся в 1949 году, Мария поселилась во французском секторе города, который позже вошел в состав Западного Берлина. И Ханна, бывая там, имела возможность бывать также в русском секторе.

— Время от времени хотелось, но я очень боялась.

— Боялась? — удивилась Мелани. — Чего ты боялась?

— Своего прошлого. И еще я боялась узнать, что случилось с людьми, которых я когда-то знала. Мой отъезд из Берлина был довольно... довольно поспешным, и мне кажется, что тем самым я оттолкнула от себя очень многих.

— А почему ты уехала отсюда так поспешно?

И об этом Ханна тоже никогда не рассказывала. Мелани знала биографию своей прабабушки с того момента, как она в Париже познакомилась с Дидье — отцом Марии. Это произошло в 1929 году, и в том же году родилась ее бабушка, это Мелани знала совершенно точно.

— Если я расскажу тебе об этом сейчас, то забегу вперед и пропущу много важного, не так ли? — Ханна покачала головой. — Нет, одно событие должно следовать за другим. Мы почти пришли.

Мелани осмотрелась по сторонам. На Розенталерштрассе стояли, тесно прижавшись друг к другу, здания разных оттенков серого. Они еще излучали обаяние времен Германской Демократической Республики. Кое-где, конечно, уже были сделаны попытки раскрасить эту картину. Когда Мелани станет такой же старой, как Ханна, это место наверняка будет иметь другой вид.

Прогремел трамвай, издавший короткий звонок, словно водитель опасался, будто они прыгнут на рельсы. Когда трамвай проехал мимо, Ханна указала на угловой дом с фасадом в стиле модерн, в верхних окнах которого был виден выпуклый логотип больничной кассы. Внизу находилось кафе, в котором было довольно много посетителей.

Это место Мелани знала.

— Тут был универсальный магазин, не так ли?

Ханна кивнула, а потом, запрокинув голову, посмотрела вверх:

— Да, знаменитый магазин «Вертхайм». Очень жаль, что фасад реконструировали. Раньше здесь были очень красивые окна и рельефные фигуры. Почти не верится, что тут разместили больничную кассу. Когда-то здесь было полным-полно товаров и людей.

— Что ты скажешь, если мы сейчас посидим в кафе и ты расскажешь мне, что было дальше в балхаусе? Наверное, тогда было прекрасное время. Платья с бахромой, чарльстон, джазовая музыка...

— Это действительно было прекрасное время, я бы даже сказала, лучшее в моей жизни. Хорошо, давай выпьем кофе, но, если возможно, внутри кафе. Не хочу рисковать своими костями.

Несколько минут спустя они уже сидели в маленькой нише в кафе, откуда из окна открывался вид на улицу и на других посетителей. Над головами Мелани и Ханны висел

серебристый вентилятор, который, казалось, попал сюда прямо из фильма «Касабланка». Летом, конечно, он обеспечивал приятную прохладу, а сейчас был выключен. Ящики для кофе у стены (наверное, служившие декорацией) были начищены до блеска. Перед ними на столе поднимался пар из двух чашек капучино с толстой шапкой молочной пены.

— Такой кофе, как этот, надо было продавать еще в те времена, тогда владелец этого кафе стал бы очень богатым, — с восторгом сказала Ханна, размешивая ложечкой пену. — В конце двадцатых годов, незадолго до мирового экономического кризиса, люди интересовались всем, что обещало доставить им удовольствие. И они любили экспериментировать. Женщины коротко стригли волосы и носили брючные костюмы, а некоторые из них даже научились управлять автомобилем. Действительно, прекрасное было время! Жаль, что потом все пошло иначе. Как по мне, лучше бы это прекрасное время продолжалось вечно. Но развитие мира — это не концерт по заявкам.

Мелани согласилась с прабабушкой.

— А сейчас ты, конечно, хочешь услышать, что было дальше, не так ли? Лучше всего, если мы начнем с этого места, где тогда был магазин «Вертхайм», а не кафе и больничная касса.

Ханна сделала глоток кофе, вытерла салфеткой следы молока с губ и продолжила свой рассказ.

### **13 Берлин, 1927**

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы на следующее утро пойти к фрау Кюнеманн, однако та, как и обещала, дала мне маленький конверт, в котором была моя заработная плата за целую неделю. Кроме того, хозяйка настоятельно порекомендовала мне сделать паспорт, потому что он мог мне понадобиться.

Одна мысль о том, что мне придется идти в регистрационный пункт, привела меня в ужас — все-таки я до сих пор не знала, жив Хансен или нет. Правда, потом я поняла, что новый паспорт — это второй шанс. Я могла официально стать другим человеком — Ханной Нхай.

С авансом в кармане я вместе с Эллой отправилась в город. Поскольку мое коричневое одеяние, по ее мнению, не подходило для прогулок, моя соседка по комнате, недолго думая, дала мне одно из своих платьев. Мне оно было великовато, потому что Элла была немного плотнее, чем я. Но оно пахло лавандовым мылом и на ощупь было приятнее, чем мое старое платье. Кроме того, я ведь собиралась надевать его не постоянно, а всего лишь один раз.

В регистрационном учреждении нам пришлось ждать довольно долго. Когда наконец подошла моя очередь, я была просто раздавлена множеством вопросов. Я сказала, что потеряла свой паспорт и только что приехала из Индокитая. После некоторых сомнений работавшая там дама выдала мне разрешение на пребывание и посоветовала все же зайти во французское консульство, чтобы там мне выдали новое свидетельство о рождении и французский паспорт, потому что Индокитай был французской колонией.

— Да, тут ничего не поделаешь, — сказала Элла, которая терпеливо меня ожидала. — У нас все так и есть. От колыбели до могилы — формуляры, формуляры...

Я не знала, что означает это выражение, по крайней мере, тогда еще не знала.

Мужчина во французском консульстве тоже был довольно приветливым и за небольшой взнос пообещал выслать мне необходимые документы. У меня стало легче на душе.

— Ну вот видишь, — прокомментировала Элла и взяла меня под руку. — Таким



образом, теперь ты снова стала по-настоящему законопослушным человеком. Давай отметим это событие походом по магазинам.

Я была просто потрясена лавками и магазинами, выстроившимися вдоль тротуаров. Французский квартал Сайгона по сравнению с ними выглядел бедно. Перед витринами толпились люди. А те, кто не хотел ничего покупать, устремлялись к большому мосту, по которому время от времени проезжали огромные паровозы. Элла показала мне вокзал, затем потащила меня дальше, пока мы не очутились на Розенталерштрассе перед каким-то огромным, как сказала Элла, универсальным магазином.

— Это магазин «Вертхайм», — пояснила она, роясь в сумочке. — Здесь ты сможешь купить платье и туфли за те деньги, которые у тебя есть. И мне кажется, я тоже кое-что себе тут найду. Кстати, ты умеешь шить?

Этот вопрос застал меня врасплох, но я кивнула.

— Раньше я выполняла разные швейные работы вместе с бабушкой.

Больше я не стала ничего рассказывать, потому что боялась дальнейших расспросов.

Однако Элле в тот момент история моей семьи совершенно не интересовала.

— Очень хорошо! — сказала она, проверяя содержимое своего кошелька, который извлекла из сумочки, и добавила: — Тогда тебе, собственно, нужно всего лишь купить немного ткани. Если ты сама будешь шить себе одежду, то сможешь сэкономить деньги, да и носить ты будешь не то, что все. Но на первое время тебе следует купить какое-нибудь готовое платье.

Если вид этого магазина уже снаружи произвел на меня невыразимое впечатление, то внутри мне стало не по себе. Элла же, казалось, привыкла здесь бывать. Она продолжала болтать, показывая мне то платья, то туфли, которые я должна была примерять.

Время от времени появлялся кто-нибудь из продавцов и спрашивал нас, какие у нас будут пожелания. В зависимости от того, был он молод или стар, Элла заводила с ним разговор. Молодых, привлекательных продавцов она держала при себе довольно долго, тогда как пожилых чаще всего отсылала прочь, заявляя, что мы сами разберемся.

Отдел тканей был большим, и с первого взгляда я даже не могла сказать, из какого материала я бы хотела сшить себе платье. Элла помогала мне, советуя, какой цвет подойдет к цвету моей кожи и моим волосам. То же самое она делала в отделе готовой одежды, где висели платья разных цветов и фасонов.

Создавалось впечатление, что Элла наслаждалась, улавливая удивленные взгляды персонала, пусть даже они были направлены не на нее, а на меня. Одному из юношей она рассказала, что я китайская артистка, которая выступает в Зимнем дворце. Сначала меня это возмутило, но потом я даже захихикала, увидев выражение лица этого юноши.

— В следующий раз мы им скажем, что ты была одной из жен китайского императора, но затем сбежала, потому что являешься противницей многоженства, — сияя, сказала Элла, когда мы с новым платьем и упакованной в сверток тканью под мышками шли по длинным проходам.

— Ты не должна такого говорить, — испуганно возразила я. — Они расскажут это еще кому-нибудь, а потом...

— Да что может случиться? — Элла легкомысленно отмахнулась и рассмеялась. — Берлин — большой город, и здесь очень много болтают, если день выдался длинным. После долгих лет нищеты люди мечтают и тоскуют по хорошим историям. Кто знает, может быть, однажды один из продюсеров немого кино увидит тебя и создаст фильм под названием

«Наложница императора» или как-нибудь в этом роде.

Я улыбнулась, но улыбка моя была немного грустной, потому что я знала, что означает слово «наложница», и мне было неприятно, что это было похоже на мою настоящую историю, пусть даже я не была одной из жен императора.

Тем не менее в следующее мгновение слова Эллы потеряли для меня значение, потому что мы остановились перед одним из столов, на котором стояла черная швейная машинка фирмы «Зингер».

У нее была ножная педаль и ручное колесико, чтобы крутить. О такой машинке мечтала моя bà, и в Сайгоне время от времени я видела такие модели. С их помощью можно было делать великолепные, чистые, ровные строчки, и времени для этого требовалось вполровину меньше. Если бы у нас была такая машинка, мы смогли бы зарабатывать намного больше.

— О, ну ты и размахнулась! — воскликнула Элла, вертя в руках табличку с ценой. — Для того чтобы купить эту машинку, тебе придется очень долго экономить, не говоря уже о том, что этот столик с трудом влезет в нашу каморку.

Я даже не знала, что сказать на это. Действительно, Элла по моему лицу прочитала мое заветное желание.

— С другой стороны, ты могла бы ремонтировать вещи в балхаусе, если там что-нибудь порвется. Ты сказала фрау Кюнеманн, что умеешь шить?

Я покачала головой. Откуда я могла знать, что эти навыки могут пригодиться гардеробщице? Кроме того, я не хотела показаться фрау Кюнеманн навязчивой.

— Когда занавес в бальном зале опять надорвется, ты могла бы предложить ей его отремонтировать. Если хозяйка увидит, что ты это умеешь, может быть, она приобретет швейную машинку. А потом ей придется искать себе новую гардеробщицу, потому что ты больше не встанешь из-за швейной машинки «Зингер».

Я, наверное, смотрела на Эллу с таким глупым видом, что она добавила:

— Извини, сначала тебе придется привыкнуть к моим шуткам.

Элла оттащила меня от швейной машинки, но каждый вечер, лежа в постели, я мечтала о ней и о всевозможных платьях, которые могла бы на ней сшить.

Вечера в балхаусе были длинными, но для меня не существовало места лучше. Мне нравилось там находиться, принимать у людей пальто и шляпы, а затем слушать музыку, под которую танцевали посетители. Все это помогло мне вытеснить из памяти постоянно всплывавшие мысли о Гамбурге, а также страх, что я, быть может, убила Хансена.

С Эллой у нас установились прекрасные отношения, и я вскоре заметила, что мне и моим языковым способностям идет на пользу, когда я долго разговариваю с ней. Она понимала меня все лучше и лучше, и даже у меня самой появилось чувство, что мой акцент стал слабее.

Комната, которую мы с Эллой делили на двоих, была довольно узкой, но мы все равно большую часть времени проводили внизу, в балхаусе, или в городе. Мы вместе выполняли подсобные работы, когда заболевали помощники повара или кто-то из официантов или если не хватало рабочих рук. В свободное время я сидела над шитьем. Теперь у меня было собственное платье, но оно больше подходило для работы по вечерам, когда я стояла за стойкой гардероба. Поскольку Элла всегда надевала бело-голубое платье, когда мы выходили в город, я не хотела выглядеть рядом с ней, как серая мышь.

Трудно бывало лишь в те вечера, когда в балхаусе появлялся Лорен. Элла наслаждалась болтовней с ним, но мне его внимание, даже спустя месяц, все еще было неприятно. Хотя он

и заметил это, но тем не менее лишь усилил свои старания — несмотря на тот факт, что с ним постоянно была одна, а то и две спутницы.

Спутницы эти действительно то и дело менялись, как и предсказывала Элла. В то время как лица большинства гостей стирались у меня из памяти, по какой-то причине я хорошо запоминала девушек Лорена. Никогда ни одна из них не появлялась с ним тут во второй раз.

А затем в балхаусе началась эпидемия гриппа. Все чихали и кашляли, и у всех был насморк. Фрау Кюнemann относилa это на счет майской прохлады, и это не остановило ее деловую активность.

Во время ежемесячных встреч хозяек балхаусов — а на них собиралось около тридцати женщин — все жаловались на снижение количества посетителей. К Клер Кюнemann это не относилось. Она все время придумывала новые темы для балов.

Но зато грипп мог уложить в постель весь персонал. Однажды утром, проснувшись, я услышала, как стонет Элла.

— Мне кажется, тебе придется сегодня идти вниз одной. Я не могу встать с постели.

Пощупав ее лоб, я испугалась. У моей соседки по комнате был жар! Внезапно перед моим мысленным взором появилась Ариана, когда она, несчастная и больная, лежала в своей постели и в бреду ожидала смерти. Меня охватила паника, но я побежала вниз и стала искать врача. Я нашла доктора, жившего на Фридрихштрассе, который сразу же пошел со мной, как только я упомянула о балхаусе.

— Вы знаете, фрейлейн, если бы я был лет на двадцать моложе, я бы тоже приходил сюда развлекаться, — прошептал он мне, оглядывая все вокруг с зачарованным видом. — Однако моя жена считает, что балхаусы являются рассадниками разврата. Она путает их с борделями, и до сих пор мне так и не удалось убедить ее в обратном.

Хотя я иногда почти забывала о «Красном доме», упоминание о борделях вызвало у меня неприятное чувство. Меня бросило в жар. Я невольно снова подумала о Хансене. Выжил ли он после удара по голове? Разыскивает ли меня или же отказался от поисков и привез другую девушку из Вьетнама?

Затем я сказала себе, что никто в Берлине не знает о моем прошлом, поэтому у Хансена нет никакой возможности меня разыскать.

Врач обследовал Эллу, а я в это время стояла в ожидании за дверью и дрожала от страха. Выйдя из комнаты, он улыбнулся мне:

— Это всего лишь бронхит, сейчас как раз переломный момент. Проследите за тем, чтобы она пила настойку от кашля и жаропонижающие таблетки. А если ей станет хуже, вызовите меня снова. — Врач сунул мне в руки визитную карточку, потом, вздохнув, еще раз окинул взглядом балхаус и ушел.

В тот вечер я стояла в гардеробе одна. Но не только у меня прибавилось работы. Два официанта тоже заболели, и остальные буквально сбились с ног, стараясь справляться с заказами. Жиголо Тим кое-как запудрил свой красный нос, но все равно был похож на алкоголика. Два других, нанятых на постоянной основе танцоров, Мартин и Йозеф, — австрийцы, которых неведомо каким ветром занесло в Берлин, — пребывали в ужасе и старались держаться подальше от него. Ряды наемных танцоров-жиголо, которые работали у фрау Кюнemann лишь время от времени, тоже заметно поредели.

Но, как бы там ни было, никто из них не пытался заигрывать со мной.

Тема вечера — «Майская прохлада» — соответствовала погоде, и это лишний раз подтверждало, что на свете не было ничего, на чем фрау Кюнemann не сумела бы заработать

деньги. Женщины являлись в платьях с длинной блестящей бахромой на подоле, что должно было символизировать дождь, а мужчины — в синих или серых костюмах, что означало «изменчивое небо».

Я была очарована этими нарядами, хотя у меня оставалось мало времени на восхищение, потому что поток посетителей в балхаусе был огромным. Мне даже некогда было подумать о Лорене, пока он вдруг не появился передо мной. Он был один.

— Как у вас дела, Ханна? — спросил он, очаровательно улыбаясь мне.

Как обычно, я покраснела, однако за это время я уже научилась ему отвечать. Ничего особенного, никакой лишней любезности, простая вежливость, как и в общении с любым другим посетителем.

— Мои дела идут хорошо, спасибо. Надеюсь, у вас тоже.

— Как видите, я воплощение жизнерадостности, — ответил он и с ожиданием посмотрел на меня. — А где же пропадает милашка Элла?

— Она заболела, — ответила я и хотела взять у него пальто, но Лорен придержал его.

К счастью, я отдернула свою руку и он не успел прикоснуться ко мне.

— Как жаль. Значит, сегодня весь объем работы ляжет на ваши плечи.

Я посмотрела на дверь в надежде, что кто-нибудь сейчас сюда зайдет, однако никто не появлялся. Не показывались даже официанты, наверное, все они были уже наверху.

Меня смущало внимание Лорена, потому что, хотя оно мне было и ни к чему, при этом я ощущала какую-то странную, но приятную щекотку. Интуиция подсказывала мне, что он не всегда вел себя с женщинами честно, но тем не менее мое сердце трепетало, словно передо мной стоял сказочный принц.

— Скажите, пожалуйста, а вы танцуете? — спросил Лорен, не отрывая от меня взгляда.

— Нет, — поспешно ответила я. — Я не умею танцевать. И, кроме того, у меня много работы.

К счастью, в этот момент дверь распахнулась и в помещение устремились другие гости.

Лорен, продолжая улыбаться, протянул мне свое пальто:

— Жаль, а я думал, что вы могли бы сегодня меня сопровождать. Как вы уже, наверное, заметили, в этот вечер я, к сожалению, совершенно один.

Я обратила на это внимание, и это меня весьма удивило. Но он ведь не мог всерьез рассчитывать на то, что я буду его сопровождать!

Нет, скорее всего, он так не думал. Просто у него была такая манера общения. И, учитывая то, сколько женщин появлялось на балу без сопровождения, он, конечно, найдет себе пару.

— В следующий раз вам повезет больше, — сказала я Лорену с обычной, ничего не обещающей дежурной улыбкой, повесила пальто и протянула ему номерок.

Когда Лорен брал его, его пальцы коснулись тыльной стороны моей ладони. Это прикосновение, возможно, было случайным, однако оно подействовало на меня, словно легкий удар током. Я уставилась на француза, но он повернулся и исчез на лестнице.

Лишь легкое покашливание посетителя, стоявшего у перегородки, заставило меня очнуться.

В этот вечер я снова прокралась наверх, но не для того, чтобы понаблюдать за танцующими, а чтобы посмотреть на Эллу и отнести ей немного еды. Когда я зашла в комнату, она проснулась и закашлялась.

— Ты пила лекарства от кашля? — спросила я, в ответ на что она кивнула.

Элла по-прежнему выглядела неважно, но, может быть, ей станет немного лучше, если я расскажу ей о ее мечте — Лорене.

— Представляешь, сегодня он явился один, без спутниц! — сказала я, ставя тарелку с куриным мясом на ее тумбочку. — И он спрашивал о тебе.

Элла слабо улыбнулась:

— Ему, наверное, бросилось в глаза, что ты одна.

— Да, конечно. Но он мог бы просто сунуть мне в руки свое пальто и исчезнуть.

— Лорен никогда так не делает, он всегда болтает с нами, ты же знаешь. — Элла посмотрела на меня. — На этот раз ты поговорила с ним или просто вырвала пальто у него из рук?

— Я всегда с ним разговариваю! — запротестовала я.

Элла покачала головой:

— Нет, ты этого не делаешь! У тебя всегда такой вид, словно тебе хочется забиться в мышиную норку. Могу поклясться, что ты ему нравишься...

— Я ему не нравлюсь, — ответила я, возможно, слишком поспешно.

— И он тоже тебе нравится.

Я уперла руки в бедра:

— Радуйся, что ты сейчас больна, иначе я сказала бы, что ты спятила.

Элла ухмыльнулась. И вдруг она оживилась. Кашель сотрясал ее тело, но тем не менее она слегка приподнялась на подушках.

— Мне нужно возвращаться вниз, — сказала я, потому что вдруг почувствовала себя мышью, которая наблюдает за тем, как кошка готовится к прыжку.

— Нет, нет, останься, у тебя еще достаточно времени! — воскликнула Элла, снова закашлялась и кивком подозвала меня к себе. — Ну, скажи-ка, нравится тебе Лорен? Несмотря на то что ты изображаешь из себя тихоню, мне кажется, тут что-то есть.

— Нет, ничего.

— А почему ты не разговариваешь с другими мужчинами? Я еще ни разу не видела, чтобы ты ими интересовалась. А вот когда приходит Лорен, ты краснеешь...

— Это неправда. Он такой же посетитель, как и остальные. Кроме того, ты сама без ума от него.

Лицо Эллы стало задумчивым.

— Да, это так. Но, как я тебе уже говорила, ему от меня ничего не нужно, даже если он и спрашивал обо мне. Когда он задает вопросы обо мне, речь, собственно, идет о тебе.

Это прозвучало почти печально.

— Лучше снова ляг в постель и засни. Или поешь что-нибудь, цыпленок сегодня очень вкусный. Я пойду проверю пальто, а потом снова вернусь.

Элла послушно кивнула и опустилась на подушки. Ее слова сопровождали меня, пока я шла по лестнице вниз, до самого гардероба. Неужели я действительно понравилась Лорену?

В следующий миг я задала себе вопрос: зачем я вообще ответила на болтовню Эллы? Она больна, у нее температура, и даже если казалось, что ей стало лучше, она по-прежнему сильно кашляла.

А я сама? Я ведь поклялась себе, что больше никогда в жизни не подпущу к себе ни одного мужчину. Я просто слишком хорошо знала, что такое их похоть. Конечно, Лорен тоже был похотливым, а если он заигрывал с девушкой, которая находилась гораздо ниже его на социальной лестнице, то за этим не могло скрываться ничего хорошего.

Через час появились первые гости, которые уже собирались уходить домой или еще куда-то. Я надеялась, что Лорен появится среди них и это не даст ему возможности начать со мной долгий разговор, ведь остальные гости тоже хотели получить свои пальто. Однако он не приходил. Я уже подумала, что прозевала его, в спешке это могло случиться, и в конце концов я о нем забыла. Подходили последние «ночные птицы» с глазами, красными от вина и сигаретного дыма.

— А как насчет того, чтобы сейчас потанцевать со мной?

Я вздрогнула и обернулась. И тут я увидела, что Лорен стоял, небрежно прислонившись к перегородке. Очевидно, он уже долго наблюдал за мной. Почему же я не почувствовала его присутствия?

— Ну, ну, мое предложение не такое уж и страшное, — добавил он, увидев мое испуганное лицо.

— Месье Лорен, вы... — Я заставила себя оставаться спокойной. — Я не слышала, как вы подошли, вот и все.

— Да, вы полностью сосредоточены на работе, мадемуазель Ханна. — Он улыбнулся мне. — Итак, что вы скажете на мое предложение? Танцевальный зал опустел. Нас никто не увидит.

Это было неправдой, потому что официанты убрали посуду и собирали скатерти. Они обязательно доложат фрау Кюнеманн о моем поведении. Да и я сама не хотела этого. Не хотела чувствовать руки Лорена на своем теле.

— Я не думаю, что...

Я видела его выжидающий взгляд и хотела как-то защититься. Но как?

— Мне это запрещено, — в конце концов холодно ответила я. — Кроме того, я ведь уже сказала вам, что не умею танцевать. И платья у меня нет.

Лорен внимательно оглядел меня, насколько это было возможно из-за стойки гардероба.

— О, то, что я вижу, очень даже похоже на платье. Конечно, если там внизу нет юбки или вы носите брюки...

— Мне нельзя... — повторила я и посмотрела на дверь гардероба.

А что, если я просто возьму и убегу?

На мое счастье, появилась начальница, совершающая ночной обход.

— Все в порядке, месье де Вальер? — спросила она, увидев Лорена.

Любой другой мужчина, который ухаживал бы за сотрудницей балхауса, покраснел бы, но только не он.

— Ну конечно, мадам Кюнеманн, все как нельзя лучше. Я просто хотел забрать свое пальто и немножко поболтать с вашей очаровательной гардеробщицей.

Поскольку я понимала, что фрау Кюнеманн накажет меня, если я буду слишком долго задерживать одного из гостей, я быстро схватила пальто Лорена. Оно было единственным, оставшимся в гардеробе.

— Ханна сегодня работала за двоих и, конечно, устала до смерти, — заметила фрау Кюнеманн, глядя при этом не на меня, а на него. — Вы не должны ее долго задерживать. Она заслужила отдых.

Ее слова удивили меня. Я была рада, что она наконец-то заставит Лорена уйти, пока он не сказал еще чего-нибудь.

— Тем не менее она выглядит довольно свежей, — широко улыбаясь, возразил он. —

Но, конечно, я не буду ее утомлять. Завтра будет новый день, не так ли? — Он подмигнул мне.

Я опустила взгляд. Положив номерок на стойку, Лорен ушел.

Фрау Кюнеманн глубоко вздохнула:

— Ах, эти мужчины... Ханна, вы должны остерегаться месье де Вальера.

— Я все время пытаюсь это делать, — ответила я. — Но он снова и снова заговаривает со мной.

— Я не имею в виду, что вам нельзя с ним разговаривать. — Странно, но в голосе фрау Кюнеманн не было обвинения или угрозы. Скорее, она беседовала со мной как мать. — Просто вы должны быть осторожной. Месье де Вальер постоянно кружит головы моим девушкам, и я знаю, что Элла тоже мечтает о нем. Я уже не первый раз замечаю, как он на вас смотрит. До сих пор он не смотрел так ни на кого. Даже его спутницы не могли насладиться таким взглядом.

Фрау Кюнеманн загадочно улыбнулась. Очевидно, она тоже знала о том, что Лорен постоянно меняет подружек.

— Берегите себя и свое сердце, Ханна. Вы заслуживаете хорошего мужа, а не такого, который однажды может продать вас в цирк в качестве китайской артистки.

— В цирк? — удивленно спросила я.

Такое могла сказать Элла, но от фрау Кюнеманн я этого не ожидала.

— Не важно. Не дайте этому ветреному человеку разбить ваше сердце.

— Но он ведь наш гость... наш посетитель.

— Да, это правда; кроме того, он хорошо платит и делает большую устную рекламу моему балхаусу. Просто он не имеет права вскружить вам голову, а затем бросить вас. Я слишком часто наблюдала за тем, как такие мужчины, как он, заводили интрижки с юными созданиями вроде вас. В большинстве случаев все заканчивалось большим животом и морем слез где-нибудь на коврик для ног. Если уж вы хотите выйти замуж, то ищите себе достойного спутника. Вы обещаете мне это?

Я смущенно кивнула и задала себе вопрос: что это нашло на фрау Кюнеманн?

— Ну ладно, девочка, идите к себе наверх и отдохните. И присмотрите за тем, чтобы Элла принимала лекарства. Она иногда бывает немного рассеянной. Она нужна нам здесь внизу, так ей и передайте.

Я еще раз кивнула и помчалась наверх.

Элла уже спала. К цыпленку она так и не притронулась. Но ее лицо было уже не таким красным. У меня на душе стало гораздо легче, и этой ночью я размышляла о том, насколько права была Клер Кюнеманн.

Следующие несколько дней мне пришлось по-прежнему работать в гардеробе одной, и я старалась следовать совету фрау Кюнеманн. Я вела себя с Лореном дружелюбно, но больше не вступала с ним в беседы. Он снова приходил в сопровождении дам, причем волосы у них были всех мыслимых оттенков — светлые, рыжие, черные. Элла утверждала, что некоторые дамы пользовались краской для волос, поэтому светлые, особенно белокурые пряди вызывали у нее подозрение.

Я была даже рада присутствию его спутниц, потому что они мешали Лорену задерживаться возле меня слишком долго. Но тем не менее я чувствовала странную боль в груди. Может быть, мне все-таки надо было с ним потанцевать...

Мысленно сказав решительное «нет», я запретила себе даже думать об этом, и тихий

голос в моей голове согласился со мной. «Ты просто выставила бы себя на посмешище, а ему дала бы повод рассказать какой-нибудь веселый анекдот о китайской девочке, чтобы было чем рассмешить своих спутниц».

Спустя неделю Элла снова появилась в гардеробе. Фрау Кюнеманн заставила меня кормить ее посыпанным сахаром яйцом. Это был старинный домашний рецепт, который Элла, правда, считала просто ужасным. Он должен был служить для укрепления сил, но я не совсем понимала, чем это объяснялось. Как бы там ни было, Элла после перенесенного бронхита снова выглядела очень хорошо. Лишь тени у нее под глазами напоминали о недавней болезни.

Я была рада, что она снова работает со мной. И тут опять появился Лорен.

— Ну, дамы, как я вижу, вы снова в полном составе, — сказал он, подавая свое пальто через стойку.

Элла решительно схватила его и вручила гостю номерок.

Я ничего не рассказывала ей о том, как Лорен пригласил меня на танец, но тем не менее у нее был немного сердитый вид.

— Дело в том, что сорняки не погибают, — коротко ответила она, что было совершенно не в ее стиле.

Собственно говоря, до сих пор Элла всегда кокетничала с Лореном. Его взгляд упал на меня, и, казалось, в нем был вопрос: «Что с ней?» У меня появился соблазн объяснить ему, что причиной была болезнь, но я промолчала.

— Эй, вот мое пальто! — прервал мои размышления голос брюнетки, которая пришла вместе с Лореном. — Или тебе платят за то, чтобы ты здесь просто торчала, малышка?

Когда она взглянула на меня, ее глаза превратились в узкие щелочки. Очевидно, от нее не укрылось, как смотрел на меня Лорен.

Я молча взяла пальто и протянула ей номерок.

— София, тебе следует быть чуточку любезнее, — сказал ей Лорен.

В ее глазах появился сердитый блеск.

— Любезнее? — Одна из ее выщипанных в тонкую линию бровей взмыла вверх. — Но я ведь была любезной — именно настолько, насколько заслужила эта дикарка из джунглей, которая проделывает взглядом дыры в воздухе.

У меня перехватило дух. Как мне хотелось ответить ей что-то, но слова застряли у меня в горле.

— Не ревнуй, *chégi*[22], — шутливо сказал Лорен и поцеловал ее в нарумяненную щеку.

Я отвела глаза. Мне не хотелось смотреть на этот спектакль.

— Ты прав, — промурлыкала «*chégi*». — Эта узкоглазая малышка и вправду не может с нами конкурировать.

С этими словами она вцепилась в руку Лорена. Другая женщина тоже бросила на меня взгляд, но я не могла сказать, что он выражал.

Мне казалось, что злость в моей груди и застрявшие в горле слова мешают мне дышать. Последний раз «узкоглазой» меня называли девочки в «Красном доме».

Элла увидела мое состояние и, стараясь меня успокоить, положила ладонь мне на руку.

— Не обращай внимания, — прошептала она, прежде чем Лорен и его спутницы исчезли на лестнице. — Может быть, завтра у него будет другая женщина.

Но это ничего не меняло — я все равно чувствовала себя оскорбленной. Все же я кивнула и сделала вид, словно все уже забыла.



На самом деле эти слова не давали мне покоя целый вечер. Принимая пальто у очередного гостя, я спрашивала себя, не думает ли он обо мне так же, как спутница Лорена.

Но хуже всего было то, что Лорен даже не упрекнул эту женщину за ее слова. Неужели для него я тоже была дикаркой с узкими глазами? Неужели в прошлый раз, приглашая меня на танец, он хотел лишь посмеяться надо мной? Наверное, так оно и было. Мне следовало радоваться, что я не поддалась на его уговоры. Но все же я чувствовала боль в груди. Если быть честной, Лорен мне нравился. Сегодня же я в нем жестоко разочаровалась.

Я только обрадовалась, когда посетители разошлись. И Элла, и я в этот вечер были очень молчаливыми: каждая из нас была погружена в свои мысли. Моя соседка по комнате даже не захотела заглянуть в балльный зал.

Как ни странно, Лорен снова появился в гардеробе лишь с брюнеткой, и это произошло довольно рано — очевидно, они собирались еще куда-то пойти. А где же была другая женщина?

Элла знаком велела мне принести пальто Лорена, а сама занялась обслуживанием его спутницы. Мы попрощались с ними удивительно немногословно.

Через полчаса в гардеробе появилась вторая спутница Лорена. Очевидно, ее оставили одну.

— Извините за поведение моей подруги, — сказала блондинка с виноватой улыбкой, когда я протянула ей пальто. — Она просто не умеет вести себя иначе.

Очевидно, София избавилась от нее, чтобы завоевать благосклонность Лорена. Или же ее взяли просто из сострадания? Вроде пятого колеса к телеге, как всегда говорила Элла.

Я вежливо улыбнулась в ответ и посмотрела блондинке вслед. Но так и не поняла, что нашел в ней Лорен.

В ту ночь мне приснилась Тхань. Я видела, как она идет куда-то по дороге вверх. Это был день, когда я сообщила ей о своей предстоящей свадьбе. И снова она стояла передо мной, и снова обнимала меня, но ничего не говорила, пока я рассказывала ей о сыне торговца тканями.

Когда я предложила ей убежать из дому, она покачала головой.

— Мы должны остаться здесь, — сказала Тхань глухим голосом, и из уголка ее рта по подбородку побежала кровь. — Иначе нас ожидает смерть.

И в следующее мгновение она без сознания упала к моим ногам. Слишком поздно я заметила, что кто-то появился позади нее. Хансен ухмыльнулся и вытащил нож из тела Тхань.

— Ты следующая, — произнес он и подошел ко мне.

От ужаса я закричала и проснулась. Моя ночная рубашка прилипла к телу, пот стекал по позвоночнику. Я дрожала.

— Что с тобой?

Вспыхнула настольная лампа, стоявшая на тумбочке. Голос Эллы вернул меня к действительности. На мгновение мне показалось, будто я все еще нахожусь в Сайгоне. Как попал туда Хансен, я себя не спрашивала. Меня просто охватил панический страх, из-за того что он появится здесь снова и что его призрак будет преследовать меня, если он все же умер от моего удара.

Когда я ничего не ответила, Элла встала со своей постели и подошла ко мне. Ее теплые руки обняли меня.

— Успокойся, все хорошо, — прошептала она. Только сейчас я заметила, что плачу. —

Тебе приснился страшный сон, ничего больше.

Да, это действительно был сон, и все же я продолжала плакать, потому что только сейчас поняла, как давно не вспоминала о Тхань. О Тхань, о которой я даже не знала, жива ли она еще. Меня мучило чувство вины. А теперь во сне меня догнали духи прошлого.

Мне было очень трудно успокоиться. Я старалась взять себя в руки, потому что, конечно, Элла станет задавать вопросы о том, что именно меня так расстроило. Но ничего из этого не вышло. Мои всхлипывания перешли в горький плач, и его вызвало не только чувство вины по отношению к Тхань, но и ужасы «Красного дома».

Элла крепко держала меня в объятиях и гладила по голове. Я позволяла ей это делать, потому что нуждалась в утешении. В моей голове не было ни одной светлой мысли.

Через какое-то время мои слезы иссякли и мне очень захотелось спать. Элла вернулась в свою кровать, предварительно вытерев мне нос. В этот момент я поняла, что в ее лице я нашла себе подругу.

На следующее утро я проснулась очень поздно: Элла дала мне возможность выспаться.

— Ты проплакала почти всю ночь, — сказала она, бросив на меня вопросительный взгляд. — Что с тобой случилось? — спросила она затем. — Из-за сна ты бы так не рыдала. У тебя что, любовная тоска или что-то в этом роде?

Элла могла думать только о любви. Наверное, она видела в ней причину любого горя.

— Или ты расстроилась из-за той вороны? — Она фыркнула, а затем покачала головой. — Ты не должна обращать внимание на такие разговоры. Есть люди, которые убеждены в том, что они лучше, чем другие, и к этому нужно привыкнуть. В твоей стране ведь тоже не все обходятся с окружающими как с равными себе, не так ли?

В этом она была права. Но здесь ведь был не Индокитай, в котором правили французы. В Германии я имела право передвигаться так же свободно, как и другие — или все же нет? Меня снова одолели сомнения, но в тот момент я почувствовала руку Эллы на своем плече.

— Не позволяй этим женщинам запугивать тебя. Они просто запускают когти во все, что обещает им деньги и обеспеченную жизнь. У Лорена достаточно денег, и если женщина сделает все как надо, он может на ней жениться. Лучше выбрось его из головы. Для нас он всегда будет одним из посетителей, и, какими бы дурами ни были эти индюшки, которые сопровождают его, что-то сложно изменить. В то же время это хорошо для нас. Кроме того, ты очень красивая, особенно благодаря форме своих глаз. В тебе есть что-то от кошки. Было бы смешно, если бы ты не нашла себе кавалера!

Следующие несколько недель прошли без осложнений, может быть, еще и потому, что Лорен за все это время ни разу не появился. Сначала это вызвало у нас удивление, но когда я высказала предположение, что брюнетка убедила его не приходить к нам, Элла отмахнулась:

— Просто так всегда бывает с посетителями: когда-нибудь они обнаруживают другой балхаус и начинают ходить туда. Как ты видишь, у нас и так очень много работы, и тем лучше, что нам не придется выносить капризы одной из пассий Лорена.

Это было правдой, и мне, честно говоря, было лучше не видеть, как он постоянно приходит сюда с новыми женщинами, так как, должна тебе признаться, мне его все же не хватало.

— Может быть, конечно, у них с этой Софией началось что-то серьезное. Ну, ты помнишь, та высокомерная коза, которая назвала тебя «узкоглазой».

Лучше бы Элла этого не говорила. Меня снова охватило очень неприятное чувство обиды. А что, если это действительно так? Пусть даже я думала, что мне будет лучше, если

Лорен вовсе не будет приходить, все же мне очень хотелось заплакать.

Тем не менее я взяла себя в руки, и мое разочарование со временем улеглось, потому что, как только потеплело, у нас начали устраивать не только балы, но и танцы на улице, сопровождавшиеся угощением, и тогда мы с Эллой должны были помогать официантам. Кроме того, фрау Кюнеманн всегда придумывала очень необычные темы для этих балов — одну интереснее другой.

Когда было объявлено, что состоится так называемый «Бал галстуков», на который дамы должны были приходить переодетыми в мужчин, это вызвало небольшой скандал в городе. Куда ни пойдешь, везде люди сплетничали о планах фрау Кюнеманн. Конечно, наша начальница распорядилась развесить по всему городу плакаты, и даже Элла загорелась этой идеей.

— О, мне всегда хотелось переодеться в мужчину! — воскликнула она, хотя я с трудом представляла себе, как она со своими пышными бедрами влезет в мужской костюм. — Тогда мы могли бы коротко остричь волосы, как ты думаешь?

Эта идея мне не понравилась, потому что с некоторых пор я стала делать себе завивку и эта прическа, как я считала, очень мне шла.

— Ну ладно, тебе не нужно стричься очень коротко. Если у тебя будет прическа, как у этого типа из джазового оркестра, ну, у того, который вчера играл на танцах... — Она прищурила глаза, явно пытаясь представить, как выглядела бы такая прическа у меня на голове.

«Тип», которого она имела в виду, носил длинные волнистые волосы, спадавшие до подбородка, и из-за этой прически его в первый момент можно было принять за даму — если бы он не был одет в мужской костюм.

— Кто знает, может быть, это женщина, которая переделалась в мужскую одежду, чтобы играть в мужском оркестре, — сказала Элла, снова проявив буйную фантазию.

— Нет, не говори глупостей! Это сразу было бы заметно, — возразила я. — Я, по крайней мере, не увидела у него... груди.

— Ах, значит, ты к нему тоже присматриваешься, да? — поддразнила меня Элла.

С того вечера, когда я рассказала ей о Лорене, она стала очень внимательно следить за тем, интересуюсь ли я мужским полом.

— Ну, это ведь сразу видно! — ответила я и снова повернулась к костюмам, среди которых не было ничего подходящего для «Бала галстуков».

Единственные мужские костюмы, которые здесь были, принадлежали официантам, а они им самим понадобятся во время бала.

— Ну да, бывают ведь и такие женщины, как фрау Хайнрихс. Я даже не уверена, что она на самом деле не мужчина, потому что у нее очень маленькая передняя пристройка.

— Пристройка? — удивилась я, но Элла сразу же наглядно объяснила мне, что она имела в виду, схватившись за собственную грудь.

У нее была очень интересная манера демонстрировать определение понятий, которых я не понимала с первого раза.

Таким образом, мы принялись за подготовку к «Балу галстуков». Элле удалось взять напрокат два бывших в употреблении мужских костюма, которые я за несколько свободных от работы часов перешила так, чтобы они подходили нам по размеру.

Незадолго до бала Элла потащила меня к своей подруге Марианне, которая работала парикмахершей. Когда я увидела, как коротко она остригла Элле волосы, то испугалась, и

мне очень захотелось выскочить за дверь, однако Элла, конечно, сразу же поймала бы меня.

Когда немного позже подошла моя очередь, я снова с закрытыми глазами сидела перед зеркалом, а Марианна в это время стригла мои волосы.

— Что, твоя подружка наложила в штанишки, не так ли? — насмешливо проговорила она, в то время как ее ножницы шелкали у меня за ушами, внушая мне ужас.

Да, я боялась, даже очень боялась, потому что мои волосы нравились мне такими, какими они были, и после того как мне их когда-то подстригла Элла, они снова отросли.

— Так, а теперь, если ты опять хочешь выглядеть как женщина, тебе нужно будет пройти по волосам щипцами для завивки.

Я медленно открыла глаза. И испугалась, потому что, хотя мои волосы были намного длиннее, чем волосы Эллы, все же они были чертовски короткими. У моей матери определенно случился бы сердечный приступ, если бы она увидела меня с такой прической.

— Но зато теперь мы в любом случае сойдем за мужчин! — сказала довольная Элла, при этом я показалась себе ужасно уродливой.

Хотя какая разница? Там, на балу, все равно не будет знакомых мне мужчин. А остальные, если и сочтут меня уродиной, то хотя бы не будут ко мне приставать.

В день бала все очень волновались. При этом, однако, саму обстановку балного зала почти не пришлось менять. Фрау Кюнеманн представляла себе, что зал должен иметь вид мужского клуба на рубеже девятнадцатого — двадцатого веков, а это требовало всего нескольких умелых движений. Но тем не менее обстановка была очень напряженной. Придут ли вообще женщины в мужских костюмах? Было понятно, что фрау Кюнеманн будет пропускать в зал также женщин в традиционной одежде, она не отошлет их прочь, потому что от этого зависел ее доход.

Поднявшись после смены в балном зале в свою комнату, я увидела, что на моей кровати что-то лежит. Это была плоская коробка, аккуратно завернутая в подарочную бумагу.

— Это пришло по почте, — пояснила Элла, рассматривая себя в маленьком полуслепом зеркале, которое она поставила на подоконник.

На ней был один из костюмов, перешитых мной, и он сидел на ней великолепно.

— Но я ведь никогда не получаю посылок! — возразила я и, немного волнуясь, подошла к кровати.

Никому не было известно, что я здесь живу, а большинство людей знали меня только по имени.

— Ну да, может быть, у тебя есть тайный поклонник из числа наших гостей.

«Ой, только не это», — промелькнула у меня мысль. В голову приходил лишь наемный танцор Тим, который время от времени паялся на меня, словно я попала сюда из другого мира. И, конечно, Лорен.

— Ну, открывай же! — воскликнула Элла, которая явно сгорала от любопытства больше, чем я сама.

Я глубоко вздохнула и развязала ленточку. Из-под коричневой бумаги появилась коробка. Когда я приподняла крышку, то увидела нежную голубую ткань, украшенную блестящими камешками. Без сомнения, это было платье. А сверху лежала открытка, украшенная розочками.

«Надеюсь, я правильно определил ваш размер, — было написано там. — Наденьте его, пожалуйста, 25-го числа и после полуночи выйдите во двор. Вы доставите мне этим

большую радость. Ваш поклонник».

И больше ничего — ни имени, ни инициалов.

Но тем не менее меня словно обдало жаром. Я догадывалась, кто отправитель.

— Ну, что там внутри? — спросила Элла, шея которой вытянулась от любопытства. — Покажи-ка! Кто-то прислал тебе дохлую курицу?

Меня бросало то в жар, то в холод. Если я покажу Элле платье, она, конечно, поймет, от кого оно. Или, может быть, я ошибалась? Возможно, оно было прислано не Лореном, а кем-то другим?

В конце концов она подошла ко мне сзади:

— Боже мой, что это такое?

Я не успела помешать ей схватить платье и вытащить его из коробки. Ткань наряда, как водопад, струилась из ее рук, и все сопровождалось удивленными возгласами.

— С ума сойти! Это не платье, а мечта!

— Мечта, которую я не могу принять, — возразила я, исполненная решимости не допускать, чтобы кто-то из мужчин одаривал меня.

— Еще как можешь! От такого подарка не отказываются!

Я хотела что-то возразить, но Элла опередила меня вопросом:

— От кого это платье? Там есть имя отправителя?

— Нет, я ничего не нашла.

— И ты понятия не имеешь, от кого оно может быть?

Я покачала головой и прижала карточку к груди.

Лучше бы я этого не делала, потому что Элла тут же спросила:

— Но ведь у тебя там открытка, верно?

Я просто не могла солгать ей, и мне пришлось кивнуть.

— Можно я хотя бы одним глазком взгляну на нее? Или он пишет нечто интимное?

Мои щеки, и без того уже красные, покраснели еще больше. Я нерешительно отдала ей открытку. Там действительно не было ничего особенного. Такую открытку мог прислать человек, который хотел подшутить надо мной.

Элла внимательно изучила карточку, и ее глаза расширились.

— О, у тебя действительно есть поклонник! — воскликнула она, возвращая мне открытку и явно находясь под впечатлением. — И ты на самом деле понятия не имеешь, кто мог бы подарить тебе это платье?

У меня были кое-какие предположения, однако я задала себе вопрос, чего этот человек добивался своим приглашением. Действительно ли он имел по отношению ко мне серьезные намерения? Мы обменивались несколькими ничего не значащими словами, если, конечно, не принимать во внимание приглашение на танцы, которое фрау Кюнеманн, к счастью, тут же пресекла. А в последнее время он почти здесь не появлялся.

— Я и вправду ничего не знаю, — сказала я Элле, потому что не хотела больше об этом говорить. — Но если разузнаю, отошлю платье назад.

— Глупости! — в ужасе воскликнула моя подруга. — Оставь его себе! Может быть, тебе принесут еще цветы и шоколадные конфеты. Вот конфетами ты поделишься, хорошо?

— Ну ладно, — ответила я и еще некоторое время рассматривала платье.

Таких тканей не было даже у самых лучших торговцев Сайгона. И тут мне в голову пришла идея. Даже если я не буду носить это платье, я, может быть, смогу его продать. Это приблизит меня к моей цели — возвращению в Сайгон.

В тот вечер я пребывала в смятении. Мне с трудом удавалось сосредоточиться, а мои мысли все время отвлекали меня от происходящего. Я думала о подарке и о том, что он значит, о неизвестном поклоннике и его просьбе. Если это действительно был Лорен, то могу ли я выполнить его просьбу? У меня в ушах звучали слова напутствия фрау Кюнеманн. Она, конечно, не одобрит, если я свяжусь с одним из ее гостей. Но если я буду носить подаренное платье, будет ли это означать, что я приняла его приглашение? Возьму ли я на себя тем самым какие-то обязательства?

Погрузившись в размышления, я даже не поняла, как люди реагируют на наши переодевания.

Элла, казалось, получала огромное удовольствие и кокетничала со всеми, независимо от того, были ли это мужчины или женщины, потому что в тот вечер мы все были мужчинами, а между мужчинами принято говорить откровенно.

— Ах, как прекрасно быть мужчиной! — в конце концов воскликнула она, когда мы смотрели вслед первой группе гостей, поднимавшихся по лестнице вверх к бальному залу. — И, как ты видишь, сплетники напрасно трепали языками. Уверена, что сегодня посетителей будет еще больше!

И в этом Элла оказалась права. Посетители буквально штурмом взяли танцзал, и вскоре я перестала различать, кто на самом деле был мужчиной, а кто нет. Здесь было множество костюмов в тонкую редкую полоску и галстуков, а некоторые оделись поярче — в парчу и бархат. Было тут и несколько женщин, которые предпочли оставаться в платьях, — Элла предположила, что у них либо не было знакомых мужчин, либо не хватило денег, чтобы взять костюм напрокат. Но это никого не смущало.

Поздно вечером мы снова пробрались наверх и стали слушать музыку. Это было довольно комичное зрелище: фигуры в мужских костюмах танцевали друг с другом. Однако посетители веселились вовсю, да и мы с Эллой тоже, пусть даже мы были не в зале, а сидели за дверью.

Затем к нам присоединился Руди. Он принес нам из кухни поесть.

— Вы, собственно, должны танцевать там внутри, девочки, — шутя сказал он, подмигнув нам, потому что, конечно, знал, что это было запрещено.

— Может быть, когда-нибудь потом, — ответила Элла и снова застыла перед полуоткрытой дверью, — когда мы найдем богатых мужчин, которые приведут нас сюда.

— Тогда выудите и поймайте себе кого-нибудь, тут бегают достаточно толстых кошельков. Но будьте внимательны, не перепутайте мужчин и женщин!

И с этими словами он снова исчез. На этот раз мы оставались у двери, пока последние гости не собрались уходить. Затем мы, смеясь, побежали вниз и, раздавая людям куртки и пальто, бросали друг на друга заговорщические взгляды.

Когда на маленьком отрывном календаре Эллы наконец появилась цифра 25, я превратилась в комок нервов. Я все еще не знала, что мне делать. В душе я надеялась, что этот подарок от Лорена, но тот уже давно у нас не показывался. От кого же тогда платье? Может быть, все-таки от Тима? Я замечала, как он смотрел на меня, пусть даже он не решался хоть что-нибудь мне сказать.

— Эй, что с тобой? — спросила Элла, когда рано утром мы вместе с ней готовились выйти на работу. — Ты сегодня какая-то неразговорчивая. Тебе что, плохо?

Я подняла на нее удивленные глаза. Она была права. За все это время я не произнесла ни слова. Все мои мысли были о платье и о встрече с незнакомцем. Должна ли я решиться?

— Ты чувствуешь себя не в своей тарелке из-за предстоящего вечера? — улыбаясь, предположила Элла. — Ты же сегодня встречаешься с этим типом, не так ли?

— Не знаю, — ответила я. — Думаю, что нет.

— Что? Неужели тебя не мучит любопытство? — Элла уперла руки в бедра, так она делала всегда, когда чего-то не могла понять.

— Да, конечно. Но, может быть, это просто чья-то глупая шутка.

— Глупая шутка? — фыркнула Элла. — Такое дорогое платье? Я не верю, что кто-то может позволить себе так с тобой шутить.

— Может быть, это Тим? — предположила я. — От него всего можно ожидать.

— Что ты, у него нет такого количества денег! А если за этим все же скрывается он, то я напущу на него госпожу тайную советницу.

Эта мысль вызвала у меня улыбку.

— А как ты это сделаешь?

— Я расскажу ей, что Тим мечтает о ней и говорит об этом за стенами танцевального зала! Тогда вечером он вообще не сможет от нее отвязаться. А ты знаешь, как он любит, когда к нему липнут женщины!

Его жалобы по поводу госпожи тайной советницы до сих пор звучали у меня в ушах.

— И все же я не знаю. Даже если это не Тим, то, может быть, кто-то, кто мне не нравится. Или человек с нечестными намерениями.

Элла расхохоталась:

— Извини, но честных намерений нет ни у одного мужчины. Вопрос заключается только в том, что можно из этого выгадать! Но я не хочу тебя заставлять. Если твой внутренний голос говорит тебе, что ты не должна этого делать, значит, прислушайся к нему. Поскольку на подарке нет имени отправителя, он не сможет потребовать его назад и ты, так или иначе, окажешься в выигрыше.

Пока в этот вечер через мои руки проходило множество курток и кепи, я продолжала размышлять и при этом невольно искала в толпе Лорена. Даже когда пришли последние гости, он не появился. Неужели это означало, что он не придет?

Или же он сегодня не будет искать себе спутницу, потому что появится только ночью?

И если это все же так, то не будет ли слишком опасно встречаться с ним тайком? В моей памяти всплыли голоса и лица моих клиентов из «Красного дома». Их жадные руки, требовательные губы...

«Нет, Лорен не такой», — сказала я себе. И он, конечно, не набросится на меня, когда мы останемся одни.

И тем не менее мне было так плохо от страха, что я даже не смогла поужинать, когда один из помощников повара принес нам еду.

— Что-то у тебя нет аппетита; видимо, ты все же не хочешь с ним встречаться, — поддразнила меня Элла, с наслаждением уплетая жареное мясо.

— Мне просто жарко, — уклончиво ответила я и подсунула ей свою тарелку, потому что знала, что Элла никогда не возражала против двойной порции.

Около полуночи мне стало ясно, что Лорен не появится, по крайней мере на балу. Посетители покидали танцевальный зал, и в конце концов ушли даже те, кто пришел позже всех. Появилась фрау Кюнеманн и с довольной улыбкой отослала нас спать.

Усталые и измученные, мы с Эллой поднялись наверх. Моя подруга больше не спрашивала меня ни о чем, очевидно думая, что я решила не встречаться с таинственным

незнакомцем.

Но когда через несколько минут она уснула, я продолжала лежать неподвижно, глядя в темноту. Я спрашивала себя: если бы мне не пришлось пережить столько горя, пошла бы я вниз, во двор? А если это действительно был Лорен и его намерения на самом деле были честными? Значит, было бы глупо упустить этот шанс. Он был для меня загадкой. То, что он встречался со многими женщинами, я считала неприличным, но тем не менее он мне очень нравился! Я радовалась, когда он приходил, огорчалась, когда его сопровождали дамы, и скучала по нему, когда его не было. Как сегодня.

А затем мое сердце взяло верх над рассудком. Игнорируя сомнения и страхи, я встала с постели и так тихо, как только могла, вытащила картонную коробку с платьем из-под кровати.

Я должна была узнать, кто его прислал! Я могла просто спрятаться за одним из кустов, растущих вокруг балхауса, и посмотреть, покажется ли там кто-нибудь.

Бумага тихо зашелестела, когда я стала вытаскивать из нее мечту из шелка и стразов. Под лунным светом камешки заискрились, и несколько светлых точек упали на лицо Эллы.

Я испуганно бросила платье на кровать, когда Элла зашевелилась. Но через несколько секунд она снова захрапела. Тем не менее я сочла, что лучше переодеться где-нибудь в другом месте. На цыпочках я выбралась из комнаты и отправилась вниз, в гардероб. При этом я с часто бьющимся сердцем прислушивалась к шорохам в доме. Собственно говоря, было тихо, но что, если фрау Кюнеманн все еще сидит за своим письменным столом? Иногда она не ложилась спать очень долго.

Все же никто не помешал мне, и через несколько минут я выскользнула через черный ход во двор. Там никого не было. Я увидела лишь два пустых стола, стулья и потухшую гирлянду из лампочек.

Оглядываясь по сторонам, я невольно вспомнила ночь, когда мы с Тхань ходили в храм. Казалось, что с тех пор прошла целая вечность.

Затем мне в голову пришла мысль: может быть, это все же Тим решил пошутить надо мной. Может быть, сейчас он выскочит из-за куста, начнет смеяться надо мной и расспрашивать, кого я ожидала тут увидеть.

Но когда мои пальцы прикоснулись к ткани, они сказали мне то же, что и раньше: это платье было слишком дорогим и жиголо не мог себе этого позволить.

И тем не менее сомнения у меня остались. Кроме того, воздух стал гораздо прохладней. Вскоре мне стало зябко. Зачем я позволяю так с собой обращаться? И вдруг я показалась себе ужасно глупой.

— Значит, вы все же пришли. Не ожидал.

Этот голос был мне хорошо знаком. Я испуганно обернулась. Лорен был одет в вечерний костюм, узел его галстука был ослаблен. Очевидно, он уже побывал в каком-нибудь другом балхаусе.

И что было гораздо важнее — именно он был тем мужчиной, который прислал мне платье.

— Месье Лорен, — с трудом произнесла я. Хоть я и испытывала облегчение, стоя напротив него, спокойнее мне не стало.

— Да, это я. И я очень рад, что ваше сердце все же не равнодушно к приключениям.

Я опустила глаза. Даже со свободно повязанным галстуком и после продолжительной ночи он все-таки выглядел вызывающе красивым. И я из-за этого очень нервничала.



— Я... просто мне было любопытно.

— И вы понятия не имели, от кого подарок? — Лорен покачал головой. — Вы меня разочаровали.

— У меня были предположения, — быстро проговорила я. — Но с таким же успехом это могло быть шуткой одного из наших наемных танцоров.

— Вы имеете в виду, что кто-то из них положил на вас глаз? — Лорен внимательно оглядел меня с головы до ног.

— Нет, ничего серьезного. Но время от времени они позволяют себе подшучивать над нами. Элла могла бы много об этом рассказать.

— Тогда я спокоен.

Лорен подошел ближе ко мне, ни на секунду не отрывая от меня взгляда.

Когда бы я ни поднимала глаза, все время получалось так, что я смотрю прямо на него. На расстоянии вытянутой руки Лорен остановился. Мне показалось, что он стоит слишком близко ко мне, но мне некуда было отступать. Что же теперь будет?

— Вы очень милая девушка, Ханна, — сказал он.

Его голос слегка дрожал. Мужчина, о котором ни за что нельзя было бы сказать, что что-то может вывести его из равновесия, вдруг показался мне смущенным.

— Платье очень красивое, — ответила я, смущаясь еще сильнее, чем он. — Спасибо. Но этого не надо было делать.

— Нет, это было абсолютно необходимо, — возразил Лорен.

— Оно ведь очень дорогое...

— Это малая цена за то, чтобы встретиться с вами наедине. Я знал, что в вас скрывается нечто большее.

Пока я спрашивала себя, что он имеет в виду, он добавил:

— Я... У меня есть друг... Он фотограф.

— Спасибо, но я не думаю, что мне хочется с ним познакомиться, — произнесла я, даже не зная, что он хочет сказать.

Лорен улыбнулся, а потом рассмеялся, сначала тихо и неуверенно, но затем громко фыркнул, словно перед этим долго сдерживал дыхание.

— Это не то, что вы думаете, я не хочу свести вас со своим другом. Дело в том, что... Он фотографирует для журналов мод. Когда я увидел вас впервые, я подумал, что вы могли бы стать находкой для него. Вы художая, подвижная и очень красивая. Просто попробуйте. Это может принести вам приличное вознаграждение.

Да, предложение было заманчивым, но тем не менее на душе у меня было тяжело. Конечно, было бы неплохо, если бы я могла подработать дополнительно к тому жалованью, которое платила мне фрау Кюнеманн. Чем быстрее я соберу деньги на поездку домой, тем раньше смогу туда вернуться и разыскать Тхань.

— Его зовут Хэннинг Вильниус, — продолжил Лорен. — У него есть свое фотоателье на Торштрассе. Вот. — Он вытащил из кармана маленький листок бумаги, который оказался визитной карточкой. На ней был напечатан адрес фотографа. — Возьмите ее и, когда будете там, зайдите. Скажете ему, что вас прислал я. Согласны?

Я кивнула и некоторое время смотрела на карточку, после чего спрятала ее в рукав.

— Спасибо, я подумаю.

— Хорошо, — улыбаясь, ответил Лорен. — Теперь наконец переходим к основной части вечера.

Он еще некоторое время смотрел на меня, затем вытянул руки в сторону и занял позу, похожую на танцевальную позицию.

— Разрешите пригласить вас на танец?

— Но тут нет музыки.

Я должна была сказать «нет», но у меня не было на это сил. Лорен говорил со мной так любезно, а от его взгляда у меня в животе проснулась тысяча мотыльков. Я не могла ему отказать.

Но я все же не умела танцевать.

— Мое танцевальное искусство оставляет желать лучшего.

— Ни то ни другое не может быть препятствием. Музыку мы представим, а если вы хотите, я с удовольствием покажу вам пару шагов.

Я посмотрела на балхаус, в котором все еще возились официанты. Я могла бы отказать Лорену в его просьбе и снова вернуться в дом, чтобы переодеться и отдать ему платье. Но я этого не хотела. В тот момент я мечтала только о том, чтобы прикоснуться к нему, почувствовать его тепло и вспарить вместе с ним над травой. Я подошла к нему ближе и тоже подняла руки — довольно неловко, словно они были деревянные, — однако его, казалось, это не смутило. Лорен шагнул мне навстречу, взял мои руки и положил одну из них себе на плечо, как это, наверное, было нужно для танца. Затем он взял мою кисть, очень осторожно, словно боясь ее раздавить, а другая его рука легла на мое плечо так нежно, что я почти не почувствовала ее.

— Для начала было бы хорошо научить вас танцевать вальс, правда? Это не особенно быстрый или современный танец, но именно его я научился танцевать в первую очередь.

Лорен объяснил мне последовательность па, а потом стал тихонько напевать мелодию и начал двигаться. Хотя его шаги не были быстрыми, я этого не ожидала и слегка споткнулась.

Тем не менее он уверенно подхватил меня и продолжал танцевать.

— И раз-два-три, раз-два-три, — считал Лорен, не замечая, какой неловкой я была, пока наконец не уловила нужный ритм.

Нажатие его руки становилось немного сильнее, когда я неловко ступала, однако чем увереннее я двигалась, тем легче становились его руки, и в конце концов мне действительно показалось, что я воспарила над землей.

— У вас талант! — восхищенно воскликнул Лорен, продолжая мурлыкать мелодию вальса, и стал танцевать немножко быстрее.

На какое-то время я забыла обо всем. Даже мое прошлое отступило на задний план. Для меня существовал лишь Лорен, звезды у нас над головой и заколдованный сад, в котором обычно устраивались чаепития с танцами.

Все же своевременно, пока я окончательно не забыла, кто я такая, проснулось мое благоразумие, и я освободилась из его рук.

— Что случилось? — удивленно спросил Лорен. — Неужели я случайно наступил вам на ногу? Если да, то извините.

Я покачала головой, подыскивая слова. Ничего на свете мне не хотелось больше, чем протанцевать с ним целую ночь, пусть даже я по-прежнему не умела танцевать. Однако тогда мое отсутствие в балхаусе, конечно же, уже заметили бы.

— Я... мне нужно возвращаться в...

— Пожалуйста, оставайтесь еще на минутку! — воскликнул Лорен. — Вы же не можете просто взять и оставить меня, как Золушка своего принца.

— Золушка?

Этой сказки я не знала. «Красный дом» был не тем местом, где рассказывают сказки.

Элла тоже не очень любила рассказывать истории, она предпочитала переживать все сама.

Лорен спрятал руки в карманы брюк и улыбнулся мне:

— Не говорите, что не знаете этой сказки!

Я покачала головой.

— Тогда я должен буду рассказать ее вам в следующий раз, когда мы встретимся.

— Но...

Неужели я действительно это услышала? Неужели то, что происходит со мной, — это правда?

— Или вам не понравилось?

— Конечно, я имею в виду, мы ведь только...

У меня перехватило дух. Он хотел опять меня увидеть! Конечно, Лорен мог бы это сделать, когда снова пришел бы в балхаус, однако он, конечно, подразумевал совсем другое.

— А что с вашими спутницами? Вы же не сможете уйти тайком от них.

Улыбка исчезла с лица Лорена, и оно приобрело тоскливое выражение.

— Но ведь сегодня мне это удалось, не так ли? И кроме того... Не о каждом человеке можно судить по его внешнему виду. Берлин — город артистов. Очень многие люди хотят выглядеть более значительными, чем они есть на самом деле. Неужели вы и вправду верите, что все, кто появляется здесь в блестящих платьях, богаты? У многих из них есть всего один выходной костюм, и этот костюм они надевают, идя в танцзал. Они веселятся, забывают о времени и тратят деньги — чтобы затем вернуться в свою мрачную съемную квартиру.

— А причем тут ваши спутницы? — спросила я, потому что он не ответил на мой вопрос.

— Такой человек, как я... От меня в буквальном смысле слова ожидают, что я постоянно буду встречаться с новыми людьми, и это — часть маскарада, с помощью которого я развлекаю жителей этого города. Но когда маскарад заканчивается, я провожаю девочку домой, целую ее на прощание, а на следующий день привожу новую.

— А что насчет брюнетки? Ее зовут София, не так ли? — У меня не было никакого права задавать ему такие вопросы, и, разумеется, мне тут же стало стыдно. Это заговорило мое сердце, а не разум. — В прошлый раз вы брали ее с собой, а потом очень долго не появлялись в балхаусе. Элла предположила, что это увлечение у вас надолго...

— Да, ее зовут София, — сказал Лорен, опустив взгляд. — И я полагал, что смогу надолго связать с ней свою судьбу. Но, к сожалению, вскоре мне довелось узнать, какой она человек на самом деле. Если выходишь в свет с женщиной всего один раз, можно создать себе иллюзию, что она прекрасна, когда же видишь ее потом много раз, то начинаешь обращать внимание на ее недостатки. — Он посмотрел на меня, и, хотя его глаза были как бы в тени, его взгляд, казалось, обжигал мою кожу. — Честно говоря, меня насторожило ее поведение по отношению к вам, — признался Лорен. — Это было возмутительно, я до сих пор злюсь на себя за то, что не поставил ее тогда на место.

Я покачала головой:

— Ничего страшного, я привыкла к тому, что некоторые люди считают нас дикарями.

— Но мы ведь живем не во времена Средневековья. Будучи культурными людьми, мы должны уважать друг друга, независимо от того, откуда мы родом. Никто не может сам выбрать себе колыбель, это определяется Богом.

Лорен взял меня за руку:

— Вы красивая женщина и заслужили счастье, а не оскорбления. Я обещаю вам, что больше никогда не допущу, чтобы кто-нибудь вас обижал.

В тот момент я даже не спрашивала себя, как он собирается это сделать. Ведь он не находился рядом со мной постоянно. Но я наслаждалась мыслью о том, что меня уважают.

— Итак, что вы скажете? Есть ли шанс нам снова увидеться? Я очень хотел бы узнать все о вас и о вашей родине. Сайгон, должно быть, прекрасный город.

Я кивнула:

— Да, так оно и есть. И мы определенно увидимся снова. Ну, разве что вы смените балхаус.

— Я имел в виду за его пределами.

Я была рада, что мои предположения оказались верными. Но сомнения все же не перестали меня одолевать. Неужели у Лорена действительно серьезные намерения? А не было ли у него скрытых мотивов?

И, кроме того, как мне удастся утаить это от Эллы и фрау Кюнemann? Элла ведь сама положила глаз на Лорена, а хозяйка не хотела, чтобы посетители слишком сближались с ее сотрудницами.

— И там тоже, — тем не менее услышала я свой голос и опустила глаза.

Я не хотела, чтобы Лорен видел, что сейчас происходит в моей душе.

— Я очень рад, — ответил он с легким поклоном, поцеловав мою руку, и снова отпустил ее. — И подумайте о моем друге. Он определенно будет счастлив познакомиться с вами!

С этими словами Лорен повернулся и побрел через двор в сторону улицы.

Когда я вернулась в дом, на душе у меня было удивительно легко.

Неужели так чувствуешь себя, когда влюблена? В любом случае я была счастлива и в это мгновение даже не вспоминала о том, что мне пришлось вытерпеть от мужчин в «Красном доме».

И все-таки я быстро вернулась в реальность. Мне надо было снять платье и лечь в постель так, чтобы Элла ничего не заметила. Я снова тихонько пробралась туда, где оставила свои вещи, и переоделась. С платьем под мышкой я проскользнула в нашу комнату.

Когда Элла повернулась в кровати, я испуганно замерла, но она лишь застонала и продолжала храпеть. Я быстро спрятала платье под кроватью, разделась и улеглась в постель.

Правда, сразу уснуть мне не удалось. Все мое тело горело. И при этом мы с Лореном даже ни разу не поцеловались! Снова и снова перед моим мысленным взором всплывала картина: мы с Лореном танцевали. Это видение стояло передо мной до тех пор, пока сон не принял меня в свои объятия и не начал исполнять со мной танец моей мечты.

## 14

— Ах ты, боже мой, быть этого не может!

Ханна остановилась и стала восторженно рассматривать старый дом с маленьким балконом, построенный, наверное, еще в девятнадцатом веке.

Война и время пощадили фасад, но цвет штукатурки был другим. В подвальном этаже было фотоателье, а наверху, за старыми окнами, украшенными симпатичными гардинами, находились квартиры.

— А что это за дом? — спросила Мелани, пытаясь мысленно перенестись из наших дней в дикие двадцатые прошлого века.

— Я думала, что он не пережил войну. Однако он еще стоит, — ответила Ханна, всматриваясь в окна верхних этажей. При этом ее взор прояснился.

— Там, наверху... Он жил там.

— Лорен?

Ханна кивнула:

— Да. Он снимал там комнату у своего друга. Уже тогда здесь было фотоателье.

Мелани прочла надпись на оконном стекле: «Фотостудия Геррманн, время работы с 9 до 18 часов».

— Это к нему тебя отправлял Лорен? — спросила она.

Ханна снова кивнула:

— Да. И ты, конечно, думаешь, что я приняла это предложение. Должна признать, не без внутренней борьбы, но я действительно там появилась.

Звон дверного колокольчика прервал ее слова. Навстречу им вышла молодая женщина. У нее были коротко стриженные волосы, окрашенные в ярко-рыжий цвет. Широкий свитер скрывал контуры ее тела, но джинсы плотно обтягивали худые ноги. В левом ухе болталась огромная серьга, правое было украшено серебристыми шариками. Глаза у женщины были серо-голубыми, как и небо у них над головами.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

Ее взгляд перебегал с Мелани на Ханну. Очевидно, ей бросилось в глаза, что обе женщины слишком долго стояли перед домом.

— Может быть, вы интересуетесь квартирой?

— Нет, мы просто гуляли и увидели этот дом, — ответила Мелани, а Ханна добавила:

— Я удивилась тому, что этот дом до сих пор существует. Я бывала здесь в прежние времена.

По взгляду молодой женщины было видно, что она пыталась определить, насколько далекими были «прежние времена».

— Да, с тех пор прошла целая вечность, — опередила ее Ханна. — Уже тогда здесь находился фотомагазин.

Незнакомка кивнула:

— Да, я получила его в наследство от деда. А он, наверное, от своего деда. Желание фотографировать, похоже, заложено у нас в генах.

Она засмеялась, а потом зябко сложила руки на груди. На улице дул довольно прохладный весенний ветер.

Ханна взглянула на Мелани, и та ободряюще ей кивнула.

— Скажите, а вашего прадеда, случайно, звали не Хэннингом Вильниусом? И не был ли он модным фотографом? — поинтересовалась Ханна.

Брови молодой женщины моментально устремились вверх.

— Да, это он! А откуда вы знаете, что он был модным фотографом?

— Он меня фотографировал. Еще тогда, когда я была молодой.

— Неужели?

Какое-то время женщина удивленно рассматривала Ханну, затем на ее лице появилась широкая улыбка и она протянула руку Ханне и Мелани:

— Меня зовут Николь Симон. Фамилия Вильниус была у моей матери, а затем она

вышла замуж... Но это вам, конечно, не интересно.

Ханна искренне улыбнулась ей:

— Любая история заслуживает того, чтобы ее рассказали. Меня зовут Ханна де Вальер, а это моя правнучка Мелани Зоммер.

— Хотите зайти в дом и выпить со мной чашку чая? — спросила Николь. — У меня была намечена встреча, но она не состоялась, и в настоящий момент, кажется, никто не горит желанием сделать фотографию на паспорт. Кроме того, не каждый день встречаешь людей, которые знали твоего прадедушку.

— Если это не причинит вам неудобств, — ответила Ханна.

— Нет, нисколько!

Николь отступила на шаг в сторону и жестом пригласила их войти.

Ханна бросила быстрый взгляд на Мелани, а затем осторожно пошла по ступенькам вверх. Правнучка последовала за ней.

Хоть снаружи дом почти не изменился, внутри за прошедшие годы произошло много перемен. Обстановка была ультрасовременной. В стеклянной витрине были выставлены искусно украшенные рамки, и везде висели фотографии, с которых улыбались супружеские пары, женщины и дети. Это были портреты, которые люди дарили друг другу на Рождество или на день рождения.

Николь провела гостей мимо темной ниши, которая предназначалась для фотографирования, а затем по коридору, в котором на полках были выставлены различные реквизиты.

Мелани сразу же узнала белоснежный мех, на котором был сфотографирован один из младенцев.

За коридором находилась кухонька, дверь напротив с надписью «Лаборатория» была закрыта. Кухонька была узкой, между маленькой плитой и шкафчиком стоял небольшой стол и два белых стула.

Николь включила электрочайник и достала из шкафа три чашки.

— Какой чай вы любите — зеленый или фруктовый?

— Я полагаюсь на ваш выбор, — ответила Ханна.

Женщина-фотограф вытащила из упаковки три чайных пакетика и положила их в чашки.

— Мой прадед является нашей семейной легендой. Когда ему исполнилось девяносто девять лет, он тихо ушел от нас во сне. Это случилось в прошлом году. Он до последних дней время от времени сам проявлял фотографии в лаборатории.

Мелани взглянула на Ханну и заметила в ее глазах сожаление при сообщении о том, что Хэннинг умер.

— А ему нравилось, как модернизировали магазин? — спросила девушка, видя, что ее прабабушка погрузилась в воспоминания.

— Думаю, да. Он всегда настаивал на том, чтобы мы покупали новую мебель. Иногда даже не верилось, что он уже так давно живет на свете. — На лице Николь появилась грустная улыбка. — Мне так его не хватает. Он, правда, немного ворчал по поводу того, что у него всего одна-единственная внучка, но зато очень любил меня. Смотреть, как он хранил и поддерживал в порядке старые фотоаппараты и даже делал с их помощью снимки, было равносильно путешествию во времени. Несмотря на любовь к прогрессу, мой прадед оставался верен тому, чему когда-то научился.

При этих словах Ханна тоже улыбнулась:

— Да, Хэннинг уже тогда был очень прогрессивным человеком. И я могу понять, почему он дорожил прошлым. С определенного возраста начинаешь считать жемчужины, которые выстраиваются друг за другом, образуя ожерелье жизни.

— А как вы были связаны с моим прадедом?

— У вашего прадеда и у меня был общий друг. И он пригласил меня сюда, в фотоателье, чтобы сфотографировать. Тогда мне было всего девятнадцать лет.

Ханна тихо улыбнулась. Казалось, она до сих пор очень хорошо помнила день, когда была сделана та фотография. Вдруг у Николь появилась идея.

— Прадед сохранил многие старые фотопластинки и самые первые снимки, сделанные на фотобумаге. Если вы помните, в каком году он вас фотографировал, я могла бы их поискать.

В этот миг закипел электрический чайник и немного погодя сам выключился.

— В тысячу девятьсот двадцать седьмом году, — ответила Ханна. — Неужели вы действительно верите в то, что он сохранил эти фотографии?

— А почему бы и нет? — весело ответила Николь. — Мой прадед очень любил свои снимки.

С этими словами она встала и налила воду в чашки. Затем женщина-фотограф исчезла в своем ателье.

— Милая девушка, правда? — обратилась Ханна к Мелани, когда Николь вышла. — И у нее глаза Хэннинга. Так приятно видеть, что от него что-то осталось.

— А ты знала, что произошло с ним потом?

Ханна покачала головой:

— Нет, после того как я покинула Берлин, я потеряла с ним контакт. Очевидно, он нашел себе женщину, и у них родились дети. Я от Хэннинга такого не ожидала: мне казалось, что он женат на своих фотоаппаратах. Но как ты видишь, на каждый горшок найдется крышка.

— Значит, ты действительно здесь бывала.

Мелани дрожала от нетерпения, так ей хотелось, чтобы бабушка продолжила свою историю.

— Да, бывала.

## 15 Берлин, 1927

Я была не уверена, стоит ли это делать, но тем не менее отправилась по адресу, который дал мне Лорен. При этом у меня и в мыслях не было, что я стану знаменитой фотомodelью, просто мне нужны были деньги. Я не знала, сколько платят за фотографию, но по тому, каким тоном Лорен сделал мне это предложение, я поняла: дело стоящее. А я считала каждый пфенниг.

Конечно, я очень нервничала, потому что не имела ни малейшего понятия о том, что меня ожидает. С холодными как лед руками, на дрожащих ногах я брела по Торштрассе. Элле я сказала, что мне нужно на минутку сбегать в магазин, чтобы купить нитки. Правда, они у меня еще не закончились, но моя соседка по комнате не особо интересовалась содержимым моей шкатулки с принадлежностями для шитья.

Гораздо больше меня беспокоило то, что я ее обманывала. Если Элла узнает, что я пошла в фотостудию одна, то потом будет упрекать меня за то, что я не подумала о ней. И,

наверное, обидится на меня на веки вечные.

Очутившись наконец перед этим домом, я убедилась, что Лорен — честный человек. Это была не ловушка, а настоящая фотостудия. На витрине висела табличка, обрамленная цветочками, и на ней было написано: «Хэннинг Вильниус, фотограф».

Рядом висели и стояли многочисленные снимки, на которых были запечатлены супружеские пары, дети или респектабельные господа в старомодных костюмах.

И вдруг я снова вспомнила Тхань: однажды мы побывали с ней в одном из фотоателье Сайгона. Собственно говоря, мы прижались тогда носами к витрине фотостудии, и нас заметил и пригласил внутрь фотограф-француз. Он спросил нас: может быть, мы хотим, чтобы он нас сфотографировал? Он сказал, что мы «прекрасно выглядим», и, преодолев страх, мы согласились. Фотографию, которую подарил нам фотограф несколько дней спустя, я спрятала дома и не взяла с собой, когда сбежала. Потом я очень об этом пожалела, потому что благодаря этому снимку Тхань всегда была бы со мной.

Еще какое-то время я постояла в нерешительности, но затем набралась мужества. Мне было все равно, что скажет фотограф; даже если он меня прогонит, я ничего не потеряю. Тогда я просто вернусь к своей работе, ничего никому не скажу и в конце концов забуду об этом.

Итак, я преодолела две ступеньки и вошла в помещение под звон колокольчика.

Не успел этот звук стихнуть, как в ателье появился человек, которому на вид было лет двадцать. Его светлые волосы были разделены пробором и напояжены. Рубашка, жилет и галстук были чистыми, опрятными, а брюки гольф плотно прилегали к гетрам.

— Что вы хотели, уважаемая дама? — спросил он.

Мне показалось довольно странным то, что он назвал меня дамой. До сих пор так ко мне не обращался даже Лорен.

— Э... меня прислал Лорен. Я... Я Ханна.

Молодой человек взмахнул руками:

— Так это вы! Лорен рассказывал мне о вас, но умолчал о том, как вы выглядите. Ох уж этот старый лис!

Я оробела. Неужели моя внешность его разочаровала?

— Если я вам не подхожу, то я уйду, — сказала я, однако Вильниус удержал меня.

— Нет-нет, вы меня вполне устраиваете. Просто мне бы хотелось, чтобы Лорен выражался точнее. Ну ладно. Меня зовут Хэннинг Вильниус. А вы родом из Индокитая, не так ли?

Я кивнула:

— Из Сайгона.

— Из Сайгона! — повторил молодой человек, вновь театрально вскинув руки. — Там, наверное, чудесно! Что же занесло вас из рая в столь неприветливую и печальную серую местность?

— Иногда рай перестает быть раем, — ответила я, надеясь, что такое объяснение его удовлетворит.

— Мне нравится, когда в женщинах есть загадка, — лукаво сказал Хэннинг.

Друг Лорена провел меня за занавеску, где стояли лампы и штатив. У стены было несколько ящиков. Я предположила, что там хранится реквизит, которым любили пользоваться фотографы. В стороне стояла вешалка для одежды. Висящие там платья сияли яркими красками или блестели, как звездное небо. Там же лежали боа из перьев,



всевозможные платки и повязки на голову.

— Давайте посмотрим, — сказал Хэннинг Вильниус и подошел к одному из ящиков. — Ваша внешность больше подходит для показа вечерних мод. Минуточку...

Он отодвигал одно платье за другим, затем выбрал одно из них и вытащил его вместе с вешалкой. Я пришла в ужас, увидев, что оно красного цвета — из шелка или сатина, узкое, с широким вырезом.

Я окаменела. У меня перед глазами вдруг снова возникла Ариана, подающая мне красное платье, в котором меня продали с аукциона.

Мой желудок сжался, когда Хэннинг повернулся и протянул платье мне:

— Наденьте-ка его. Там сзади есть ширма.

Я медлила.

— А у вас нет... ничего другого? — испуганно спросила я.

Мое сердце билось так часто, словно готово было выскочить из груди.

— А зачем? — спросил фотограф. — Я считаю, что вам очень идет красный цвет. И, кроме того, это — одна из новейших моделей, которые я получил. Долго это платье здесь не провисит, завтра посыльный снова заберет его.

Я чуть не расплакалась, когда Хэннинг Вильниус нетерпеливо фыркнул.

— Ну ладно, нет, так нет.

Он отнес платье к ящику. Я была уверена, что сейчас он меня прогонит. Так мне и надо. Зачем я вообще пришла сюда? Мне не нужна фотография для модного журнала! У меня есть рабочее место в балхаусе, Элла и тайна — о том, что я танцевала с Лореном в саду. Это было гораздо больше, чем то, на что я надеялась всего пару месяцев назад!

— Тогда... Тогда я, наверное, лучше пойду, — сказала я и повернулась к двери.

— Стойте! — сердито крикнул мне Вильниус. — Вы что, думаете, что уйдете отсюда без единой фотографии? У меня есть еще много платьев, и следующее, которое я вам подберу, вы обязательно наденете! Обещаю, что ни вы, ни я об этом не пожалеем! Такая красавица, как вы, конечно, должна быть привередливой, не так ли?

Я робко остановилась, но все же смотрела на дверь, борясь с собой. Этот человек, собственно, не имел права мне приказывать, однако мне не хотелось, чтобы Лорен разозлился на меня, потому что я рассердила его друга.

Фотограф снова побежал к вешалке и стал передвигать одно платье за другим, проверяя маленькие таблички, прикрепленные к ним. В конце концов он выбрал еще одно платье.

— Вот, как вам это? Все это — вечерние платья, самые лучшие из них я уже сфотографировал.

Он держал передо мной платье кремового цвета с длинной блестящей бахромой.

— Оно вам тоже подойдет. Или у вас есть возражения и против этого наряда?

— Нет, конечно, — быстро ответила я и взяла платье у него из рук.

— Отлично. Тогда идите за ширму и переоденьтесь, а я пока займусь освещением.

Несмотря на то что занавеска была такой плотной, что снаружи действительно ничего не было видно, я все же, раздеваясь, испытывала чувство страха. Вечернее платье приятно холодило мою кожу и было гладким на ощупь. Оно было еще красивее, чем то, которое подарил мне Лорен.

Выйдя из-за ширмы, я бросила взгляд на свои ноги. Туфли, которые были на мне, абсолютно не подходили к этому платью. Хэннинг тоже заметил это, и всего через несколько минут я уже стояла перед ним в босоножках кремового цвета на небольших

каблуках. Вильниус попросил меня причесаться и дал мне повязку из своего сундука с реквизитом. Затем он посадил меня перед занавеской, на которую направил несколько прожекторов.

В тот день после обеда я узнала, сколько времени нужно, чтобы такой человек, как Хэннинг Вильниус, остался доволен. Снова и снова он что-то поправлял на мне, осторожно двигал мое плечо назад, а подбородок вперед. Я казалась себе одной из кукол-манекенов, и через некоторое время у меня появилось ощущение, будто я растянула себе все мышцы.

Наконец Хэннинг остался доволен.

— Хорошо. Все схвачено! — провозгласил он и отключил несколько прожекторов. — Подождите минутку, я принесу вам гонорар. Поскольку вы вели себя послушно, я заплачу вам пятьдесят марок.

Я все еще не решалась глубоко вздохнуть. Пятьдесят марок! Чтобы заработать эти деньги, мне в балхаусе пришлось бы больше чем две недели вешать и снимать пальто с вешалки!

— Вы ведете себя почти как профессиональная модель! — прозвучал еще чей-то голос, и я чуть не упала от испуга.

Я посмотрела в ту сторону. Как давно Лорен стоял здесь и наблюдал за нами? Меня бросило в жар, и вдруг мне стало казаться, что мое платье стало прозрачным.

— Разве она не прекрасна? — обратился Лорен к Вильниусу, который как раз прятал купюры в конверт. — Признайся, что я сделал хороший выбор.

— Да, она действительно мила. Однако у нее, очевидно, аллергия на красный цвет. Она наотрез отказалась надевать шелковое платье, которое необычайно ей шло.

Фотограф поднял брови и посмотрел на меня строгим взглядом:

— Если вы хотите сделать карьеру в мире моды, вам придется привыкнуть носить то, что вам дают. Даже если это пивная бочка!

Против пивной бочки я бы не возражала, меня смущало только красное платье.

Как же мне хотелось в тот момент объяснить, откуда у меня появилось такое отвращение! Однако никто не должен был узнать о моем прошлом.

— Это правда? Вы не любите красный цвет?

— Дело не в цвете, а в платье...

Вильниус фыркнул:

— Тсс, я знаю женщин, которые отдали бы все на свете, лишь бы надеть это платье. А теперь скажите, как я смогу надеть это платье на другую женщину, если уже представил в нем вас?

— Я очень сожалею, но... Я не могу его надеть.

Лорен рассмеялся:

— Вот они, женщины! А у этой мадемуазель явно есть все шансы стать настоящей дивой! Только обязательно оставайтесь такой, какая вы есть, не надевайте на себя лохмотья. Вот увидите, как только вы станете разборчивой, фотографам придется с этим считаться.

— Или указать вам на дверь, — вставил Вильниус.

— Да ладно. Никто, у кого есть мозги, не выставит за дверь такую красавицу!

Постепенно меня стала раздражать лесть Лорена. Я хотела быстрее снять это платье и беспомощно повернулась к Вильниусу, который в это время возился с камерой.

— Я могу... снова переодеться? — спросила я со страхом.

Мое сердце билось часто-часто, и я не знала, происходит это от смущения или от того,

что Лорен не спускает с меня глаз.

— Конечно, можете! Но ничего не порвите!

Я пообещала ему, что буду осторожной, и исчезла за ширмой. Там я закрыла глаза и глубоко вздохнула. Я уже начинала думать, что это было ошибкой — прийти сюда. Но вместе с тем все здесь казалось настоящим. Если не обращать внимания на странную позу и мундштук для сигареты, происходящее доставило мне удовольствие. И если быть честной, мне даже понравилось, как работает этот фотограф. Он, казалось, был несколько грубоватым, но тем не менее дружелюбным человеком.

Снимая платье, я слышала, что мужчины говорят между собой, но даже не пыталась понять, о чем идет речь.

Когда я снова появилась из-за ширмы, я сама себе показалась очень плохо одетой. По сравнению с платьем, которое я осторожно отдала Вильниусу, то одеяние, которое было на мне сейчас, казалось грубым и жалким.

— Большое спасибо за то, что вы меня не выгнали, — сказала я, пытаюсь не обращать внимания на Лорена, хотя его присутствие невозможно было игнорировать.

— Да ладно. Может быть, одна из сегодняшних спутниц Лорена захочет надеть это красное платье. Ты ведь пойдешь сегодня в балхаус, не так ли?

Взглянув на Лорена, я заметила, что у него несколько смущенный вид. А я... Я вдруг почувствовала ревность. По крайней мере мне показалось, что это была ревность — чувство, которое охватило меня при мысли о том, что Лорен мог присылать сюда и других девочек. Это чувство было похоже на то, что я испытала, когда он в прошлый раз появился в балхаусе с двумя новыми спутницами и отдал мне свое пальто.

— Посмотрим, повезет ли мне сегодня, — уклончиво ответил Лорен.

Однако я была уверена, что сегодня вечером он снова явится под руку с двумя женщинами. И это очень сильно разочаровало меня. Но почему? Я была всего лишь маленькой гардеробщицей и к тому же дурочкой, если думала, что он интересуется мной. Наш танец и то, что он мне рассказал, для него, конечно, было просто игрой.

— Тогда я, наверное, пойду. Была рада познакомиться с вами, господин Вильниус!

— Зовите меня просто Хэннинг. Вот ваш гонорар. — Он протянул мне конверт. — Я очень надеюсь, что это не последняя наша встреча.

Фотограф подмигнул мне и подал руку, а затем отнес платье на вешалку. Лорен проводил меня до двери.

— Я действительно очень рад, что вы приняли мое предложение.

Я кивнула, но чувствовала себя при этом не очень хорошо. Неужели Лорен не мог остаться у своего друга? Конечно, я не могла сказать ему это, но тем не менее для меня так было бы лучше.

— Мне было любопытно, — ответила я, потому что в голову мне, к сожалению, не пришло ничего иного.

— Вы что, думали, будто здесь опиумный притон?

Лорен от всей души расхохотался, причем при фразе «опиумный притон» я не подумала о Тхань и о наших с ней прогулках по Сайгону.

— Женщинам приходится соблюдать осторожность, не так ли?

— В этом я с вами согласен. Меня удивляет то, насколько вы мудры для своего возраста. Но это, наверное, всегда так бывает, если человек попадает в другую страну и вынужден бороться за место под солнцем на чужбине.

Я увидела в его глазах желание узнать обо мне больше, услышать мою историю. Но даже если бы мы встретились снова и у нас появилась возможность поговорить, я все равно не смогла бы исполнить это его желание.

— Рад был снова вас увидеть, — в конце концов сказал Лорен, поскольку я от смущения не смогла произнести ни слова. — Сегодня вечером вы, как всегда, будете в гардеробе. Я прав?

— Да, — ответила я. Мне казалось, что я вот-вот лопну от напряжения. — Большое спасибо и... до свидания.

Лорен кивнул и галантно придержал дверь. Я пошла вниз по Торштрассе, не оглядываясь, но явно чувствуя, что он смотрит мне вслед.

Лишь оставив фотоателье далеко позади, я заметила, что мой пульс снова успокоился. Я чувствовала какое-то странное смятение, словно бежала по облакам. Что же со мной происходило?

К сожалению, из-за своего душевного смятения я чуть не забыла купить нитки! Что скажет Элла, если я приду с пустыми руками?

Я тут же развернулась и побежала в универмаг. Там я схватила первые попавшиеся дешевые мотки ниток, но очередь к кассе была такой длинной, что я долго стояла, как на раскаленных углях, ожидая, пока подойдет мой черед.

Когда я в конце концов добралась до балхауса, там новые музыканты уже расставляли свои инструменты. Договор со старыми джазменами закончился, и сегодня должен был играть новый оркестр.

— Эй, потише! — жалобно сказал мужчина, с которым я нечаянно столкнулась.

У него чуть не вылетел из рук барабан, который он нес перед собой.

Я пробормотала извинения и исчезла на лестнице. И тут передо мной появилась Элла:

— О великие небеса! Где же ты так долго пропадала? Я уже начала беспокоиться!

— В универмаге было много людей, — ответила я, протискиваясь мимо нее.

При этом мне удалось не посмотреть ей в глаза. Поскольку у меня в руках были бумажные пакеты с мотками ниток, я надеялась, что моя подруга не станет меня расспрашивать. Однако Элла оставалась Эллой.

— Так-так, значит, в универмаге было полно народу... А может, ты встречалась со своим кавалером? — спросила она, идя следом за мной.

Я на ходу сняла с себя плащ и побыстрее направилась в раздевалку. Элла была настолько любезна, что уже достала из коробки мое платье. Наверное, она ожидала, что я все ей расскажу. Но я не хотела говорить о Лорене — тем более она не знала, кто подарил мне платье. А от ее вопросов мне до сих пор удавалось уклоняться.

— Ну, говори же, кто твой таинственный поклонник? — снова начала Элла.

— Ты меня об этом уже спрашивала, — ответила я, сбрасывая с себя одежду и пальцами ноги отодвигая ее в сторону, чтобы надеть зеленое платье.

Этот вечер назывался «Зеленая фея». За это время я узнала, что на балах с таким названием посетителям подавали абсент. Элла утверждала, что этот напиток довел знаменитого художника до безумия и тот отрезал себе ухо.

— Ты не дала мне четкого ответа. Значит, я буду допытываться дальше.

— Я не могу тебе этого сказать. Пока.

Я сделала вид, будто занята застёжкой. Но это не остановило Эллу.

— А когда ты мне скажешь?

— Когда буду уверена, что он действительно мой поклонник. Мы встретились всего один раз, и, может быть, на этом все и закончится.

— Ой, только не это! Ты должна продолжать с ним отношения! — с мольбой воскликнула Элла.

— А что, собственно говоря, происходит? Разве у тебя нет своего кавалера? — попыталась я сменить тему разговора.

Я вообще-то не интересовалась тем, ухаживает ли за Эллой какой-нибудь мужчина, но спросить ее об этом было надежным способом избежать дальнейших расспросов.

Элла отмахнулась:

— Ты же знаешь, все они строят мне глазки, пока я стою за стойкой гардероба, но как только я выхожу из балхауса, они прячутся.

— Я этому не верю, — возразила я, поскольку Элла была симпатичной и к тому же была немного старше меня.

Я была уверена, что некоторым мужчинам она нравилась.

— У тебя ведь определенно уже были поклонники, не так ли?

— Конечно, были! Но они были не то, что надо.

— А кто же то, что надо? Может быть, Лорен?

Высказав это предположение, я, по всей видимости, попала в точку. В любом случае мое замечание заставило Эллу сердито сжать губы.

— Знаешь, давай лучше спустимся вниз. Скоро придут посетители.

— Пожалуйста, извини меня. Я не хотела...

Элла покачала головой:

— Можешь не извиняться. Что есть, то есть. Но я бы обязательно рассказала тебе о своем поклоннике, если бы он у меня был.

— Я тебе тоже, — ответила я ей, потому что была уверена: Лорен просто флиртовал со мной, не имея серьезных намерений.

Сперва мне надо было убедиться в том, что он отдает предпочтение мне, а не кому-либо другому.

Элла испытующе посмотрела на меня, а потом кивнула.

Следующие несколько недель все шло своим чередом. Лорен появлялся со спутницами, и, как правило, каждый раз с новыми. Он болтал с нами и улыбался, но не подавал виду, что особенно мной интересуется. И я начала задавать себе вопрос: неужели мы с ним действительно танцевали и встречались в ателье Вильниуса?

Но, может быть, так даже лучше. Мне не надо будет ничего объяснять Элле и страдать от угрызений совести.

На смену весне пришло лето, и ночи стали теплее. Танцы с чаепитием затягивались до позднего вечера, и многие гости предпочитали оставаться на улице и смотреть, как небо над крышами Берлина окрашивается в розовый цвет и затем надевает темно-синее пальто.

Я накопила немного денег, и мой план вернуться во Вьетнам и разыскать Тхань вполне мог осуществиться. Если я буду зарабатывать так и дальше, то определенно смогу купить билет на корабль до Вьетнама.

Затем наступил август, и не только ночи, но и дни стали очень душными. Поскольку от жары не было спасения, я все свободное время пряталась в нашей комнате и занималась шитьем.

Это было странно. Раньше во Вьетнаме я не испытывала никаких проблем с жарой и

повышенной влажностью, но теперь мне казалось, что я задыхаюсь. Неужели я заболела? Или же я уже привыкла к Германии?

— А вот это тебе придется мне объяснить, моя дорогая фрейлейн! — С этими словами Элла однажды вечером ворвалась в нашу комнату.

От испуга я уколола палец, причем так глубоко, что сразу же появилась большая капля крови. Я быстро отложила шитье в сторону, боясь испачкать ткань, и вопросительно посмотрела на подругу.

— Что случилось?

Меня бросало то в жар, то в холод. Голос Эллы был слишком уж сердитым. Неужели я сделала что-то не так?

Она сняла с плеча свою сумку, открыла ее и что-то вытащила оттуда.

Это был журнал мод, и Элла протянула его мне. У меня появилось нехорошее предчувствие.

— Ты могла бы сказать мне об этом! — сердито заявила Элла и, поскольку я все еще смотрела на нее ничего не понимающим взглядом, открыла журнал, развернув его так, чтобы я могла видеть.

От того, что я увидела, у меня перехватило дыхание. Это была одна из фотографий, которую сделал Хэннинг Вильниус. На ней я смотрела немного в сторону, и с этого ракурса моя прическа выглядела лучше. Платье действительно было великолепным! Только теперь я вспомнила слова Лорена о том, что Хэннинг делает фотографии для журналов мод. Очевидно, редактору была нужна именно моя фотография.

— С каких это пор тебя фотографирует Хэннинг Вильниус? — спросила Элла, оставив раскрытый журнал рядом со мной на кровати.

У меня стало тяжело на душе при мысли о том, что я обманула Эллу.

— Я была у него всего один раз, пару недель назад. Я не думала, что он опубликует эту фотографию.

Элла серьезно посмотрела на меня:

— И ты не рассказала мне об этом? А я была уверена, что мы подруги!

— Извини, пожалуйста. Я... Я не думала, что...

— Что фотография получится? Ну ты даешь! Хэннинг Вильниус — известный берлинский фотограф. Он делает фотографии для «Моденшау» чуть ли не со дня его основания. И теперь в этом журнале есть твоя фотография!

Ее мрачное лицо посветлело от улыбки, а затем она бросилась мне на шею и крепко обняла меня, да так, что я чуть не задохнулась. Элла схватила меня за плечи и отодвинула немного назад, чтобы заглянуть мне в лицо.

— Да ты знаешь, как я горжусь тобой? Ханна из балхауса в журнале «Моденшау»! Теперь, конечно, тебя замучают вопросами.

Я была в смятении.

— Значит... Значит, ты не сердишься на меня?

— Как же, конечно, сержусь, — ответила Элла, смеясь. — Из-за того, что ты скрыла это от меня! Ты должна была сказать мне, что с тобой заговорил сам Хэннинг Вильниус! Когда это было? В тот день, когда ты отправилась за нитками?

Я кивнула, хотя моя совесть требовала открыть ей всю правду. Но тогда, наверное, Элла разозлилась бы еще сильнее. Сейчас она ставила мне в вину только то, что я ничего не рассказала ей о фотографии, и, может быть, злилась не сильно, иначе вряд ли сказала бы

мне, что гордится мной. И я не хотела ничего усложнять.

— Черт возьми, я бы могла в тот день пойти вместе с тобой! Может быть, тогда и я попала бы в «Моденшау». Но, как бы там ни было, я рада за тебя. И когда в следующий раз с тобой произойдет еще что-нибудь такое же великолепное, ты расскажешь мне об этом, правда?

— Конечно, — пообещала я, потому что была уверена: все ограничится одной фотографией.

## 16

— А вот и они, — произнесла Николь Симон, снова появляясь в двери кухни, и поставила на стол какую-то коробку. — Это фотографии с 1925 по 1930 год. В тот период мой прадед был очень недоволен своей работой. Он рассказывал мне, что уничтожил очень много фотографий, потому что они ему не понравились. Остальное довершила война. Может быть, видя этот дом, в это трудно поверить, но во время бомбардировок он очень сильно пострадал. А после войны начались грабежи. Я понятия не имею, для чего солдатам понадобились проявленные фотографии.

— Их, конечно, заинтересовали снимки красивых девушек, — ответила Ханна. — У вашего прадеда был хороший вкус.

По ней было видно, что она волнуется: у нее на щеках появились красные пятна и она беспокойно ерзала на стуле. Мелани спросила себя, не могли ли быть в этой коробке фотографии Лорена? Наверное, он был как-то связан с ее прадедом Дидье, поскольку фамилия у них была одинаковая. В случайности Мелани не верила, и она догадывалась, что история отношений Лорена и ее прабабушки на этом не закончилась. Неужели братья в конце концов рассорились из-за нее?

— Живым примером этого являетесь вы, не так ли? — ответила Николь, открывая коробку.

Запах прошедших лет устремился им навстречу.

— Это как посмотреть, — произнесла Ханна, пожимая плечами. — В молодости я считала себя довольно уродливой. Я восхищалась европейскими женщинами, у которых такие большие глаза.

— А эти женщины, наверное, завидовали вашей изящной фигуре. Я считаю, что в азиатках есть нечто особенное. Я знаю одну японку. Она такая худенькая, что я по сравнению с ней кажусь слонихой.

Николь взяла стопку фотографий и разложила их на кухонном столе. Их взорам предстали женщины в роскошных туалетах и мужчины в строгих костюмах. Дама в платье для чарльстона, дополненном повязкой с украшениями из перьев, и с сигаретой, торчавшей в длинном мундштуке. Это была не Ханна. Очевидно, Вильниус очень любил эту композицию.

— Многие из снимков, которые он делал для модных журналов, были направлены прямо в издательства, — пояснила Николь. — Конечно, это объясняет то, почему с двадцать седьмого по двадцать девятый год здесь осталось так мало фотографий. В то время модные журналы появлялись, словно грибы после дождя.

Ханна утвердительно кивнула и очень осторожно прикоснулась к одной из глянцевых фотографий. Девушке на снимке фотограф подрисовал щеки и губы, а голубое платье казалось немного выцветшим. На другой фотографии он придал волосам женщины красноватый оттенок.

— Ваш прадед отличался тем, что умел волшебным образом придать лицу слегка красноватый оттенок, — объяснила Ханна. — Он всегда очень жалел, что его фотографии в журналах не цветные.

— Да. Представьте, как он ликовал, когда наконец появились фотоаппараты для цветных снимков. Но тем не менее время от времени он делал и черно-белые фотографии. Даже когда мой прадедущка был уже очень старым, он все равно считал, что в каждой фотографии должна быть тайна. Снимок должен быть таким, чтобы над ним можно было сидеть часами, разгадывая, как выглядело платье или какой оттенок был у цветка.

Они посмотрели другие фотографии. Перед их глазами прошли люди разного возраста: мальчики в матросских костюмчиках, девочки с косичками и в изящных платьицах. На одной из фотографий Ханна остановилась.

— Быть этого не может! — прошептала она и поднесла снимок к глазам.

Несколько минут она смотрела на него, ничего не говоря.

— Grand-mère? — произнесла Мелани и вытянула шею, пытаясь рассмотреть фотографию получше.

На снимке был изображен молодой мужчина во фраке. В руке он держал цилиндр вместе с парой белых парадных перчаток. Из нагрудного кармана выглядывал платочек, а в петлице торчал маленький букетик цветов.

Лицо мужчины было очень привлекательным, с выразительными правильными чертами и светлыми глазами. На черно-белой фотографии невозможно было точно определить цвет его волос, но Мелани могла бы поспорить, что волосы у него были светло-русыми. И лишь потом она заметила, что этот незнакомец чем-то походил на ее прадеда.

— Это Лорен? — спросила она, отвлекая прабабушку от размышлений.

Какое-то время Ханна ошеломленно, словно ничего не понимая, смотрела на Мелани, а затем кивнула.

— Да, это Лорен, — ответила она и осторожно перевернула фотографию.

На пятнистой обратной стороне была видна выцветшая надпись «1928 г.».

В этот момент открылась входная дверь.

— Я узнаю, кто это, — весело сказала Николь. — А вы пока посмотрите другие снимки. Но они, казалось, не интересовали Ханну.

— Я прекрасно помню вечер, когда была сделана эта фотография, — тихо сказала она.

Мелани редко видела прабабушку такой растроганной.

— Мы собирались пожениться через два месяца. Хэннинг настоял на том, чтобы сделать своего рода генеральную репетицию свадьбы, и, кроме того, Лорен хотел дать объявление о нашей помолвке. «Чтобы остальные дамы больше не строили напрасных иллюзий», — шутил он. Это был такой прекрасный день...

— Ты и Лорен? Значит, вы собирались пожениться?

— Да.

— А как же ты стала женой Дидье, его брата?

Ханна ничего не ответила. Она смотрела на фотографию, с любовью гладила изображенного на ней мужчину по щекам и вздыхала. В ее глазах стояли слезы.

Мелани не хотела торопить ее. Она бросила взгляд на коробку с фотографиями. Немного позже она нашла еще кое-что. И снова на фотографии был запечатлен Лорен, а рядом с ним, безусловно, была Ханна. Он имел вид уверенного в себе, даже немного высокомерного человека, а она несмело улыбалась, но в ее глазах светилось счастье, которое



она в тот момент испытывала. Мелани гордилась своей прабабушкой. И тут она заметила, что Ханна плачет.

— Grand-mère? — осторожно произнесла девушка, в ответ на что Ханна покачала головой и небрежным движением руки вытерла слезы.

— Ты еще что-нибудь нашла? — спросила она, и Мелани протянула ей носовой платок.

— Да, мне кажется, что это ты. Но если тебя это слишком сильно огорчает...

— Нет, не беспокойся, просто... Когда ты будешь в моем возрасте, многое из того, что происходило в молодые годы, ты будешь воспринимать как нечто нереальное.

Ханна посмотрела на фотографию, на которой она была запечатлена вместе с Лореном.

— Я просто не могу поверить, что когда-то была этой юной девушкой. Робкой, счастливой девушкой, которая в тот момент позволила себе мечтать о будущем. И даже не знала, какие еще удары судьбы ей предстоит вынести.

Больше Ханна ничего не сказала, потому что вернулась Николь. Ее взгляд тут же упал на фотографию.

— Так вы — эта юная дама? — с улыбкой спросила она.

— Да, такой я была когда-то.

— А мужчина?

— Это мой жених.

— Быть этого не может! — Глаза Николь загорелись. — Скажите еще, что у вас нет этой фотографии.

— У меня нет ни одной фотографии тех времен. Мне тогда пришлось довольно поспешно покинуть Берлин, поэтому у меня не было времени забрать ее с собой.

— О, конечно, это понятно. Война... — проговорила Николь с сочувствием. — Хотите я сделаю вам несколько копий с обоих снимков?

— Это было бы прекрасно, — ответила Мелани, прежде чем Ханна успела из скромности возразить.

Девушка была уверена, что ее прабабушка хочет, чтобы у нее были эти фотографии.

— Если это не доставит вам слишком больших хлопот, — добавила Ханна.

Николь отмахнулась:

— Да что там! Я сделаю их на компьютере. Подождите, я сейчас отсканирую фотографии и распечатаю их.

Николь с фотографиями в руках вышла из кухни, а Ханна и Мелани остались наедине с моментальными снимками чужой жизни.

## 17

— Ну что, бродяги, хорошо провели день? — такими словами встретила Елена свою дочь и бабушку.

Тем временем солнце уже садилось, и по Инвалиденштрассе протянулись длинные тени. В окнах на верхних этажах в доме на противоположной стороне улицы отражались вечерние лучи.

Запах аппретуры был уже не таким сильным, да и влажность воздуха была не очень высокой — похоже, Елена проветрила помещение.

— День был прекрасным, — ответила Ханна, сядя на один из стульев в комнате для ожидания. — Однако у меня такое чувство, будто я объехала целый мир. Раньше я пробегала эту дистанцию по десять раз на день, даже не запыхавшись.

— Ты что, действительно заставила свою прабабушку обойти пешком весь город? — спросила Елена у дочери.

— Конечно, нет, — ответила Мелани. — Время от времени мы пользовались метро. Но день на самом деле был очень содержательным. — Она бросила многозначительный взгляд на Ханну.

— Кроме того, я настояла на том, чтобы по всем памятным местам мы прошли пешком. О, я чувствовала себя так, словно мне снова было двадцать лет!

— В душе тебе по-прежнему двадцать, — со смехом ответила Елена.

Она сняла с себя халат и повесила его на крючок у двери.

— Итак, чего желаете? Я не отпущу вас, не покормив!

Когда зазвонил дверной колокольчик, женщины одновременно повернулись на звук.

— Катя! — воскликнула Елена, а затем посмотрела на дочь.

Мелани испуганно глядела на мать Роберта, чувствуя себя так, словно ее застали за каким-то запретным занятием. Девушка посмотрела на Елену, у которой тоже был несколько удивленный вид.

— Извините, что врываюсь без предупреждения. Я как раз из клиники.

— Есть какие-то новости? — В голосе Елены прозвучало беспокойство.

— Нет. Я, собственно, всего на минутку.

Взгляд Кати упал на Мелани. Она явно не ожидала встретить ее здесь.

— Мелани, ты вроде бы хотела побывать в клинике? — вьедливо произнесла женщина.

— Я могу взять тебя с собой, все-таки посетителей по-прежнему пускают до восьми часов.

— Нет, я... Сегодня я не хочу идти в клинику, — ответила Мелани, чувствуя, что ее бросает то в жар, то в холод.

Она проклинала себя за нерешительность. Девушка вдруг пожалела о том, что вернулась в Берлин. Но откуда она могла знать, что Катя появится в мастерской у ее матери?

— Вот как, — сказала Катя, и ее взгляд стал колючим. — А ты вообще собираешься там показаться? Или ты взяла отпуск на пару недель?

— Катя, — многозначительно сказала Елена, однако та ее не слушала.

— Как-никак твой жених лежит в больнице.

— Я об этом не забыла, — ответила Мелани. — Но сегодня я сопровождаю свою прабабушку.

— Мелани привезла меня сюда, — сказала Ханна, холодно улыбнувшись. — Нас еще не представили друг другу. Я Ханна де Вальер, прабабушка Мелани. А вы мать Роберта, не так ли? Ваш сын очень достойный и милый молодой человек.

Катя удивленно уставилась на Ханну.

Мелани знала, что Катя, собственно, нацелилась на нее, но Ханна сбила ее с толку.

— Катя Михаэлис, — несколько сухо представилась она. — Роберт рассказывал мне о вас.

— Надеюсь, только хорошее. В моем возрасте уже нельзя позволить себе иметь плохую репутацию.

Улыбка Ханны стала шире, однако Мелани почувствовала ее нервное напряжение. Обычно Ханна смеялась, если шутила. Сейчас же она пристально смотрела на Катю.

К сожалению, замешательство Кати длилось недолго. Словно бык, увидевший красную тряпку тореро, она снова направила взгляд на Мелани:

— Итак, когда ты думаешь снова показаться в больнице?

— Скоро, — пообещала девушка и бросила растерянный взгляд на Елену.

Разговор каждую секунду мог выйти из-под контроля. Катя была решительно настроена не позволить ни Елене, ни Ханне помешать ей продолжать осыпать Мелани упреками.

— Скоро... — насмешливо повторила мать Роберта. — Может быть, скоро тебе придет в голову расторгнуть помолвку? Наверное, это будет наиболее разумным решением. Нельзя ожидать, что ты свяжешь свою судьбу с мужчиной, который находится в коме.

Мелани с ужасом посмотрела на нее. Ей никогда бы даже в голову не пришло разорвать помолвку с Робертом.

— Я не хочу ничего отменять! — возразила она и рассердилась на себя за то, что ее голос прозвучал так растерянно.

Но еще больше девушка разозлилась на Катю. Слезы навернулись ей на глаза, а слова тугим комком застряли в горле.

— С чего вы взяли? Как вы можете так думать?

— Катя, наверное, тебе лучше уйти, — холодно вставила Елена. — Никто ничего не собирается отменять, и Мелани снова будет навещать Роберта, но в настоящий момент это невозможно, мы ведь с тобой уже об этом говорили.

Но и после этих слов Катя не успокоилась. В ее глазах появился гневный блеск.

— Подумай, — продолжала она, как будто не слыша слов Елены. — Ты ведь, конечно, снова хочешь путешествовать по всему свету, а не сидеть у кровати калеки, разве я не права? Оставь его в покое, и тогда тебе не придется наступать себе на горло, ты сможешь жить так, как раньше. Может быть, Роберт никогда больше не очнется.

— Придержите-ка язык! — вмешалась в разговор Ханна.

В этот момент ни по ее голосу, ни по ее виду нельзя было сказать, что ей девяносто шесть лет. Злость заставила ее тело напрячься, и вдруг она показалась выше ростом.

— Моя правнучка не забыла, что ее жених лежит в больнице, и она, конечно, снова будет выполнять свои обязанности и посещать его. Но она впервые за несколько месяцев сделала перерыв! Может быть, вам следовало бы взять с нее пример?

— Это мой сын лежит там и...

Ханна жестом заставила ее замолчать, а затем указала на Мелани:

— Вы когда-нибудь видели, как она по ночам плачет из-за несчастья, случившегося с вашим сыном? Вы заметили, как сильно она изменилась? Силы Мелани на пределе, и если вы сейчас скажете, что вы сами прекрасно выдерживаете эту нагрузку, то вы не можете ожидать, что Мелани перенесет ее точно так же.

— Но ведь я старше, чем она, — возразила на это Катя.

— Пусть даже и так, к делу это не относится! Неужели вы действительно хотите, чтобы моя правнучка сломалась из-за этого происшествия?

— Происшествия?

— Да, а чего же еще? — сердито и громко сказала Ханна. Ее лицо стало белым как мел. — Обстоятельство, несчастье, несчастный случай, как это ни назови — все равно получается одно и то же! Если с Мелани что-нибудь случится, она уже ничем не сможет помочь вашему сыну! И я не могу себе даже представить, чтобы Роберт хотел видеть ее больной!

Катя открыла рот, но не могла вымолвить ни слова. Мелани еще никогда не видела ее такой растерянной.

— Кроме того, это неслыханная наглость с вашей стороны — говорить о разрыве! Неужели судьба вашего сына сделала вас такой жестокой, такой бесчувственной, что вы

собираетесь давить на Мелани, чтобы добить ее? Она, видит Бог, никоим образом не виновата в том, что он находится в таком состоянии. И ничего из того, что делаете вы или Мелани, не вернет сознание вашему сыну. Из комы может выбраться только он сам. Поверьте мне, я знаю, о чем говорю.

Ханна сердито смотрела на Катю, дрожа всем телом. У матери Роберта отхлынула кровь от лица. Слезы блестели у нее на глазах.

— Бабушка, пожалуйста... — взволнованно начала Елена, однако Ханна еще не закончила.

— И, чтобы вы меня правильно поняли, добавлю: никто не говорит о том, что вы плохая мать, — продолжила она все еще строгим голосом, но затем произнесла примирительным тоном: — Вы делаете очень много, и я сама как мать знаю, что вы чувствуете! Но тем не менее не сомневайтесь в Мелани. Она любит вашего сына и сделала этот перерыв, чтобы побыть у меня, не для того чтобы развлечься. Ей просто нужно немного успокоиться, чтобы у нее снова были силы продолжать приходить к Роберту. Так что в следующий раз думайте о том, что хотите сказать, прежде чем незаслуженно обижать людей!

Несколько минут женщины смотрели друг на друга. Ханна тяжело дышала. Она все еще дрожала и была очень бледной.

В глазах Кати блестели слезы. Она ничего не сказала. Вместо этого она резко повернулась и выскочила из магазина под звон дверного колокольчика.

— Grand-mère, с тобой все в порядке?

Вопрос Мелани прервал неловкую тишину, которая последовала за уходом Кати. Ханна продолжала тяжело дышать. Ее взгляд был направлен на дверь. Он был каким-то странно отрешенным. Рука, лежавшая на палке, дрожала.

Беспокойство, словно огненный шар, взорвалось у Мелани под ложечкой.

— Grand-mère? — испуганно позвала она и схватила прабабушку за руку.

— Все хорошо, дитя мое, — отозвалась наконец Ханна и погладила свободной рукой пальцы Мелани. — Я не привыкла к такому волнению. Последний раз я так громко разговаривала лет тридцать назад. Тогда я читала мораль вьетнамскому партийному функционеру, когда он хотел запретить поставку тканей для моего магазина.

Она повернулась к Елене:

— Я рада, что моя дочь так хорошо воспитала тебя и ты не такая, как эта женщина.

— Катя очень волнуется за Роберта. Когда я с ней познакомилась, она была другим человеком.

— Да, в трудные времена люди показывают свое настоящее лицо, не так ли? Ты знала, что она придет?

Елена покачала головой:

— Нет. Если бы я знала об этом, то посоветовала бы вам сделать еще один круг вокруг квартала. Я слишком хорошо знаю, какого мнения Катя о тайм-ауте, который взяла Мелани.

Мелани смущенно дергала себя за рукав, что-то поправляя. Этот бой она должна была выдержать самостоятельно. Одна. Но от слов Кати ее словно парализовало. И снова в душе девушки проснулись сомнения. Действительно ли она делала достаточно для Роберта?

— Идем, дитя мое, — сказала Елена и обняла дочь за плечи. — Сейчас мы поедем. Тут неподалеку есть вьетнамский ресторанчик, в котором готовят прекрасные рулеты.

После того как моя фотография была напечатана в журнале «Моденшау», для меня все изменилось. Мне казалось, будто я сижу на карусели, которая вертится все быстрее и быстрее. Конечно, некоторое время я еще продолжала работать в балхаусе и жить там, однако приглашения на фотосессии от Хэннинга Вильниуса стали чаще. Дизайнеры мод буквально вырывали меня друг у друга. Они хотели, чтобы я фотографировалась в их платьях, чего я не могла понять, поскольку считала, что немецкие женщины со светлыми волосами и голубыми глазами выглядели гораздо красивее, чем я.

— Ах, что ты говоришь! — воскликнул Хэннинг, когда на очередных съемках я спросила его, почему эти люди хотят заполучить именно мои снимки. — Светлые волосы и голубые глаза здесь можно встретить повсюду, и можешь быть уверена, что законодатели мод больше не могут их видеть. А ты — девушка с экзотической внешностью, и это им нравится. И читателям тоже. Недаром они буквально вырывают «Моденшау» из рук продавцов. Клянусь тебе, недавно я видел пару молодых женщин, глаза которых были подведены на азиатский манер. Ты всем здесь вскружила головы. Ты сокровище, Ханна!

Мне казалось, что так оно и было на самом деле. Многие из гостей балхауса теперь узнавали меня, когда я стояла за стойкой гардероба, и, как и предсказывала Элла, мне пришлось отвечать на множество вопросов. Женщины удивлялись тому, что я все еще работаю в гардеробе. Я отвечала им, что эта работа доставляет мне удовольствие и я не могу жить только за счет фотосессий.

Однако денег, которые я получала за съемки, становилось все больше и больше, и я была уверена, что вскоре соберу достаточно средств, чтобы оплатить переезд в Индокитай.

Вот только хотела ли я этого?

Я стыдилась своих мыслей, очень стыдилась, но за это время я сблизилась с Лореном и боялась его потерять. Конечно, я хотела узнать, что случилось с Тхань. Я была перед ней в долгу. Но я спрашивала себя, обрадовалась бы она тому счастью, которое я здесь нашла, и позволила бы мне им наслаждаться или нет — пусть даже из-за этого пройдет еще некоторое время, прежде чем мы увидимся снова.

Конечно же, Тхань хотела бы, чтобы я была счастлива. Таким образом я успокаивала угрызения совести.

Фрау Кюнеманн, однако, была не очень рада тому, что я подрабатываю у модного фотографа. Как только съемки участились, она вызвала меня в свой кабинет.

— Мне, конечно, не нужно говорить вам о том, что это несерьезное занятие — позволять фотографировать себя для модных журналов, — начала она, усевшись за письменный стол.

Я была удивлена. Ведь именно фрау Кюнеманн будоражила город своим «Балом галстуков» и открывала двери балхауса для женщин любого возраста, в том числе и без сопровождения мужчин. Что же она видела несерьезного в том, что я фотографировалась для журнала мод, который рекомендовал женщинам новые фасоны платьев?

— Мне не нравится, когда мои сотрудницы подрабатывают на стороне. В большинстве случаев это их отвлекает, и однажды от этого начинает страдать их основная работа.

Она испытующе посмотрела на меня. Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Неужели я стала хуже работать? Может, кто-нибудь пожаловался на меня? Я не думала, что Элла сказала хозяйке нечто подобное. Может быть, это сделал кто-то из гостей?

— Я обещаю вам, фрау Кюнеманн, что не стану хуже относиться к своей работе, — робко сказала я. — Это не было запланировано...

— Но журнал мод почуял добычу, — закончила Клер Кюнеманн мою фразу. Она снова встала и стала ходить по кабинету взад-вперед. — Эти газетчики устроены так, что будут требовать все больше. Берегите себя, девочка, чтобы они не раздавили вас своими требованиями. Ведь люди из «Моденшау» тоже являются частью журналистской братии.

Я задала себе вопрос: неужели у нее есть отрицательный опыт общения с газетчиками? Почему она так злилась на репортеров? Ответ не заставил себя долго ждать.

— Когда мой муж, царство ему небесное, умер, они набросились на меня. Молодая женщина, которая вышла за бизнесмена на тридцать лет старше ее... Они превзошли себя, распространяя сплетни, и в результате единогласно пришли к выводу, что я позарилась на деньги Августа Кюнеманна. Только при этом они не обратили внимания на то, что я любила Августа и что разница в возрасте для меня не имела никакого значения. Но попробуйте, скажите такое этим кровожадным собакам...

Фрау Кюнеманн какое-то время смотрела в окно, и я была уверена, что она думает о своем муже. Вместе с тем мне было немножко стыдно, что я узнала столь интимную подробность из ее жизни.

— Так что берегите себя и всегда помните о том, что мой балхаус — надежная гавань. Журналисты — люди настроения. Если сегодня они кого-то подняли высоко в небо, то завтра могут уронить на землю.

Она повернулась ко мне лицом и скрестила руки на груди:

— Ну ладно, до тех пор пока ваша работа не страдает от съемок, я буду это терпеть. Но я ожидаю, что вы не задерете нос и будете призывать посетителей к порядку, если они станут слишком восхищаться вами.

Я кивнула. К сожалению, лишь гораздо позже мне пришло на ум, что я могла бы сказать фрау Кюнеманн: моя известность будет привлекать в ее балхаус еще больше гостей. Позже, однако, я была рада тому, что промолчала, потому что хозяйка восприняла бы это как проявление высокомерия.

— Ну что, надрала она тебе уши? — с любопытством спросила Элла, которая, конечно, уже узнала, что меня вызывали на беседу.

— Она посоветовала мне сделать так, чтобы моя работа не страдала от фотосъемок, — честно ответила я, застегивая туфельки. — И мне не следует зазнаваться.

Элла фыркнула:

— Ей явно не нравится, что теперь у нее есть конкурентка.

— Конкурентка?

Как я могу составить конкуренцию фрау Кюнеманн?

— Разве ты не понимаешь, что весь Берлин всегда говорит лишь о ней — веселой вдове, которая устраивает скандальные балы. А теперь люди приходят в танцевальный зал, чтобы восхититься восходящей звездой на модном небосклоне.

Элла широко ухмыльнулась и показала мне ежедневную газету.

«Восходящая звезда на модном небосклоне», — было написано на титульной странице «Берлинер цайтунг ам миттаг».

Фотография под этим заголовком была сделана в фотоателье Хэннинга Вильниуса. Когда я прочитала имя репортера, мне все стало ясно. Речь шла об одном из друзей Хэннинга, который посетил нас во время фотосессии. Все это время он сидел и наблюдал за мной.

Я была настолько смущена, что Хэннинг даже накричал на меня, когда я не выполнила

его указаний так, как он этого ожидал.

Наверное, друг и упросил его дать ему одну из фотографий. А поскольку этот репортер не мог упустить возможность написать в своем репортаже о том, где «восходящая звезда» работает, люди узнали, где могут меня найти. И они, без сомнения, могли узнать меня, пусть даже в гардеробе на мне не было повязки, украшенной перьями.

— Закрой лучше рот, иначе проглотишь жирную муху, — шутливо сказала Элла, кладя газету рядом со мной на столик, где лежала косметика.

— Я ничего не знала об этой статье, — растерянно проговорила я. — Фрау Кюнеманн не может воспринимать меня как конкурентку. Она должна радоваться, что в ее танцзал приходит так много людей.

— Да, но наверху, в танцевальном зале, все говорят только о тебе. Меня это тоже вывело бы из себя.

Элла подмигнула мне, поднялась и, когда я тоже встала, легонько шлепнула меня по ягодицам. Я пошла следом за ней немного озадаченная, но решила, что буду вести себя сдержанно, если люди начнут меня расспрашивать. Поскольку я не привыкла к тому, чтобы мне улыбалась удача, я боялась, что фортуна скоро снова отвернется от меня — а этого я не хотела, потому что мне по-прежнему нужны были деньги и я боялась потерять работу в танцевальном зале.

В тот вечер случилось то, что и должно было случиться. Гости с любопытством глазели на меня, и, к сожалению, среди них было слишком мало скромных людей, которые не решались меня расспрашивать. Посетители забрасывали нас не только пальто, но и вопросами: откуда я родом, как нашел меня Хэннинг Вильниус и так далее. Я старалась отвечать как можно сдержаннее, но люди хотели знать все больше и больше. Так как это были клиенты, которые хорошо платили, их не могла прогнать даже Элла. Лишь на вопросы молодых людей о том, не могла бы я сходить с ними в ресторан, моя подруга реагировала резко и отсылала их в Зеркальный зал, где они могли найти множество дам, которые только и ждут приглашения.

Вечером я ужасно устала, правда, больше от расспросов, чем от самой работы.

Не успела я лечь в кровать, как сразу же уснула.

Хотя я изо всех сил старалась не выделяться, посетители продолжали проявлять ко мне любопытство. Мои отношения с фрау Кюнеманн оставались напряженными. Зато мои отношения с Лореном стали более близкими. Поначалу я встречалась с ним тайком, чаще всего после того, как в балхаусе гасили свет. Мы забирались в сад, что немного напоминало мне о моем детстве, когда я и Тхань сидели в кустах. Но теперь все было совершенно иначе.

Я подолгу разговаривала с Лореном и узнала, что его родители живут недалеко от Парижа. Я не решилась довериться ему и рассказать о торговцах людьми и о «Красном доме», зато рассказала о своем отце, Сайгоне и своей семье. О Тхань я не упомянула ни слова.

Лорен отнесся ко мне с пониманием и, к счастью, не стал расспрашивать дальше.

— Рассказывай мне только то, что хочешь рассказать, — глядя меня по волосам и нежно трогая мои щеки, сказал он и в этот вечер, через два дня после того, как в газете «Берлинер цайтунг» появилась статья обо мне.

В это мгновение мне захотелось поцеловать его. До сих пор наши отношения оставались платоническими. Пусть даже мы были рядом, Лорен никогда не пытался перейти границу.

Часто он смотрел на меня с ожиданием, но никогда не проявлял разочарования, даже

если я не давала ему того, на что он надеялся. Но в этот вечер, когда на небе висела золотая луна и ее края были розовыми от вечерней зари, все было иначе.

— Ты видел статью? — взволнованно спросила я, потому что действительно не знала, о чем еще мы могли говорить.

Мне очень его не хватало, и в это мгновение я больше всего хотела молчать и вместе с ним смотреть на звезды.

— Конечно, видел. Что-то не так?

У Лорена был такой же смущенный и взволнованный вид, как и у меня.

— Нет, все в порядке, но... фрау Кюнеманн побеседовала со мной по этому поводу.

Лорен рассмеялся:

— Ах, ей не нравится, что она не единственная сенсация в балхаусе?

— Нет, не совсем... — возразила я и удивилась, что он сказал то же самое, что и Элла. — Мне кажется, она беспокоится из-за меня.

— Да, она не хочет потерять хорошую гардеробщицу. Фрау Кюнеманн берет на работу только симпатичных девочек, а затем удивляется тому, что посетителям они нравятся. Хорошо еще, что милашка Элла хранит ей верность.

— Я не понимаю, почему она не может найти себе мужа, — задумчиво ответила я.

— Может быть, у нее слишком высокие запросы. Или же она отпугивает мужчин своей самоуверенностью. Если бы она была мужчиной, то могла бы нагнуть страху на любого опытного дельца.

— Но мне никогда не казалось, что Элла ведет себя слишком грубо. Она вежливо обслуживает гостей и со мной всегда очень дружелюбна.

— Ну, я бы посоветовал ей всегда себя так вести! — с шутливой угрозой произнес Лорен. — Дело не в том, что она говорит, а как она это делает и как себя ведет. Элла произносит слова громко и безапелляционно. И есть еще кое-что в ее характере, что отпугивает мужчин. Возможно, это позволяет ей добиваться своего, но тогда мужчина должен признать, что она сильнее его. А многим нелегко это сделать.

Да, Элла была очень сильной. И, наверное, Лорен был прав в своих рассуждениях.

— Может быть, Хэннинг мог бы ее сфотографировать? Тогда ей быстрее удалось бы найти себе мужа.

— Это исключено! — рассмеялся Лорен. — Они обязательно и неотвратимо поссорятся. Хэннинг — мой друг, и Эллу я знаю уже довольно давно. Поверь мне, если их оставить вдвоем в одной комнате, это спровоцирует настоящий взрыв.

Он посмотрел мне прямо в глаза и спросил:

— А ты хочешь продолжать фотографироваться? Мне кажется, что ты просто создана для этого. Ты тоже сильная, но мягче. Такую красавицу, как ты, встретишь не каждый день.

— Я бы с удовольствием, — ответила я и прислонилась к нему. — Однако я спрашиваю себя о том, к чему это приведет. Мне кажется, что моя жизнь опять полностью перевернулась с ног на голову.

— Так это же хорошо. Или нет? — спросил Лорен, улыбаясь. — Некоторые люди живут на этой земле семьдесят и больше лет, ничего коренным образом не меняя в своей жизни. А ты в столь юные годы пережила больше, чем многие. Уверен, однажды ты станешь великой, Ханна.

Он убрал прядь волос с моего лба и погладил меня по щеке.

Мы посмотрели друг на друга. У меня было такое чувство, будто я утопаю в его глазах, и



мне было бы все равно, если бы именно в этот момент мир остановился.

— А ты знаешь, какой вопрос я задаю себе последнее время? — нежно спросил Лорен и обнял меня.

Я не сопротивлялась. Мое тело не испытывало отвращения к нему. Напротив, я чувствовала нечто такое, чего еще никогда не испытывала.

— Какой? — поинтересовалась я, потому что не имела ни малейшего понятия, о чем пойдет речь.

— Я спрашиваю себя, когда мне наконец будет разрешено тебя поцеловать?

Его лицо приблизилось ко мне настолько, что я смогла уловить аромат его кожи и туалетной воды, которой он пользовался после бритья. Может быть, это была лишь игра моего воображения, но в тот миг мне показалось, что я чувствую запах жасмина. А затем это случилось, и мне не пришлось ему отвечать: мои губы коснулись его губ. Наши уста слились в теплом чувственном поцелуе. Его язык погладил мою верхнюю губу, нежно открыл мой рот и требовательно проник в него. Поначалу я просто позволяла Лорену делать это, а затем решила и поцеловала его в ответ с такой жадностью, словно только он мог сохранить мне жизнь.

Через несколько минут мы неохотно оторвались друг от друга. Лорен с удивлением посмотрел на меня.

— Я не ожидал, что ты умеешь так целоваться, — прошептал он.

— Ты имеешь в виду, что никогда не встречал женщину, которая умела бы так целоваться?

— У меня возникает вопрос: целовали ли вообще меня те женщины, которых я встречал?

Лорен нагнулся ко мне, и мы снова поцеловались. Мы стали гладить друг друга, изучая тело под одеждой. Я ощупывала его мышцы, лопатки, затылок и вдруг почувствовала: мое тело требовало его, Лорена. Теперь я сама хотела этого. Я хотела во что бы то ни стало быть с ним.

Но одновременно я чувствовала, что Лорен не сделает этого. Во всяком случае, не сегодня.

Он обнял меня. Мы сидели молча, глядя на луну и звезды. Наши души слились. Мне казалось, что своей спиной я чувствую биение его сердца, и надеялась, что он слышит биение моего сердца. Руки Лорена лежали у меня на животе, однако он ничего не предпринимал.

Я не знала, как долго мы так сидели, прислонившись к стволу дерева, но наконец Лорен сказал:

— Мне пора уходить. А ты завтра утром снова должна быть бодрой и свежей.

Я посмотрела на его часы. Было уже без четверти три. Мне больше всего хотелось, чтобы он не уходил, но у меня не было выбора. Мне некуда было его пригласить. А Элла, конечно, испугается, если увидит утром, что меня нет в моей постели.

Мы с Лореном снова поцеловались и попрощались. Я была уверена, что этой ночью его страсть пылала точно так же, как и моя.

Тайные встречи с Лореном постепенно сменились дневными свиданиями. Чаще всего это происходило, когда я была свободна. Поначалу мне было очень трудно улизнуть от Эллы, потому что она привыкла, что свободное время мы проводим вместе. Мне приходилось придумывать отговорки, что со временем становилось все труднее.

— Ты можешь не скрывать от меня, если у тебя свидание с каким-то парнем, — однажды сказала мне Элла в гардеробе, когда посетители ушли наверх и мы смогли немного передохнуть.

Я покраснела до корней волос.

— С чего ты взяла? — испуганно спросила я, словно меня поймали на месте преступления.

— Мне кажется, что тут замешан мужчина. У тебя больше нет времени для меня, — ответила она, задумчиво поглядывая на лестницу балхауса. — Но ничего, я не в обиде, честное слово! Я рада за тебя.

Судя по ее голосу, Элла сгорала от любопытства — ей не терпелось узнать, кто же мой избранник, но я продолжала хранить свою тайну. У меня в ушах до сих пор звучал голос фрау Кюнеманн, предупреждавшей меня о коварстве Лорена де Вальера, и я не знала, как она отреагирует, если узнает, что я с ним встречаюсь. Не выдаст ли меня Элла?

Несколько дней я боролась с собой, не зная, рассказать ли ей об этом. Наконец, когда однажды ночью мы уже собирались спать, я спросила:

— Элла, ты умеешь хранить тайны?

Моя подруга с удивлением посмотрела на меня:

— Ты случаем не...

Я не знала, как выгляжу в ее глазах, но научилась говорить «нет», когда она так начинала фразу.

— Нет, это не то, что ты думаешь. Итак, ты умеешь молчать?

— Могила!

Элла подняла руку, выставив два пальца.

— Мужчину, с которым я встречаюсь, зовут... Лорен де Вальер.

В следующий миг я едва не пожалела о своей откровенности. Элла словно под наркозом опустилась на край кровати. Как всегда, кровать закрипела, на этот раз сильнее, чем обычно.

— Лорен? — спросила она, и я увидела, как из ее глаз исчезает надежда.

— Да, Лорен. Ты ведь сама, конечно, заметила, что он в последнее время лишь изредка появляется здесь, а если и появляется, то без сопровождения.

Элла кивнула:

— Да, но я думала, что он ходит куда-то еще.

— Нет, он никуда не ходит, — ответила я, с одной стороны, очень гордая, с другой — ужасно испуганная, потому что боялась ее реакции. — Лорен встречается со мной. То, что было у него с другими женщинами, закончилось.

— Ты в этом уверена? — Во взгляде Эллы появилось беспокойство. — Лорен де Вальер не та пчела, которая летает только к одному цветку.

— Пчела? — удивилась я.

Это сравнение действительно не подходило худощавому и высокому мужчине.

— Ты же знаешь, что я имею в виду. — Элла взяла меня за руку. — Обещай мне, что будешь осторожной. Не дай этому парню себя обмануть, ты меня понимаешь? Ну, разве что он перенесет тебя как невесту через порог своего дома.

— Обещаю, — ответила я. — Ты на меня не сердишься?

— Нет, а с чего бы? Ты наконец-то нашла своего суженого!

— А что будет с тобой?

Элла отпустила меня и отмахнулась:

— За меня не беспокойся. Уж я найду себе кого-нибудь. Признаю, я тоже положила глаз на Лорена, но мы с ним знаем друг друга довольно давно. До сих пор между нами ничего не произошло, и уже, скорее всего, ничего не произойдет. Я с этим смирилась.

Следующие несколько недель у меня почти не было времени, чтобы передохнуть. Проведя фотосессию, я мчалась в танцевальный зал и работала до самой ночи, чтобы утром встать и снова идти на вторую работу. У меня почти не оставалось времени для общения с Эллой. Даже после окончания рабочего дня, потому что едва мы успевали добраться до постели, как я тут же засыпала.

Каким бы чудесным ни было это время, оно забирало все мои силы. Это заметил даже Лорен, с которым я встречалась время от времени, прежде чем пойти к Хэннингу.

— Как ты относишься к тому, чтобы уволиться из танцевального зала и работать только фотомodelью? — спросил меня Лорен, когда мы с ним отправились на прогулку.

Было воскресенье, и я к этому дню сшила себе платье. Поскольку Элла немного завидовала мне, я пообещала ей, что сошью платье и ей. Она не отвергла моего предложения, потому что за это время затеяла интрижку с одним из жиголо. Не с Тимом, который действовал ей на нервы, а с Антонио, итальянцем, который был принят на работу лично фрау Кюнemann всего неделю назад.

Я невольно вспоминала слова Лорена об Элле и надеялась, что этот Антонио достаточно сильный человек и его не отпугнет самоуверенность моей подруги.

— Я должна отказаться от работы в балхаусе? — удивилась я.

— Я недавно говорил с Хэннингом. Он может получить для тебя множество заказов. Он считает, что ты будешь зарабатывать достаточно, чтобы оставить работу в танцевальном зале.

Я снова вспомнила слова Эллы, сказанные в тот день, когда я начала работать у фрау Кюнemann. О том, что моя предшественница бросила работу из-за мужчины.

— Ханна, — сказал Лорен и взял меня за руку, когда не услышал от меня ответа. — Подумай сама! Сейчас ты бегаешь с одного места на другое, и когда по утрам появляешься у Хэннинга, вид у тебя иногда довольно усталый. Нельзя сказать, что от этого страдает твоя красота, но я не хочу, чтобы ты выбивалась из сил. Фрау Кюнemann найдет себе другую гардеробщицу — в Берлине полным-полно молодых женщин, которые очень хотят устроиться на работу. Тебе это уже не нужно. Отныне ты будешь заходить в танцевальный зал вместе со мной, одетая в прекрасное платье. Ты должна танцевать. Это ты можешь себе позволить, поверь мне.

В этом я не сомневалась.

— А где же я буду жить? — спросила я, хотя, собственно говоря, это не было проблемой: за это время я накопила достаточно денег, чтобы снимать отдельную квартиру.

Лорен взял меня за руку:

— Идем со мной, я тебе покажу.

Мы сели в такси, и нас отвезли к прекрасному дому с белым оштукатуренным фасадом. В его окнах отражалось небо, а перед зданием росли огромные деревья, которые собирались сбросить листву.

— Что ты на это скажешь? — спросил меня Лорен, когда мы стояли у ворот.

— Ты считаешь, что я должна здесь жить?

Дом показался мне огромным — он был еще больше, чем тот, в котором я жила, когда

была ребенком. Тут можно было разместить целую семью, включая дедушек, бабушек, тетей, дядей и двоюродных братьев и сестер.

— Здесь мы будем жить вдвоем с тобой! — ответил Лорен.

Я удивленно посмотрела на него:

— Мы?

— Да, ты и я. Мне пора отказаться от холостяцкой квартиры на Торштрассе. Правда, Хэннинг — хороший хозяин, но он заходит в мою комнату, когда хочет, и даже тогда, когда ты находишься у меня. Я бы не хотел, чтобы он нам мешал. И кроме того...

Лорен посмотрел на меня.

— Ты можешь представить, как мы с тобой будем жить в одном доме? Мы могли бы видеть друг друга каждый день. Я мог бы отвозить тебя на фотосессии и заботиться о тебе.

Его вопрос озадачил меня. Мне очень хотелось ответить «да», но тысяча маленьких голосов пыталась убедить меня в том, что это не очень хорошая идея.

— Разве это прилично, если мы будем жить вдвоем? — спросила я. — Все же мы не женаты. А люди...

Лорен закрыл мне рот поцелуем.

— То, что говорят люди, меня не волнует. Я хочу видеть тебя каждый день, Ханна. Я хочу всегда быть с тобой.

С этими словами он вынул из кармана маленькую коробочку, открыл ее и опустил передо мной на колено. Блеск маленького бриллианта ослепил меня.

— Ты хочешь стать моей женой?

Я испуганно возрилась на него. У нас с Лореном были прекрасные отношения, и я не могла представить себе другого мужчину, с которым согласилась бы соединить свою судьбу. Но тем не менее это предложение было неожиданным.

— Да! — вырвалось у меня. Мое сердце забилось от радости часто-часто. — Да, конечно, хочу!

Маленькая девочка, которая боялась выходить замуж, исчезла. В это мгновение я чувствовала себя невероятно счастливой.

— Но ты же знаешь, что мы, как женатые люди, должны будем жить в одной квартире? — спросил он, после того как надел кольцо мне на палец.

— Да, знаю, — ответила я и поцеловала его.

Итак, наступил день, когда я должна была уволиться из танцевального зала и рассказать Элле о том, что выхожу замуж.

— Я так и знала, что однажды ты смоешься отсюда, — печально сказала она, но потом обняла меня. Несколько слезинок упали на мое плечо. — Но все же я очень рада за тебя. Ты даже представить себе не можешь, Ханна, какого дикого льва ты укротила! — Она посмотрела на меня блестящими от слез глазами. — Очень многие женщины в Берлине будут тебя ненавидеть, поверь мне.

— Но ты — нет, — произнесла я. — Правда?

— Нет, я не буду. — Элла задрала подбородок. — Но пообещай мне кое-что, ладно?

— Конечно! — ответила я, радуясь, что она не сердится на меня. — А что ты хочешь?

— Пожалуйста, пусть я буду твоей подружкой на свадьбе! Мы ведь так долго живем вместе, и мы же подруги, верно?

— Конечно, мы подруги! И я буду очень рада, если ты будешь моей подружкой. У меня ведь здесь нет никого, кроме тебя и Лорена.

Я обняла ее и тоже пролила несколько слезинок. Я все еще не могла поверить, что мне так повезло, что я так счастлива! И это после всего, что со мной произошло! Если бы только Тхань могла разделить эту радость вместе со мной!

Клер Кюнеманн совсем не обрадовалась, когда я появилась в ее кабинете и сообщила о том, что скоро уволюсь из танцевального зала.

У меня возникло искушение рассказать ей о своей помолвке, однако я не стала этого делать, помня ее слова. Вместо этого я объяснила свое решение тем, что у меня есть заказы от различных домов мод, в том числе и от Шанель, которая недавно даже открыла бутик в Лондоне.

— Я сказала бы неправду, если бы стала утверждать, будто не догадывалась, что это произойдет, — ответила фрау Кюнеманн ледяным тоном. — Даже самые робкие молодые женщины когда-нибудь теряют головы — от мужчины или от фотографа, который обещает им целый мир.

Ее взгляд упал на мою руку. Я ничего не сказала ей о своей помолвке, но мое кольцо сделало это за меня.

— Очевидно, мне следует вас поздравить, — сухо сказала она. — Кто же этот счастливек?

Я смущенно взглянула на свою руку.

— Лорен де Вальер.

Фрау Кюнеманн насмешливо фыркнула:

— Вы в этом уверены? Никто в Берлине не верит, что он когда-нибудь пойдет под венец. Он при свидетелях пообещал жениться на вас?

Нет, такого не было, но я была уверена, что это ничего не меняет: обещание было дано. В этот момент я даже немножко разозлилась на фрау Кюнеманн. Конечно, она сердилась из-за того, что я ухожу, но неужели ей обязательно нужно было облить грязью отношения между мной и Лореном? Что он сделал ей такого, за что она его невзлюбила?

— Мы с ним поженимся. — Я старалась сохранять самообладание. Больше всего мне хотелось крикнуть ей прямо в лицо, что это не ее дело — оценивать мои отношения с Лореном, но я не хотела позорить свою мать, ведя себя недостойно. — А когда наступит время, я буду рада пригласить вас на свадьбу, фрау Кюнеманн.

Она никак не отреагировала на мои слова. Ее сердитый взгляд по-прежнему был устремлен на меня.

— Ну, это ваше дело, — в конце концов сказала она и встала. — Я была бы последним человеком, который не пожелал бы вам счастья. Но я все же разочарована, потому что надеялась, что вы еще немного поработаете у меня. Я сразу же выплачу вам жалованье за последние дни, а затем вы можете собирать свои вещи.

С этими словами она подошла к картине, на которой была изображена девушка с корзиной яблок. Фрау Кюнеманн сняла картину, и показалась дверца сейфа. Оттуда моя хозяйка взяла несколько купюр, затем вернула все на место и вытащила конверт из ящика письменного стола.

— Вот, возьмите, — сказала фрау Кюнеманн. — Я надеюсь, что месье де Вальер сдержит свое обещание. Если он этого не сделает, вы можете снова постучать в мою дверь.

— Это очень любезно с вашей стороны, — ответила я, сдерживая гнев. — Мое приглашение на свадьбу остается в силе. Принять или не принять его — ваше право, но я буду очень рада видеть вас. Благодарю за все, что вы для меня сделали.

На миг мне показалось, что выражение ее лица смягчилось, но тут я ошиблась.

— Всего хорошего, фрейлейн Нхай, — сказала фрау Кюнеманн, а затем снова села за письменный стол.

Тихо ступая, я покинула ее кабинет и в последний раз поднялась наверх к Элле, чтобы собрать свои вещи.

Поскольку наш дом еще не был меблирован, этой ночью я осталась внизу, у Лорена. Он очень обрадовался, что я так быстро оставила танцевальный зал, и, чтобы отпраздновать это событие, вечером повел меня в прекрасный ресторан. На мне было подаренное им платье, в котором я танцевала с ним в саду.

Этой ночью мы любили друг друга в первый раз.

Хэннинга не было, он повел одну из своих фотомоделей в танцевальный зал. Так что мы могли не бояться, что он нам помешает.

Весь вечер я чувствовала напряжение, охватившее Лорена, да и я сама хотела, чтобы все наконец произошло.

Войдя в его комнату, мы начали целоваться и медленно снимать с себя одежду. Я очень хотела прикоснуться к его коже, почувствовать тяжесть его тела. Я хотела наказать Клер Кюнеманн за ее ложь и доказать, что Лорен принадлежит мне, и только мне.

Но в то же время меня одолели сомнения. Лорен, наверное, думал, что я еще девственница. Что он скажет, узнав, что это не так? Призовет меня к ответу? Или для него это не важно?

Когда я почувствовала его губы на своей шее и груди, мне вдруг стало все равно. Я хотела лишь обнимать его, хотела испытать наслаждение, которое мужчина и женщина дарят друг другу, и понять, чем это отличается от того, что я пережила в «Красном доме».

Я притворилась немного неуклюжей, ведь Лорен не должен был заметить мою опытность. Когда он наконец лег на меня, у меня закружилась голова. То, что в борделе было моей обязанностью, здесь стало невероятным наслаждением. Лорена я приняла легко и просто, словно это было самым естественным делом на свете.

Конечно же, он заметил, что я уже не девственница, но в этот момент я видела в его глазах только желание, а не удивление, разочарование или злость.

В борделе я всегда старалась держать свою душу подальше от тела, и там мне хотелось, чтобы все закончилось как можно быстрее. Мужчины получали удовольствие, не обращая на меня внимания. Лорен был другим. Он продлевал игру, останавливался и ласкал меня, прежде чем продолжить. У меня кружилась голова, и я полностью отдалась своим ощущениям. Я только теперь поняла, почему люди хотят получать это удовольствие как можно чаще. Это было абсолютно не похоже на то, что я пережила в «Красном доме».

В конце концов мы, усталые, лежали друг возле друга. Я положила голову на грудь Лорена, а он гладил меня по спине.

Я чувствовала себя отяжелевшей и вместе с тем легкой, как перышко. Я была счастлива, но одновременно боялась, что это счастье может длиться недолго. В одном я была убеждена: теперь Лорен был моим, по-настоящему моим, не только из-за кольца, но и благодаря тому, что между нами только что произошло.

И тем не менее пока Лорен тихо похрапывал рядом со мной, я еще долго не могла уснуть и рассматривала кольцо на своем пальце, блестящее в лунном свете. Я была очень счастлива, но чем дольше смотрела на кольцо, тем больше понимала, что оно вызывает у меня какие-то тревожные ощущения, которые не может скрасить даже счастье.

Если бы все сложилось по-другому, если бы пираты не разлучили меня и Тхань, то, наверное, не Элла была бы моей подружкой на свадьбе. И кто знает, может быть, мы вместе с Тхань прошли бы тот путь, по которому я шла одна. Мы могли бы получить то, что хотели, если бы не встретили торговцев людьми и пиратов. Я так надеялась, что Тхань нашла возможность освободиться из плена и пошла своей дорогой. И я мысленно пообещала ей, что, несмотря ни на что, буду искать ее, как только моя жизнь наладится. Когда я наконец найду в себе силы рассказать Лорену темную часть своей истории.

Мы стали частыми гостями в многочисленных ресторанах и танцевальных залах города. Зимой здесь устраивали невероятные балы под сказочными названиями. Лорен подарил мне белую шубу и клятвенно заверил в том, что в ней я выгляжу как принцесса. Кроме того, он заказал мне новые бальные платья, и шкафы моего нового гардероба были забиты до отказа.

Мы поселились в прекрасном белом доме с оштукатуренным фасадом и просторными комнатами, и, хотя я протестовала против этого, к нам трижды в неделю приходила служанка, которая наводила порядок и стирала белье.

На балах Лорен не упускал возможности представить меня как свою невесту, чем я весьма гордилась. Он доказал, что сомнения Клер Кюнеманн были напрасными.

В конце концов мы решили сообщить о нашей помолвке всему городу и одновременно объявить о свадьбе, которая должна была состояться летом.

— Мои родители ждут, что мы приедем к ним в гости, — сказал Лорен, но при этом скорчил такую гримасу, словно это было самой трудной задачей, которая когда-либо перед ним стояла.

— Я с удовольствием познакомлюсь с ними, — ответила я, не обратив внимания на сомнение в его глазах.

Я действительно хотела познакомиться с людьми, которые воспитали такого прекрасного мужчину.

Зима 1927—1928 годов засыпала снегом крышу, и в ателье Хэннинга было холодно, несмотря на то что он топил печи коксом. Я замерзала в своем тонком платье, хотя фотограф считал, что это один из самых прекрасных туалетов, которые он заполучил в последнее время для фотосессий, а Лорен в своем костюме казался мне таким элегантным, что мне не верилось, что я выйду за него замуж всего через пару месяцев.

Мы терпеливо выслушали пожелания Хэннинга и послушно, не шевелясь, стояли перед ним, пока он наконец остался доволен результатом.

— Я отдам одну из этих фотографий Паулю, и он сможет сообщить эту приятную новость в «Берлинер цайтунг», — сказал Хэннинг.

Пауль был репортером, который когда-то написал обо мне статью.

Несколько дней спустя объявление о нашей с Лореном помолвке появилось в газете «Берлинер цайтунг ам миттаг» вместе со статьей Пауля. Я и Лорен посылали сияющие улыбки читателям, как будто нам принадлежал целый мир. Я была уверена, что Клер Кюнеманн тоже прочитает эту статью. Может быть, тогда она все-таки признает, что Лорен был честным человеком и что она ошибалась.

В любом случае Элла радовалась за меня. После того как я покинула балхаус, она несколько раз приходила ко мне в гости и очень восхищалась тем, как я теперь живу.

— На твоём месте я бы тоже ушла из танцевального зала, — заявила моя подруга, оглядываясь с удивленным видом.

— А фрау Кюнеманн уже нашла кого-нибудь на мое место?

— Нет. Последняя претендентка, которая приходила к нам, выдержала всего один вечер. Хозяйка все время за ней наблюдала: она явно хотела убедиться в том, что малышка не будет строить глазки мужчинам. Та и в самом деле ничего такого не делала, но, чувствуя пристальный взгляд фрау Кюнеманн, превратилась в комок нервов. Наверное, эта девушка рассказала другим о том, что происходит в нашем танцевальном зале. Во всяком случае, с тех пор к нам больше никто не приходил.

— Значит, теперь тебе приходится работать в гардеробе одной?

Я снова испытала угрызения совести.

Элла пожала плечами:

— Мне приходилось делать это и раньше.

И вот через несколько дней после того, как было опубликовано объявление в газете, я встретила с ней на Курфюрстердамм, чтобы подарить платье.

— Ты подружка на моей свадьбе, — отклонила я ее протест, когда Элла заявила, что платье слишком дорогое. — И, кроме того, тебе, конечно, нужен такой наряд, чтобы ты произвела впечатление на Антонио. Вы ведь по-прежнему вместе, не так ли?

— Да, это так, — вздохнула Элла. При этом у нее был довольно подавленный вид. — Просто все, что касается верности, он воспринимает не слишком серьезно. Если какая-нибудь женщина в танцевальном зале начинает строить ему глазки, он тут же принимается с ней флиртовать.

— Но ведь это же его профессия! — воскликнула я.

— Его работа — танцевать, и ничего больше. Я даже один раз видела, как он целовал одну из этих баб. Антонио сказал мне, что она дала ему за это чаевые, но я ему ответила, что он ведь не проститутка, которая за деньги готова сделать все.

Я попыталась скрыть, что это замечание больно задело меня.

— И что он сказал на это? — спросила я, напряженно всматриваясь в витрину дамского магазина напротив.

— Антонио рассмеялся и пообещал мне, что такого больше не повторится. Но я уверена, что он солгал. Если я еще раз поймаю его на этом, ему не поздоровится!

Элла направила взгляд на витрину, и ее лицо просветлело. Она указала на светло-голубое платье из крепдешина, с низкой талией.

— Так вот, если ты считаешь, что это платье подходит для подружки невесты, то я с удовольствием его возьму.

Я улыбнулась ей и положила руку на дверную ручку.

— Конечно, оно тебе подходит. Идем, заберем его.

Весной 1928 года пробил наш час. После того как Лорен некоторое время переписывался со своей матерью, его родители пригласили нас в свой замок.

— Собственно говоря, ты уже давно должен был представить им меня, — сказала я, когда он сообщил мне об их приглашении. — Твои родители наверняка рассердятся на нас, когда узнают, что мы уже давно обручены и свадьба состоится через три месяца.

— Мои родители сердятся по любому поводу, — легкомысленно ответил Лорен. — Я уехал из Парижа, потому что знал: я никогда не смогу соответствовать требованиям своего отца. Я должен был унаследовать его фирму, но мне хотелось посвятить себя искусству. Моя мать намеревалась женить меня на ком-нибудь из девушек, танцевавших на балах дебютанток, но ни одна из них мне не понравилась. И теперь я знаю почему.

Он обнял меня и крепко поцеловал в губы. Я сидела на диване и шила платье —



несмотря на дорогие вечерние туалеты, я не могла упустить возможность шить самой, — а теперь вынуждена была отложить работу в сторону, чтобы не уколоться.

— Ты ведь написал ей, что хочешь на мне жениться?

— Естественно! И если отбросить упреки, которыми она меня осыпала, она все же очень рада будет познакомиться с тобой. Несмотря на то что ее сын допустил ошибку, не представив ей тебя раньше.

— А если я им не понравлюсь?

Лорен рассмеялся:

— Это было бы то же самое, как если бы кому-то пришлось не по вкусу сахарная вата. Или торт. Поверь мне, ты им понравишься. Они будут критиковать меня, и если все пройдет хорошо, из всех сил постараются убедить тебя в том, что ты должна сделать из меня другого человека. Но больше ничего не будет, можешь мне поверить.

Я с удовольствием ему поверила.

Когда через две недели мы сидели в поезде, мое сердце все же билось так, словно готово было выскочить из груди. Что скажут родители Лорена? Они были настоящими tâu, и даже если Лорен считал, что они очень милые люди, все же я не была уверена в том, что им понравится то, что их сын решил связать свою судьбу с девушкой из Индокитая. В Сайгоне такие связи невозможно было себе представить — по крайней мере в высших кругах общества, а Лорен как раз и происходил из таких кругов.

Заметив мое беспокойство, он взял меня за руку:

— Не бойся, они тебя не укусят. А я прослежу за тем, чтобы мои родители не задавали тебе неприятных вопросов.

Я хотела бы ему поверить, но мне было известно, какими бывают родители. Пусть даже здесь, в Европе, можно было выбирать себе пару, это не означало, что родители не будут пытаться пустить в ход свое влияние.

На половине пути, в Кельне, мы остановились в гостинице прямо на берегу Рейна. Я была в восторге от Кельнского собора и многочисленных, частью очень старых, зданий по соседству. Лорен рассказывал мне об архиепископах и о временах, когда Наполеон завоевал Германию и занял Кельн. Это немного отвлекло меня.

И тем не менее ночью я не могла уснуть. Убедившись, что Лорен спит глубоким и крепким сном, я встала с постели и подошла к окну гостиницы. Отсюда мне хорошо было видно реку, которая, освещенная луной, искала путь к морю.

У Рейна было мало общего с Меконгом. Мне показалось, что он зажат между домами. Рейн был не таким глубоким, как река моей родины. У него было не так много рукавов, и вода даже днем была грязно-серой.

Но даже Меконг не смог бы ответить мне на множество неудобных вопросов, которые теперь проносились у меня в голове. В конце концов я сказала себе, что лучше снова отправиться в постель. Я легла рядом с Лореном и прижалась к его широкой спине.

На следующее утро мы поехали дальше, в Париж. Лорен всю дорогу рассказывал мне о своем родном городе: об Эйфелевой башне, о Сене, замках и Версале — прекрасном дворце, возникшем благодаря королю, который сам себя называл «королем-солнцем».

В свою очередь я рассказывала Лорену о Сайгоне и, повествуя о Меконге, французском квартале и рисовых полях, чувствовала, как становлюсь немного уверенней в себе. У меня больше не было семьи, по крайней мере, здесь, и, может быть, из-за своего побега я потеряла ее навсегда. Однако у меня была родная страна, пусть даже удаленная на тысячи километров,

и мысли о ней я все еще носила в своем сердце.

Поместье родителей Лорена находилось за пределами Парижа. Я была поражена, увидев его. Я знала пышные дома в Берлине — такие, как Шарлоттенбург, — но по сравнению с этим поместьем они казались бедными. И хотя Лорен рассказывал мне об их замке, я не ожидала, что он окажется таким прекрасным, с башнями, золотыми флюгерами и высокими окнами, в которых отражалось солнце.

— Он действительно прекрасен, — сказала я, когда машина остановилась возле ротонды перед лестницей, ведущей к входу в замок.

Шофер вышел из машины и открыл переднюю дверцу. Когда я выбралась следом за ним, белый крупный песок тихо зашуршал у меня под ногами. Я подняла взгляд на главную башню, которая вздымалась в небо, словно сторож, стерегущий замок.

— Ну, это как сказать, — ответил Лорен, выйдя из машины и взяв мою руку в свою. — Снаружи он, конечно, выглядит прекрасно, но это не то место, где я чувствую себя особенно хорошо.

— Но ведь это твой родительский дом!

— Это не значит, что мне здесь уютно. В замке есть множество холодных переходов и жуткий подвал. Зимой некоторые комнаты не отапливаются, и тогда тут холодно, как в леднике.

Он, наверное, прочел вопрос в моих глазах, потому что тут же добавил:

— Может быть, мои родители и богатые люди, но они не хотят тратить деньги на помещения, которыми не пользуются. Собственно говоря, этот замок слишком большой. Наверное, раньше он предназначался для того, чтобы принимать людей, которые убегали от войны. Однако на протяжении нескольких столетий он является нашим владением. Говорят даже, что один из моих предков успешно оборонялся здесь против революции.

Слышать такое мне было приятно. Значит, у родителей Лорена тоже имелся дух семьи. Может быть, французы и вьетнамцы не так уж и отличались друг от друга, как я думала.

— Позже я все тебе покажу, а сейчас давай не будем заставлять маму ждать.

И Лорен потащил меня за руку вверх по лестнице.

Холл замка был украшен роскошными картинами, на штукатурке был выбит орнамент из цветочных побегов. Паркет блестел так, что мы едва ли не отражались в нем. Я почувствовала, как здесь холодно. У меня на руках появилась гусиная кожа, и я пожалела, что не надела свой вязаный жакет. Наши шаги отдавались в помещении громким эхом, когда мы подходили к следующей лестнице, над которой висел портрет мужчины в длинном седом парике.

После того как я через некоторое время привыкла к штукатурке, картинам и дорогим коврам, ко мне снова вернулась нервозность. Подойдя к двери салона, я почувствовала желание развернуться и убежать — так неловко я себя чувствовала. Лорен взял меня за руку и повторил, что ничего страшного не будет. А затем мы вошли в салон.

Обстановка этого помещения выглядела очень старой, многочисленные предметы мебели были выполнены в стиле барокко. Однажды, когда мы с Лореном побывали в одном из берлинских музеев, он рассказал мне о европейских стилях, поэтому я с легкостью классифицировала предметы мебели и даже дома.

Мать Лорена оказалась художавой женщиной с волосами цвета лесного ореха, уложенными красивыми локонами вокруг головы. Она была одета в серо-голубое вечернее платье, которое великолепно подчеркивало цвет ее глаз. Мать Лорена была на голову выше

меня и даже для европейки была очень высокой. Она могла безо всякого труда смотреть своему сыну прямо в глаза, поскольку он был выше ее всего на несколько сантиметров.

— Bonjour, maman[23]. У тебя цветущий вид!

Мадлен де Вальер с сердечной улыбкой заключила сына в объятия:

— Лорен, я уж думала, что больше никогда тебя не увижу! Ты хорошо выглядишь, мальчик мой!

— Да я и чувствую себя очень хорошо, — ответил Лорен, освобождаясь из ее объятий.

Взгляд Мадлен упал на меня. И несмотря на то что она продолжала улыбаться, выражение ее лица несколько изменилось. Улыбка уже не затрагивала ее глаз. Ее взгляд стал холодным, а черты лица казались высеченными из камня. Лорен, похоже, этого не заметил. Он подошел ко мне сзади и ласково положил руки мне на плечи.

— Это Ханна. Ханна Нхай. Ханна, это моя мать, Мадлен де Вальер.

— Я рада познакомиться с вами, — сказала она и протянула мне руку.

Выражение ее лица при этих словах не смягчилось. Мадлен явно ожидала увидеть нечто иное. Конечно, Лорен рассказывал ей обо мне, но, очевидно, как тогда у Хэннинга, упустил самое главное. А именно то, что я вьетнамка.

Я ответила ей улыбкой на улыбку и немного неуверенно взяла ее руку:

— Я тоже рада познакомиться с вами. Ваш сын много рассказывал мне о вас, мадам.

Мадлен бросила на Лорена быстрый взгляд, в котором было мало восторга.

— Вы очень хорошо говорите по-французски. Вы родом из Индокитая, не так ли?

— Да, мадам, — ответила я. — Из Сайгона.

— Говорят, это очень красивый город. Экзотичный и... порочный.

Я окаменела. Неужели она думала, что ее сын подцепил себе девушку из Телона?

— Я не могу об этом судить, мадам. Уже почти два года я живу в Германии.

— Вы дочь дипломата?

Я помедлила. В общем-то, это действительно было так.

— Мой отец работал в администрации колонии и при королевском дворе, — ответила я в надежде, что этого будет достаточно.

Но я ошибалась.

— Работал? — продолжала допытываться Мадлен.

— Его застрелили во время восстания.

— Сожалею.

Наступила неприятная тишина.

— Мaman, может быть, мы присядем? — в конце концов спросил Лорен. — Мы проделали длительное путешествие и умираем от жажды.

— Да, конечно, извини, — холодно ответила Мадлен. — Идите сюда. Я попросила Шарля приготовить нам свежий лимонад.

— Шарль — это наш повар, — прошептал мне на ухо Лорен, когда мы последовали за хозяйкой дома.

Я смущенно кивнула. Мое сердце неистово билось. Мне стало ясно, что у его матери есть определенные предрассудки. Я не была белой женщиной, и Лорен очень мало знал о моей семье. О своем погибшем отце и об отчине я ему рассказывала, но мне показалось, что его мать не потерпит в качестве невестки приемную дочь кузнеца.

Мадлен провела нас в зимний сад, украшенный многочисленными экзотическими растениями. Я обнаружила там банановое дерево, пальмы и несколько орхидей, которые

стояли в красивейших горшках. В вольере пели канарейки.

После того как хозяйка дома велела служанке принести нам лимонад, мы уселись на искусно сплетенные стулья.

— Мой муж приказал прислать их сюда из Таиланда, — пояснила Мадлен, когда я сделала вежливый комплимент по поводу мебели. — Перевозка обошлась дороже, чем сами стулья, но в некоторых вещах я вынуждена считаться с мнением мужа.

Это, очевидно, должно было означать, что она эту мебель ненавидит. Мне же, напротив, мебель понравилась, и я даже обрадовалась, что мы сейчас находимся в зимнем саду. Тут я чувствовала себя немного увереннее, и благодаря солнечному свету, попадавшему сюда, здесь было даже теплее.

— Ну, на чем мы остановились? — спросила Мадлен и сразу же сама ответила на свой вопрос. — Ах да! Что было дальше с вашей семьей, после того как вашего отца убили?

— Мы... мы переехали в другое место. Моя мать снова вышла замуж, а я в конце концов отправилась в Германию.

— Чтобы учиться? Вы с таким же успехом могли бы уехать во Францию.

— Мама, оставь эти вопросы, для этого еще будет время, не так ли?

Я щекой чувствовала извиняющийся взгляд Лорена.

— Я так не думаю. Ведь речь идет о женщине, с которой ты собираешься жить вместе, и, возможно, ты даже захочешь на ней жениться. В этом случае я, как мать, должна знать о ней хотя бы что-нибудь, поскольку ты сам большой мастер по опусканию деталей.

Наверное, Лорен действительно не написал ей о том, кто я такая. Мне казалось, что меня загнали в угол. Я не могла рассказать Мадлен все о своей семье, иначе она, вероятно, сочла бы, что я ей неровня.

— Ваша мать снова вышла замуж за чиновника? Поездка в Германию, должно быть, стоит ужасно дорого.

Я была рада, что она не допрашивала меня об учебе в университете. Но что я должна была ей ответить? Я решила сказать правду и уже мгновение спустя пожалела об этом.

— Значит за кузнеца? — Фальшивая улыбка Мадлен теперь полностью исчезла. — У вашей матери был капитал? Иначе она вряд ли смогла бы отправить вас в Германию, не так ли?

— Просто у меня появилась возможность это сделать, — смущенно ответила я и посмотрела на Лорена.

У него был немного растерянный вид. Он явно не ожидал, что его мать станет вдаваться в такие подробности.

Когда появилась служанка с лимонадом, это принесло мне небольшую передышку. В то время как холодный напиток стекал по моему пересохшему горлу, мне стало понятно, что это еще не все.

— Так вот, вы должны знать, что мой сын происходит из очень богатой и уважаемой семьи. Нам нужно блюсти нашу репутацию, и по этой причине было бы крайне прискорбно, если бы он женился на женщине, которую привлекает только богатство, но которая не умеет исполнять обязанности, им налагаемые.

При этих словах я чуть не поперхнулась. Мадлен действительно думала, будто я охочусь за деньгами Лорена! Или же это была ее манера оценивать невесту и ее наследство? Обида и страх вызвали боль у меня в желудке.

— Маман! — сердито воскликнул Лорен и хотел уже вскочить на ноги, но это была не

его битва.

— Мадам, я уверяю вас, что капитал Лорена меня совершенно не интересует, — сказала я и положила ладонь на его руку. Его тело было похоже на часовую пружину, которую завели слишком сильно. — Я совсем недавно узнала, что вы живете в замке. Если бы это был простой дом или даже хижина, меня бы это не смутило. Я люблю вашего сына за его душевные качества, а не потому, что у него есть деньги. Дело в том, что, когда я с ним познакомилась, я понятия не имела о его богатстве.

Я сама удивилась тому, как отчетливо прозвучали эти слова из моих уст, хотя внутри у меня все дрожало. Конечно, не все, что я сказала, было правдой, потому что, естественно, по виду Лорена сразу можно было догадаться, что у него есть деньги. Но как по-другому я могла бы объяснить этой женщине, что мои мотивы бескорыстны?

Мадлен уставилась на меня, и я заставила себя выдержать ее взгляд.

Через некоторое время она наконец отвела глаза, взяла бокал с лимонадом и отпила глоток. На несколько минут воцарилась тишина. Я взглянула на Лорена, и мне очень захотелось спросить его, что же теперь будет. Затем Мадлен сказала:

— Вы, конечно, устали с дороги. Луиза уже приготовила ваши комнаты.

— Это очень мило, — ответил Лорен и осушил свой бокал с лимонадом.

— Ханна, может быть, вы хотите перед ужином пройтись немного по замку или по саду? Лорен с удовольствием покажет вам все.

— Конечно, тапан, — ответил он, и, почувствовав, как расслабилось его тело, я поняла, что самое плохое уже позади.

Через несколько минут мы встали.

— Что ты хочешь посмотреть сначала — замок или сад? — спросил Лорен, когда мы поднимались по лестнице.

Наши комнаты находились на втором этаже, в южном крыле замка, как он мне объяснил.

— Сад, — ответила я, все еще пребывая в напряжении после состоявшегося разговора.

О чем еще будет расспрашивать меня его мать?

— Хорошо, сад. Тогда лучше всего надень вечернее платье. Моя мать уделяет очень большое внимание тому, чтобы одежда соответствовала времени суток.

Разумеется, Мадлен выделила нам по отдельной комнате — она явно опасалась, что мы займемся развратом. Разумеется, она полагала, что пара должна подождать до свадьбы.

Мой багаж уже стоял в комнате. Когда я открыла огромный, как шкаф, чемодан, в котором находился мой гардероб, то снова невольно вспомнила о том, что всего чуть больше года назад я не могла себе представить, что у меня будет платье на каждое время суток. А теперь у меня даже был выбор.

Одетая в нежное светло-голубое платье, талия которого сидела не особенно низко, и подходящие к нему туфли с перепонками, я постучалась в комнату Лорена, расположенную напротив.

— Боже мой, ты, наверное, единственная женщина, которая одевается быстрее, чем мужчина, — сказал он, впуская меня.

Он успел только поменять брюки. Его светлая спортивная рубашка лежала на кровати.

— Надеюсь, что ты меня за это простишь, — ответила я и поцеловала его. — Я хочу вести себя безукоризненно, чтобы твоя мать больше не нашла во мне никаких недостатков.

— Моя мать, конечно, их не найдет, — ответил Лорен, натягивая рубашку через голову.

Мне нравилось, когда после этого волосы у него на голове торчали в разные стороны.

— Я не понравилась твоей матери, — произнесла я, садясь на край кровати.

Вид из высоких окон был чудесным. Можно было разглядеть весь сад вплоть до примыкавшего к нему леса.

— Она думает, что я хочу добраться до твоих денег, и из-за этого испытывает отвращение ко мне.

— Нет, у нее нет к тебе отвращения. Но ты ведь знаешь, как это бывает у матерей. Они поверят, что их сыновья сделали правильный выбор, только если сами убедятся в достоинствах будущей невестки.

Я не была уверена в том, что Мадлен когда-либо сумеет оценить мои достоинства.

— Я из Индокитая. Там мы работаем на французов, но замуж за них не выходим.

— Мы находимся во Франции. И, собственно говоря, здесь вроде бы уже преодолели колониальную узколобость. Ты свободный человек, точно так же, как и твои земляки, и вы не хуже, чем мы. И я люблю тебя, пожалуйста, не забывай об этом!

— Я это знаю. Я тоже люблю тебя. Однако твоя мать...

— Не беспокойся из-за нее. Я могу быть очень своенравным. Когда я сказал ей о том, что хочу стать пилотом, она устроила скандал, потому что боялась, что я разобьюсь. А сейчас она расстроилась, потому что я не привел к ней в дом блондинистую Марианну! Но я скажу тебе: до сих пор мне всегда удавалось добиваться своего. Ты увидишь, она тебя еще полюбит. Все-таки ты оказала ей достойное сопротивление и удержала меня от спора с ней.

— Я сделала лишь то, что посчитала правильным, — ответила я. — Может быть, моя семья не богата, но я получила хорошее воспитание. Твоя мать ошибается, если думает, будто я не знаю, что такое традиции и честь семьи. Об этом известно и в Индокитае!

Лорен подошел ко мне и обнял.

— Я это знаю. И я рад, что нашел в себе мужество сблизиться с тобой. Я чувствую, что ты слишком хороша для меня. Я счастлив с тобой. И можешь мне поверить: ни одна из моих знакомых не понравилась бы моей матери.

— Разве среди них не было ни одной Марианны? — спросила я и снова почувствовала странную магию его близости, которая ослабила настороженность, возникшую во мне.

— Одну из них, кажется, действительно звали именно так. Но у нее было мало сходства с нашим национальным символом. От нее моя мать на самом деле пришла бы в ужас. — Лорен рассмеялся и, страстно поцеловав меня, добавил: — Давай совершим маленькую прогулку по парку. Свежий воздух пойдет нам на пользу, и, даже если я не горю желанием в один прекрасный день унаследовать все это, меня ничто не удержит от того, чтобы продемонстрировать даме своего сердца земельные владения моей семьи.

Когда мы шли через парк мимо красивых цветочных клумб, которые, если смотреть на них с высоты, образовывали фантастические узоры, мое волнение слегка улеглось. Сладкий аромат цветов был похож на запах цветов моей родины, и я наслаждалась, вдыхая свежий воздух, не пропитанный дымом.

Вскоре я заметила, что части сада отличаются друг от друга.

— Мой отец не жалел ни денег, ни усилий, чтобы собрать в нашем саду растения со всего мира. Те из них, которые не растут на французской земле, он посадил в теплице — там, на той стороне. — Лорен указал на куполообразное здание рядом с замком, возвышавшееся за плотной живой изгородью. — У нас есть прекрасная коллекция орхидей. Они, конечно, растут и на твоей родине, не так ли?

Я кивнула.

— А еще у нас есть жасмин. Один мой друг считает, что жасмин растет также и в Индокитае.

— Это правда. В доме моего отца были кусты жасмина. В детстве Тхань и я сидели под ними и...

— Тхань? — переспросил Лорен, и я вспомнила, что до сих пор ничего не рассказывала ему о ней.

С Тхань было связано мое похищение и мои угрызения совести.

— Это моя сестра... — ответила я.

Меня бросало то в жар, то в холод. Сначала мне пришлось пересказывать историю своей семьи матери Лорена, а теперь...

— Она осталась в Сайгоне, — уклончиво пояснила я, испытывая стыд оттого, что побоялась рассказать Лорену всю правду о себе.

К счастью, в этот момент нам навстречу вышел молодой темноволосый мужчина. На нем были бриджи, а поверх рубашки была надета клетчатая жилетка. Хотя у него с собой не было клюшки для гольфа, вид у него был такой, как будто он возвращался домой после этой игры. Может быть, по ту сторону леса у семьи де Вальер было свое поле для гольфа?

— Эй, Лорен! — крикнул он, увидев нас.

— А, наконец-то хоть один разумный человек! — воскликнул Лорен, когда мужчина приблизился, и шагнул ему навстречу, распахнув объятия. — Дидье, дорогой брат! Дай-ка я тебя обниму!

Мужчины тепло приветствовали друг друга, похлопывая по спине, а затем повернулись ко мне.

— Ханна, разреши представить тебе моего младшего брата Дидье. Дидье, это Ханна, о которой я тебе писал.

Молодой человек на самом деле был очень похож на Лорена, но черты его лица были несколько мягче, и он больше походил на юношу, чем на взрослого мужчину.

— Ага, значит, это вы хотите укротить старого бабника? — сказал он и сердечно пожал мне руку. — Я очень рад, что наконец-то познакомился с вами!

В его глазах тоже была улыбка, значит, он говорил искренне.

— Однако брат не написал мне, что вы такая красавица! Неудивительно, что модные фотографии сходят от вас с ума.

Об этом Лорен явно ему сообщил.

— Я хотел сделать вам сюрприз, — ответил Лорен и похлопал брата по плечу. — Было бы неинтересно, если бы я сразу все о ней рассказал!

— Можно подумать, что ты сам не сплошная загадка! — ответил Дидье. — А вы уже говорили с татан?

— Да. — Лорен улыбнулся мне. — Ты ведь ее знаешь...

— Еще бы! — проговорил Дидье.

Между ним и его братом явно существовал какой-то тайный код, с помощью которого они могли сказать друг другу то, что нельзя было говорить вслух.

— Но вы не должны позволить запугать себя, Ханна. Мой брат все равно не будет часто здесь показываться. А татан уж как-нибудь к вам привыкнет. Но вы не должны подавать вида, что боитесь. Не сдавайтесь, иначе вы пропадите.

— Я и не собираюсь сдаваться, пусть даже ваша мать способна внушить к себе огромное

почтение.

— Это правда, тамап такая. Но если познакомиться с ней поближе, становится ясно, что она настоящее сокровище! — Дидье снова повернулся к брату. — Мы ведь сегодня поужинаем вместе или ты собираешься умыкнуть этого ангела в Париж?

— Нет, сегодня мы полностью принадлежим семье. Надеюсь, папа тоже будет?

— Услышав, что ты снова появился из «страны бошей», он пообещал, что освободится ради этого от всех своих встреч и обязательств.

— Значит, мы можем ожидать, что сегодня вечером за столом он снова будет спрашивать меня, почему я понапрасну растрачиваю свою жизнь в Германии, вместо того чтобы заниматься делами его фирмы.

— И это тоже. А у меня, пользуясь возможностью, он опять будет интересоваться, когда же я наконец приведу в дом девушку. Если уж первенец не выполняет свой долг, то это должен сделать тот, кто родился вторым.

И снова братья обменялись многозначительными взглядами. Затем Дидье поклонился мне, взял меня за руку и поцеловал.

— Я очень надеюсь, что скоро вы будете принадлежать к узкому кругу семьи де Вальер, мадемуазель. Вы озарите чудесным светом наши запыленные залы. *Au revoir!*[24]

— Страна бошей? — спросила я, когда Дидье уже не мог меня слышать.

Несмотря на то что я очень хорошо говорила по-французски, этого слова я прежде не слышала.

— Это милое маленькое ругательство, обозначающее немцев. Тебе повезло, что ты не немка. Тогда тебе не разрешили бы ступить даже на порог нашего замка.

— Это все из-за войны?

Лорен рассказывал мне кое-что о своей родине, в том числе и о том, что между Германией и Францией была война.

— Из-за последней войны и той, что была перед ней. Ты должна знать, что все де Вальеры — большие патриоты. За свою родину они готовы броситься в бой, и за это им, бывало, наголо остригали череп.

— Череп? — Мне явно нужно было еще многому научиться в том, что касалось речевых оборотов.

— С них снимали скальп, как сказали бы на Диком Западе. Выражаясь более изысканно, они погибали. Но я считаю, что они могли бы избежать этого, если бы остались у теплой печки.

— Но если бы над вашей страной нависла угроза, неужели ты не пошел бы воевать?

— Конечно, пошел бы! Но нельзя возлагать вину на весь народ, если дело доходит до войны. Скорее, в этом виновато правительство страны и тот стрелок, пуля которого попала в твоих родных. У меня никогда не было предубеждений по отношению к немцам. Напротив, я считаю их очень культурной нацией. Тем не менее до того, как политика испортит нам вечер, давай лучше посмотрим на жасмин и теплицу, как ты считаешь?

Пока мы шли дальше, я снова вспомнила о своем отце и повстанцах. Я не могла ненавидеть своих земляков, которые восставали против французов, я даже могла их понять. И я знала, что тоже стала бы защищать свою страну, если бы на нее напали. Пусть даже для меня оставалось загадкой, как я могу это делать, находясь на таком удалении от родины.

И действительно, отец Лорена появился вечером за столом. Уже с первого взгляда он напомнил мне *тех t au*, которые приходили на званые вечера моей матери. Он был высокого



роста и худощавый, у него были густые, почти полностью седые волосы, а лицо имело решительное выражение.

Он тоже, казалось, не пришел от меня в восторг, но не стал допрашивать по поводу моих родителей. Без сомнения, жена уже доложила ему обо всем.

Я робко сидела за столом, испытывая огромный страх из-за того, что что-нибудь сделаю не так. Передо мной лежали различные ножи и вилки и стояли бокалы, которыми нужно было пользоваться в строгом порядке. Я немного помнила то, чему научила меня моя мать, однако мне казалось, что я выгляжу ужасно беспомощной.

— Скажите, дорогая, как ваша семья относится к колониальному правительству вашей родины? — внезапно обратился ко мне месье де Вальер. — Говорят, что среди вьетнамцев усиливается сопротивление. Здесь, в Париже, некоторые вьетнамцы поднимают голоса за независимость. Вы когда-нибудь слышали о парне по имени Нгуэн Ай Куок?

Он произнес вьетнамское имя совершенно неправильно, но в этот момент мне было все равно. Я догадалась, на что он намекает.

— Отец, разве это подходящая тема для разговора, когда юная дама в первый раз находится у нас в гостях? — пришел мне на помощь Дидье. — Ты бы лучше спросил ее о любимых цветах или о музыке, какие танцы ей нравятся и так далее.

Де Вальер бросил на сына мрачный взгляд. От своего вопроса он, разумеется, не отказался.

— Мой отец работал на колониальное правительство, — ответила я, изо всех сил стараясь оставаться спокойной. Мадлен явно рассказала мужу о нашем разговоре. — Во время беспорядков в Сайгоне его убила пуля, попавшая в него рикошетом. И нет, Нгуэна Ай Куока я не знаю.

Месье де Вальер пробормотал что-то неразборчиво, после чего спросил:

— Значит, вы не считаете, что Индокитай должен получить независимость от Франции?

Я снова вспомнила слова Лорена о патриотизме, и мне стало понятно, по какому тонкому льду я хожу.

— Честно говоря, я об этом никогда не задумывалась, — ответила я, потому что, собственно, была за то, чтобы *tâu* больше не правили моей страной.

Все же я действительно никогда об этом не задумывалась. Мой отчим ругал французов, но восхищался их прогрессом и не принимал участия в восстаниях.

— Насколько я помню, моя семья всегда имела хорошие отношения с французами.

— Хочется на это надеяться! — ответил месье де Вальер. — Как-никак, вы вытягиваете ноги под столом у француза и наслаждаетесь его гостеприимством! А у моего сына связь с вами. И было бы действительно неприлично, если бы вы использовали эту связь для того, чтобы нанести моим землякам удар в спину.

Мне показалось, что я ослышалась. Очевидно, месье де Вальер был еще хуже, чем его жена. И мне, как никогда прежде, очень захотелось вернуться к Элле в гардеробную танцевального зала.

— Неприличным является твое замечание, папа, — недовольно проговорил Лорен и пристально посмотрел на отца. — Ханна уже некоторое время живет в Германии, и я уверяю тебя, что она не планирует изгнать твоих друзей из Сайгона. А также прибрать к рукам твои деньги, чтобы финансировать бунтовщиков. Так что давай перейдем к более приятным темам.

Мадлен де Вальер вдруг побледнела, а Дидье напряженно уставился в свою тарелку. Я

не знала, что мне делать.

Я смотрела то на Лорена, то на его отца. Оба мрачно взирали друг на друга. Они казались мне оленями, которые сейчас с грохотом ударят рогами друг друга.

— Я... у меня сегодня была возможность посмотреть вашу оранжерею, — сказала я в надежде, что смогу предотвратить худшее. — У вас действительно прекрасная коллекция орхидей. И жасмин просто великолепен. Мне на секунду показалось, будто я очутилась в саду своих родителей.

В ответ на мои слова все промолчали, но потом я увидела, что Лорен и его отец немного расслабились.

— Это очень любезно с вашей стороны, — сказала Мадлен, и ее щеки снова порозовели.

Тем не менее она все равно оставалась напряженной. И хмурое выражение лица месье де Вальера нисколько не изменилось. Он смотрел в свою тарелку, сердито жевал кусок мяса и через несколько минут, сделав большой глоток красного вина, встал из-за стола:

— Извините меня, мне еще нужно поработать.

Месье де Вальер положил свою салфетку рядом с тарелкой.

— Но, Поль, не подождет ли работа до завтра? — спросила Мадлен, которая, в отличие от хозяина дома, показалась мне довольно приветливой. — Ты только приехал и так давно не видел Лорена.

— Того, что я увидел, достаточно, чтобы составить впечатление. Если вам что-то понадобится, вы сможете найти меня в кабинете.

С этими словами он повернулся и покинул столовую.

После его ухода воцарилась неловкая тишина.

— Боже мой, папа всегда такой напряженный! — Замечание Дидье разогнало тишину, как дуновение свежего ветра. Он широко и сердечно улыбнулся мне: — Я очень сожалею, что вам приходится видеть его таким, Ханна. Собственно говоря, он очень приятный человек, не так ли, татап? Может быть, у него просто неприятности на работе.

Мадлен поморщилась, однако кивнула и продолжила есть.

Я посмотрела на Лорена. Его лицо все еще было багровым. Больше всего мне хотелось взять его за руку и вывести на улицу, но я помнила уроки своей матери. В чужом доме нельзя было позволять себе такое.

Остаток вечера мы провели за ничего не значащей болтовней. По лицу Мадлен де Вальер я видела, что ей тоже очень хотелось встать и уйти, но приличия запрещали ей сделать это. И лишь когда ужин закончился и Дидье предложил перейти в садовый павильон, она смогла покинуть нас. Отдав еще пару указаний служанке, она удалилась.

— Да, вы получили представление о наших семейных отношениях, — сказал Дидье, засовывая руки в карманы. — Могу только посоветовать вам не появляться здесь слишком часто, потому что речь у нас всегда будет идти о патриотизме.

— Отцу не надо было нападать на Ханну, — проворчал Лорен. — Неужели это так трудно — сделать пару комплиментов или спросить о чем-нибудь безобидном? — Он обнял меня, словно защищая.

— Ты же знаешь отца, для него не существует и никогда не существовало ничего незначительного. Может быть, у него в клубе один из его друзей-колонистов как раз пожаловался на местных вьетнамцев. Или же его что-то огорчило. Наш отец не может по-другому.

Дидье ободряюще улыбнулся мне:

— Когда вы проведете пару таких раундов, вы не будете принимать это близко к сердцу.

— Мне не нравится, что тут предполагают, будто я охочусь за деньгами вашей семьи, — ответила я и прижалась к Лорену. — Богатство не имеет для меня значения, мне нужен только Лорен.

Мы посмотрели друг на друга влюбленными глазами, и Дидье насмешливо присвистнул.

— Ну, мне кажется, лучше оставить вас одних, — сказал он. — Ханна, я полагаю, что мать поселила вас в отдельной комнате.

— Да, а откуда вы знаете?

— Она всегда так делает. Но спит она крепко, так что если вы захотите поразвлечься, вам никто не помешает. — Он нахально подмигнул мне, а затем покинул павильон.

Мы с Лореном еще некоторое время постояли там, глядя на звезды. Да, мне действительно очень хотелось насладиться близостью со своим женихом. Но на самом ли деле Мадлен спала так крепко?

Через некоторое время мы тоже зашли в дом, при этом не встретив ни одного человека. Так что Лорен сразу же потащил меня в свою спальню.

— Что за вечер, не правда ли? — сказал он, срывая с себя галстук и снимая пиджак. — Но я уверяю тебя, что ты сражалась храбро. И мне кажется, где-то глубоко в душе ты за свободу своих земляков. По твоим глазам я увидел, каким был бы твой искренний ответ.

Лорен широко улыбнулся и прижал меня к себе:

— А то, что и как мой отец говорил об этом революционере, вызвало у меня желание с ним познакомиться.

— Но это не понравилось бы твоему отцу.

— Ему многое во мне не нравится, поверь мне. Знакомство с повстанцем не может быть хуже, чем безразличие к его торговым делам.

— Ты все еще сердись на него? Или на меня?

— На тебя? Никогда! — Лорен поцеловал меня. — А что касается моего отца... Тут совершенно другое. Но мы не должны сегодня об этом думать!

Его губы соскользнули с моей шеи на плечи. Я была согласна с Лореном, но тем не менее видела казавшуюся мне непреодолимой преграду в виде последующих дней. Если мне не повезет, то месье де Вальер не вернется в Париж и еще два вечера будет пытаться загнать меня в угол.

Но все эти мысли отошли на второй план, когда я услышала возбужденное дыхание Лорена и почувствовала, как его руки снимают с меня платье.

В день, когда мы собрались уезжать, мне стало намного легче. Заметив это, Лорен взял мою руку и поцеловал ее.

— Теперь мы нескоро тут появимся, — пообещал он, не обращая внимания на то, что шофер мог услышать его слова за гулом мотора.

Неужели это правда? Я не хотела думать об этом. Я хотела только одного — поскорее вернуться в Берлин, потому что там я чувствовала себя в безопасности. Мне хотелось вернуться к моим фотосессиям, ведь перед моим отъездом Хэннинг объявил мне, что получил заказ от одного новомодного журнала. Лорен мог бы заняться делами, которые казались ему важными. В последнее время он оказывал поддержку одному литературному кружку, благодаря чему мы часто наслаждались литературными чтениями.

Единственное, что периодически омрачало мое настроение, кроме размышлений о том, что же произошло с Тхань, был вопрос: не убила ли я тогда Хансена. Случались моменты,

когда мне с большим трудом удавалось не думать о нем. К счастью, Лорен этого не замечал, а даже если и замечал, то притворялся, будто ничего не видит. Иногда я говорила себе, что боги не напрасно послали мне это счастье, ведь мне пришлось заплатить за него дорогой ценой. И если Хансен все же пострадал, это, по крайней мере, было справедливо.

Наконец-то спустя долгое время у меня будет своя, прекрасная жизнь...

## 19

Когда они доехали до Блюмензее, было темно, хоть глаз выколи. Луна спряталась за облаками, а в окнах виллы уже не горел свет. Мария, очевидно, улеглась спать сразу же после звонка матери.

Ханна и Мелани молча взобрались по лестнице и вошли в дом. Их одинокие шаги гулко разносились по дому.

Во время поездки Ханна продолжала рассказывать свою историю, держа в руках фотографии, которые подарила ей фотохудожница.

— Вот это был денек, правда? — спросила прабабушка, когда они поднялись наверх. — Я надеюсь, что моя история не слишком тебя утомила.

Мелани покачала головой:

— Твоя история — нет, зато...

— Зато утомила Катя, не так ли? — Ханна осторожно погладила правнучку по руке. — Да, это действительно было некрасиво, но нельзя было оставлять ее слова без внимания. Не расстраивайся, она обозлена и, кажется, никому не намерена давать передышку. Ее нападки были не только несправедливыми, но и абсолютно ненужными, ведь, как бы там ни было, ты никогда не собиралась бросать Роберта в беде.

— Нет, не собиралась. Но когда я пару дней не появилась у его больничной кровати, она начала в это верить.

Ханна глубоко вздохнула и пожала плечами:

— Ну да. Зато теперь она знает, что именно мы все об этом думаем.

На какое-то время они замолчали.

— Grand-mère, — произнесла Мелани, — спасибо, что ты меня защитила. Честно говоря, я никогда не видела тебя такой сердитой.

**Больше книг Вы можете скачать на сайте - [ReadRoom.me](http://ReadRoom.me)**

Ханна слегка улыбнулась:

— Ты моя правнучка. Ты и так достаточно настрадалась из-за несчастного случая с Робертом, и я не могу допустить, чтобы эта женщина осыпала тебя несправедливыми упреками, а потом еще и пыталась убедить отменить помолвку и найти себе другого. Ты знаешь, что я очень вежливый человек, но это было уже слишком.

— И все же это было очень мило с твоей стороны.

Ханна кивнула и слегка пожала правнучке руку, а затем повернулась к своей комнате.

— А ты и этот Лорен... — начала Мелани, и Ханна снова повернулась к ней. — Вы на самом деле поженились?

Ханна опустила глаза.

— Извини, рассказ об этом нам, наверное, придется отложить до завтра. Я ужасно устала.

— Конечно, grand-mère, спокойной ночи.

— И тебе тоже, дитя мое.

С этими словами пожилая дама ушла в свою комнату. Мелани бросила ей вслед быстрый взгляд и отправилась в противоположном направлении.

В своей комнате она опустилась на кровать. Это действительно был длинный день. Но, кроме стычки с Катей, он был довольно приятным.

И все же история Ханны очень запутана. Мелани чувствовала, что с Лореном произошло что-то такое, чего Ханна не хотела. И, кроме того, был еще один факт: ее прадеда звали Дидье. Неужели их первая встреча имела далеко идущие последствия?

Но, если Мелани правильно поняла, Лорен и Ханна были обручены. Что же произошло между ними и какую роль в этом сыграл Дидье?

И вдруг ей очень захотелось поговорить об этом с Робертом. Конечно, она обещала своей прабабушке хранить ее историю в тайне, но Мелани уже размышляла над тем, как бы она могла рассказать Роберту о своей прабабушке и о ее увлекательной жизни.

«Наверное, мне все-таки надо снова поехать в клинику, — подумала она. — Пожалуй, я уже созрела для этого».

Мелани шла по знакомым коридорам, держа в руке письмо, которое хотела отдать Роберту.

Но, пока она подходила к отделению, все вокруг вдруг изменилось. Больница стала старой, а современная униформа медсестер превратилась в длинные, до пола, халаты. На высоких прическах были чепчики. Медсестры смотрели сквозь Мелани, словно ее здесь не было. И тем не менее она продолжала свой путь. Везде пахло воском, которым натирают паркет. Деревянный пол скрипел под ее ногами.

Даже дверь в палату, казалось, была из прошлого. Мелани нажала на ручку и вошла. Роберт лежал на старой больничной кровати, а рядом с ним сидела женщина, одетая в черное.

Аппаратов, которые поддерживали в нем жизнь, здесь не было. Он выглядел совершенно спокойным.

— Катя? — спросила Мелани, потому что была уверена, что это — ее будущая свекровь.

«Почему она в черном?» — спросила себя девушка. Она подошла к кровати и увидела, что Роберт не дышит. Его лицо было белым как мел, а глаза запали. Мелани отпрянула. Этого не может быть! Роберт не мог умереть!

Она хотела резко развернуться и убежать, но ей это не удалось. Она стояла, словно прикованная к месту, а в это время женщина в черном повернулась к ней. Действительно, это была Катя. Она злобно прошептала:

— Ты бросила его в беде...

От испуга Мелани проснулась и с часто бьющимся сердцем принялась нащупывать свой мобильный телефон. Он выскользнул у нее из пальцев и приземлился где-то под кроватью, после чего она вылезла из-под одеяла и стала его искать.

Мелани с трудом открыла глаза. Ее сердцебиение вновь участилось.

«Это всего лишь сон», — сказала она себе, но сейчас ей надо было посмотреть на телефон, она должна была убедиться, что ничего не случилось. Наконец Мелани удалось дотянуться до мобильного. Еще находясь под кроватью, она включила телефон, но на дисплее не было новых сообщений. Она вздохнула с облегчением и вылезла из-под кровати. И только сейчас она заметила, как дрожат ее руки. Однако ее сознание уже прояснилось. Постепенно пульс нормализовался. Но тревога осталась.

Неужели этот сон был пророческим? Или же все это приснилось ей после встречи с

Катей?

Когда тревога даже через несколько минут не улеглась и Мелани поймала себя на том, что снова и снова смотрит на дисплей в поисках sms, она встала и надела халат. Мобильный телефон она опустила в карман и тихо вышла из комнаты.

Когда Мелани, будучи ребенком, не могла уснуть, ее мать всегда давала ей чай из фенхеля. Но девочка ненавидела этот чай за его странный запах, хотя он действительно ей помогал. «Может быть, стоит попробовать?» — подумала Мелани и направилась в кухню. Там она включила чайник и стала искать чай из фенхеля. А был ли он вообще в доме у ее бабушек? Перебрав различные сорта зеленого и черного чая, Мелани нашла пару жалких пакетиков в дальнем углу. Их срок хранения уже давно истек, но чай ведь, собственно говоря, не мог испортиться, не так ли? Мелани положила один пакет в чашку и посмотрела в окно, в котором отражалась ее фигура.

— Тебе тоже не спится, да? — спросил ее чей-то голос.

Мелани испуганно вздрогнула. В двери стояла Ханна. Она, наверное, услышала, что по дому кто-то ходит.

— Мне приснился дурацкий сон, и я подумала, что чашка чая поможет мне снова уснуть.

— Это хорошая идея, — сказала Ханна и села на свое место за кухонным столом. — Ты заваришь и мне чашечку? Если я сама себе не помогу, то сегодня ночью не смогу сомкнуть глаз.

— Может быть, ты расскажешь мне, о чем был твой сон? — спросила Ханна, когда Мелани села с ней за стол.

— О Роберте. Мне приснилось, что он умер и Катя упрекала меня в этом.

Рука девушки потянулась к мобильному телефону, но затем остановилась. Если бы пришло сообщение, она услышала бы сигнал.

— Катя — ужасная женщина! — воскликнула Ханна и плотнее запахнула халат. — Она доведет тебя до безумия. Не обращай внимания на ее болтовню!

— Я бы солгала, если бы стала утверждать, будто не обратила на это внимания. Но у меня самой такое ощущение, что я делаю для Роберта слишком мало.

— Ни в коем случае не думай так! — резко возразила Ханна. — За прошлые недели ты сделала очень много и будешь продолжать это делать. Время, которое ты здесь провела, до сих пор шло тебе на пользу, и я уверена, что твои резервы после этого несколько пополнятся. Человеку нужен запас энергии, чтобы быть сильным. Обязательно.

Чайник закипел, забулькал, а затем отключился. Мелани встала и налила воду в чашки. Через несколько секунд аромат целебной травы заполнил кухню.

— Свадебное платье в комнате для шитья... Ты знала, что оно принадлежало твоей прапрабабушке? — спросила Ханна, взяв чашку в руки, и сдула пар через край чашки.

Между тем стрелки кухонных часов перепрыгнули на три часа ночи. «Если бабушка застанет нас здесь, то очень рассердится», — подумала Мелани с таким наслаждением, какого уже давно не испытывала.

— Нет, я этого не знала.

— Я взяла его с собой, когда уехала из замка. Теперь уже не могу сказать, по какой причине. У меня со свекровью были не очень хорошие отношения, и, наверное, она бы ужасно разозлилась, если бы узнала, что это платье у меня. Может быть, я забрала его именно поэтому, а может быть, думала, что его когда-нибудь наденет Мария. Я и твоя

бабушка были в прекрасных отношениях. Как бы там ни было, но на своей свадьбе Мария была в другом наряде. А это платье сохранилось.

— Оно очень красивое.

— Да, и если его немного подремонтировать, оно еще долгие годы будет радовать людей. Я на это надеюсь.

Какое-то время прабабушка и правнучка молчали, глядя в свои чашки и ожидая, когда чай можно будет пить.

— А как, собственно, складывались дальше твои отношения с Лореном? — в конце концов спросила Мелани и замолчала, когда порыв ветра ударил в окно и оно заскрипело.

Неужели опять начался дождь?

— Я все время задаю себе вопрос: почему ты вышла замуж за Дидье? Вы с Лореном что, порвали отношения?

Ханна задумчиво рассматривала правый рукав своего халата. Она сняла ниточку с ткани, а затем взглянула на Мелани.

— Ты знаешь, в жизни человека все может измениться буквально за минуту. Иногда думаешь, что ты нашла свое счастье, а затем оказывается, что все совершенно иначе.

Мелани обхватила чашку ладонями. Приятное тепло согревало ее руки, но внезапно у нее на душе почему-то стало ужасно холодно, как будто ветер, который дул снаружи, за стенами дома, нашел дорогу к ее сердцу.

— Я знаю. Когда я прилетела из Хошимаина, то могла ожидать всего, чего угодно, но только не того, что Роберт в тот миг, когда я приземлилась, попал в аварию. — Мелани покачала головой. — Я имею в виду, неужели я не должна была это почувствовать? Я прочитала его сообщение, когда ожидала свой чемодан. Но внутренний голос ничего мне не сказал. Я даже не знала, что в это время моего жениха уже везли в больницу. Ведь моя интуиция должна была сработать, не так ли?

Ханна положила ладони на руки Мелани:

— Поверь мне, когда люди утверждают, что они чувствуют приближение несчастья, они лгут. Когда между тобой и каким-нибудь человеком существует очень тесная связь, именно поэтому несчастье всегда случается неожиданно.

Она снова откинулась назад, на какое-то мгновение застыла в молчании, а затем осторожно попробовала чай.

— Чай действительно хороший, — сказала Ханна и вынула из кармана фотографию, на которой были запечатлены она и Лорен.

— Я, собственно говоря, хотела спокойно рассмотреть ее, но раз уж ты здесь, я могу рассказать тебе о том, что было дальше, не так ли? Разве что ты захочешь спать...

Мелани покачала головой:

— Я все равно уже не усну, у меня нет ни малейшего желания снова увидеть какой-то тревожный сон. Может быть, ты хочешь поставить его фотографию в комнату для предков?

Она всегда считала это место немного жутковатым, потому что знала, для чего оно предназначено. Мысль о том, что там на тебя со всех сторон смотрят мертвые предки, всегда была для нее очень неприятной.

— Нет, я поставлю его фотографию рядом с моей кроватью, это будет подходящее место для нее, ты так не считаешь?

Мелани кивнула.

Ханна с любовью погладила пальцем щеку Лорена и ненадолго замолчала. Затем она

продолжила свой рассказ.

## 20 Берлин, 1928

Пребывая на седьмом небе от счастья, я и не подозревала, что надо мной сгущаются грозные тучи. Я была занята Лореном, приготовлениями к свадьбе и предложением известного американского фотографа приехать в Нью-Йорк.

— Мы поедем в Нью-Йорк вдвоем, — заявил Лорен сразу же, как только поступило это предложение. — Если хочешь, это будет нашим свадебным путешествием!

— Свадебное путешествие, связанное с работой?

Я скептически подняла брови. Собственно говоря, я хотела провести медовый месяц не с людьми, занимающимися модой, и не с фотографами, а вдвоем с Лореном.

— Ты права, так действительно не пойдет. Итак, куда бы ты хотела поехать в свой медовый месяц? В Индию или Египет?

Я уже некоторое время думала над этим и взвешивала все «за» и «против».

— В Индокитай, — ответила я.

— Значит, домой? — ласково улыбнулся мне Лорен.

— Да, домой. Может быть, ты захочешь познакомиться с моей матерью и отчимом-кузнецом.

— А ты не могла представить меня им раньше? — спросил он.

Я уловила в его словах скрытый упрек и кивнула:

— Да, я должна была сделать это раньше. Вот только, к сожалению, до сих пор у меня не было такой возможности.

— Разве ты не написала им, что выходишь замуж?

Я покачала головой:

— Нет, я... Я хочу поставить их перед свершившимся фактом.

— Ты имеешь в виду, что у них могут возникнуть возражения против нашего брака?

И вдруг я задала себе вопрос: действительно ли это хорошая идея — начинать жизнь со свадебного путешествия в Индокитай? Слишком много объяснений было связано с этим. Высказывая это пожелание, я думала лишь о том, что можно будет кое-что узнать о Тхань, и забыла, что в моей жизни была теневая сторона, в которую я не хотела посвящать Лорена.

— Не знаю, — ответила я. — Моя мать, может быть, и нет. Ведь она сама по любви вышла замуж за моего отца. Однако у моего отчима не особенно хорошее отношение к французам. Кроме того, он не знает, что я нахожусь здесь, в Германии. Этого не знает никто из моей семьи.

Чувствуя, что сказала лишнее, я встала и подошла к окну. Собиралась июльская гроза. Темные тучи почти полностью поглотили солнечный свет. Но дождь принесет прохладу и вымоет воздух дочи́ста. Город ждал этого уже много дней.

Я думала, что Лорен станет задавать мне вопросы, тем не менее он молчал.

— Может быть, нам стоит поехать куда-нибудь в другое место, — печально сказала я и немного погодя почувствовала, что Лорен стоит рядом со мной.

Его рука нежно обхватила мою кисть и сжала ее.

— Мы поедем туда, куда ты захочешь, — сказал он. — Все равно — в Индокитай или на край света. Я обещаю, что дам тебе время и буду ждать, пока ты сможешь рассказать мне о том, что с тобой случилось.

Я повернулась и посмотрела ему в глаза. Его взгляд, как всегда, был открытым, и я не



сомневалась в том, что он сдержит свое обещание. Но, несмотря на любовь, между нами, наверное, всегда будет некоторая недосказанность.

Однажды после обеда, когда я вернулась домой после похода по магазинам и хотела подготовиться к встрече с Хэннингом, я нашла у себя на кровати конверт. Он явно пришел не по почте, потому что марки на нем не было. И не был указан отправитель.

Сначала я подумала, что это Лорен оставил мне какое-то сообщение. Он с утра отправился в небольшое путешествие, чтобы встретиться с представителем американского фотографа, который пригласил меня на съемку. Как я уже убедилась, был заключен договор о моей работе, а Лорен был мастером вести переговоры.

Может, он написал мне пару ласковых слов, которые должны были поддержать меня во время его отсутствия? Без всякой задней мысли я открыла конверт.

Правда, уже взглянув на почерк, я поняла, что письмо было не от него. Поначалу я даже не могла понять смысл слов и, только прочитав еще раз, осознала, о чем идет речь.

«Очевидно, в своей новой прекрасной жизни ты забыла обо мне и о том, что ты со мной сделала. Я не печалюсь о тебе, маленькая сучка, но не считаешь ли ты, что было бы уместно выплатить мне небольшую компенсацию? Все-таки после твоего исчезновения я потерял доход. Не говоря уже о цене, которую я заплатил, покупая тебя.

Твой дружок из высшего света, конечно, не знает, сколько мужиков имело его сладкую невесту. Как ты думаешь, что он скажет по этому поводу? И что скажут твои новые друзья?

Я тоже человек. Если бы я им не был, я бы подослал к тебе кого-нибудь, кто решил бы этот вопрос в мою пользу. Но если ты будешь лежать на дне реки, я не получу от этого никакой выгоды.

Заплати мне сто тысяч рейхсмарок, и я забуду об этом деле. Через два дня к тебе подойдет мужчина и спросит насчет ответа. Если ты согласишься и передашь ему деньги, то никогда больше обо мне не услышишь. Если нет, вся общественность узнает о том, что ты грязная проститутка.

Х.»

Словно оглушенная, я опустилась на кровать. Хансен. Черт возьми, как же он меня нашел? Гамбург ведь был так далеко...

Но затем я поняла: фотографии! Конечно, он узнал меня на одном из снимков в модных журналах. Или же на фотографии с нашей помолвки. Нет, таких журналов он не читает. Может быть, он увидел один из номеров у своих девочек? Или у Жизель...

Я закрыла глаза. Этого не может быть! Наверное, мне снится страшный сон. Нет, я не спала, я чувствовала, как что-то сжимается в моей груди. Уже давно я не испытывала такого страха.

Мне не давали покоя мысли. Что мне теперь делать? Пойти к Лорену? Попросить у него денег? Но тогда мне придется рассказать ему обо всем. Придется объяснить ему, что я работала проституткой. Это ужасно разозлит его, в этом я была убеждена. Я могу потерять все. Но какая же альтернатива? Просить у Хансена пощады не имело смысла. Наверное, он испытывал дикое удовольствие, когда писал это письмо. Может быть, мне найти его и убить? Для этого у меня не хватало мужества. Я знала, что не смогу заставить себя убить человека. Несмотря на то что Хансен причинил мне так много страданий, время от времени меня мучили угрызения совести, потому что я не знала, жив он или нет.

Слезы заливали мои глаза. Я была в ярости, чувствовала себя совершенно беспомощной и не имела ни малейшего понятия о том, что делать дальше.

Наверное, это было наказанием за мое тщеславие. Если бы я тогда не пошла к Хэннингу Вильниусу, если бы не позволила уговорить себя сделать фотографию, а затем не вернулась и не сделала еще несколько фотографий, Хансен, наверное, никогда не узнал бы о том, где я нахожусь.

Где же мне взять сто тысяч рейхсмарок? Благодаря фотосессиям я зарабатывала очень хорошо, но не так много, чтобы собрать необходимую сумму. То, что требовал от меня Хансен, было целым состоянием!

Я могла бы пойти в полицию. Но поверят ли мне там? Помогут ли?

Не говоря уже о том, что тогда Хансен расскажет обо мне все. Даже если его арестуют, общественность все равно узнает о моем прошлом.

Мысли не давали мне покоя еще некоторое время, а затем мой разум прояснился. Существовал всего один способ удержать Хансена от того, чтобы он вылил на меня грязь и тем самым принес несчастье Лорену. Мне нужно было исчезнуть. Убежать.

Может, существует возможность как-то имитировать собственную смерть? В этом я не была уверена. Кроме того, если бы я так сделала, это разбило бы Лорену сердце. Но разве оно не будет разбито оттого, что я, не говоря ни слова, убегу? Может быть, сказать ему, что я его больше не люблю? Возможно, тогда он сможет найти себе другую. Какую-нибудь Марианну, которая понравится его матери больше, чем я. Но я не желала лгать. Я любила Лорена! Я не хотела, чтобы он был счастлив с другой женщиной.

Хотя, впрочем, может, будет лучше его отпустить? Дать ему возможность влюбиться в такую женщину, которую не преследует прошлое. И которая не представляет для него опасности.

Я приняла решение.

За несколько часов я собрала в сумку все, что мне было нужно для поездки. Я не взяла с собой красивых платьев, только самое необходимое. Даже голубое платье, которое подарил мне Лорен, я оставила здесь. Я упаковала только практичную обувь и зимние вещи и, кроме того, забрала свой паспорт. Затем я опустошила ящик сейфа. Лорен настоял на том, чтобы у меня был свой счет, но в сейфе было достаточно наличных денег, чтобы я могла продержаться в ближайшие месяцы. Я была уверена, что найду себе работу и мне не придется израсходовать все деньги.

Когда я собрала вещи, мне пришлось бороться с собой, раздумывая о том, не оставить ли Лорену хотя бы маленькую записку. Письмо шантажиста Хансена я бросила в огонь и убедилась в том, что оно полностью сгорело.

В конце концов я все же решила написать Лорену письмо. На маленьком листке бумаги, найденном в его письменном столе, я написала: «Я люблю тебя. Ханна». Затем положила листок на его подушку. Лорен должен был знать, что мои чувства к нему остались неизменными, пусть даже я причинила ему невыносимую боль. Потом я взяла свою сумку и еще раз осмотрела квартиру. Это было бы прекрасное жилище для нас. И, может быть, для наших детей. Но я не могла допустить, чтобы Хансен все разрушил. Я больше не хотела зависеть от его милости — лучше уж я сама уничтожу свое счастье и свое будущее, исчезнув.

Все же я не сразу отправилась на вокзал. Я еще раз хотела увидеть то место, которое сделало меня такой счастливой. Вполне могло быть, что Хансен уже выставил там своих шпионов, но я была готова пойти на риск.

Итак, я взяла такси и попросила отвезти меня к еврейскому приюту для детей, после заплатила водителю и перешла на другую сторону улицы. Эта сторона находилась в тени, и

даже уличное освещение было здесь довольно тусклым.

Танцевальный зал сиял, как всегда. Китайские фонарики указывали людям, желающим веселиться, путь к входу, перед которым некоторые посетители ожидали, пока их пустят внутрь. Был слышен громкий беззаботный смех, а из окон Зеркального зала раздавалась музыка. Это разогревался оркестр. Никто не обратил на меня внимания. Эти люди мысленно уже предавались развлечениям, и их нельзя было за это упрекнуть. Я и сама сейчас с бóльшим удовольствием танцевала бы в объятиях Лорена, чем стояла бы с чемоданом на улице.

Я снова подумала об Элле, которая стояла за стойкой гардероба и, конечно, кокетничала с посетителями, принимая у них одежду. Что она скажет, когда узнает о моем исчезновении? Наверное, она меня не поймет и решит, что я сошла с ума, раз бросила такого мужчину, как Лорен.

Странно, что мне было не безразлично, что она обо мне подумает. Но у меня не было другого выхода. То, что мог бы устроить Хансен, могло, конечно, коснуться и ее. Элла узнает, что все это время я лгала ей. Так что лучше, если я исчезну из ее жизни.

После того как я некоторое время постояла там, впитывая в себя как можно больше впечатлений о балхаусе, я направилась к метро. Слезы заливали мне глаза. Люди, которые шли мне навстречу, конечно, думали, что я потеряла работу или что меня бросил любовник. К счастью, никто не подозревал о том, что я вынуждена была оставить самое дорогое, что у меня было, потому что не так легко стряхнуть с себя тень прошлого.

Прибыв на вокзал, я снова взяла себя в руки, однако брела, словно в тумане. Остановившись перед расписанием, я обнаружила еще один ночной поезд до Кельна. Оттуда я могла бы поехать дальше.

Я купила себе билет и вышла на платформу. Там я опустилась на одну из скамеек. Таблички с указателями качались на ветру, который гулял по вокзалу. Был прекрасный летний вечер. «Почему Лорена не было дома? — подумала я. — Но тогда он, наверное, увидел бы это письмо. И все пропало бы». А теперь я, по крайней мере, могла тешить себя иллюзиями, что он никогда не узнает о том, что было когда-то со мной в Гамбурге.

Когда перрон стал заполняться пассажирами, я почувствовала себя немного увереннее. Вот-вот должен был прибыть поезд, и через пару минут я покину Берлин.

Мысль о том, что я никогда больше не увижу Лорена, разрывала мое сердце на части, и у меня на глазах снова выступили слезы. И тут подошел поезд. Паровоз протасил вагоны по рельсам, замедлил ход и наконец остановился. Двери распахнулись, и оттуда устремился поток людей. Влюбленные бросались друг другу в объятия, мужчины приветствовали своих деловых партнеров, а бабушки — внуков в матросских костюмчиках.

Я помедлила. «Может быть, мне все-таки лучше остаться и выдержать все до конца?» — пронеслось у меня в голове.

Но если я доверюсь Лорену, ему будет угрожать опасность. Он попытается найти Хансена и может попасть в руки его бандитов. Я не хотела, чтобы с ним что-нибудь случилось.

А затем внезапно меня осенило. Если станет известно о моем исчезновении, об этом сообщат в газетах. Если Хансен нашел меня через газету, то он точно так же узнает о моем исчезновении и, таким образом, поймет, что денег я ему не дам. Я схватила свой чемодан и пошла к вагону, в который уже садились пассажиры.

— Ханна? — произнес вдруг удивленный голос позади меня.

Я окаменела, но заставила себя идти дальше. Это был Хэннинг, в этом я не сомневалась. Что он делал на вокзале? Может быть, кого-то встречал? Мое сердце забилося в бешеном ритме, и я ускорила шаг.

— Ханна! — крикнул Хэннинг мне вслед, но я сделала вид, будто не слышу его.

Навстречу мне устремилось целое облако пара, когда паровоз открыл свои клапаны. Оно окутало меня, и я воспользовалась этим моментом, чтобы сесть в вагон. К счастью, проводник дал свисток всего на мгновение позже. Паровоз издал пронзительный гудок и тяжело тронулся с места.

## 21

— Значит, ты снова совершила побег? — спросила Мелани, глядя на дно своей чайной чашки.

Остатки чая за это время уже успели остыть. За окном кухни занимался рассвет.

— Да, я убежала. И это бегство снова изменило всю мою жизнь. — Ханна устало вздохнула и встала. — А сейчас нам нужно поспать, иначе мы проснемся только к вечеру.

— Да, и бабушка удивится, почему мы не хотим выбираться из постелей, — пошутила Мелани, но вынуждена была признать, что и она чувствовала себя так, словно все ее тело налилось свинцом.

Девушка тоже поднялась, во второй раз пожелала прабабушке спокойной ночи и направилась в свою комнату. Там она упала на постель и уснула. Мелани спала до тех пор, пока полуденное солнце своим ласковым щекотанием не разбудило ее.

Она испуганно вскочила и стала искать свой мобильный телефон. Было без четверти двенадцать. На дисплее было сообщение. Мелани быстро прочитала его. Оно было от матери, которая хотела узнать, благополучно ли они добрались до Блюмензее. Мелани тут же ответила ей, а затем подошла к окну.

Снаружи раздался сигнал туристического автобуса, очевидно, первые гости уже были здесь. Почему же Мария ее не разбудила?

Единственным объяснением этому было то, что Ханна рассказала дочери: вчера они засиделись допоздна.

Мелани бодро нырнула под душ, а потом оделась. Пробежку вокруг озера она решила сегодня пропустить. Да и, кроме того, похоже, собирался дождь.

После того как Мелани сварила себе кофе и достала кусок торта, она пошла прямо в швейную комнату. Сама не зная почему, она внезапно почувствовала желание починить старое свадебное платье. Мелани и раньше любила сидеть за швейной машинкой, может быть, потому что ей при этом хорошо думалось. Ведь в шитье было что-то от медитации.

Это был не новый, с иголки, суперсовременный механизм, а очень простой экземпляр — одна из первых электрических машинок, которая могла делать лишь несколько видов стежков. Зато уже несколько десятилетий она исправно работала. Мелани сняла чехол, погладила ручку и повернулась к манекену. Порез, который оставил осколок стекла, хоть и был довольно длинным, но зато находился в таком месте, которое было закрыто рюшами и украшениями. Осмотрев место повреждения, девушка заметила, что с обратной стороны платья, в подкладке, распустилось несколько швов. Она заколола их, а затем взялась за работу.

Под стрекотание швейной машинки ее мысли вернулись во вчерашний день. Наверное, мадам де Вальер тоже упрекала бы Ханну, если бы ее сын лежал в коме. Неужели все матери

испытывают неприязнь к своим невесткам, когда речь идет об их сыновьях? К сожалению, Мелани не могла получить совет по этому поводу в своей семье, потому что все ее предки производили на свет только дочерей.

«Ах, Роберт! — подумала она. — Если бы ты поскорее пришел в себя! Если бы все снова стало нормально!»

Эта мысль исчезла, когда Мелани натолкнулась на трудное место. Снизив скорость швейной машины и сосредоточившись на протягивании ткани, она почувствовала, что на душе у нее стало легче. Мелани прикусила губу, глубоко вздохнула и лишь спустя несколько секунд, когда поняла, что ей все удалось, выдохнула воздух из легких.

С довольным видом девушка осмотрела свою работу. «Я все еще кое-что умею, — подумала она. — Может быть, мне стоит больше заниматься шитьем?»

Мелани обратилась к двум другим швам, а потом снова надела платье на манекен. Поврежденных мест почти не было видно. Тот, кто раньше не видел это платье, вообще не мог их заметить.

Когда открылась дверь, Мелани посмотрела в ту сторону.

— О, ты здесь! — воскликнула Мария, увидев сидящую за машинкой внучку. — А я уже подумала, что звук швейной машины мне почудился.

— Мне захотелось сделать что-нибудь полезное, — ответила Мелани и указала на платье.

— Ты его починила?

Девушка кивнула:

— Да, я подумала, что ты занята в музее, а поскольку в нашей семье каждый умеет обращаться со швейной машинкой...

Мария оглядела платье, и на ее лице появилось гордое выражение.

— Я уже думала, что тебе никогда не пригодится умение работать на машинке. Но ты не забыла того, чему я тебя учила.

— Большое спасибо, бабушка.

— Вместо того чтобы убирать на чердаке, тебе, может быть, лучше чинить испорченные платья?

— Что, их так сильно повредила моль?

— Нет, я имею в виду те платья, которые вы выложили в салоне.

— Я почию их с большим удовольствием, а на чердаке я уже почти закончила. Еще один заход, и вы сможете устраивать наверху джазовые концерты. Места там хватит.

Мария задумчиво посмотрела в окно. Вид у нее был немного печальный.

— Вы вчера очень долго были в дороге.

— Да, правда.

— Все было в порядке?

Мелани смущенно посмотрела на кайму на своей футболке, которая кое-где слегка распустилась.

— Пока я была в городе с grand-mère, да. Но когда появилась Катя... Ты, конечно, можешь себе представить, что было потом.

Мария кивнула:

— Мамап сегодня утром выглядела как-то невесело. Я спросила ее, что случилось, но она не захотела мне ничего рассказывать. Как всегда.

По тону бабушки было понятно, что она чувствует себя как бы исключенной из их круга.

Что было неудивительно, ведь в последние дни Ханна проводила очень много времени с Мелани, тогда как Мария занималась разбитой витриной и музеем.

— Ты сказала бы мне, если бы она доверила тебе что-то, что могло бы быть важным и для меня?

Мелани, застигнутая врасплох, испуганно посмотрела на бабушку:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, если бы она сказала тебе, что чувствует себя нехорошо, что у нее что-то болит. Ты знаешь, Ханна не любит говорить со мной о своем здоровье. Она знает, что я тут же начну беспокоиться.

— У нее ничего не болит, — ответила Мелани, испытывая облегчение оттого, что Мария не имела в виду ничего другого. — У нас вчера действительно был очень хороший день. Но из-за Кати Ханна, конечно, вышла из себя.

— Да, она об этом упоминала. Она заявила, что если бы твой Роберт не был таким милым мальчиком, то она бы отговорила тебя выходить за него замуж из-за такой свекрови.

Мелани подняла брови:

— Этого она мне не сказала!

— И я тоже так считаю. Твой Роберт — действительно очень приятный парень, и я надеюсь, что вскоре ты сможешь заключить его в объятия. Но ты должна будешь рассказать ему о том, как повела себя его мать.

— Я думаю, что это вряд ли будет иметь значение, когда он снова придет в себя, — ответила Мелани. — У Роберта своя жизнь, и его мать обычно не указывает ему, что он должен делать.

Мария кивнула, протянула руку и погладила платье.

— Оно принадлежало моей бабушке Мадлен, — сказала она. — Мамап хотела, чтобы я надела его на собственную свадьбу, но время опередило нас. На свою свадьбу я надела костюм, который сшила себе сама. Он больше подходил для бракосочетания с простым мужчиной с побережья Северного моря. — От этого воспоминания на ее лице, как по волшебству, появилась исполненная любви улыбка.

— А почему, собственно говоря, ты не открыла свой бутик? — спросила Мелани.

Она очень хорошо помнила свадебную фотографию бабушки, мать хранила ее вместе с другими многочисленными снимками в толстом альбоме с кожаным переплетом.

— У тебя действительно есть к этому талант. Твои швейные работы просто великолепны.

— Ты так считаешь? — скупой улыбнулась Мария. — Ну, если ты так говоришь, то мне этого вполне достаточно.

— Это, конечно, говорю не я одна.

Мелани выключила швейную машинку. Мария опустилась на маленький табурет рядом с внучкой.

— Ты знаешь, не всегда легко быть дочерью королевы шляпниц. Естественно, с детством у меня связано очень много приятных воспоминаний. Я посещала хорошую школу, и мамап брала меня с собой на балы. Но тем не менее... Мир богатых и красивых людей меня не привлекал. Я всегда хотела быть собой, шить, видеть, как что-то возникает под моими руками. Поэтому я постоянно держалась в стороне и вела себя сдержанно в том, что касалось моей карьеры. Мне было достаточно того, что я хорошо зарабатываю и могу вносить вклад в семейный бюджет. Я познакомилась с твоим дедом, и у нас все было

хорошо. Бóльшего от жизни я не желала.

Она погладила Мелани по руке:

— Мне нужно идти. Посмотрю, как там тамап, а затем сменю в музее Сюзанну. С группой туристов, посетивших нас сегодня в обед, было нелегко, и Сюзанне нужен отдых.

С этими словами женщина поднялась и вышла из швейной комнаты. Мелани еще минуту посидела, рассматривая свадебное платье и задавая себе вопрос: как выглядела в нем мать Лорена и Дидье?

В этот день после обеда работа по расчистке чердака была не особенно плодотворной. Бóльшая часть из того, что находила Мелани в сундуках и ящиках, очутилось в мусорных мешках. Время и полчища моли доконали ткань. Спасти можно было всего лишь несколько аксессуаров — таких, как шляпки и веера, — да и те нуждались в ремонте. Все остальное Мелани отнесла вниз.

Она оказалась права: возвратившись на чердак, Мелани пришла к выводу, что почти закончила работу. По краям стояло несколько старинных предметов мебели, но ими она не должна была заниматься. В коробках, ящиках и сундуках, которые стояли рядом, хранились вещи, которые были еще пригодны к употреблению. Тут надо было всего лишь раз подмести и, может быть, пропылесосить накидки на мебели — и работа была бы закончена.

Гордая тем, что ей удалось сделать, Мелани опустилась на скамейку. Она прислушалась к шуму ветра над крышей. До ее слуха долетел гул туристического автобуса. Очевидно, шумная группа туристов, заполнившая музей, уезжала.

«И что теперь? — спросила себя девушка. — Может, мне стоит уехать домой? Или же здесь для меня найдется еще какая-нибудь работа?»

Ей вспомнилось свадебное платье. Ремонтируя его, Мелани получила огромное удовольствие. «Может быть, мне снова начать шить?»

Жужжание в кармане отвлекло ее от размышлений. Девушка вытащила мобильный. На дисплее высветился номер телефона Шарлотты.

«Боже мой! — подумала Мелани. — Я о тебе совершенно забыла». Какое-то время она боролась с собой, решая, отвечать или нет, затем все же ответила.

— Два дня, — сказала Шарлотта, как только Мелани отозвалась.

— Что? Тебя теперь так зовут? — спросила Мелани и усмехнулась.

В первый раз за долгое время она снова пошутила с Шарлоттой. Однако та, казалось, была не в особо хорошем настроении.

— Очень смешно! Дорнберг дает тебе еще два дня, а затем хочет знать ответ.

Этого Мелани и боялась. Она тут же снова стала серьезной. Как и раньше, ее очень влекла эта профессия, эта работа, и она также знала, что это значит для ее карьеры. Но если Катя вышла из себя уже сейчас, когда она позволила себе пару дней отдохнуть на вилле прабабушки... Кроме того, Мелани вспомнила, что сказала Мария. Ей было достаточно, чтобы у нее был муж, ей не нужна была слава. Может быть, Мелани она тоже не нужна — или она могла бы достичь ее другим путем, а не благодаря Дорнбергу...

— Послушай... — начала она. — Большое спасибо, что ты добилась отсрочки, но мне кажется, что я не смогу.

— Что? — Голос Шарлотты поднялся до невообразимой высоты. — Ты что, серьезно?

— У меня нет выбора. Роберт по-прежнему в коме, и, кто знает, может быть, именно в это время ему понадобится моя помощь.

— Но такое предложение не повторяют!

— Значит, у меня просто будет другая работа.

— Но никогда уже не будет такого предложения!

Мелани вздохнула. Шарлотта была права. Но в данной ситуации это ничего не меняло.

— О'кей, сделаем так, — сказала ее ассистент. — Ты эти два дня как следует подумаешь. В пятницу мы снова свяжемся, и я приму любое твое решение, независимо от того, какими будут последствия.

— Хорошо, — ответила Мелани, потому что знала: сейчас ей не удастся убедить Шарлотту поступить иначе.

— И я прошу тебя, для разнообразия снова подумай о себе, Мел. Роберт отнесся бы к этому с пониманием. Может быть, до тех пор все снова будет в полном порядке, а потом он надерет тебе уши за то, что ты упустила такую возможность.

— Было бы чудесно, если бы он снова мог надрать мне уши. — Мелани невесело усмехнулась.

— Он обязательно это сделает, можешь мне поверить. Ну, пока-пока, созвонимся в пятницу.

Что же делать? Неужели Шарлотта думала, что за два дня что-то изменится? Мелани еще какое-то время смотрела на мобильный телефон, а потом снова сунула его в карман. Сейчас ей нужен свежий воздух и трава под ногами.

С последним мешком, набитым непригодными вещами, девушка направилась вниз по лестнице.

— Ну как там, наверху? — спросила Мария, которая шла по коридору ей навстречу с подносом в руках.

— Я почти справилась. Осталось лишь немножко подмести, и все снова будет в порядке. Однако нам нужно будет подумать о том, что делать со всеми этими платьями в салоне.

— Починить их одно за другим, — ответила бабушка. — Свадебное платье действительно получилось очень красивым. Может быть, тебе захочется остаться тут еще на пару дней и заняться платьями? У меня на следующие два дня ожидается десять туристических групп. Ты явно приносишь нам удачу.

— Вам и так всегда сопутствует удача, бабушка.

Мелани взвалила мешок на плечи.

— Ну, это с какой стороны посмотреть. В настоящий момент нам не на что жаловаться, но так же быстро может наступить полный штиль.

— Только не с новыми экспонатами! — рассмеялась Мелани. — Да, я с удовольствием побуду у вас еще немного.

— Ты придешь наверх выпить чашку чая? Ты ведь и вправду ее заслужила!

— Может быть, позже. Я просто хочу немного размять ноги и подумать. Ты же меня понимаешь...

— Хорошо. Тогда до скорой встречи!

Мария повернулась и понесла поднос в салон. Мелани, улыбаясь, посмотрела ей вслед, а затем потащила мешок вниз.

## 22 Париж, 1928

И снова я стояла с маленьким чемоданчиком на вокзале, не зная, куда мне идти. Однако в отличие от прошлого раза, когда я приехала в Берлин, теперь я не была бедной. Я взяла



большую часть своих денег и ценных бумаг. Этого должно было хватить, чтобы продержаться год, а может быть, и два. Я могла снять маленькую квартиру, а затем отправиться на поиски работы.

Во время поездки мои мысли снова и снова возвращались к Лорену. Чем он сейчас занимается? Ищет ли меня? У меня разрывалось сердце, и все же я ничего не могла поделать. Лорен был со мной, и навсегда со мной останется. Так же, как и Тхань. И, наверное, будет лучше, если он забудет меня. Мое прошлое всегда будет преследовать меня, появление Хансена это доказало.

Держа чемодан в руке, я шла вдоль платформы. Дым паровоза поглотил мою фигуру и выпустил ее на свободу только перед лестницей, ведущей к выходу. От меня не укрылось, что многие мужчины смотрели на меня с любопытством, некоторые — с удивлением. Неужели они меня узнали? Нет, это было маловероятно, хотя французские фотографы тоже меня снимали. Я была рада, что с этого момента я просто иностранка с экзотической внешностью, имени которой никто не знает.

На протяжении многих дней я безуспешно искала себе работу. Поселилась я в маленьком частном пансионате. Жилье стоило недорого, и оттуда я каждый день отправлялась на поиски. Конечно, я могла бы обратиться в любой бутик, для которого меня фотографировали, но, наверное, их владельцы узнали бы меня. А я не хотела, чтобы Хэннинг и Лорен выяснили через них, где я нахожусь. Не говоря уже о том, что я даже знать не хотела, разразился скандал или нет.

Однажды, прогуливаясь по спокойным кварталам Парижа, я проходила мимо шляпной мастерской и магазина, где продавались эти шляпки. Выбор был таким впечатляющим, что сначала я даже не обратила внимания на листок, приклеенный к витрине и уже несколько пострадавший от непогоды. И лишь вдоволь налюбовавшись произведениями искусства из фетра, сатина, перьев и драгоценных камней, я заметила этот листок и прочла напечатанные на пишущей машинке слова:

«Ищем ученика или ученицу. Пожалуйста, обращайтесь в магазин».

Больше там ничего не было написано. Ученица шляпного мастера. Звучало заманчиво. Может быть, я была несколько старовата для ученицы, но тем не менее моя рука словно сама собой легла на ручку двери и под мелодичный перезвон колокольчика я вошла в магазин.

— Что я могу сделать для вас, мадам? — спросила женщина, которая вошла в магазин сразу же после того, как прозвенел колокольчик, причем она появилась прежде, чем я успела подробно рассмотреть выставленные в магазине шляпки.

Ее голос был прокуренным и мягким, словно тук бархата. Мне показалось, что ей за сорок. Волосы женщины были склоты в элегантный пучок, и на ней было довольно тесно облегающее серое платье, которое слишком сильно подчеркивало ее изобилующую женскими изгибами фигуру. Ее лицо казалось таким же благородным, как и одежда, хотя под правым глазом у нее был шрам.

— Я увидела объявление на двери и хотела спросить, свободно ли еще это место.

Казалось, мой вопрос удивил женщину.

— Вы хотите быть у меня ученицей? — Очевидно, ей было трудно представить меня в этой роли.

— Да.

— А почему вы этого хотите? Что вы делали до сих пор?

— Я... я работала гардеробщицей. И шила.

Взгляд женщины скользнул по моим рукам.

— А что вы шили?

— Одежду, занавески... Я также перелицовывала вещи.

— Вы не ответили на мой первый вопрос: почему вы хотите стать шляпницей?

— Я в восторге от шляпок, — ответила я, и это было сказано вполне искренне. — Я хотела бы научиться их изготавливать.

— А в вашей семье есть шляпные мастера?

— Нет, — сказала я. — Хотя я уверена, что смогу научиться этому искусству.

Женщина кивнула, но по-прежнему смотрела на меня скептически.

— Сколько вам лет?

— Двадцать, мадам.

— У вас есть какие-нибудь документы об образовании?

Я покачала головой. Меня бросало то в жар, то в холод. Конечно, нужны документы, если хочешь идти в ученики. После того как нам пришлось выселиться из дома моего родного отца, я больше не училась, потому что мне пришлось работать.

— Нет, мадам. Мои документы потерялись во время поездки.

— Вы приехали из Индокитая?

Я подтвердила это, однако не стала добавлять, что прибыла не прямо из колонии, а из Берлина.

— Ремесло модистики требует навыков и ума. Читать и писать вы умеете?

— Несколько лет у меня был частный учитель.

— Но, к сожалению, у вас нет никаких документов, которые подтверждали бы определенный уровень образования, — строго заметила женщина. — Хотя вы могли бы посещать вечернюю школу, пока будете работать у меня.

Ходить в школу! Именно об этом мечтали мы с Тхань.

— Я с удовольствием буду ходить в эту школу, если вы возьмете меня на работу.

Женщина снова испытующе посмотрела на меня и сказала:

— Хочу быть честной. Нельзя сказать, что молодые женщины ломаются ко мне, желая получить профессию шляпницы. Я не могу платить вам большую зарплату, да и магазин у меня маленький. Девушки в наше время хотят стать либо стенографистками, либо артистками. О старой доброй профессии мастера-шляпника они вспоминают лишь тогда, когда могут надеть на голову какое-нибудь его творение. А как его изготавливают, им все равно.

Женщина глубоко вздохнула, а потом посмотрела мне прямо в глаза:

— Хорошо, я попробую. Вы поработаете месяц. Если у вас будет неплохо получаться, я начну вас обучать. Но лучше вам не быть слишком чувствительной, вы меня поняли?

— Да, мадам.

— Хорошо, тогда поставьте свой чемодан в угол и идите со мной.

— Куда?

— В мастерскую.

— Но...

Женщина, которая уже повернулась, чтобы идти, остановилась и снова посмотрела на меня:

— Вы ведь хотите стать шляпницей?

— Да.

— Тогда вам следует сразу же кое-чему научиться.

Мадам Бланшар велела мне снять пальто и указала место за одним из столов. Инструменты, лежавшие там, были мне совершенно незнакомы. Там были различные формы и растяжки для шляп, щетки, а также пароструйный агрегат и швейная машинка. На рабочем месте мадам Бланшар лежали филигранные шелковые цветы, ленты для шляп и перья, у которых был такой вид, словно им кто-то придал форму с помощью щипцов.

Пусть даже мне были абсолютно неизвестны рабочие этапы изготовления шляп, я чувствовала себя хорошо в этом помещении, где царил незнакомый запах.

Мадам Бланшар рассказала мне о назначении различных инструментов, а потом попросила испробовать их. Выполнять надо было простую работу, например, придать форму листку для шелковой розы или изогнуть перо с помощью маленького лезвия, а не с помощью щипцов для завивки. При этом мадам Бланшар внимательно наблюдала за мной, не отрывая взгляда от моих рук.

— Вы, кажется, довольно умелая, — наконец заметила она. — Посмотрим, проявите ли вы достаточно внимания и понимания, которых требует наша профессия. Много платить я вам не смогу, времена сейчас тяжелые, однако вы можете жить со мной под одной крышей и днем будете получать горячую еду, если захотите. Если вы хорошо проявите себя во время испытательного срока, я официально приму вас на работу и также официально буду вас обучать. Это вам подходит?

Вот так я поселилась в маленькой квартирке на верхнем этаже, которая находилась над мастерской мадам Бланшар. Там было тесно, воздух был спертым, а летом, конечно, было очень жарко. Тем не менее для меня это было отличное укрытие от всего мира и, в том числе, от Хансена.

В первый вечер я несколько часов просидела у окна, глядя на звезды. Отсюда я не могла видеть знаменитую Эйфелеву башню, но вид звездного неба успокаивал меня. Мои мысли унеслись в Берлин. Лорен за это время уже должен был вернуться из своей поездки и, конечно же, нашел пустую квартиру и мою записку. Хэннинг, безусловно, сказал ему, что видел меня на вокзале. В глубине души я надеялась, что у них все будет хорошо. И у Эллы, которая, скорее всего, узнала о моем исчезновении только тогда, когда напрасно звонила в мою дверь или прочла об этом в газетах, тоже. Я была уверена, что они подали заявление в полицию. Если Хансен находился в Берлине или там были его люди, то он уже увидел объявление о моем исчезновении. Значит, скоро он откажется от поисков. А без меня ему некого будет шантажировать.

Первые дни в мастерской были трудными и напряженными, потому что мадам Бланшар снова и снова заставляла меня повторять отдельные рабочие процессы. Особенно тяжело мне давалась формовка фетра. Однако женщина, которая поначалу показалась мне несколько грубоватой, оказалась, собственно говоря, довольно терпеливой и любезной.

Работа в течение дня отвлекала меня от грустных мыслей, но по ночам я лежала, не в состоянии уснуть, или же мне снились кошмары. Иногда, когда я вспоминала, какую жизнь оставила в Берлине, я плакала до тех пор, пока не засыпала.

Через несколько недель мне стало немного легче. По воскресеньям, когда у меня был выходной, я гуляла по улицам города, восхищаясь площадью Де Вож и любуясь прекрасными старинными зданиями. Также я бродила по широким бульварам и даже один раз позволила себе посетить Лувр, а потом и другие музеи. Будучи ребенком, я не подозревала, что *tâu* — народ с великой историей и с не менее великим искусством. Когда я, вдохновленная новыми

идеями, приходила в мастерскую и рассказывала мадам Бланшар о своих впечатлениях, она смеялась и говорила, что я, наверное, опять провела слишком много времени в обществе пыльного старья. Но говорила она это в шутку, а не со зла, и некоторые из моих идей с удовольствием воплощала в жизнь или позволяла мне воплотить их в новой шляпке. Когда эту шляпку покупали за хорошую цену, я гордилась гораздо больше, чем когда меня фотографировали для модных журналов.

Однажды утром, проснувшись, я почувствовала ужасную тошноту. Мне было плохо, и в конце концов меня вырвало. Неужели я съела что-то не то?

После того как у меня в желудке больше ничего не осталось, мне стало немного легче. Я помылась, оделась и пошла вниз в мастерскую. Однако запахи в ней были более интенсивными и резкими, чем раньше. Не могу сказать, что они были неприятными, но все же показались мне какими-то странными.

— Боже мой, Ханна, вы выглядите ужасно! — заметила мадам Бланшар, увидев меня.

И она была права. Вид у меня действительно был жутковатый.

— В таком состоянии вы не сможете работать. Идите наверх и отдохните. Или, еще лучше, заварите себе чаю и возьмите его с собой.

Я сделала так, как она сказала. Однако чай принес мне лишь временное облегчение. На следующее утро все повторилось снова. Я чувствовала себя еще хуже, чем вчера.

— Вы должны посетить доктора Лефевра и пройти у него обследование, — посоветовала мне мадам Бланшар, когда и на четвертый день рвота не прекратилась. — Так больше не может продолжаться.

Я подчинилась и отправилась к врачу. Я со страхом ожидала, что у меня обнаружат ту ужасную болезнь, которая когда-то убила мать Тхань. Моя подруга рассказывала мне, что ее мать часто тошнило.

Врач не был пожилым, как тот, что работал в Гамбурге, на вид ему было примерно столько же лет, сколько и мадам Бланшар. Это был привлекательный мужчина немного за сорок. Он отправил меня за ширму, где я должна была раздеться до пояса, а затем обследовал меня.

Когда я появилась из-за ширмы, врач очень серьезно посмотрел на меня. Я была уверена, что сейчас он вынесет мне смертный приговор. Он указал на стул, стоявший возле его письменного стола, и, когда я села, сказал:

— Мадемуазель, вы совершенно здоровы. Однако я не знаю, обрадует ли вас новость, которую я хочу вам сообщить.

— А почему бы и нет? — спросила я.

Ведь если я здорова, ничто не может меня напугать.

— Вы в своей карточке указали, что не замужем.

— И как это связано с моим состоянием?

— Вы беременны.

Я даже не знала, что на это сказать. Беременна? Но...

Да, конечно! В ночь перед отъездом Лорена мы переспали. С тех пор как мы обручились, я больше не следила за своим циклом. Что плохого в том, что женщина, которую любит Лорен, родит ему ребенка?

И у меня будет этот ребенок — но не будет мужчины, который мог бы жениться на мне.

— Мадемуазель? — произнес доктор, после того как я просидела некоторое время, словно окаменевшая.

— Да? — смущенно спросила я.

Ребенок! У меня будет ребенок от Лорена. Но не будет Лорена. Я не могла вернуться к нему, потому что тогда Хансен осуществит свой план... Неожиданно я расплакалась.

Врач, кажется, ожидал этого, потому что тут же протянул мне носовой платок.

— Если вы не хотите этого ребенка, я могу сказать вам, куда вы можете сдать его после родов... — сочувственно начал он.

У меня моментально высохли слезы. Я испуганно посмотрела на него.

— Что?

Врач покраснел:

— Я имею в виду, на тот случай, если...

— Я не хочу никому отдавать своего ребенка, — ответила я и сразу же успокоилась. — Я выращу и воспитаю его одна. Я всего лишь на минуту растерялась. Вот и все.

Врач кивнул, но в его глазах я заметила сомнение. Да я и сама знала, что мне будет нелегко. Я хорошо помнила мать Тхань, которая вынуждена была одна заботиться о своей дочери, после того как погиб ее муж.

Но я была не рыбачкой из Сайгона, а мастерицей по изготовлению шляп. И у меня все еще была бóльшая часть моих денег, которые я заработала на съемках — я надежно спрятала их под своей кроватью.

Врач назвал мне предположительную дату родов и попросил еще раз позже зайти к нему, чтобы он мог послушать сердце ребенка. Я поблагодарила его, оплатила счет и ушла.

На улице мне показалось, что все вокруг изменилось. Я стану матерью! Я уже давно не была ребенком, но до сих пор должна была заботиться только о себе. Теперь все будет иначе. И хотя эта новость меня обескуражила, я все же хотела сама справиться с ситуацией.

Но мне предстояло еще кое-что: я должна буду объяснить все мадам Бланшар! С холодными трясущимися руками я стояла в нескольких метрах от шляпной мастерской. У меня было такое же чувство, как тогда, когда, придя домой, я узнала о том, что меня собираются выдать замуж. Разница была лишь в том, что тогда мне было неизвестно, что меня ожидает. Сейчас я это знала, но не было Тхань, к которой я могла бы побежать и рассказать о том, что произошло.

Поскольку я не могла вечно стоять на улице в ожидании неизвестно чего, я собрала все свое мужество и вошла в мастерскую.

— Ну, что сказал врач? — осведомилась мадам Бланшар.

Я глубоко вздохнула и задумалась, имеет ли смысл что-то скрывать от нее. Еще раз убежать мне не хотелось. Рано или поздно она заметит, что я беременна.

— У меня будет ребенок, — ответила я и внутренне настроилась на то, что хозяйка выставит меня за дверь.

Действительно, мадам Бланшар словно застыла в движении. Она медленно повернулась на своем вращающемся табурете ко мне лицом и внимательно посмотрела на меня.

— Ребенок?

Я кивнула.

— Он от моего жениха. — Я подумала, что должна это объяснить. — Но мы уже не вместе...

Мадам Бланшар фыркнула. Это не сулило ничего хорошего.

— Тебе придется найти себе другую квартиру, — сказала она.

У меня опустились руки.

— Значит, вы увольняете меня?

— Что ты надумала?! — возмущенно воскликнула она. — Нет, конечно! Но ты ведь не сможешь жить там, наверху, в тесной комнатухе с ребенком!

Я, ничего не понимая, уставилась на нее:

— Вы хотите сказать, что вы меня не увольняете?

— Дитя мое, что с вашими ушами? Нет, конечно, я вас не увольняю. Напротив, я помогу вам найти квартиру, в которой вы сможете растить своего ребенка.

Она встала и, к моему изумлению, обняла меня.

— Ребенок — это подарок. А если мне под руку попадется ваш бывший жених, я надеру ему уши.

— В этом нет необходимости, — сказала я. — Я уж как-нибудь сама справлюсь. Огромное спасибо за то, что вы разрешили мне остаться у вас.

Мадам Бланшар кивнула и отпустила меня.

— Ну как, вы справитесь с тошнотой?

Я кивнула. Врач сказал, что тошнота будет появляться только по утрам, а днем я должна питаться как обычно, потому что желудок у меня в полном порядке.

— Ну, тогда приступайте к работе!

Благодаря посредничеству мадам Бланшар мы всего через месяц нашли для меня квартиру в доме недалеко от мастерской. Она была маленькой, но все же больше, чем комнатуха под крышей. Кухня и туалет были в коридоре. С домом, в котором мы жили с Лореном в Берлине, ее нельзя было сравнить, но все же она принадлежала мне и в ней я чувствовала себя в безопасности.

На новоселье мадам Бланшар подарила мне старый диван, который стоял у нее на чердаке, а некоторые соседи принесли мне кое-какие вещи, которые были им не нужны, зато были нужны мне.

Время шло, мой живот постепенно округлялся, а тошнота в конце концов совсем исчезла. Наступила зима, и подошел к концу 1928 год. Мадам Бланшар вела себя очень дружелюбно. Женщина, так и не встретившая настоящего мужчину, с которым она могла бы создать семью, приняла меня как дочь и вместе со мной отпраздновала Рождество. Она приготовила для меня пунш без алкоголя, потому что придерживалась мнения, что беременная женщина не должна пить, и мы с ней за прекрасным ужином наслаждались звоном колоколов, который раздавался вокруг.

Конечно, мне было немного стыдно, потому что, собственно говоря, мадам Бланшар была моей начальницей, но я уже знала, что на Рождество стираются любые границы и что начальница тоже человек и ее право и обязанность — хорошо обращаться со своими подчиненными.

В начале нового года я снова появилась у доктора Лефевра. Он был доволен и моим состоянием, и состоянием ребенка. Доктор дал мне пару рекомендаций и снова отослал домой.

В тот день улицы были пустыми, потому что холод быстро разогнал людей по домам. Я плотнее запахнула шерстяное пальто и, нагнув голову, попыталась защититься от ветра.

— Ханна? — раздался вдруг чей-то удивленный голос за моей спиной.

Я застыла. Голос показался мне знакомым, но не принадлежал ни Лорену, ни Хэннингу. Кто же меня нашел?

И вдруг я испытала настойчивое желание убежать подальше отсюда. Но тут кто-то

схватил меня за руку и повернул к себе лицом.

Это был Дидье, брат Лорена! Он удивленно смотрел на меня.

Стоя напротив него, я не могла заявить, что он меня с кем-то спутал.

— Дидье! — сказала я и только потом заметила печальные морщинки возле его глаз.

Без сомнения, Лорен рассказал ему о моем исчезновении. И, конечно, они оба очень злились на меня.

— Вот так встреча... — В его голосе не было ни капли радости. — Значит, ты в Париже?

— Я...

— Конечно, ты здесь! Вопрос только в том, каким ветром тебя сюда занесло. И что тебя прогнало из Берлина.

Я не могла дать ему ответ: слова застряли у меня в горле. Все это время я старалась не думать об этом. Лорен снился мне, однако я постепенно вытесняла его образ из своей памяти. Я оправдывала свое бегство тем, что не хочу подвергать его опасности. Но сейчас, увидев Дидье, я поняла, что поступила эгоистично. Я думала только о себе и о том, что Хансен может со мной сделать.

— У тебя найдется свободная минута? — спросил Дидье, продолжая удерживать меня.

Я кивнула. Наверное, он не поверил бы мне, если бы в воскресенье я сделала вид, будто очень тороплюсь.

— Тогда давай зайдем в кафе и поговорим, — предложил он.

— Нет, не в кафе, — ответила я, потому что была уверена: мне не удастся сохранить самообладание.

— Итак, куда же тогда?

— Мы можем пойти ко мне на квартиру, — предложила я.

Конечно, это было не идеальное место, потому что я не знала, не выйдет ли Дидье из себя. Но другого варианта у меня не было.

— Ладно, пойдем к тебе. Я лишь надеюсь, что там никому не помешаю.

— Нет, не помешаешь.

Мы молча шли по улице. Мне не давала покоя неизвестность. Может быть, Лорен послал Дидье, чтобы тот нашел меня? Как там мой бывший жених? Что происходило с ним все это время? Мог ли Хансен, заметив, что я исчезла, вылить на меня лавину грязи? Осуществил ли он свою месть?

Мы поднялись по обшарпанной лестнице и остановились перед дверью моей квартиры. Соседка, живущая этажом выше, как раз кричала на своих детей. Где-то плакал грудной младенец.

— Значит, ты здесь живешь? — спросил Дидье.

Это были первые слова, которые он произнес с того момента, как мы отправились в путь.

— Да, я здесь живу, — ответила я, зная, что он заметил потрескавшуюся краску на стенах, выцветшую дверь и разводы над ней, которые появились из-за того, что соседи залили ванную. Даже в «Красном доме» обстановка была лучше.

Я открыла дверь и жестом пригласила Дидье войти.

Жалкий вид дома имел продолжение внутри квартиры, и я это понимала. Но меня это не смущало. В Сайгоне были здания, которые выглядели гораздо хуже, чем это.

Я провела Дидье в гостиную, где он сел на диван, подаренный мадам Бланшар. Я в

смущении стояла перед ним, пока он не догадался подвинуться и постучать по дивану рядом с собой.

— Ну, садись. Я не хочу, чтобы твои щиколотки стали еще толще.

Я нерешительно последовала его приглашению.

— Как дела у Лорена? — спросила я и взглянула на Дидье.

Он не стал смотреть мне в глаза, а отвел взгляд, уставившись на маленькое окно с потрепанными гардинами. У меня не было возможности сшить новые занавески.

— Он мертв, — ответил Дидье ледяным тоном.

Даже если бы он дал мне пощечину, мне было бы не так больно, как услышать от него эти слова.

— Мертв?

Я с трудом произнесла это слово, потому что у меня перехватило дыхание. Мне показалось, что на мою грудь свалился огромный, весом в центнер, камень.

Дидье кивнул, но по-прежнему не смотрел на меня.

— Но как же... Как? — беспомощно проговорила я, отказываясь верить его словам.

— Его самолет разбился. После того как ты исчезла и он не смог тебя найти, Лорен вернулся домой и, пытаясь отвлечься, стал часто летать. И однажды, наверное, двигатель отказал или... — Дидье замолчал. Он не произнес этих слов, но я догадалась, что он имел в виду: Лорен из-за меня добровольно ушел из жизни.

Я откинулась на спинку дивана, не в состоянии что-либо сказать или сделать. Мое тело онемело. Слезы хлынули у меня из глаз. Они, как жемчужины, скатывались по щекам, но плакала я молча. Я чувствовала себя статуей, по которой стекает дождь.

Не знаю, сколько я так просидела. Дидье ничего не говорил, он сидел рядом со мной, как окаменевший. Мы смотрели в окно на крыши Парижа, исчезающие в темноте.

Собственно говоря, мне хотелось кричать и рвать на себе волосы, но сил для этого не было. Слезы продолжали катиться по моему лицу, но я не могла пошевелиться. Сначала я потеряла Тхань, затем Ариану, а теперь человека, которого любила больше жизни. Наверное, Тхань была права: цветы из храма были прокляты; теперь же меня постигла кара — я постоянно теряю тех, кого люблю.

— Ты беременна, — в конце концов сказал Дидье.

Его слова как-то странно прозвучали в тишине.

Я кивнула:

— Да, я узнала об этом через месяц после того, как приехала сюда. У меня не было никого, кроме Лорена. Это его ребенок.

Меня мучило ужасное чувство вины. Если бы я осталась в Берлине, если бы я объяснила все Лорену, вместо того чтобы убегать, может быть, он был бы жив и у него была бы возможность увидеть своего ребенка.

— И... У тебя есть кто-то? Я имею в виду — мужчина?

Я испуганно взглянула на Дидье.

— Конечно, нет.

— Лорен думал, что ты бросила его ради другого мужчины.

— Нет, — ответила я, — все намного сложнее. Это... это связано с моим прошлым.

— Значит, ты продолжала любить Лорена?

Дидье ничего не знал о моей записке. Видимо, Лорен не сказал ему об этом. Может быть, он даже не поверил мне после того, как я исчезла.



— Я все еще люблю его...

Я больше не могла сдерживаться и расплакалась. Я была рада, что все это происходит не в кафе, где на меня смотрели бы десятки людей.

Дидье некоторое время с растерянным видом сидел на диване, а затем его руки обняли меня. Он ничего не сказал мне, но меня очень утешало то, что он был рядом со мной, потому что в нем была часть Лорена. Моего Лорена, который женился бы на мне, который искал меня и в конце концов подумал, что я бросила его ради кого-то другого.

Я еще некоторое время предавалась печали, но затем почувствовала, как ребенок слегка толкнул меня. Это было его первое движение, которое я ощутила. Я замерла и схватилась за живот.

— Что такое? — испуганно спросил Дидье. — Тебе плохо?

— Нет, это... это ребенок толкается. Малыш, наверное, хочет сказать мне, что я должна перестать плакать. — Я высморкалась в носовой платок, который протянул мне Дидье.

— Мне кажется, что он хочет утешить тебя. — Он погладил меня по голове и улыбнулся. — Или поиграть в футбол, если это мальчик.

Как же мне хотелось, чтобы это был мальчик, который был бы похож на Лорена!

Эта мысль действительно утешила меня, и мне удалось снова взять себя в руки, пусть даже печаль тяжким грузом по-прежнему лежала у меня на сердце.

— Что теперь?.. — спросила я, поскольку была уверена, что Дидье не захочет больше говорить о ребенке. — Что теперь делает твоя семья?

— Моя семья, как всегда, остается моей семьей. Отец надеялся, что Лорен возьмется за ум, но именно меня он посвящал в свои дела. Ты можешь себе представить, что я был не особенно счастлив по этому поводу. Я тоже хотел бы остаться в Берлине и предаваться там своим наклонностям, но добрые феи, способные исполнить три желания, стали в последнее время большой редкостью. Так что я занял свое место и выполняю свои обязанности. Но это даже лучше, потому что благодаря этому я не могу слишком часто думать о Лорене.

Он опустил глаза, но потом все же взглянул на меня.

— Ты знаешь, я возненавидел тебя, когда узнал, что ты взяла и исчезла. Я уже решил, что ошибся в тебе. Затем я задал себе вопрос: не виноваты ли мои родители в том, что ты сбежала? Они вели себя просто неприлично. Но в таком случае ты могла бы поговорить с Лореном.

— Причина не в твоих родителях, Дидье, — ответила я. — Я никогда бы не бросила Лорена, если бы не...

— Что же случилось? — спросил он, но я лишь покачала головой.

— Я не могу говорить об этом. Это бросило бы на меня тень, и ты, конечно, стал бы думать обо мне плохо.

Дидье вздохнул:

— Ну ладно, я не могу требовать, чтобы ты доверилась мне, но скажу тебе: у меня нет предубеждения против людей с темным прошлым. Ты что, внебрачный ребенок? Ты уже была у повитухи и делала аборт?

Я покачала головой:

— Нет, тут совершенно иное.

Дидье оперся локтями на колени и сложил руки. Его молчание я восприняла за согласие с тем, что я могу оставить свою тайну при себе.

— Я люблю мужчин, — сказал он. — Или, точнее говоря, могу любить только мужчин.

Я знала, что это означает, но никогда бы не подумала, что Дидье — гомосексуалист.

— Это моя тайна, и можешь мне поверить, если я ее выдам, мой отец лишит меня наследства, несмотря на то что у него теперь остался всего один сын.

— Но почему? — удивилась я.

В танцевальном зале у нас время от времени бывали посетители-мужчины, которые испытывали непреодолимую тягу к представителям своего пола. Элла в шутку называла их «нашими теплыми братьями». Но она относилась к таким мужчинам очень терпимо, да и я тоже, потому что они были воспитанными и дружелюбными и даже время от времени подсовывали нам маленькие подарки.

— Их можешь не бояться, — шутливо говорила мне Элла. — Они дарят тебе подарки, потому что ты им нравишься, а не потому, что они хотят забраться к тебе в постель.

— Почему?! — взорвался Дидье и вскочил с дивана. — Потому что это грех! По крайней мере, если верить нашей Церкви, которая никогда для меня ничего не значила. К тому же из-за этого мечта моего отца иметь внуков превращается в прах.

Он сделал театральный жест, замолчал и посмотрел на меня. Дидье молча взирал на меня несколько минут. В голове у него роились мысли.

— Хотя, быть может, решение найдется.

Я не понимала, к чему он клонит.

— Но прежде чем я все тебе объясню, скажи мне честно, почему ты бросила моего брата? Я не буду осуждать тебя, обещаю.

Я боролась с собой. Следует ли ему все рассказать? И о каком решении он говорит?

Дидье только что открыл мне свою самую страшную тайну, мне, чужому человеку, которого он видел второй раз в жизни. Теперь наступила моя очередь. Пострадаю ли я, если буду откровенна с ним? Но мне больше нечего было терять.

— Я сбежала из Сайгона перед свадьбой и попала на корабль торговцев людьми. Они привезли меня в Гамбург и закрыли в борделе. Только через год мне удалось сбежать.

Мне было стыдно, и я смотрела в пол, потому что не хотела видеть, что отражается на лице Дидье. Может быть, там застыло отвращение, что было бы вполне понятно, ведь я до сих пор была сама себе противна.

— Ты знаешь, что это за люди? — спокойно спросил Дидье.

— Те, которые похитили меня? Нет, не знаю. Но бордель принадлежал человеку по фамилии Хансен. Пытаясь убежать из его дома, я ударила его и сбила с ног. Буквально за пару дней до нашей с Лореном свадьбы этот человек пытался шантажировать меня. Хансен потребовал сто тысяч рейхсмарок за то, чтобы он не объявил всем, что я...

— Вот свинья! — гаркнул Дидье и стал беспокойно ходить взад-вперед по комнате.

Я слышала его шаги, но все еще боялась поднять на него глаза. Мне стало очень тоскливо, и я подумала, что меня в любой момент может стошнить.

— И ты отказалась от своих денег? Лорен думал, что ты очень много заработала, когда была фотомodelью.

— Нет, я отказалась не от всех денег. Свои личные сбережения я взяла с собой.

— А что с деньгами на твоём счету?

Я покачала головой:

— Я взяла с собой только наличные. Кроме того, Лорен открыл счет на мое имя. Может быть, деньги все еще лежат на нем.

Дидье кивнул.

— Тогда я займусь этим.

Значит, он хотел мне помочь. Этого я не ожидала.

— И... Тебя не смущает то, что я делала раньше? — нерешительно спросила я.

— А что ты делала? — возмущенно фыркнул Дидье. — Да ничего ты не делала! Эти сволочи принудили тебя к этому. Этого Хансена надо бы посадить в тюрьму.

Он пробормотал что-то, чего я не поняла, а затем сказал:

— Можешь быть уверена: мой брат не оставил бы тебя в беде. Он пошел бы с тобой в полицию и подал бы на этого Хансена в суд за торговлю людьми! Тебе ни в коем случае не следовало убегать!

Я опустила голову, стыдясь собственной глупости. Дидье был прав: сначала мне надо было позаботиться о более важных вещах. Я должна была довериться Лорену, его любви и заботе. Вместе мы, может быть, смогли бы выдержать все, а теперь...

— Я думала, что все потеряно, — тихо произнесла я. — Я думала, что Лорен разлюбит меня, если узнает о том, что было раньше.

Дидье опустил руку передо мной на короточки и бережно положил руки мне на плечи.

— Ты должна знать, что с самого начала очень понравилась мне, Ханна. Только это сейчас удерживает меня от того, чтобы дать тебе пощечину. Неужели ты так плохо знала моего брата? Раньше он водился с женщинами, которые были настоящими стервами, и многие из них имели столько грязи в душе, что любой другой мужчина испытывал бы к ним отвращение. Ты была первой женщиной, которую Лорен по-настоящему полюбил. Ты была его ангелом. Он простил бы тебе все, даже если бы ты убила этого Хансена. И он помог бы тебе решить все твои проблемы.

При этих словах я почувствовала горечь во рту. У меня внутри все сжалось, и слезы снова хлынули у меня из глаз. Почему же я ему не доверилась? Почему?

— Ладно, не плачь, — сказал Дидье, успокаивая меня, когда я, разочаровавшись в себе, разрыдалась. — Ты доверилась мне, и это хорошо. Пусть даже я ругал тебя, но я такой же, как и Лорен. Я не держу на тебя зла именно потому, что мой брат испытывал к тебе глубокие чувства. Я помогу тебе справиться с трудностями.

Он обхватил мое лицо ладонями и посмотрел в глаза:

— Ханна, ты выйдешь за меня замуж?

От этого вопроса у меня моментально высохли слезы. Мне показалось, что я ослышалась. Только что Дидье признался мне в том, что любит мужчин, а теперь делает мне предложение?

— Но ты ведь сказал мне, что...

— Что я люблю мужчин. Да, это так. И так будет и дальше. Но только что я понял: мы с тобой можем помочь друг другу. Мой отец хочет, чтобы я женился и произвел на свет наследника, а тебе нужен кто-то, кто позаботится о том, чтобы ты стала гражданкой Франции. Кто-то, кто в случае необходимости сможет защитить тебя от Хансена. И я буду защищать тебя с удовольствием, если ты примешь мое предложение. Я сделаю вид, будто я отец твоего ребенка, и подтвержу это даже в регистрационном офисе. Мои родители будут довольны, ты будешь обеспечена всем, а я обрету покой. — Он смахнул прядь волос с моего лица и улыбнулся мне: — Конечно, ты не имеешь права ревновать меня, если я буду встречаться со своими любовниками. И ты не имеешь права в меня влюбляться. Ну, разве что платонически. Я думаю, Лорен был бы очень доволен, если бы ты, как он и планировал, стала членом нашей семьи. Что ты на это скажешь?

В тот момент я не знала, что сказать. Предложение было в высшей мере заманчивым, и мне было понятно, что все мои проблемы моментально будут решены. Став женой француза, я получу паспорт и, если Хансен еще раз попытается разрушить мою жизнь, смогу обратиться в полицию. Мой ребенок родится в законном браке, а не станет незаконнорожденным ублюдком, которого всю его жизнь будут сопровождать трудности. И я стану одной из де Вальер. Конечно, мои свекор и свекровь не будут любить меня, но это была бы очень небольшая плата за то, чтобы у ребенка Лорена было будущее. Лучше, чем у меня. И все же могла ли я принять предложение Дидье?

— Это очень благородно с твоей стороны, — помедлив, сказала я. — Но ты понимаешь, что это значит?

Дидье кивнул:

— Даже если сегодня я буду думать об этом всю ночь, я все же считаю, что вряд ли найду минусы в нашем соглашении. Разве что ты наметила себе какого-то другого мужчину, за которого хотела бы выйти замуж.

Я покачала головой, потому что была уверена: я никого не смогу полюбить так, как Лорена.

— А что насчет твоих родителей?

Дидье ухмыльнулся, и его глаза засияли.

— О, они будут вопить и скрипеть зубами, но теперь я их единственный сын. И к тому же никто больше не сможет распространять слухи о том, что со мной не все в порядке. Если ты когда-нибудь влюбишься, я возражать не буду. Я даже разведусь с тобой, если ты захочешь выйти замуж за своего избранника. От этого мы только выиграем. Ну, так что?

Стоило ли мне размышлять дальше? Я была уверена, что приду к такому же выводу.

— Хорошо, я стану твоей женой. Но как ты объяснишь своей матери то, что я уже почти на восьмом месяце?

— Это уж моя забота. — Дидье поцеловал меня в щеку. В глазах у него все еще была печаль, но я чувствовала, что он больше не ненавидит меня. — Я беру ответственность на себя.

— А если мы скажем им, что это ребенок Лорена?

— Об этом не может быть и речи! — воскликнул Дидье и засмеялся. — Тогда они будут ожидать, что я сделаю тебе еще одного ребенка, а, как ты знаешь, это не по моей части.

## 23

— Значит, Дидье не был отцом Марии?

Мелани нужно было переварить эту информацию. Она знала своего прадеда только по фотографии — элегантный молодой француз, перед которым, казалось, был открыт целый мир. Более глубокие чувства ее с ним не соединяли, но тем не менее для нее было потрясением услышать о том, что на самом деле это не ее прадед, а его брат.

— Нет.

— А бабушка об этом знает?

Ханна покачала головой и крепче обхватила руками чашку.

— Нет. И я даже не уверена, что она должна когда-нибудь об этом узнать. Она боготворила Дидье, потому что он очень хорошо разбирался в изобразительном искусстве и книгах. Он покупал ей мольберты, краски, а потом и ткани, и всегда привозил для нее что-нибудь из своих путешествий. Можно сказать, что он очень сильно ее баловал. Смерть Дидье

стала для Марии настоящей трагедией. Она носила в себе эту печаль много-много лет. Я не хотела делать ей еще больнее.

— А зачем ты теперь рассказываешь мне об этом?

— Потому что ты никогда не знала Дидье. Кроме того, я думаю, ты достаточно сильная, чтобы знать правду.

— А как насчет мамы?

— Она тоже не знала Дидье, но тем не менее... Она рано или поздно рассказала бы об этом Марии, все-таки она ее дочка.

— А я внучка.

— Это правда. Но ты другая. Ты такая же, как и я. Ты умеешь хранить тайны. По крайней мере я в это верю.

Мелани кивнула. Ее прабабушка, очевидно, была права. Во время рассказа Ханны Мелани время от времени обращала внимание на некоторые поступки, которые она, наверное, тоже совершила бы.

В течение нескольких минут они молча смотрели в свои чашки. Наконец Ханна встала:

— Нам пора спать. Завтра с утра стекольщик привезет новую витрину. А поскольку ты уже привела в порядок свадебное платье, мы сразу же сможем выставить его.

Мелани согласилась, но вспомнила еще кое-что.

— Grand-mère, ты не будешь возражать, если я сошью у вас себе свадебное платье? У меня нет машинки, и...

Ханна удивленно посмотрела на нее:

— Конечно, не буду, дитя мое. Но... Ты хочешь сама сшить себе свадебный наряд?

Мелани кивнула:

— Да, это решение я приняла сегодня утром.

Девушка подумала и добавила:

— Может быть, если я это сделаю, это принесет мне счастье. Просто я хочу внести разнообразие в свою жизнь и в то же время создать что-то новое для себя. Я хочу с оптимизмом смотреть вперед, а не размышлять о том, что было или что могло бы быть.

Прабабушка кивнула, а затем крепко обняла ее.

В этот момент в сумке Мелани зажужжал мобильник. Девушка освободилась от объятий Ханны и вытащила телефон. На секунду ей показалось, что это снова Шарлотта звонит по поводу предложения Дорнберга. Но на дисплее высветился номер телефона Кати.

Мелани помедлила. Неужели на нее снова обрушится град упреков? Она со вздохом ответила на звонок:

— Да, Катя.

Раздался щелчок, и связь прервалась.

Мелани покачала головой и посмотрела на мобильный телефон. Неужели Катя будет теперь терроризировать ее по телефону? Или же она набрала ее номер по ошибке? Может быть, она рылась у себя в сумке и случайно нажала на кнопку вызова?

— В чем дело? — удивленно спросила Ханна.

— Это звонила Катя, но она не ответила.

Мелани еще с минуту подождала повторения вызова, но ничего не произошло. Наверное, это действительно была ошибка.

— Может быть, тебе стоит ей перезвонить?

— Нет, если это что-нибудь важное, она сама мне позвонит.

Мелани засунула телефон в карман. Ее охватило легкое беспокойство, но она сказала себе, что Катя обрушила бы на нее целый ураган звонков, если бы действительно что-то случилось.

— Спокойной ночи, *grand-mère*. Я буду рада услышать продолжение твоей истории.

По дороге в свою комнату Мелани еще раз проверила мобильный телефон, но ей больше никто не звонил. Это ее слегка обеспокоило. Девушка разделась и залезла под душ. Вода смыла с нее не только чердачную пыль, но и часть забот.

Выйдя из душа, Мелани увидела на дисплее мобильного извещение об sms.

Значит, Катя снова звонила и на этот раз оставила ей сообщение в почтовом ящике.

Мелани подумала, стоит ли ей сейчас его прослушать. Возможно, Катя хотела извиниться перед ней за вчерашнее поведение? Или же была иная причина для ее звонка?

Девушка набрала номер почтового ящика. Электронный голос сообщил, что у нее есть новое сообщение.

— Привет, Мелани, — прозвучал взволнованный голос Кати, сопровождаемый шумом двигателя. — Пожалуйста, приезжай в клинику. Речь идет о Роберте.

Больше она ничего не сказала. В груди у Мелани что-то сжалось. Она испуганно закрыла ладонью рот. Что же произошло? Неужели Роберту стало хуже?

Какое-то время она, как парализованная, стояла перед кроватью, затем резко повернулась, натянула на себя джинсы, которые все еще были в пыли после уборки на чердаке, и поспешно надела первую попавшуюся футболку из тех, что были под рукой. После этого Мелани бегом выскочила из комнаты. Ханна как раз направлялась в свою спальню, когда увидела правнучку.

— Дитя мое, что-то случилось? Ты такая бледная!

— Роберт... — проговорила Мелани сквозь слезы. — Катя попросила, чтобы я приехала в клинику.

— Тогда я поеду с тобой!

— Нет, оставайся здесь и ложись спать.

— Об этом не может быть и речи! Я не позволю тебе уехать одной в таком состоянии.

— Но...

— Что случилось? — спросила Мария сонным голосом, выглядывая из своей комнаты.

— Мелани едет в клинику, а я буду ее сопровождать.

— Но, *татан*, ты же не можешь среди ночи...

— Прекратите! — возмутилась Ханна. — Я вам не мумия! Я смогу отоспаться, когда умру. Так что давайте поторопимся!

Мелани с виноватым видом посмотрела на Марию и помчалась вниз.

— Я подгоню машину к дому, *grand-mère*, тогда тебе не придется идти по гравию.

— Хорошо! — ответила Ханна и пошла по лестнице вниз.

— Вы ведь позвоните мне, когда доберетесь, да? — крикнула им вслед обеспокоенная Мария, но Мелани уже вышла из дома, а Ханна даже не делала вид, будто хочет услышать то, что говорит ей ее дочь.

## 24 Париж, 1929—1943

Дидье смог добиться своего. Десятого февраля 1929 года, незадолго до родов, мы поженились. Это был очень теплый день, погода была почти весенняя. Дидье очень хотел видеть меня в свадебном платье моей свекрови, но это было невозможно. Вместо этого он

заказал платье в Париже по старинной выкройке в стиле ампир. Юбка была настолько широкой, что мне удалось спрятать под ней свой живот.

— И без того будет достаточно слухов о том, что мы еще до свадьбы занимались любовью, а я даже не догадался попросить твоей руки, — сказал он, подмигивая мне, после того как я внимательно осмотрела платье. — Но это не должно иметь для нас значения, мы ведь живем в современном мире, не так ли?

Да, о нас действительно ходили сплетни, но они были связаны не столько с моим интересным положением, сколько с отсутствием моего свекра, который уехал, сославшись на важные дела. Свекровь присутствовала на свадьбе, но смогла изобразить на своем лице лишь вымученную улыбку. Дальние родственники, напротив, казалось, вздохнули с облегчением. Слухи о нетрадиционной ориентации Дидье теперь утихнут. Сейчас у него была супруга, да еще и беременная. Все сочли, что Дидье поступил очень благородно, признав «своего» ребенка.

Таким образом, у меня появилась еще одна тайна, которую я должна была хранить. Но, в отличие от остальных, она не была неприятной.

Празднование свадьбы прошло скромно в связи со всемирным экономическим кризисом, но нам этого было вполне достаточно. Со стороны Дидье было несколько друзей и его мать, а с моей стороны за столом сидели мадам Бланшар и ее подруги. Эти женщины искренне радовались, что теперь мне не придется рожать внебрачного ребенка. Я не решилась пригласить своих друзей из Берлина: нельзя было давать возможность Хансену выследить меня через них. Фотомодель просто исчезла, осталась лишь маленькая французская мастерица по изготовлению шляп, приехавшая из Индокитая. Никто не будет разыскивать такую женщину и шантажировать ее. Кроме того, мне повезло, что свекровь и свекор стыдились предстоящей свадьбы. Нигде, ни в одной газете, не было объявления — и я была только рада этому.

Утром после свадьбы (как и следовало ожидать, первой брачной ночи не было) я встала пораньше и отправилась на могилу Лорена.

Когда Дидье несколько недель назад снова привез меня в замок и объявил своим родителям, что хочет жениться на мне, я уже побывала в семейном склепе семьи де Вальер, однако не смогла там долго находиться. На этот раз меня охватила такая сильная боль, что я сквозь слезы не могла даже рассмотреть мраморную плиту с именем Лорена.

В то утро небо было ясным, лишь пара облаков обрамляла горизонт. Над лугами поднимался туман, роса капала с черных ветвей деревьев. Я обула сапоги, которые купила в Париже, и в простом коричневом платье пошла к фамильному склепу, находившемуся по другую сторону сада. В руке у меня был мой свадебный букет из роз и жасмина. Я договорилась с Дидье, чтобы флорист изготовил два одинаковых букета. Один из них, по обычаю, я бросила незамужним женщинам, находившимся среди гостей, а второй сразу же после венчания спрятала, потому что хотела отнести его Лорену.

Идя по едва видневшимся сквозь туман тропинкам и глядя на то, как солнце поднимается над лесом и окрашивает белый занавес тумана в розово-золотистый цвет, я чувствовала себя феей или каким-то лесным духом.

Наконец передо мной появился склеп. Два каменных ангела, стоявших по обе стороны входа, мрачно смотрели на меня, но со свадебным букетом в руке я чувствовала себя неуязвимой. Петли тихо заскрипели, когда я открыла дверь.

Помещение было мрачным и холодным, лишь несколько солнечных лучей падало сюда

через отверстия под крышей. Кто-то зажег на саркофаге Лорена лампадку. Я подозревала, что это сделал Дидье, потому что он знал о моем плане.

Не обращая внимания на другие саркофаги, я подошла туда и положила руку на камень. Затем я поставила на него цветы.

— Я никогда никого не хотела, кроме тебя, — прошептала я тихо. — Прости, пожалуйста, что подвела тебя. Я вышла замуж за Дидье, однако ты, конечно, знаешь его тайну. Я люблю тебя, и только тебя.

Я чувствовала, как слезы сбегают вниз по моим щекам. Мне так хотелось, чтобы Лорен знал о том, что скоро у нас будет ребенок. Христиане верят, что существует небо, с которого мертвые смотрят вниз на живых. И в этот момент мне очень хотелось, чтобы это было правдой.

Всего через две недели после свадьбы у меня начались схватки. И время моей «неприкосновенности» закончилось. Из-за моего состояния Мадлен обращалась со мной очень бережно, как с сырым яйцом, но я знала: как только появится ребенок, она, конечно, попытается навязать мне и малышу свою волю.

Как бы там ни было, моя свекровь позаботилась о том, чтобы у меня были хорошая акушерка и врач, которые помогали бы мне. Не потому, что я ей нравилась, а потому, что семья де Вальер не хотела, чтобы люди говорили, что появиться на свет одному из членов их рода помогала какая-то повариха.

Сами роды показались мне бесконечно долгими, а то, что возле меня постоянно торчал кто-то, кто вытирал мне лоб, настолько сбивало меня с толку, что я в конце концов ужасно разозлилась. Тут нельзя было даже потеть, когда рожает ребенок!

В какой-то момент схватки стали такими сильными, что я подумала, будто вот-вот умру. В отчаянии я цеплялась за надежду, что рожу сына, в котором буду видеть своего Лорена. И в конце концов я все выдержала. Крик ребенка был самым прекрасным звуком, который я когда-либо слышала.

— Сердечно поздравляю, мадам, у вас дочь!

Слова краснолицей акушерки немного разочаровали меня. Но затем я увидела маленькое беспомощное существо с черным пушком на голове и растерялась. Я расплакалась от счастья, но также и от горя, что Лорен никогда не увидит это крохотное чудо.

Свекор со свекровью восприняли известие о том, что я родила дочь, довольно холодно. Свекор пропал на работе. Девочка не интересовала его, потому что она не сможет стать продолжателем его фамилии. Мадлен проявила осторожное любопытство — все же этот ребенок был одним из де Вальер.

— Ее нужно назвать в честь прабабушек, — сказала Мадлен, впервые увидев ребенка.

По ее лицу я поняла, что ей не понравилась азиатская внешность моей маленькой дочери. Но чего же она ожидала? Что у малышки будут светлые кудряшки и голубые глаза?

— А как звали ее прабабушек? — спросила я, потому что чувствовала себя слишком слабой, чтобы возражать.

Мне было понятно, что ребенок должен получить европейское имя. Какое имя я ему дам — это уже другой вопрос.

— Мария и Хелена, — сказал Дидье, который сидел рядом со мной, играя роль гордого отца.

Мадлен посмотрела на меня с возмущением, словно ожидала, что я заранее должна была знать имена прабабушек.



— Может быть, мы добавим также имена твоих бабушек? — предложил мой супруг.

Это вызвало у Мадлен еще больше скрытого негодования, но она вынуждена была произнести:

— Ну, это было бы справедливо, не так ли?

— Не слишком ли много имен для одного ребенка? — ответила я.

Я могла бы также спросить, что означают имена Мария и Хелена, но тем самым я бы еще больше рассердила свою свекровь, а мне это было ни к чему.

— Мария и Хелена — этого ведь достаточно, не так ли?

Мадлен была удивлена, как легко ей удалось меня убедить. Я надеялась, что благодаря этому мне будет легче находить с ней общий язык. Мою дочь окрестили в домашней церкви замка, и она теперь звалась Мария Хелена де Вальер.

В последующие годы мы жили довольно тихо и мирно. Вопреки мнению моей свекрови, что место замужней женщины — у плиты, я каждый день ездила на работу в Париж на маленьком автомобиле, который подарил мне Дидье.

Со временем мне надоели поучения Мадлен, а моя броня за это время стала настолько крепкой, что могла выдерживать враждебность. Когда наши отношения накалялись, я пораньше исчезала в своей комнате и садилась за швейную машинку. Мадлен терпеть не могла ее стука и держалась от меня подальше.

Дидье большую часть времени проводил в конторе отца. А если не там, то в объятиях своего любовника. Я знала, что мой муж использует маленькую квартиру, которую он снимал в Париже, в качестве любовного гнездышка. Но мне было все равно. Я должна была заботиться о Марии. Я кормила ее грудью, пеленала, сидела у ее кровати, когда у нее резались зубы, не спала по ночам, когда она заболела ветрянкой. Дочь была центром моего мироздания, моим солнцем, вокруг которого вращалось все. Я жила только для нее, и постепенно тоска по Лорену стала стихать. Она оставила шрам на моем сердце, но бывали моменты, когда я могла смеяться от счастья, глядя на успехи Марии.

Когда она стала достаточно взрослой, чтобы ездить со мной в ателье, я гордо показала ей там все. Клиентки были в восторге от моей дочери и постоянно спрашивали о ней. За какие-то несколько недель они надарили ей кучу платьиц, туфель, ленточек и сладостей. Мне было немного неловко, но было бы невежливо отклонять эти проявления внимания.

— Только смотри, чтобы Мария не увязалась за кем-нибудь из этих женщин, — в шутку предупредила меня мадам Бланшар. — Будет довольно трудно найти ее на улицах Парижа.

Я смеялась, но тем не менее на всякий случай внушала своей маленькой девочке, которая еще толком и ходить-то не умела, чтобы она не доверяла чужим людям. Мария очень хорошо усвоила мои наставления, и они пригодились ей, когда она научилась бегать.

Моя свекровь прожужжала мне все уши о том, что это нехорошо, что я хожу на работу, да еще и беру с собой ребенка.

— Женщина должна заниматься домом, как только у нее появляются дети, — ворчала она и в тот вечер.

Дидье не было — отец послал его в деловую поездку в Нью-Йорк. Свекор же в порядке исключения находился дома. Я была одна против них двоих, потому что Мария была еще слишком маленькой.

Больше всего мне хотелось притвориться, будто у меня мигрень, однако и тогда Мадлен все же настояла бы на совместном ужине.

— Дидье разрешает мне ходить на работу, — попыталась я отразить упреки свекрови.

— Кроме того, Мария находится рядом со мной, и я за ней присматриваю.

— Было бы гораздо лучше, если бы ты отдала ее на попечение гувернантки, чтобы девочка получила хорошее воспитание.

Разумеется, мой свекор считал, что сама я воспитаю ребенка плохо — в особенности из-за того, что позволяю дочери общаться с простыми людьми.

— И, кроме того, ты должна оказывать больше влияния на своего мужа, — продолжал он, с сердитым видом разрезая мясо ножом.

Мясо было очень нежным, но у Поля был такой вид, словно он имел дело со столетней говядиной.

— У него голова забита разной ерундой, а по ночам он шатается по Парижу. Это нехорошо, он должен заботиться о своей семье.

Я не могла сказать Дидье, чтобы он проводил больше времени дома. Ведь мы с ним договорились, что он может делать все, что хочет.

— Да, месье, — сказала я, стараясь проглотить злость вместе с куском мяса.

Мой спокойный ответ не удовлетворил свекра.

— От твоего «да» нет никакого толку! Я ожидаю действий! Когда Дидье в следующий раз покажется дома, ты должна с ним поговорить. И будет хорошо, если у вас появится еще один ребенок. Нашей семье нужен наследник, который не даст угаснуть имени де Вальер.

От этого известия Дидье, конечно, придет в восторг!

Раньше я реагировала на такие требования робко, стараясь соглашаться с родителями Дидье в надежде, что тогда они оставят меня в покое. Но последние месяцы сделали меня тверже. Слушая их обвинения, я мысленно смеялась. Услышав заявление о том, что мы с Дидье должны произвести на свет еще одного ребенка, я чуть не расхохоталась. К счастью, мне удалось взять себя в руки, иначе мог возникнуть скандал.

— Я поговорю с ним об этом, когда он вернется. Нью-Йорк, к сожалению, не находится за углом.

Поль сердито взглянул на меня, но промолчал, потому что, очевидно, по его разумению, это не подлежало обсуждению.

Я мысленно перенеслась в Нью-Йорк. Если бы все было иначе, я бы чудесно провела там время с Лореном. Может быть, в этом городе я сообщила бы ему о том, что беременна. Ведь я забеременела бы в любом случае. Меня охватила глубокая тоска по Лорену. В этот вечер мне очень хотелось пойти к его могиле, но на улице была плохая погода, дул сильный ветер, срывавший с крыш черепицу и ломавший ветви деревьев. Я стояла у окна и смотрела на разбушевавшуюся стихию, прислушивалась к вою ветра и глядела на молнии, которые угрожающе сверкали над низко висевшими тучами. Я думала о Лорене и плакала из-за того, что я наделала, из-за того, что случилось. Я также думала о Тхань и о том, что я, наверное, больше никогда ее не увижу. А потом я забралась в постель. Мне было очень плохо. К счастью, сон пришел быстро, и возвращение Дидье и отъезд Поля стали на одну ночь ближе.

На следующее утро я проснулась от жалобного крика. Я испуганно вздрогнула и, когда поняла, что он доносится из спальни свекрови и свекра, выскочила из комнаты, даже не набросив на себя пеньюар. Одна из служанок с белым как мел лицом шла мне навстречу.

— Что случилось? — спросила я ее.

— Господин... — Она нерешительно дергала ленточки на своем фартуке. — Он...

Больше ей не нужно было ничего говорить.

Войдя в спальню, я увидела, что Мадлен сидит на краю кровати и плачет. Она обхватила

ладонями лицо своего мужа, однако Поль де Вальер не хотел просыпаться.

— Мадам, что произошло? — спросила я.

Я все еще не могла обращаться к ней «тапан». Она мне этого не предлагала, а я не могла самовольно позволить себе такое.

Мадлен, казалось, не слышала меня. Но я поняла, что стряслось.

— Я вызову врача! — заявила я, выбежала из комнаты и помчалась вниз, в помещение для слуг.

— Врача! — крикнула я. — У кого-нибудь из вас есть номер его телефона?

Мартин, мажордом, немедленно принес мне номер доктора Реми. Я поспешила к телефону.

Я огорченно сообщила врачу о том, что произошло, и он пообещал мне немедленно приехать. Я нервно ходила по фойе взад и вперед.

По лицам слуг я видела, что они поняли: месье Поль умер. И я тоже это знала. Но я боялась даже представить, что будет теперь с Мадлен. И с Дидье. Сначала погиб его брат, а теперь умер отец. У меня возник вопрос: не я ли навлекла на эту семью проклятье?

Доктор Реми появился через полчаса. Мы поздоровались, и я провела его наверх. Мадлен все еще сидела рядом со своим мужем на кровати и тихо плакала. Доктор исчез в комнате, а я осталась стоять на лестнице у перил. Я слышала, как он уговаривал мою свекровь, затем все стихло. Через несколько минут месье Реми вышел из комнаты с задумчивым видом.

— Мои соболезнования, мадам де Вальер. Ваш свекор, к сожалению, скончался.

— Какова причина его смерти? — спросила я, решив, что узнать — это мой долг.

— Сердечный приступ. Наверное, он случился еще ночью. У него не было сильных болей.

Вероятно, доктор думал, что этим меня утешит.

— Я дал вашей свекрови успокоительное, пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы она соблюдала покой. Если понадобится, можете вызвать меня в любое время.

Я поблагодарила его, оплатила счет, а затем послала слугу в город к гробовщику. Надо было также позвонить священнику и Дидье в Нью-Йорк. Поскольку Мадлен была не в состоянии что-либо делать, мне одной пришлось позаботиться о формальностях. К счастью, я могла рассчитывать на помощь Луизы, которая знала, как себя вести в таких случаях. Из всех слуг именно с ней я ладила лучше всего.

Вечером я пошла в склеп, чтобы выбрать место, где будет покоем Поль де Вальер. По традиции надо было сразу же определить место для его супруги, чтобы она могла упокоиться рядом с ним. Это сказала мне Луиза.

В склепе мой взгляд неизбежно упал на саркофаг Лорена. Неужели рядом с ним было место и для меня? Я не была его женой, но все же... Мне очень хотелось после смерти лежать рядом с ним. Имела ли я право отдать такое распоряжение? Могла ли я попросить Дидье похоронить меня рядом с Лореном, если умру раньше, чем мой муж? И не наступило ли наконец время делать то, что я хочу?

Я долго размышляла над этим, пока солнце не исчезло за горизонтом и я не очутилась в полной темноте.

Я с трудом поднялась на ноги. Места для Поля и Мадлен де Вальер было достаточно, они упокоятся между своими родителями и Лореном. Место рядом с Лореном пустовало, и я хотела сделать все возможное, чтобы и я однажды могла покоем там.

Известить Дидье о смерти отца оказалось нелегким делом. В гостинице, в которой он должен был остановиться, его не знали. Деловые партнеры моего свекра утверждали, будто Дидье уже уехал. Вот только куда?

Сначала я очень сильно беспокоилась, пока не поняла, с чем связаны два последних дня его деловой поездки.

— Мы не смогли до него дозвониться, — сказала я слуге, который стоял рядом с озабоченным видом. — Но я уверена, что он вернется вовремя. После этого можно будет проводить похороны.

И действительно, на третий день Дидье въехал на территорию замка. Я все утро простояла перед окном, очень волнуясь.

Но теперь исчезла и эта забота, и я вышла на улицу, чтобы встретить своего супруга.

— Ханна, ты не поверишь, что случилось! — Дидье бросился ко мне и заключил меня в объятия. Он был таким радостным, что даже не заметил моего черного платья. — Я купил в аэропорту Нью-Йорка немецкую газету, и посмотри-ка, что я там прочел.

Он полез в карман, вытащил оттуда сложенную газету и лишь потом пристально взглянул на меня.

— Ханна? — Только теперь Дидье, казалось, увидел, какая я серьезная. — Что произошло?

Очевидно, он не заходил в контору и не получил оставленного для него известия.

— Твой отец умер, — ответила я.

В тот момент я ужасно злилась на Дидье. То, что он искал и находил удовольствия, — в этом не было ничего предосудительного. Но то, что он с этой целью полностью исчезал из поля зрения, было нехорошо. Его отец был прав, мне придется с ним поговорить.

— Я полагаю, что последние дни ты не занимался делами, не так ли?

Улыбка немедленно исчезла с его лица.

— Что?

— Он умер три дня назад, — сказала я. — Похороны сегодня в обед. Я хотела сообщить тебе об этом, но нигде не могла тебя найти.

Руки Дидье бессильно опустились, и газета упала на землю. Я подняла ее, но даже не взглянула на то, что хотел показать мне мой супруг.

— Где его тело?

— В семейной часовне. Твоя мать в своей спальне, она уже два дня оттуда не выходит. Тебе надо пойти к ней.

Я провела Дидье через холл, в котором, как и в других помещениях, все зеркала были завешены в знак траура. Слуги молча кланялись молодому хозяину, и мы с Дидье больше не произнесли ни слова. Поговорить с ним я решила позже.

Мадлен сидела, словно окаменевшая, в своем салоне. Когда мы вошли, она посмотрела как бы сквозь нас.

В это мгновение она очень напомнила мне мою мать, какой она была в тот день, когда застрелили моего отца. Может быть, я вела бы себя точно так же, если бы стала женой Лорена. Но после известия о его смерти у меня не было времени на то, чтобы предаваться скорби. Я боролась с печалью в одиночку во время работы и по ночам, рыдая в своей маленькой квартирке.

Поскольку я понимала, что в этот момент для Мадлен было бы лучше, если бы рядом с ней находился Дидье, а не я, я вышла, а мой муж остался в салоне.

Покинув салон, я глубоко вздохнула. Так как день обещал быть тяжелым, я решила взглянуть на то, что привело Дидье в такое радостное состояние.

«Хозяин борделя убит в драке», — бросился мне в глаза заголовок гамбургской газеты.

Я затаила дыхание и стала читать. Когда я увидела фамилию «Хансен», то подумала, что мне это снится. Я перечитывала заметку снова и снова, убеждаясь в том, что мне это не приснилось.

В статье говорилось о том, что на улице Репербан произошла стычка между сутенерами. Хансену не повезло. Его нашли мертвым с множеством ножевых ранений.

Я прислонилась к стене.

Я все еще не могла этому поверить. Хансен мертв! Теперь он больше никогда не сможет мне угрожать! Я прижала ладонь ко рту и залилась слезами. Как много этот человек у меня отнял, сколько горя он принес мне и тем, кого я любила! Может, все же есть Бог, который карает таких людей, как он?

— Мадам, не хотите ли чаю? — спросил кто-то, стоявший рядом.

Я не заметила, что Луиза поднялась наверх и, наверное, увидела, как я плачу. Я быстро взяла себя в руки.

— Нет, спасибо, Луиза.

Служанка сделала книксен и удалилась. Когда я снова посмотрела на заметку, мои глаза горели. Я испытывала огромное удовлетворение. Девочкам в «Красном доме», возможно, легче не станет, зато я теперь могла начать новую жизнь. Пусть даже этот день наступил слишком поздно.

Перед фамильным склепом семьи де Вальер собралось очень много влиятельных лиц — политиков, дворян и бизнесменов. Лишь сейчас я поняла, каким огромным влиянием обладал мой свекор.

Дидье стоял рядом со мной, белый как мел, с заплаканными глазами.

Пусть даже он часто спорил с отцом, эта потеря тяжело отразилась на нем.

Спрятавшись под черным платьем и черной вуалью, я довольно хорошо скрывала, какое облегчение я испытывала, несмотря ни на что. Я тоже сожалела о кончине свекра, однако известие о смерти Хансена означало для меня очень много. Когда тело Поля де Вальера под молитву священника внесли в склеп, я подняла глаза к небу. Был ли там Лорен? Мог ли он меня видеть? Если да, то, может быть, он понимал, какой свободной я себя теперь чувствовала, — пусть даже при жизни он так и не узнал, что именно тяжелым камнем лежало у меня на сердце.

Вечером Дидье молча вошел ко мне и положил руки мне на плечи. Я сидела на диване и смотрела на улицу — в светлую от лунного сияния ночь. Лампа, стоявшая на письменном столе, была включена, поэтому я видела в оконном стекле лишь очертания наших отражений.

— Ты прочла это? — спросил меня Дидье.

— Да, прочла.

— Все-таки странно, как все складывается.

Я кивнула.

— Наверное, ты думаешь, что было бы лучше, если бы это случилось раньше, не так ли? Тогда бы ты сидела здесь вместе с Лореном.

— Да. А ты мог бы делать, что хочешь, и у тебя не было бы жены, о которой тебе приходилось бы заботиться.

Дидье нежно сжал мои плечи:

— Ты очень хорошая жена. Самая лучшая, какую только может пожелать себе мужчина, который любит мужчин. Мне не надо бояться, что ты влюбишься в меня, а я разобью тебе сердце.

Я положила голову на его руку. Он был прав, я всегда буду любить Лорена. Но если бы мне не была известна тайна Дидье или если бы ее не существовало, кто знает, может быть, я и проявила бы слабость.

Однако теперь не имело смысла размышлять об этом.

— Спокойной ночи. — Дидье погладил меня по голове и вышел из комнаты.

Мы оба знали, что теперь все изменится, но это были желанные изменения.

Дидье был вынужден чаще находиться в замке. Это очень радовало мою маленькую дочь, потому что она была очень привязана к своему папе. Мать Дидье осыпала сына за ужином упреками в том, что он мало занимается семейным бизнесом, но остаток своего свободного времени он почти всегда проводил только с Марией. Дидье объяснял ей, какие птички в какое время дня поют и какие цветы в какое время года растут. Он научил ее различать породы деревьев и названия жуков и пауков. Мария наслаждалась продолжительными прогулками с ним, а потом, по мере взросления, также беседами о книгах, музыке и картинах.

Я была очень рада этому, потому что могла полностью посвящать себя работе у мадам Бланшар. За это время она дала мне полную свободу в разработке моделей, благодаря чему ее доходы постоянно росли. Она хотела повысить мне зарплату, но я отказалась от этого.

— Вам деньги нужнее, чем мне, — сказала я. — Расширьте магазин или отремонтируйте дом.

Мадам Бланшар грустно улыбнулась:

— Я сделала правильный выбор, взяв вас на работу, дитя мое. Вы работаете на меня, несмотря на то что удачно вышли замуж, а сейчас даже не хотите повышения зарплаты.

— Я работаю у вас с удовольствием, я действительно чувствовала бы себя обделенной, если бы мне не разрешали этого делать.

— Вам повезло, что ваш муж не возражает против этого.

— Да, очень повезло, иначе мне пришлось бы проводить целые дни в обществе своей свекрови. После смерти ее мужа это не самое большое удовольствие, можете мне поверить. Да и раньше это не было удовольствием, если вы спросите меня об этом.

Мадам Бланшар была одной из немногих, кого я посвящала в свои отношения со свекровью. Я не только изливала ей душу, когда Мадлен особенно допекала меня или выдвигала требования, которых я не могла выполнить. Пока мы шили цветы из шелка, распушивали перья, заталкивали мокрый фетр в формы и изгибали поля шляп, мы разговаривали друг с другом, и я иногда получала очень хорошие советы, которые помогали мне, когда я возвращалась в замок.

Однако вскоре над нашими головами снова начали сгущаться тучи. Новости, которые доходили до меня из Германии, были плохими. Летом я познакомилась с одной немецкой модисткой, мать которой была родом из Парижа и к которой она приезжала в гости. Николетта, которая, собственно, жила в Кельне, сообщила мне, что теперь в немецкие журналы мод допускались только «арийки». Девушек, которые по своему происхождению не соответствовали идеалам нацистов, больше не приглашали.

И в других отношениях было все хуже и хуже. Когда-то прекрасные балы становились

все бесцветнее. Там, где раньше блистали дамы в разноцветных платьях и кавалеры в элегантных костюмах, теперь собирались лишь люди в коричневой униформе. Джаз и свинг были запрещены как «не немецкие». Те, кто играл такую музыку или даже танцевал под нее, подвергались преследованиям.

Мне очень хотелось написать письмо Элле и спросить ее, что теперь происходит в балхаусе. Из-за известий о преследовании евреев в Германии я очень боялась, что с людьми, которых я знала, случится что-то плохое. Среди музыкантов и официантов было также несколько евреев. И, кроме всего прочего, я очень беспокоилась о детском доме, находившемся по соседству с балхаусом. Я часто видела там учителей и детей, и, пусть даже не обращала на них особого внимания, теперь я вспоминала о них и надеялась, что найдется кто-нибудь, кто вывезет их в безопасное место.

«Радуйся, что ты отсюда уехала», — написала мне Николетта в последнем письме. Затем связь с ней оборвалась, и я так никогда и не узнала, выжила ли она.

Наконец началась война. Она коснулась и нашей семьи. Когда Дидье в 1940 году получил повестку о призыве в армию, он был глубоко потрясен.

— Ты знаешь, я, собственно, никогда не хотел причинить вред ни одному человеку, — сказал он, когда мы вдвоем сидели у камина, после того как я отправила Марию спать.

Ей было уже одиннадцать лет, и вскоре она должна была превратиться в юную девушку.

— А теперь меня хотят вынудить стать таким же «патриотом», как мои предки. Этот мир разрешает себе странные вещи, не так ли?

— А ты разве не можешь отказаться? Все-таки ты единственный сын в этой семье! Если ты погибнешь...

Дидье покачал головой:

— Нет, не получится. Мой отец мог бы замолвить за меня словечко, но он умер, да и, может быть, он бы этого и не сделал, если бы даже был жив. Скорее всего, он ожидал бы, что я со штыком брошусь на врага.

Он наклонился ко мне и погладил по голове:

— Обещай мне, что будешь беречь себя и ребенка. Если есть на свете женщина, с которой я, несмотря на свои наклонности, мог бы быть счастлив, то это только ты.

Я кивнула. Мне на глаза набежали слезы. Я тоже не хотела потерять Дидье. С одной стороны, он всегда вел себя безукоризненно и заботился о нас. А с другой, он напоминал мне о Лорене. Когда я смотрела на своего мужа, мне казалось, что в его лице я вижу черты своего возлюбленного, который так и не узнал, почему я от него ушла и что на свете есть Мария.

Моя дочь горько расплакалась, узнав, что ее отец должен идти на фронт. У нее в школе было достаточно детей, которые были проинформированы лучше, чем она. Они рассказывали страшные истории о немцах.

— Папа погибнет! — рыдала Мария, обнимая меня.

Я предпочла сказать ей об этом сама, потому что знала, как она будет потрясена. Дидье, который любил Марию больше всего на свете, не вынес бы, увидев, как его маленькое сокровище заливается горькими слезами.

— Папа не умрет, — сказала я, хотя в глубине души именно этого и боялась. — Он вернется, вот увидишь.

Следующие несколько месяцев вся Франция жила, затаив дыхание. Мы с ужасом наблюдали за тем, как армия Гитлера продвигается вперед. Французы не могли ей ничего

противопоставить. В Париже многие евреи бросили свои дома из страха, что в случае победы Гитлера здесь будет происходить то же самое, что и в Германии. Люди рассказывали страшные истории о депортации и о лагерях смерти.

Ситуация еще больше ухудшилась, когда Франция капитулировала. Правительство Виши стало сотрудничать с немцами, и не успели мы оглянуться, как люди в нацистской униформе уже маршировали по улицам Парижа.

— Наверное, было бы лучше, если бы ты уехала, — озабоченно сказала мадам Бланшар, когда мы с ней работали в ателье. — Все-таки у тебя есть маленькая дочь, а твой муж находится на фронте. Здесь ты не будешь в безопасности.

— Я не могу уехать, — возразила я и сказала то, что раньше, учитывая манеру обращения со мной Мадлен де Вальер, никогда не считала возможным. — Моя свекровь нуждается во мне.

— Она ужасно с тобой обращается! — покачала головой моя наставница. — И у нее, конечно, хватит совести выдать тебя этим сволочам, если ее возьмут за горло.

Я ответила:

— И все же я не уеду. Я обещала Дидье, что буду здесь, когда он вернется.

Рот мадам Бланшар превратился в узкую полоску.

— Тогда я надеюсь, что он вернется целым и невредимым.

Я знала, что Дидье постарается вернуться из-за Марии, о которой лишь мы вдвоем знали, что она была дочерью Лорена.

С того дня я старалась по утрам быстрее добраться до ателье, а вечером поскорее вернуться назад, в замок. Я не хотела, чтобы немцы приставали ко мне.

Однако оккупация и война все больше и больше сказывались и на нашем ателье. Дорогие шляпки продавались все хуже. Даже те женщины, которые пока что были довольно состоятельными, не хотели себя украшать. Поскольку мадам Бланшар знала, что я неплохо шью, она стала принимать заказы на перелицовку и ремонт одежды. Это было непросто, поскольку многие швеи в Париже предлагали такие же услуги.

— Боюсь, что мне придется уволить тебя, дитя мое, — сказала мне мадам Бланшар однажды утром, едва я успела переступить порог.

Я уже давно ожидала нечто подобное, но тем не менее это известие потрясло меня, как удар.

— Работы у нас становится все меньше и меньше, и я не могу допустить, чтобы ты каждое утро рисковала, приезжая сюда.

Она сжала губы. Все-таки она что-то скрывала.

— Немцы вынуждают вас сделать это? — спросила я. — Если нет, то я могла бы просто приезжать сюда и работать без оплаты.

Мадам Бланшар покачала головой:

— Нет, так нельзя. Это слишком опасно.

— Ну, это продолжается уже долгое время. Я не думаю, что они будут разыскивать таких людей, как я.

— Они ищут всех! — взволнованно воскликнула она. — Всех, кто не соответствует их дурацким идеалам! Они схватили и увезли евреев, а вскоре займутся теми, кто не похож на них. Неграми, азиатами... Тебе нельзя здесь оставаться, Ханна. Прощу тебя, уезжай!

Дрожа всем телом, она схватила меня за руку. Ее ладонь была холодной как лед. Я еще никогда не видела, чтобы она кого-то умоляла так, как меня в этот момент.



— Что случилось, мадам Бланшар? — Мой голос превратился в шепот.

Мадам Бланшар некоторое время выдерживала мой взгляд, но затем отпустила меня, села на стул и посмотрела в сторону.

— Вчера ночью... — Она запнулась и закрыла лицо руками. — Я направлялась к месье Дюшампу, и там я увидела...

Страх заполнил мой живот ледяным холодом.

— Что вы увидели? — настойчиво спросила я.

— Они повесили девочку прямо у дороги. Это была... У нее были такие же глаза, как у тебя. Я не знаю, была это китаянка или вьетнамка. Мало того, они еще прицепили к ее телу плакат...

И мадам Бланшар расплакалась. Я не хотела спрашивать, что было написано на плакате, но могла себе это представить. Вероятно, это была проститутка из парижского борделя, которая связалась с одним из этих убийц.

Я осторожно обняла мадам Бланшар и, успокаивая ее, погладила по спине. Все эти годы она заменяла мне мать, и меня очень тронуло то, что она за меня волновалась. Ведь даже спрятавшись за стенами замка, я не могла быть уверена в том, что нацисты меня не убьют.

— Ты должна уехать отсюда, Ханна, — всхлипывала мадам Бланшар. — Тебе нельзя здесь оставаться! Если они схватят тебя и твою девочку...

— Они меня не поймают, — решительно сказала я. — В случае необходимости я спрячусь в лесу и, кроме того...

Я чуть не проболталась о том, что видела вещи и похуже. Но и у торговцев людьми, и в «Красном доме» мне везло. Мне всегда сопутствовала удача.

— Моя свекровь ненавидит немцев. Особой любви ко мне она не испытывает, но Мария — ее внучка, и она, конечно, ее не выдаст.

Я протянула мадам Бланшар носовой платок, стараясь не показывать, какой страх и отвращение я испытывала к тем, о ком она рассказала. Почему людям так нравится угнетать друг друга?

— Пожалуйста, береги себя, Ханна. Когда война закончится, обещаю тебе, что ты снова сможешь здесь работать. Я никого не буду принимать на твое место. Только держись подальше от Парижа, уезжай в деревню или еще куда-нибудь. И не попадайся этим выродкам на глаза.

— Не попадусь. Вы тоже берегите себя, мадам Бланшар. Если с вами что-нибудь случится, кто тогда возьмет меня на работу?

Шляпница рассмеялась:

— Ну, девочка, ты теперь сможешь работать где угодно! А в случае необходимости даже сумеешь открыть свое ателье. Я так и не поняла, почему ты этого до сих пор не сделала. Если эта дверь после войны останется закрытой, прошу тебя, открой собственный магазин. Ты сможешь достичь очень многого, если захочешь.

— Я обещаю вам это. Но все же берегите себя.

Мы обнялись в последний раз, и я покинула магазин. На улице пошел снег. Белые хлопья медленно падали на дорогу. Скоро наступит Рождество — праздник, который не отмечали в Индокитае, но на праздновании которого настаивала Мадлен, пока Дидье был еще с нами. Вернется ли он когда-нибудь? Он ни разу нам не написал. Может быть, он погиб смертью храбрых? Такая смерть пользовалась уважением в семье де Вальер. Я молилась всем богам, чтобы скорее получить известие о том, что мой муж жив.

Следующие несколько недель я оставалась в замке. Даже если бы мадам Бланшар не уволила меня, я бы все равно не смогла ездить к ней, потому что дороги покрылись льдом и кое-где по ним нельзя было проехать. Я нашла себе другое занятие. Я не хотела думать ни о Дидье, ни о мадам Бланшар и старалась не попадаться на глаза своей свекрови.

Как бы там ни было, у нас была служанка, которая могла относить ей еду и вообще находилась в ее распоряжении. Мария навещала свою бабушку каждый день, но рассказывала об этом немного. Либо ей было страшно бывать у пожилой дамы, либо же Мадлен не разговаривала с ней. Мы с Марией старались как-то отвлекать друг друга, рассказывая разные истории. Однажды ночью, когда я в очередной раз не могла уснуть, потому что в голове у меня роилось слишком много мыслей, я встала с постели и села за письменный стол.

Завтра мне нужно сочинить для Марии новую историю. Я решила рассказать ей о Тхань и обо мне, о том, как мы когда-то ходили в храм Семи Солнц. Я всю ночь писала эту историю и даже заснула за письменным столом.

Луиза, последняя служанка, которую мы смогли оставить у себя, утром с удивлением разбудила меня, но она была достаточно сдержанной и не посмотрела на то, что я написала.

Моей дочери очень понравилась новая история, и она требовала, чтобы я рассказала ей, что было дальше с «жасминовыми сестрами». Однако я до сих пор в долгу перед ней. Продолжения не последовало, и постепенно Мария забыла об этом...

Шло время, и я все сильнее убеждалась в том, что Дидье не вернется. Мадлен, казалось, тоже так думала, потому что ее настроение портилось все больше. Мне уже не надо было бояться, что я встречу ее где-нибудь в коридоре, потому что она не выходила из своей комнаты. Все текущие вопросы должна была решать я. Когда я заходила к свекрови, чтобы спросить, как сделать то или это, она лишь молча жестом высылала меня из комнаты. Таким образом, мне приходилось действовать по собственному усмотрению.

Мне становилось ясно, что замок, если так будет продолжаться и дальше, станет обузой для семьи де Вальер. Собственно говоря, западное крыло нуждалось в ремонте, но не было никого, кто мог бы это сделать. Мужчины либо погибли на войне, либо же их забрали немцы, чтобы строить Атлантический вал. И даже если бы удалось найти мастеров, у нас все равно не было денег, чтобы им заплатить. Таким образом, я решила, что мы поселимся в нескольких комнатах, которые еще не пострадали от сырости, а остальные помещения просто закроем на ключ.

Однажды ночью зимой 1943 года на дороге, ведущей вверх к замку, показалась машина. Ее фары осветили мое окно, когда она свернула на ротонду и затем остановилась.

Я тут же вскочила на ноги. Страх, что к замку приехали нацисты, которые будут искать евреев и других неарийцев, постоянно преследовал меня, даже во сне. Я подошла к окну и осторожно отодвинула занавески в сторону.

Возле лестницы замка стояла большая черная машина. Из нее вышли двое мужчин. На них были пальто и шляпы, и они, казалось, очень торопились. Я окаменела. Может быть, это были те самые гестаповцы, которые с некоторых пор наводили ужас на всю округу?

Я слышала разговоры о том, что французы, которые были не намерены терпеть вражеское владычество, объединились в Движение Сопротивления. С тех пор немцы искали этих людей. Они не щадили даже женщин и детей.

Когда раздался звонок в дверь, я вздрогнула. Что мне делать? Спрятаться? Луиза, конечно, ничего не слышала, она спала как сурок. А моя свекровь не выйдет из своей

комнаты, что бы ни случилось. Мне не оставалось ничего иного, как набросить на себя зимнее пальто и спуститься вниз.

Мое сердце билось так, что его стук казался мне громче, чем мои шаги, и когда я спустилась вниз, в холл, я чуть не повернула назад. Замок был большой, и, возможно, немцы меня не найдут. Но, может быть, это обычная проверка...

Нет, раз они приехали ночью, это не могло быть обычной проверкой.

Когда раздался второй звонок, прозвучавший на весь холл, я была уже у двери и открыла ее. Мужчины удивленно посмотрели на меня.

— Что вам нужно? — спросила я, стараясь без страха смотреть мужчинам прямо в лицо.

— Мы хотели увидеть мадам де Вальер, — сказал один из них, окинув меня взглядом с головы до ног.

Очевидно, он принял меня за служанку.

— А в чем дело? — спросила я, потому что, пока я не знала, кто были эти люди, я не хотела говорить, кто я такая.

— У нас есть важная новость для нее.

Мужчины все еще внимательно смотрели на меня, словно были не уверены в том, что им со мной делать.

— Я... Я Ханна де Вальер, — сказала я, так как если бы стала это скрывать, то лишь все усложнила бы.

За долю секунды у меня в голове пронесся целый вихрь мыслей. Я лишь надеялась, что Мадлен будет беречь мою дочь, если эти мужчины сейчас, ночью, увезут меня с собой.

— Дидье де Вальер — ваш супруг?

Я кивнула. Меня тошнило. Я всегда думала, что гестаповцы сразу же тащат в свою машину тех, кого хотят арестовать, но у этих мужчин явно были другие планы.

— Мадам де Вальер, мы должны сообщить вам о том, что ваш муж тяжело ранен в бою. Он жив, но сможет вернуться к вам, лишь когда немного окрепнет.

Дидье жив? Воздух резко вышел из моих легких. С одной стороны, я чувствовала облегчение оттого, что мужчины не зачитали мне приказ о депортации. С другой — я не могла поверить, что Дидье не погиб. Прошло уже три года с тех пор, как он пропал без вести. За это время даже Мадлен смирилась с мыслью о том, что его закопали где-то в безымянной могиле.

— Заходите, — сказала я мужчинам. — Я хотела бы узнать больше.

Они кивнули и проследовали вслед за мной через холл в кухню.

— В каком бою был ранен мой муж? — спросила я, после того как поставила чайник.

Мужчины, которые заняли место за длинным кухонным столом, обменялись быстрыми взглядами, а затем один из них сказал:

— Ваш муж вступил в Résistance. В Движение Сопротивления.

Я бессильно опустила за кухонный стол. Значит, он живой и невредимый вернулся с войны и даже ничего нам не сообщил?

— Вы не знали об этом, мадам?

Я покачала головой:

— Нет, мы думали, что он погиб.

— Да, такое вполне могло случиться, — ответил один из мужчин и посмотрел на другого.

И тут я поняла, что Дидье хотел, чтобы его мать и я верили в то, что он погиб.

— Но ему повезло, что у нас есть секретный лазарет в подвале разбомбленной фабрики. Врач, который работает на нас, спас ему жизнь.

— Ну, как бы там ни было, наш врач считает, что Дидье можно забирать домой. В том состоянии, в котором он сейчас находится, он больше не может участвовать ни в каких акциях. Итак, в ближайшие дни мы привезем его сюда, чтобы вы могли взять на себя дальнейший уход за ним.

— Дальнейший уход? — удивилась я. — А что с ним случилось?

И опять мужчины обменялись многозначительными взглядами.

— При попытке разминировать побережье он потерял обе ноги.

— Боже мой!

Я вскочила, опрокинув при этом чайную чашку, содержимое которой вылилось на стол и на мой пенюар.

— Просто чудо, что он вообще остался жив, — с горечью сказал один из мужчин. — Мы уж думали, что Дидье не выживет. Но теперь ему стало лучше. И, конечно, дома, в своей семье, он поправится быстрее, чем у нас.

Я в смятении закрыла глаза. Дидье потерял обе ноги. Это была катастрофа! Но я не должна заплакать или впасть в истерику перед этими людьми.

Я глубоко дышала до тех пор, пока мне не удалось сдержать панику. Затем я открыла глаза.

— Извините меня, — сказала я и снова поставила чашку на стол.

Ткань пенюара пропиталась чаем. Я чувствовала неприятную влагу на левом бедре.

— Скажите, когда вы привезете его сюда?

Мужчины сочувственно посмотрели на меня.

— Через три дня. Может быть, через четыре. В настоящее время мы должны быть очень осторожными. У немцев везде есть глаза и уши. Мы не хотим подвергать вашего мужа еще большей опасности. Он уже достаточно пожертвовал для своей Родины.

Я кивнула и поблагодарила мужчин за то, что они приехали. Они молча выпили свой чай и ушли.

— Мы сделаем все, что возможно, чтобы помочь вам, если понадобится, — сказал один из них и вытащил лист бумаги из кармана. — Это адрес одного портного в Париже. Он наш связной. Если вы захотите нам что-нибудь сообщить, обратитесь к нему или напишите ему письмо такого содержания: «Заказ на три рулона льняного полотна». А мы посмотрим, что сможем сделать.

С этими словами он попрощался со мной. Вскоре черная машина выехала со двора. Я еще какое-то время постояла на улице, пока не почувствовала, что мои ноги онемели.

Я вернулась назад, в кухню, и опустилась на стул. Я боялась даже представить себе, как Мадлен и Мария воспримут эту новость. Особенно моя дочь, которая выплачет все глаза. Да, Дидье не был мертв, но он стал калекой. Он никогда больше не сможет играть с ней, никогда не пойдет с ней на прогулку. Я расплакалась, когда осознала, чем он пожертвовал.

На следующее утро я сообщила Мадлен эту новость. Она восприняла ее без малейшего волнения. Как и прежде, она молча смотрела в окно, словно мои слова можно было пропустить мимо ушей.

Мария же отреагировала так, как я и ожидала. Она горько плакала, и даже обещание, что ее папа скоро вернется, не могло ее утешить.

Через три дня большая черная машина снова подъехала к замку. Мужчины, которые

привезли Дидье, были не очень похожи на санитаров.

Он не только потерял обе ноги до колен, взрывом повредило также часть его лица. Только его глаза, такие же, как у Лорена, по-прежнему были прекрасны.

Мужчины занесли Дидье в комнату, которую я приготовила для него, и оставили мне немного лекарств. Раны большей частью уже зажили, но у Дидье были ужасные фантомные боли в ногах, отчего он часто кричал по ночам.

Я, немного смущенная и растерянная, стояла перед ним.

— Ты должна развестись со мной, — внезапно сказал он с такой злостью, что я даже испугалась. — Как ты видишь, теперь я просто обрубок.

— Ты мой муж, и мы рады, что ты снова с нами.

— Глупости! — крикнул Дидье. — Никто в этом доме не радуется тому, что я снова здесь! Я буду колодой у тебя на ноге. Будет лучше, если ты снова сбежишь, как уже однажды сделала.

Эти слова ударили меня сильнее, чем пощечина. Я удрученно смотрела на Дидье. В нем говорили горечь и отчаяние или же он на самом деле был обо мне такого мнения?

Я должна была что-то ему ответить, но увидела в его глазах только злобу. Что бы я ни сказала, его это не успокоит.

— Немного позже я приду снова, — произнесла я холодно, сохраняя самообладание. — Тебе нужно просто позвонить, если что-то понадобится.

С этими словами я повернулась и ушла. Несколько секунд спустя что-то громко ударилось о дверь и с дребезгом покатилося по полу.

Я вздрогнула и, трепеща всем телом, закрыла глаза. Мы с Дидье никогда не ссорились — а теперь он чем-то швырнул в меня! Слезы разочарования хлынули у меня из глаз. Неужели отныне всегда будет так? И с чего вдруг он стал упрекать меня в том, что я сбежала? Он ведь сам предложил мне свою помощь! Не следовало ему этого делать. Я, вне себя от гнева, уже хотела броситься в комнату и сказать ему в лицо то, что я об этом думала, однако в последний момент обузда себя и убрала руку с ручки двери.

«Он в ярости из-за того, что случилось, — сказала я себе. — Может быть, будет лучше, если я оставлю Дидье на некоторое время в покое, а затем докажу ему, что я и дальше буду оставаться с ним — именно так, как обещала перед алтарем при венчании».

Я сообщила свекрови о том, что Дидье приехал, но она не удостоила меня даже взглядом и не проявила никакого волнения. В тот момент я решила, что это даже к лучшему, учитывая настроение, в котором сейчас пребывал Дидье.

Зато моя дочь была исполнена решимости увидеть его.

— Сокровище мое, может быть, тебе лучше немного подождать? Папа устал, он должен отдохнуть с дороги.

Мария подчинилась, но я знала, что мне придется впустить ее к нему в тот же день. Моя дочь обеспокоенно посматривала на часы и все время спрашивала, отдохнул ли папа.

В конце концов уже после обеда мы вместе с ней поднялись к нему наверх. Мария надела свое лучшее платье и красиво причесала волосы. И впервые мне стало понятно, что пройдет совсем немного времени и моя маленькая девочка станет настоящей женщиной. Еще пару лет — и парни будут оборачиваться и смотреть ей вслед.

Мария, помедлив, постучалась в дверь. Никакого ответа не последовало. Может, Дидье спал? Я подбодрила ее, чтобы она вошла и посмотрела на него.

Когда Мария открыла дверь в комнату Дидье, я увидела, что он не спит. Я раздумывала

о том, следует ли мне войти к нему вместе с ней, когда услышала его крик:

— Исчезни, я не хочу тебя видеть!

— Но папа! — испуганно воскликнула Мария, в ответ на что он завопил:

— Пошла вон! Исчезни наконец!

Немного погодя Мария, плача, выскочила из двери прямо в мои объятия.

— Папа больше не любит меня, — пожаловалась она, рыдая.

Я крепко обняла ее и прижала к себе. Через щель в двери я видела, как Дидье отвернулся к окну и замер, уставившись в него. Что же сделала война с этим когда-то нежным и ласковым человеком?

После того как Мария немного успокоилась, я вышла из замка и немного прогулялась по снегу, чтобы обрести возможность снова здраво мыслить.

Что же теперь будет? Судя по тому, как вел себя Дидье, следовало ожидать, что он будет отказываться от еды и не захочет видеть никого из нас. Вероятнее всего, он прогонит и врача. Но ведь кто-то же должен за ним ухаживать! Я не имела ни малейшего представления о том, что нужно делать с такими больными, как он.

Мороз щипал мое лицо и без усилий проникал через одежду, но это меня не беспокоило. У меня в душе бушевала буря, но вместе с тем я чувствовала себя абсолютно беспомощной. Прошло всего несколько часов, как Дидье вернулся в замок, но я уже поняла, что он стал совершенно другим человеком, словно в него вселился демон. Что же мне делать, что?

Прежде чем я сообразила, куда иду, я уже стояла перед склепом. Оба ангела как всегда хмуро смотрели на меня сверху вниз, даже белые шапки снега, лежавшие на их головах и плечах, ничего в них не изменили. Я открыла решетку, которая зимой скрипела гораздо громче, и, несмотря на то что внутри уже не горела лампадка, нашла саркофаг Лорена. В кармане пальто я всегда носила пару коробков спичек на тот случай, если мне захочется тут побывать. Я зажгла лампадку и положила руку на каменную плиту, на которой было выбито имя моего возлюбленного.

— Твой брат снова дома, — тихо прошептала я. — Война полностью изменила его, и я не знаю, как я должна его встретить. Он всегда был таким милым, но сейчас ведет себя, словно демон.

Разумеется, я не получила никакого ответа, и даже в моем воображении не прозвучал голос Лорена. Однако, пока я сидела рядом с его саркофагом, мне в голову вдруг пришла мысль: Дидье прав. Я убегала, вместо того чтобы бороться. Из Индокитая, из Гамбурга, из Берлина. Я всегда убегала. Теперь с этим покончено. Пришло время бороться. То, что уже случилось, я не могла изменить, но сейчас я повернусь и буду смотреть волку в глаза. Я покажу ему, что не дам одержать надо мной верх.

Вечером я снова заглянула к Дидье. Я не хотела, чтобы он оставался наедине со своей судьбой, и, кроме того, ему нужно было сходить в туалет, а мне надо было смазать кремом его культы и перевязать их.

На этот раз я была готова к ругательствам и даже к оскорблениям, которые Дидье мог обрушить на мою голову.

— Ты все еще здесь? — Так он поприветствовал меня, даже не взглянув в мою сторону.

— Да, это я, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал как ни в чем не бывало.

На самом деле этот упрек больно ранил меня, но я твердо решила, что не выйду из комнаты, пока не помою Дидье и не приготовлю его ко сну. Кроме того, он должен был хоть

что-нибудь поесть. К этому я его принудить не могла, но, может быть, его организм заставит его это сделать.

— Тебе на самом деле не нужно за мной ухаживать, — сердито проворчал Дидье, даже не взглянув на меня, когда я поставила на комод поднос с едой и стала наполнять водой тазик для мытья.

Его взгляд по-прежнему был устремлен в окно, за которым постепенно сгущались вечерние сумерки.

— Лучше всего оставьте меня все в покое, чтобы я смог умереть.

— Нет, — возразила я, — мы не оставим тебя в покое. Особенно я и твоя дочь.

Дидье насмешливо фыркнул.

— Моя дочь... Это дочь Лорена. Ты что, уже забыла об этом?

— Нет, не забыла. Но ты тот человек, которого она называет папой и который всегда был примером для нее. Во всем, что касается привязанности и заботы, ты ее отец. Меня ты можешь послать куда угодно, но не Марию. Ты это понял? И больше не смей кричать на нее.

Некоторое время мы смотрели друг на друга так, что могло показаться, будто мы готовы убить друг друга взглядами. Но затем я заметила, что в глазах Дидье появились слезы и его нижняя губа задрожала. В следующий миг он горько заплакал. Я не знала, стоило ли мне подойти к нему, но все же села рядом с ним на край кровати и обняла его. К счастью, Дидье разрешил мне это сделать, и я держала его в объятиях до тех пор, пока он не успокоился и не смог уснуть. Все будет хорошо, я это знала. Как бы тяжело нам ни было — все будет хорошо.

## 25

Мелани была рада, что в это время на автобане было мало машин. Дорожные ограждения пролетали мимо нее, а размытые пейзажи исчезали в тумане. Она хотела заставить себя ехать медленнее, но ей это не удавалось.

Ханна, сидевшая на переднем сиденье, закончила рассказывать свою историю и замолчала. Она беспокойно сжимала руки, а ее взгляд был устремлен в никуда. Мелани была уверена, что сейчас в душе ее прабабушки бушует такая же буря, как и у нее.

Они пообещали Марии, что позвонят ей, как только что-нибудь узнают. Мелани еще раз попыталась дозвониться до Кати, но та не брала трубку. Чтобы не терять времени, правнучка и прабабушка сели в машину и уехали.

Приближаясь к выезду с автобана в направлении Берлин-Тегель, Мелани хотела попросить Ханну позвонить Кате еще раз. Но затем быстро выбросила эту идею из головы. Если она сейчас узнает, что Роберту стало хуже и он умирает, она от горя может попасть в аварию.

А Мелани этого не хотела. Даже если Роберт не переживет эту ночь, она хочет жить! Ее сердце будет разрываться от горя, да, но она будет продолжать жить. Точно так же, как продолжала жить Ханна.

Когда мимо них пронесся каменный берлинский медведь, установленный на въезде в город, у Мелани задрожали колени. Ее мокрые руки крепче вцепились в руль. Она убрала ногу с педали газа. «Сохраняй спокойствие, — уговаривала себя Мелани. — С нами не должно ничего случиться».

Наконец они оставили позади туннель и аэропорт. Их автомобиль промчался через туннель Тиргартен, конечно, слишком быстро, но, к счастью, рядом не было полиции.

Когда они наконец добрались до центра, Мелани сбросила скорость. Она не хотела

наехать на кого-нибудь из многочисленных любителей ночных прогулок, легкомысленно выходявших на дорогу.

В конце концов перед ними появилась надпись «Шарите». Еще чуть-чуть, и они будут на месте.

Мелани вырулила на парковку для посетителей.

— Ты подождешь здесь или пойдешь со мной? — спросила она у своей прабабушки.

Девушка слышала, как бьется ее пульс. В груди болело. «Неужели мой инстинкт не мог подсказать мне, что случилось с Робертом?» — задала Мелани себе вопрос, но в это мгновение ее тело могло лишь дрожать и ощущать тянущую и колющую боль.

— Что за вопрос? Конечно же, я пойду с тобой! — ответила Ханна и отстегнула ремень безопасности. — Если ты хочешь побежать вперед, беги, а я приду следом за тобой.

— Нет, мы пойдем вместе, — сказала Мелани. — Мне нужен кто-то, кто удерживал бы меня.

Она взяла прабабушку под руку, и они вместе направились к входу так быстро, как только позволяли ноги Ханны.

— Ты когда-нибудь выходила на связь с этим портным? — спросила Мелани, когда они уже подходили к отделению интенсивной терапии.

Двери, как всегда, были ярко освещены, но, несмотря на это, у больницы, казалось, был какой-то странно одинокий вид, словно у привидения. Мелани удивилась, что эта мысль ни с того ни с сего первой пришла ей в голову. Она могла бы спросить и о мадам Бланшар.

— Нет, я сожгла листок с его адресом в тот же вечер. Конечно, адрес я запомнила, но мне не хотелось прибегать ни к чьей помощи. В том, что нам предстояло пережить, мне все равно никто не мог бы помочь.

— А отчего умер прадед? — спросила Мелани, потому что Дидье все равно был для нее прадедом.

— От легочной эмболии. Как ты знаешь, это случилось в 1952 году. Дидье время от времени продолжал настаивать на том, чтобы я его бросила, но я этого не сделала. Я оставалась с ним до самого конца, потому что была в долгу перед ним. Дидье был одним из самых достойных мужчин, которых я знала за свою долгую жизнь.

Добравшись до двери отделения интенсивной терапии, Мелани нажала на кнопку вызова дежурной и стала ждать. За дверью отозвался чей-то голос, и Мелани объяснила, что ей звонили. Вскоре появилась медсестра. Мелани сказала ей, кто они, и медсестра провела их к палате Роберта.

— Может быть, мне лучше подождать здесь, снаружи? — спросила Ханна, опускаясь на один из стульев, предназначенных для посетителей.

Мелани кивнула и, надев халат и шапочку, которые протянула ей медсестра, вошла в палату.

Первым, кого она увидела, была Катя, которая сморкалась в носовой платок.

Вместе с доктором Паульсеном она загораживала Роберта, но затем врач шагнул в сторону.

— Фрейлейн Зоммер, как прекрасно, что вы здесь! — сказал он, протягивая ей руку. — Я надеюсь, фрау Михаэлис уже сообщила вам хорошую новость?

Мелани взглянула на Катю, которая опустила глаза, а потом на Роберта, который не был подключен к прибору искусственной вентиляции легких.

— Извините, я знаю лишь то, что должна была приехать сюда.



Девушка почувствовала какой-то странный зуд в груди. Врач посмотрел на Катю, а затем снова на Мелани. На его лице появилась улыбка.

— Мы приняли решение прекратить искусственную вентиляцию легких, потому что ваш жених очнулся.

— Что вы говорите?

Мелани на долю секунды показалось, что она падает, но тут же она почувствовала, что у нее под ногами твердый пол. Ее сердце бешено билось, и она дрожала всем телом. Постепенно девушка начала осознать смысл того, что слышала.

— Он пришел в себя сегодня вечером. Очень медленно.

— Мел? — внезапно раздался тихий шепот.

Мелани резко развернулась. Она не смогла сдержать вскрик. Роберт приоткрыл глаза и посмотрел на нее. Его губы дрожали. Он еще раз попытался произнести ее имя, но ему это не удалось.

Мелани закрыла рот рукой. Ее напряжение разрядилось в резком всхлипывании, и она бросилась к его кровати. Она хотела сдержаться, но не смогла, и по ее щекам покатились слезы. Доктор Паульсен протянул ей носовой платок.

— Мы еще вчера заметили, что его мозговая активность возрастает. Электроэнцефалограмма позволила нам сделать вывод, что он скоро очнется, поэтому мы постепенно стали снижать интенсивность медицинских процедур. Недавно нам удалось отключить его от аппарата искусственной вентиляции легких. У него хорошие показатели, и если нам повезет, то через пару дней мы переведем его в общее отделение.

Мелани почти не слышала слов врача. Она осторожно положила ладони на исхудавшее лицо Роберта. Было заметно, что ему трудно открывать глаза, но он все же время от времени пытался взглянуть на нее.

— Ты снова здесь! — прошептала она ему.

Он слегка кивнул.

— Я люблю тебя. Я так тебя люблю! — сказала Мелани, и ей пришлось отодвинуться назад, потому что у нее из глаз потекли слезы.

Вскоре после того, как Мелани вышла из палаты и рассказала Ханне о том, что случилось, дверь снова распахнулась и оттуда вышла Катя. Она скрестила руки на груди. Вид у нее был несколько смущенный.

— Извини, что оставила тебе лишь короткое сообщение, — с усилием сказала она. — Я ехала в машине. Туннель...

— Ну ладно, — в нос произнесла Мелани.

Еще никогда она так много не плакала, тем не менее теперь она чувствовала странное облегчение. Она взглянула на Ханну, которая сердито смотрела на Катю.

— Я... Прошу извинить меня за то, что обидела тебя. Просто я была... в отчаянии. — Катя посмотрела на Ханну, лицо которой немного смягчилось. — Я, конечно, знаю, что ты его любишь и что ты не бросишь его. Просто я очень боялась, что ты это сделаешь, потому что мне известно: он тебя тоже любит. Больше всего на свете.

— Я знаю, — ответила Мелани и обняла Катю.

Сейчас было не время на кого-то обижаться. Ее самое заветное желание сбылось.

— Ты знаешь, на что я обратила внимание? — спросила Мелани у прабабушки, когда они выезжали со стоянки больницы. — Всегда, когда у тебя возникали проблемы, ты разговаривала с Лореном. У его могилы.

— Да, это так. Причем это происходило гораздо чаще, чем я тебе рассказывала, — устало ответила Ханна.

— Значит, я похожа на тебя, — сказала Мелани. — Я писала Роберту письма, когда не знала, что делать дальше, или когда чувствовала себя потерянной. Я прекратила это делать, когда приехала к вам. Потому что ты стала рассказывать мне свою историю, grand-mère.

В свете фар встречной машины Мелани заметила на лице Ханны улыбку.

— Значит, тебе со мной не было скучно?

— Нет, совсем наоборот. Но все же ты не рассказала мне еще кое-что.

— Что именно?

— Удалось ли тебе найти Тхань?

Ханна опустила голову и закрыла глаза.

— Об этом я расскажу тебе завтра. А сейчас дай мне немного подремать, пока мы доберемся до Блюмензее.

— Хорошо.

Мелани еще раз краем глаза посмотрела на свою прабабушку, которая сейчас выглядела совершенно расслабленной, а затем включила указатель поворота и выехала в направлении автобана.

## 26

— Как тебе спалось? — спросила Мария, раздвигая гардины гостиной.

Яркий солнечный свет ослепил Мелани. В первый момент она не сообразила, где находится, пока не вспомнила, что после возвращения из «Шарите» просто упала на диван и уснула.

— Хорошо, — ответила Мелани и потянулась к своему мобильному телефону.

Там было сообщение. Оно пришло от Кати.

«Если у тебя есть немного времени, я бы хотела с тобой поговорить», — написала она. Это было первое sms-сообщение, которое Мелани получила от нее за долгое время.

— Надеюсь, у тебя хорошие новости.

Мария поставила маленький поднос на столик возле кушетки. Аромат кофе с молоком пробудил в Мелани жизненные силы.

— Это от Кати. Она хочет со мной поговорить.

— Надеюсь, она извинится перед тобой.

— Она уже это сделала, но, насколько я ее знаю, при первой же возможности она опять будет сердиться. Ну да, может быть, так и надо себя вести, будучи свекровью.

— Тогда я надеюсь, что хотя бы Елена не будет вести себя так по отношению к Роберту.

Мария нагнулась к внучке и поцеловала ее в макушку.

— Я действительно очень рада, дитя мое. Пусть даже теперь для тебя начнутся нелегкие дни.

Мелани подумала о том, что рассказала ей Ханна по дороге в клинику. То, что она уже знала о своей прабабушке, было очень тесно связано с ее историей. Ханна ухаживала за Дидье на протяжении многих лет, и ей даже удалось вселить в него мужество. И, несмотря ни на что, он был хорошим отцом для Марии, а деньги, которые Ханна от него унаследовала, стали фундаментом для семейного благосостояния. К тому времени, когда случилось «экономическое чудо», Ханна благодаря капиталу семьи де Вальер стала королевой шляпниц Парижа и сохраняла за собой это звание, пока не решила уехать во Вьетнам.

— Я с этим справлюсь! — ответила Мелани и прижала прабабушку к себе, а затем улыбнулась ей: — Я ведь знаю, что рядом со мной моя семья.

Выпив кофе и упаковав свою сумку, Мелани зашла в салон, но прабабушки там не было. Девушка приблизилась к спальне.

— Grand-mère, ты здесь?

Войдя в спальню, Мелани увидела, что ее прабабушка сидит на корточках возле кровати, а перед ней стоит старая картонная коробка, по углам которой свисают клочья пыли.

— Ах, Мелани! Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Я спала как сурок.

— Да, но ночь была беспокойной.

— И не говори! Но это была хорошая ночь! Лучшая за долгое время.

— Могу тебе поверить. Будь добра, помоги мне встать.

Мелани подошла к Ханне и осторожно поддержала ее, чтобы она могла сесть на край кровати. Что же она там искала? И что было в этой коробке?

— С тобой все в порядке?

Мелани заметила на лице Ханны какую-то тень.

— Да, ничего, насколько это возможно в моем возрасте.

— А что это за коробка?

Мелани смахнула комочки пыли с крышки.

— Это — окончание моей истории. У нас осталось не так уж много времени, правда? Ты ведь, конечно, хочешь поехать к Роберту.

Мелани кивнула.

— Хорошо. Тогда посмотрим, что спрятано в этой коробке. Не знаю, показала бы я ее тебе, если бы Роберт оставался в подвешенном состоянии или все закончилось плохо, но думаю, что теперь опасность уже позади.

Ханна медленно сняла крышку.

С первого взгляда Мелани приняла кучку синей одежды за грязные тряпки. Однако затем она увидела, что это был аозай. Грубый, синий — одежда работницы. При ближайшем рассмотрении стало ясно, что это больничная одежда. Одежда врача. На груди была пришита полоска, а на ней вышито имя. Доктор Тхань Ле Винь.

По спине Мелани пробежал холодок. Неужели это одежда Тхань, «жасминовой сестры» Ханны? Но что означают эти огромные пятна ржавого цвета?

Ханна долго смотрела на аозай, а потом положила его перед собой на полу.

— Моя история постепенно подходит к концу. — Она задумчиво погладила ткань. — Я рада, что могу досказать ее именно сейчас, когда Роберт пришел в себя.

— Эта больничная униформа принадлежала Тхань, не правда ли? — спросила Мелани, закрывая за собой дверь. Она поставила коробку на письменный стол и села на свободный стул. — Значит, она все-таки стала врачом?

Мелани указала на полоску с фамилией.

Ханна ничего не ответила. Казалось, мысли лихорадочно проносились у нее в голове.

— Как видишь, стала. Но лучше давай я расскажу все по порядку.

Она глубоко вздохнула, и ее взор снова обратился в прошлое.

Я всегда в подробностях представляла себе, как снова вернусь домой. Я никогда не забуду вид порта и реки Меконг. Но то, что я увидела с борта парома, идущего из Вунгтау[25], очень сильно меня испугало.

Война ничего не смогла сделать с широкой рекой, однако лицо города получило во время войны глубокие раны. Мне показалось, что я больше не узнаю мой бедный Сайгон.

Это впечатление лишь усилилось, когда мы оставили порт позади. Прошло почти пятьдесят лет с тех пор, когда я последний раз шла по этой улице. Но даже тогда я не видела здесь такой нищеты. Вдоль обочин в грязи сидели на корточках люди с отсутствующими конечностями. На руках у некоторых женщин были изуродованные дети.

Я многое повидала за свою жизнь, но от этого зрелища мне на глаза навернулись слезы, и я зарыдала.

Снова успокоившись, я отправилась на поиски места, которое было моим последним домом в Сайгоне. Я не особо тешила себя надеждой. Годы войны могли стереть этот дом с лица земли.

Еще меньше я верила в то, что дом стоит на прежнем месте. Но он был там. На самом деле. Он был пустым. Я не нашла ни кузнеца, ни матери. Здесь не было даже соседей, которые могли бы рассказать мне, что случилось с моей семьей. Когда я вошла в полуразрушенный дом, мне показалось, что на мою душу лег огромный груз. Время изменило многое, но некоторые вещи я до сих пор хорошо помнила. На одной из балок были зарубки, с помощью которых мой отчим отмечал, как росли Тхань и я. Тут же были его старые кузнечные инструменты, которыми, судя по их виду, совсем недавно пользовались. Может быть, у моей матери и кузнеца родился сын и внуки, которые смогли унаследовать кузницу и дальше работать в ней?

С часто бьющимся сердцем я подошла к комнате, в которой жили мы с Тхань. Я и боялась, и надеялась, что там тоже все осталось без изменений, но меня постигло разочарование. Комната была пустой, там стояла лишь пара ящиков. Это и понятно, ведь прошло столько лет. За это время я стала пожилой женщиной. Наверное, после нашего исчезновения моя мать подумала, что мы с Тхань погибли.

Я опустилась на корточки перед одним из ящиков и открыла его. На первый взгляд здесь не было ничего ценного. И все же среди старых пиал, бамбуковых побегов и других мелочей я обнаружила фотографию в рамке с разбитым стеклом. Я вытащила ее, и у меня чуть не остановилось сердце, когда я увидела, что это за фотография.

Моя мать нашла ее и хранила все это время. Не жалела ли она о том, что решила выдать меня замуж? Вряд ли она возненавидела нас с Тхань, иначе не хранила бы этот снимок.

Я поставила фотографию на подоконник и некоторое время рассматривала ее. Мимо меня пронеслось так много лет. Я вспомнила, как Тхань стояла передо мной в нашем саду. Как мы с ней вдвоем сидели на крыше и смотрели на джунгли. Как она возвращалась с работы у крестьянина, который выращивал рис...

Слезы начали застилать мой взор, и я отвернулась.

Погрузившись в свои мысли, я погладила рукой стены, с которых облупилась краска, а затем мой взгляд упал на пол.

Это было так давно...

Во время побега я не взяла с собой цветы жасмина. Они остались в том же месте, где я, ничего не сказав Тхань, спрятала их. Может быть, они по-прежнему были там?

Я искала, чем бы приподнять половицы, а потом подошла к одной из них,

державшейся некрепко. Кто бы ни жил в этом доме последние годы, он не пытался закрепить ее. Я опустилась на колени и легко сняла половицу. И тут я увидела ее. Покрытая толстым слоем пыли, там лежала коробка, в которую я положила ветку жасмина еще тогда, когда жила во Французском квартале. Я сдула пыль с коробки и открыла ее. Я ожидала увидеть сухую веточку и пыль, в которую превратились цветы.

Однако цветы не рассыпались в прах. Конечно, они полностью засохли, но сохранились в тайнике. Даже листья не отпали.

Я положила коробку себе на колени и благоговейно рассматривала ее, пока не услышала, как в дверь заходит Мария.

— Мамап, ты здесь? — спросила она.

— Да, здесь!

Я непродолжительное время боролась с собой, думая, показать ли ей эту коробку, но затем решила, что не стоит. Эта ветка повлекла бы за собой еще одну историю, а поскольку мне не хотелось лгать, я снова спрятала ее в коробку и успела вовремя сунуть под половицу. Фотографию же я положила в карман.

— Значит, тут ты жила, — сказала Мария, когда немного погодя нашла меня в моей комнате.

— Да, тут я жила. Целую вечность тому назад.

Мария огляделась, и я представила, какие мысли приходили ей в голову. Наверное, она была благодарна мне за то, что я покинула этот дом.

— Ты нашла что-нибудь, что осталось от твоих родителей? — спросила она затем.

Я покачала головой:

— Ничего, за исключением кузнечных инструментов. И я полагаю, что вряд ли соседи еще живы.

— Наверное, нет.

— Надо будет сходить на кладбище.

Я вздохнула и отвернулась. Цветы жасмина я успею забрать позже, а пока что они были в безопасности под половицей.

Наш пансионат находился во Французском квартале, который тоже очень сильно пострадал. Хозяйка пансионата немного напоминала мне повариху Ли, которая работала у моей матери. Когда я спросила ее, была ли в их семье повариха по имени Ли, она ответила отрицательно. Эта семья была родом из совершенно другой местности и вскоре после ухода французов воспользовалась шансом, чтобы перестроить здание в пансионат. К сожалению, с началом войны ее бизнес потерпел крах.

Постояльцы здесь не появлялись, а само здание сильно пострадало во время боевых действий. Несколько комнат были нежилыми: сквозь дыры в крыше можно было любоваться небом. Однако комнаты на нижнем этаже были свободны. В одной из них и поселились мы с Марией. Вид на улицу, конечно, раньше был очень красивым, но теперь мы смотрели на разрушенные дома и бедно одетых людей, которые тащили за собой мимо гостиницы повозки или пытались ехать на разваливающимися велосипедах.

— И что ты теперь собираешься делать? — спросила Мария, когда мы с ней сидели за ужином.

Хозяйка пансионата настояла на том, чтобы мы ели вместе с ее семьей. Это было очень щедрое предложение, от которого мы не могли отказаться, пусть даже у них было не так уж много еды.

За столом мы узнали очень много о боях и о том, что происходило в городе. При этом мне стало ясно, что мы могли бы сделать: либо оказывать помощь в больницах, ухаживая за жертвами войны, либо построить предприятие, которое давало бы людям работу и приносило бы пользу всем.

— Лучше всего обратитесь в больницу к доктору Винь. Она сможет сказать вам, где нужны помощники, — посоветовала хозяйка пансионата.

— Ты хочешь работать в больнице? — спросила меня Мария, когда мы снова вышли из комнаты.

— А почему бы и нет? — ответила я. — Я ведь ухаживала за твоим отцом. Люди тут нуждаются в помощи, поэтому мы сюда и приехали.

— Но ты же помнишь, каково это, — сказала мне дочь. — Ты же знаешь, как трудно тебе было за ним ухаживать.

— Основная сложность заключалась в том, что Дидье не хотел больше жить и вымещал на мне свою злость. А здесь люди будут рады, если им кто-то поможет.

На этом дискуссия закончилась. Мария знала, что ей не удастся меня переубедить.

На следующее утро я отправилась в клинику. Мария же в это время хотела навести справки о моих родителях. Мы вместе прошли некоторое расстояние, потом наши пути разделились.

Повсюду были видны следы войны. Многие развалины уже расчистили, но пробоины в стенах домов еще много лет будут рассказывать об ужасах, которые обрушились на этот народ. И в больнице, в которой работала доктор Винь, царил хаос. Несмотря на то что бои закончились, вьетнамцы были вынуждены вести борьбу с их последствиями. Время от времени люди наступали на противопехотные мины и их разрывало в клочья. Медицинское обслуживание оставляло желать лучшего, а последствия применения средств для уничтожения растительности просто шокировали.

Я испуганно отпрянула, когда в одном из коридоров клиники увидела женщину с ребенком на руках. У него не было глаз. После этого я старалась не присматриваться, потому что было еще очень много таких детей-калек, еще много людей с огромными шрамами от ожогов и ампутированными конечностями.

В конце концов я натолкнулась на медсестру, которая знала, где я могу найти доктора Винь. Она указала на больничную палату, из которой доносился решительный женский голос. Через несколько минут она вышла из палаты — худощавая женщина с загорелой кожей и темными волосами.

Я не поверила своим глазам. Она спросила:

— Что я могу для вас сделать?

Время, конечно, изменило черты ее лица, но не настолько, чтобы я не могла ее узнать. Однако я не думала, что встречу ее именно в этом месте.

— Тхань? — спросила я.

Врач удивленно взглянула на меня. Она явно меня не узнала. Она посмотрела мне в глаза, и я заметила на ее лице удивление.

— Хоа Нхай?

— Да.

Это короткое слово заглушил поток моих слез. Мы тут же бросились друг другу в объятия и расплакались. Успокоившись, мы еще раз посмотрели друг на друга.

Все эти годы почти не отразились на Тхань. У нее были такие же круглые темные глаза,

а на коже почти не было морщин. В причёске у нее, как и у меня, виднелись седые пряди, однако волосы по-прежнему были пышными и гладкими. Тхань собрала их на затылке в пучок. Ее больничная униформа была подогнана по фигуре, которая была такой же, как у той девятнадцатилетней девушки, которая когда-то шла мне навстречу по дороге, возвращаясь с работы.

— Я просто не могу поверить, — хрипло прошептала Тхань, качая головой. — Хоа Нхай! Я думала, что ты погибла.

— А я никогда не сомневалась в том, что ты жива, — ответила я и снова прижала Тхань к себе.

— Доктор Винь, вы нужны в операционной! — позвала взволнованная медсестра, на которую мы на радостях совсем не обратили внимания.

Тхань с трудом оторвалась от меня:

— Мне нужно идти. Как насчет того, чтобы встретиться сегодня вечером? До восьми часов я буду в больнице, а потом я свободна.

— Да, хорошо. Я зайду за тобой.

— Замечательно!

— Ах, Тхань... Я... я, собственно, хотела спросить... Может быть, я могла бы здесь чем-то помочь?

Я чувствовала себя странно, произнося ее имя.

— Подойди к медсестре Тхао, она тебе скажет, где именно нужна помощь.

И с этими словами Тхань исчезла за дверью, на которой виднелась большая трещина.

Я стояла, словно сраженная ударом молнии, и смотрела, как ее фигура исчезает в коридоре. С тех пор как закончилась война и появилась возможность отыскивать людей через Красный Крест, я все время пыталась найти Тхань. Я не питала больших надежд — с того дня, как пираты увели ее с корабля, прошла целая вечность.

Может быть, это связано с тем, что я снова нашла цветы жасмина?

Вернувшись в приемное отделение, я обратилась к сестре Тхао. Та была примерно моего возраста — женщина, которая многое пережила. Несмотря на грубоватую манеру, с которой она разговаривала с пациентами, мне она понравилась.

— У вас есть опыт ухода за больными? — спросила меня сестра Тхао.

— Я ухаживала за своим мужем, который потерял на войне обе ноги.

Мой ответ произвел на нее большое впечатление, я увидела это по ее глазам.

— Нам может понадобиться помощь в отделениях. Сейчас это не так трудно, как до перемирия, однако очень многие люди страдают от последствий примененного американцами «Agent orange»[26].

— Если вы не испытываете страха перед людьми, у которых отсутствуют конечности...

— Не испытываю, — ответила я, стараясь не показывать, что испугана ее жестокими словами.

То, что война ожесточает людей, я знала слишком хорошо.

— Отлично. Тогда секунду подождите.

И вдруг раздался жалобный крик. Я резко повернулась и увидела, как на скамейке для людей, ожидающих своей очереди, согнулась от боли какая-то девушка.

Она была на позднем сроке беременности. Неужели у нее начались схватки?

— Почему она до сих пор не в родильном зале? — спросила я медсестру. — Неужели вы хотите, чтобы она родила ребенка здесь?

Медсестра отмахнулась:

— Ее время еще не пришло, можете мне поверить. Когда эти женщины из Телона рожают своих ублюдков, они всегда делают вид, будто им хуже всех.

Я была потрясена тем, как мало сочувствия было у медсестры к этой девушке. Сестра Тхао потеряла бóльшую часть моей симпатии. Да, война ожесточала людей, но сочувствие друг к другу нужно было сохранять.

Я посмотрела на девушку. Сколько же ей лет? Двадцать? Восемнадцать? Или меньше? Эта девушка была из Телона. Пусть даже со времени моего пребывания в «Красном доме» прошло более сорока лет, мне до сих пор становилось плохо при одном воспоминании об этом. Я не забыла ничего. И снова я поняла, как мне повезло, что я там ни разу не забеременела! Если бы рядом со мной не было Арианы и если бы боги не были милостивы ко мне, может быть, я сама очутилась бы в такой ситуации. Тогда Хансен наверняка послал бы меня к «женщине, которая делает ангелов», и в ее руках я бы, наверное, умерла.

Я решила хотя бы утешить эту девушку и подошла к ней. Может быть, ей просто нужно, чтобы кто-нибудь был с ней рядом? Скептический взгляд медсестры я проигнорировала.

— Я могу вам чем-то помочь?

Девушка бросила на меня враждебный взгляд. Мне очень хотелось предложить ей помощь. Но я не знала, чем могу помочь. Когда у этой девочки родится ребенок, она отдаст его в чужие руки. Малыш или малышка очутится в одном из детских домов города и никогда не узнает, кто его мать.

— Нет, — выдохнула она. — У меня скоро родится ребенок, а эти люди не пускают меня в родильный зал. Они говорят, что там сейчас нет места. Словно у них нет кровати, на которой я могла бы родить.

— Как часто повторяются у вас схватки? — спросила я.

Если надо, я лично отведу ее в родильный зал.

Девушка посмотрела на меня так, словно хотела спросить, какое мне до нее дело.

— Не знаю, — ответила она. — Довольно часто.

— Тогда, наверное, пора. Ты можешь идти?

Девушка с трудом поднялась. Казалось, она была настроена по отношению ко мне уже не так враждебно.

— Сейчас я отведу тебя туда. Думаю, койка для тебя найдется.

Я не знала почему, но малышка не возражала. Тихо вздыхая от боли, она мелкими шагами пошла следом за мной. Я снова вспомнила Ариану и то, как испуганно я шла за ней. Без нее я бы не выжила. Может быть, девушка, идущая позади меня, чувствовала, что у нас с ней есть нечто общее?

Я нашла медсестру, которой мне удалось объяснить, что кто-нибудь должен заняться этой девушкой. Та явно не знала, что беременная попала сюда из Телона, и забрала ее с собой.

Я осталась в коридоре, глядя им вслед. Откуда-то доносился плач младенцев. В родильном зале звучали чьи-то возбужденные голоса. Жизнь продолжалась. Тем не менее я была потрясена до глубины души. Война уничтожила очень многое, но не проституцию. Неужели она будет всегда?

Расстроенная, я снова пошла в сторону приемного отделения. Я не знала, что буду делать, но поняла, кому должна помогать. Здесь, в больнице, я была бы не на своем месте. Поскольку Тхань была еще в операционной, я покинула приемное отделение.



Выйдя на улицу из больницы, я посмотрела на дорогу. Я увидела несколько уличных торговков и детей, играющих среди развалин.

И тогда я вдруг поняла, что могу сделать.

— Ты хочешь открыть здесь швейную мастерскую? — удивленно спросила меня Мария, когда я пришла в пансионат и рассказала ей о своей идее.

Она в это время пыталась хоть что-нибудь узнать о моих родителях. К сожалению, ее поиски не увенчались успехом.

— Да, — ответила я. — Я буду принимать на работу только женщин.

Я рассказала ей историю о девушке из Телона.

— Телон? — переспросила Мария.

И тогда я поняла, что никогда не рассказывала ей о квартале публичных домов.

— Это увеселительный квартал Сайгона. Уверена, что очень многие женщины не видят иного выхода, кроме как продавать свое тело. А я хочу этому помешать.

— С помощью швейной мастерской?

— Да, швейной мастерской! Каждая женщина может научиться работать на швейной машинке. Я завезу сюда самолетом швейные машины из Германии и найду подходящее здание.

— Но это означает, что тебе придется остаться здесь на продолжительное время, — заметила Мария.

После встречи с Тхань я не могла представить себе ничего лучше, чем остаться во Вьетнаме и наверстать упущенное.

— Мне кажется, это именно то, что я хочу сделать. Я хочу помочь здешним людям. Ты же, конечно, можешь спокойно возвращаться в Германию.

Мария медленно покачала головой.

— Куда же мне возвращаться? — спросила она.

Ее муж умер всего полгода назад, а Елена была влюблена и собиралась выйти замуж.

— И кто-то ведь должен заботиться о тебе, татап.

Таким образом, вопрос был решен. В тот же день я навела справки, где можно найти пустующее здание, которое было бы достаточно большим, чтобы можно было организовать там швейную мастерскую. Я по телеграфу связалась с несколькими друзьями в Париже, попросив их прислать мне швейные машины и ткани. И мне даже удалось найти ответственного чиновника, который принимал решения об эксплуатации зданий. Короче говоря, это был хороший день, и я с радостью ждала, когда наступит вечер.

Вечером я ужасно волновалась. Я долго сидела и смотрела на фотографию, которую вынула из рамки. Тхань! Я снова нашла ее!

Я сказала Марии, что хочу еще немного погулять, и пусть даже она считала, что это опасно, я не дала себя отговорить и пошла по улицам Сайгона в клинику.

Тхань уже ждала меня. Она сменила свою униформу на синий аозай, в котором была похожа на юную девушку, как тогда, когда я встречала ее по дороге с рисового поля.

Мы обнялись и пошли к маленькому уличному кафе, находившемуся поблизости, которое недавно возобновило свою работу. Увидев там много солдат, я почувствовала себя не очень уверенно, но они знали Тхань и вежливо поприветствовали нас, когда мы вошли. Несколько бойцов даже освободили нам столик и пересели к своим товарищам.

— Тебя здесь очень уважают, — констатировала я, когда мы опустились на ящики, которые служили стульями.

Тхань пожала плечами.

— Это как посмотреть, — скромно ответила она. — Некоторых солдат я лечила, и они, наверное, этого не забыли.

Я улыбнулась ей:

— Ты еще помнишь, как мы вдвоем сидели на чердаке và и мечтали о будущем? Ты своего достигла!

Тхань печально улыбнулась:

— Да, можно сказать и так. Но тогда я даже представить себе не могла, какими окольными путями мне придется идти. Тебе, конечно, тоже пришлось нелегко, не так ли?

— Да, действительно нелегко, — ответила я. — И я часто думала о тебе. Я пыталась найти тебя, но официальные власти были не склонны к сотрудничеству. Поиски через Красный Крест тоже были безуспешными.

— Причиной этому было то, что я изменила фамилию, — ответила Тхань, а затем встала и сделала заказ.

Ей даже не нужно было спрашивать, чего я хочу, она все помнила. С двумя пиалами риса и цыпленком в арахисовом соусе она вернулась назад.

— Нам повезло, эта уличная кухня — одна из немногих, которая время от времени получает мясо. Между сменами я иногда захожу сюда.

— Работать в больнице нелегко, правда?

— Да, так оно и есть. Но, как бы там ни было, сейчас мы знаем, что на нас не будут сбрасывать бомбы. Это было тяжелое время, но в конце концов закончилось и оно.

Тхань начала есть. Я смотрела на нее. Что-то в ней все-таки изменилось. Тхань казалась немного отстраненной, раньше она не была такой. Может быть, причина в ее усталости?

— А как тебе удалось сбежать от пиратов? — спросила я, тоже приступая к еде.

Было очень вкусно, хотя, попробовав острую приправу, я поняла, как давно не ела настоящую вьетнамскую еду.

— Пиратский корабль был перехвачен французским военным крейсером, — ответила Тхань и положила себе в рот кусочек цыпленка. — Это произошло всего через два дня после того, как нас захватили торговцы людьми. Почти всех пиратов убили. Незадолго до этого они напали на французский торговый корабль, а с tàu шутки плохи.

— А что было с вами? — продолжала расспрашивать я, испытывая огромное облегчение оттого, что страшные фантазии, которые приходили мне в голову, не сбылись.

— Французы забрали нас с собой и доставили в Вунгтау. Нам предоставили возможность вернуться домой.

Я была уверена, что Тхань отправилась к моим родителям. Если бы я была на ее месте, то именно так бы и поступила.

— Значит, ты вернулась?

— Нет.

Я изумленно посмотрела на нее и отложила палочки в сторону.

— Ты не...

— Ты ведь помнишь наших родителей, — сказала она, продолжая жевать.

Я удивилась тому, как мало эмоций было в ее словах.

— Конечно, помню.

— Они бы ни за что не позволили мне действовать по своему усмотрению. Некоторое время я оставалась в Вунгтау, а затем решила уехать в Ханой.

— Значит, ты больше не давала им знать о себе?

Ее лицо омрачилось.

— Нет, иначе они потребовали бы, чтобы я вернулась домой. Может быть, тогда мне пришлось бы выйти замуж за сына торговца тканями. Ты ведь знаешь, как твоя бабушка обошлась с твоей матерью. Она сломила ее и выдала замуж по своему усмотрению.

— Но кузнец никогда не обращался с нами плохо, — напомнила я.

— Это правда. Он был хорошим человеком. Но что было бы, если б он не был таким? Если бы он избивал твою мать? Твоя бабушка приняла решение вместо своей дочери, потому что хотела отомстить ей за то, что та когда-то поступила по-своему. Я уверена, что и меня постигла бы ее месть. Так что я решила идти своим путем. В Ханое мне удалось поступить в школу. Я работала в швейной мастерской, а затем на фабрике, чтобы оплатить учебу. Но я с этим справилась. — Тхань развела руки в стороны. — И, как ты видишь, даже стала врачом, как и хотела.

— И... Ты когда-нибудь слышала что-то о наших родителях?

Мысль о том, что моя мать и отчим всю жизнь думали, будто мы погибли, ужасала меня.

— Вернувшись в Сайгон, я навела о них справки. Мать вскоре после рождения ребенка умерла, а кузнец после этого женился на другой женщине. Как видишь, если бы я вернулась, это ничего бы не изменило. У меня появилась возможность стать свободной, и я ею воспользовалась.

— А... А ты когда-нибудь пыталась узнать, что стало со мной?

— Да, много раз. Я всегда надеялась, что ты вернешься. Потом я решила воспринимать все как есть и сказала себе, что ты обязательно найдешь свою дорогу. В любом случае я была рада, что не вернулась к родителям.

Тхань замолчала и некоторое время смотрела на свою миску с рисом. Я не знала, что ей сказать. Может быть, моя мать покарала бы ее за то, что я исчезла.

— Прости меня, — произнесла я и взяла Тхань за руку.

Она подняла глаза.

— За что я должна тебя простить? — удивленно спросила она.

— За то, что я тогда захотела убежать. Тебе не пришлось бы пройти через все это, если бы мы остались там, где было наше место.

Тхань, улыбаясь, покачала головой:

— Тебя ведь из-за этого не мучили угрызения совести, не так ли? Посмотри на меня! Я стала врачом, как и хотела. И, судя по твоему виду, твои дела идут неплохо. Расскажи мне, чем ты занималась все это время?

Меня снова поразило то, как легко она все воспринимает.

Я рассказала Тхань о своем прибытии в Гамбург, о борделе и бегстве в Берлин. Я рассказала ей, как встретила Лорена и потеряла его, как у меня родилась Мария и как Дидье помогал мне до тех пор, пока мне не пришлось помогать ему. Я рассказала ей о войне и о том, как после войны я стала королевой шляпниц. Когда я закончила свой рассказ, хозяин кафе пригрозил выставить нас, потому что было уже очень поздно и ему хотелось спать.

— Значит, у тебя есть дочь? — спросила Тхань, когда провожала меня в пансионат.

— Да, и внучка. Кстати, Мария меня сопровождает. Если хочешь, я познакомлю тебя с ней.

— Я с большим удовольствием с ней познакомлюсь! — воскликнула Тхань, хотя при

этом у нее был несколько задумчивый вид. — Она знает твою историю?

— Честно говоря, я рассказывала ей лишь некоторые отрывки из нее. Ты, конечно, согласишься со мной, что есть вещи, которых лучше не говорить своим детям.

Тхань ни словом не упомянула о своей семье, но я предполагала, что она у нее была.

— У тебя ведь тоже есть дети, не так ли? — поинтересовалась я, когда Тхань вдруг замолчала.

— У меня был сын, — после долгой паузы печально ответила она. — Его убили во время боевых действий недалеко от Ханоя, так же, как и его отца.

Очевидно, в том, что касалось любви, нам обоим не везло.

— Я очень тоскую по ним, — помолчав, добавила Тхань. — У моего сына, к сожалению, не было ни жены, ни детей. Он полностью посвятил себя борьбе. Можно даже сказать, что сейчас я нахожусь в такой же ситуации, в какой была тогда, когда мы с тобой вдвоем бежали ночью по Сайгону. У меня больше нет семьи.

От этого замечания у меня кольнуло в сердце. Я понимала, сколько печали и горечи в нем было.

— Нет, у тебя есть семья, — сказала я, схватив ее за руку. — Разве ты забыла, что одна часть твоей семьи находится здесь, а другая — в Германии? Если хочешь, я с удовольствием заберу тебя с собой.

В глазах Тхань заблестели слезы.

— Это очень мило с твоей стороны. Тем не менее я нужна здесь. И все же хорошо знать, что у меня есть семья.

С этими словами мы бросились друг другу в объятия, словно пожилая любовная пара.

На следующее утро Мария спросила меня, где я была. Я объяснила ей, что встретила старую подругу, с которой вскоре ее познакомлю. Я не хотела раньше времени ничего ей рассказывать. Мы договорились, что Тхань придет к нам в следующее воскресенье. Тогда я расскажу своей дочери, что сказка о «жасминовых сестрах» была на самом деле правдой, а Тхань — ее тетя.

Разумеется, это повлечет за собой определенные последствия. Мария расскажет об этом Елене, а Елена когда-нибудь поведаст эту историю своим детям. Но в тот момент я решила, что так будет правильно. Я поняла, как важно знать историю своей семьи. Поскольку я снова нашла Тхань, мне было больше незачем молчать, пусть даже я и понимала, что Мария и Елена будут злиться на меня, потому что я утаила от них бóльшую часть своей истории.

Однако в воскресенье мы напрасно ожидали Тхань.

На протяжении целого дня и даже вечером она не появилась. Так как я знала, что она человек слова, то начала всерьез беспокоиться.

— Я пойду в клинику, — сказала я, чувствуя, как тревога, словно дикий зверь, начинает грызть мое сердце.

Неужели с Тхань что-то случилось? Или же она просто не могла уйти из клиники? Я должна была это знать!

— Может быть, я пойду с тобой? — спросила Мария, но я отрицательно покачала головой.

— Нет, оставайся здесь. Может, Тхань в больнице. Я просто хочу узнать, в чем дело.

Я быстро шагала по Сайгону мимо людей, которые грелись у костров, и солдат, куривших сигареты на обочине.

У клиники сидели люди, ожидавшие помощи. Я протиснулась между ними, игнорируя

недовольные возгласы, которые раздавались мне вслед.

В приемном отделении тоже толпились люди.

Я поняла, что Тхань не смогла прийти, потому что у нее было много работы. Я уже хотела повернуться и уйти, но что-то меня остановило. И вдруг в моей душе появилась уверенность, что все же что-то произошло. Я подошла к одной из медсестер.

— Вы можете сказать мне, где доктор Винь?

— Встаньте, пожалуйста, в очередь, — недовольно ответила та.

— Я пришла не для того, чтобы лечиться, — произнесла я. — Мне сказали, что я должна обратиться к вам, если захочу здесь помогать.

Это была не та медсестра, которая дежурила тут раньше. Казалось, она поверила мне.

— Пройдите туда! — произнесла она и указала на дверь, за которой находилось отделение больницы. — Сейчас дежурит доктор Суан. Он скажет вам, что делать.

Доктор Суан? А что же случилось с Тхань? Я поблагодарила медсестру и вошла в указанную дверь. Здесь в коридорах тоже толпились больные и раненые. Среди них также были солдаты. Молодой мужчина лежал на носилках и жалобно стонал.

— Извините, пожалуйста, где я могу найти доктора Суана? — спросила я у одной из медсестер, которая попалась мне навстречу.

— Он там, дальше по коридору! — ответила та и поспешно удалилась.

Я прошла мимо раненых и больных, уворачиваясь от кроватей, которые передвигали в разные стороны, а также обходя инвалидные коляски, в которых пациенты ожидали, пока их будут лечить. Наконец я увидела человека в белом халате.

— Доктор Суан? — спросила я.

Врач поднял глаза.

— Я могу вам чем-нибудь помочь, bà?

Я удивленно посмотрела на него, услышав такое обращение, но потом вспомнила, что во Вьетнаме женщин почтенного возраста было принято называть «бабушка». Значит, я уже пожилая!

— Я ищу доктора Винь. Мы хотели встретиться и...

Лицо врача помрачнело. Во Вьетнаме было принято вежливо обращаться с пожилыми людьми, и, наверное, сейчас доктор Суан очень вежливо сообщит мне о том, что Тхань должна заниматься своими пациентами.

— У нас был срочный вызов из пригорода. Доктор Винь немедленно выехала туда. Маленький мальчик наступил на мину... К сожалению, это была не единственная мина в том месте. — Врач смотрел в пол с таким видом, будто был лично в этом виноват. — Доктор Винь подорвалась на мине...

— Нет! — Сначала это слово пронеслось у меня в голове, а затем я громко выкрикнула его: — Нет, этого не может быть!

Врач все еще смотрел вниз.

— Мне очень жаль. У нее действительно очень тяжелые ранения, а наши средства, чтобы помочь ей, ограничены.

— Где она сейчас?

— В реанимации.

Я не могла в это поверить. Я отшатнулась и уперлась спиной в стену.

— А вы... Я имею в виду, какое вы имеете к ней отношение?

Мне на глаза навернулись слезы.

— Она моя сестра.

Врач вопросительно посмотрел на меня, а затем кивнул:

— Хорошо, идемте со мной.

Он провел меня по коридорам, стены которых были усеяны трещинами, оставшимися от боев, а полы были грязными, с отпечатками обуви. Но все это я замечала лишь мимоходом. Я думала только о Тхань. Не может быть, чтобы она выжила на войне и спаслась от торговцев людьми, а теперь ее жизнь вдруг оборвалась! Я ведь только что ее нашла. Неужели боги бывают такими жестокими?

Реанимация — еще одно место для горя и нужды. Здесь было всего несколько аппаратов для контроля за состоянием больных. Переутомленные медсестры смотрели на аппараты, проверяли функции организма и делали уколы.

Доктор Суан провел меня к занавеске, отделявшей одну часть отделения от другой. Мне стало понятно, что тут безнадежно больные ждали своего конца. Перед одной из кроватей мы остановились.

Тхань едва можно было различить под повязками. В ее руке торчала игла капельницы. Монитор, у которого был очень потрепанный вид, контролировал ее жизненные функции.

— Она меня слышит? — спросила я врача, потому что глаза Тхань были закрыты.

Доктор Суан кивнул:

— Мы дали ей болеутоляющее средство, но она находится в сознании. У нее множественные разрывы...

Суан запнулся. Я могла себе представить, что он хотел сказать. Было чудом, что она вообще жива.

— Скажете медсестре, если вам что-нибудь понадобится. Извините, но мне нужно идти.

— Большое спасибо, доктор, — сказала я и опустилась на маленькую табуретку, стоявшую рядом с кроватью.

— Не за что, bà.

С этими словами он повернулся и ушел.

— Тхань, — позвала я, стараясь сдержать слезы.

Если уж ей придется умереть, то последним, что она услышит, не должен стать мой плач.

— Хоа Нхай, — слабым голосом прошептала она и открыла глаза. На ее губах появилось нечто похожее на улыбку. — Корабль уже причалил?

Какой корабль? Я поняла, что морфий вызвал у нее бред.

— Корабль давно уплыл. Мы в Сайгоне, Тхань. Мы дома.

— Но ты ведь не хотела выходить за этого парня...

Я отвернулась, потому что слезы все же покатились у меня из глаз. Приближавшаяся смерть перенесла Тхань в то время, когда она была молодой. Она действительно верила, что сегодня день нашего побега.

— Нет, и я не выйду за него замуж. Но самое главное, мы опять дома.

Губы Тхань зашевелились, но она не издала ни звука. Она посмотрела на меня остекленевшим взглядом, а затем ее глаза, казалось, потухли.

— Тхань? — позвала я.

Из монитора раздался сигнал тревоги. От жизнерадостно бившегося сердца осталась лишь прямая линия на мониторе. Лицо Тхань расплылось от слез, застилавших мои глаза.

Не помню, сколько времени прошло, прежде чем я, разбитая и заплаканная, вышла из

больницы. Сначала я вообще не знала, куда идти. Моя дочь наверняка уже начала беспокоиться, но возвращаться в пансионат мне не хотелось. Вместо этого я направилась в старую кузницу. У меня появилась идея. Круг замкнулся.

Собственно говоря, я хотела взять с собой жасмин, но сейчас сорвала пару цветков с ветки и сунула их в конверт, который нашла у себя в кармане. Старые цветы я положила в коробку и снова спрятала в тайник. Вместе с фотографией, на которой были запечатлены я и Тхань, и с изображениями моих предков, которые я нашла на старом алтаре, я принесла их в пансионат. Мария тут же засыпала меня вопросами, но я объяснила ей лишь то, что моя старая подруга, с которой мы хотели встретиться, умерла.

В день похорон Тхань у ее могилы собралось огромное количество людей из Сайгона. Я увидела, что многие здесь любили Тхань, и это наполнило мое сердце гордостью.

Итак, я думала о ней и пожелала, чтобы там, где она находится сейчас, она была настолько счастлива, насколько это возможно. Когда-нибудь, я в этом уверена, мы с Тхань снова встретимся.

## 28

Слезы бежали по щекам Ханны и становились реками на карте ее жизни.

— Я снова ее нашла. Пусть поздно, но все же я это сделала. Страхи, неуверенность, безнадежность... А потом ее разорвала мина!

Руки Ханны впились в дырявый, запятнанный кровью аозай.

Она некоторое время смотрела на ткань, затем всхлипнула и зарыдала. Мелани еще не видела, чтобы кто-то так плакал.

Больше всего ей хотелось обнять эту хрупкую женщину, погладить ее по спине и успокоить, но девушка чувствовала, что Ханне нужно пережить эту боль. Мелани чувствовала себя так, когда получила известие о том, что Роберт попал в аварию. Иногда человеку помогают только слезы. Поэтому Мелани не стала мешать прабабушке плакать, лишь молча сидела рядом и смотрела на нее.

И когда Ханна наконец подняла лицо, мокрое от слез, а ее глаза начали искать, на чем бы остановиться, правнучка была рядом с ней. Мелани нежно обняла ее, почувствовав, что Ханна всхлипывает и печаль терзает ее хрупкое тело. Но прабабушка также испытывала и гнев, и ярость, и желание жить.

И Мелани была очень этому рада.

Снова успокоившись, Ханна погладила порванный аозай.

— Они не хотели мне его отдавать, но я на этом настояла. Это единственное, что осталось у меня от моей сестры.

Мелани кивнула, а затем спросила:

— Ты поэтому осталась в Сайгоне?

— Не только, — ответила Ханна, снова укладывая одежду в коробку. — Я хотела помогать. Я хотела, чтобы девочки из Сайгона не предлагали свои тела солдатам в Телоне. Мне было понятно, что всем я помочь не смогу, но я могла помочь хотя бы некоторым из них. Им тоже должно улыбнуться счастье, как это когда-то случилось со мной.

Мелани очень хорошо помнила открытки и фотографии, которые посылала им Ханна. Здание фабрики имело довольно непритязательный вид, но там было достаточно места, чтобы разместить столы со швейными машинками. Молодые женщины, которые там сидели, выглядели довольными. Некоторые из них сфотографировались вместе со своими

бабушками.

— А моя бабушка узнала, кто такая Тхань?

Ханна покачала головой.

— Нет, я подумала, что так будет лучше. Но об этом знаешь ты, и я этому рада.

Она встала и подошла к окну.

— Ты, конечно, захочешь теперь уехать, не так ли?

— Да, завтра Роберта должны перевести в общее отделение, и теперь я хочу быть рядом с ним. Я все еще не могу поверить, что он вернулся к нам.

— Тебе придется это сделать. Это огромное счастье, и я надеюсь, что оно останется с тобой надолго.

— Я тоже на это надеюсь.

Некоторое время они молчали, а затем Мелани добавила:

— Ты не будешь возражать, если по выходным я буду приезжать к тебе? Дома у меня нет швейной машинки, а маме ее машинка нужна самой. Я, как и прежде, хочу сшить себе свадебное платье.

Ханна обернулась и улыбнулась:

— Приезжай, когда захочешь. Тебе не нужно искать причину, чтобы приезжать к нам в гости. Тебе тут всегда рады.

Ханна проводила Мелани на улицу, где ее уже ждала Мария. Та упаковала для нее корзинку, о содержимом которой невозможно было догадаться из-за закрывавшего ее платка.

— Здесь есть кое-что для тебя. Дома тебе не придется сразу же идти за покупками, — пояснила она и взглянула на мать. Конечно, она заметила, что Ханна плакала. — Передай Роберту привет от нас и скажи ему, чтобы он быстрее выздоравливал.

— Обязательно. Я уверена, что он обрадуется, если вы приедете его навестить.

— Когда позволит мой ревматизм, мы обязательно это сделаем.

Мелани долго и крепко обнимала их, потом взяла корзинку и вышла на улицу. Ее дорожная сумка уже была в машине вместе с коробкой, где лежали маленькие шляпки и аксессуары, которые девушка хотела показать Роберту, когда тому станет лучше.

Однако она не уехала сразу.

— Я хочу сходить к озеру! — крикнула Мелани своим бабушкам, которые стояли внизу возле лестницы, и помахала им рукой.

Они тоже помахали ей и вернулись в дом.

В лучах вечернего солнца озеро сияло, как драгоценный камень. Мелани стояла на берегу и смотрела на лебедя, который кругами медленно плавал по озеру. Почему, собственно, он был один, без подруги? Неужели он не нашел ее? Или она его бросила?

Мелани невольно вспомнила о Томасе. В глубине души она надеялась встретить его, но, наверное, он снова занимался живой изгородью.

— Значит, вы уезжаете? — спросил чей-то голос.

Мелани повернулась. Томас стоял позади нее в джинсах и синей рубашке. Это был необычный вид, ведь она видела его только в рабочей одежде.

— Да, мой жених вчера вечером пришел в сознание. Теперь мне нужно заняться некоторыми делами.

— Я очень рад, — ответил Томас. — Видите, я был прав, когда сказал, что жизнь только поставила его на парковку, не так ли?



— Совершенно верно.

Мелани улыбнулась ему и заметила, что на его лице появилось тоскливое выражение. Возможно, он вспомнил о своей жене. Или же он думал...

«Нет, это не так», — сказала она себе, однако чувствовала, что он мог бы стать для нее близким человеком, если бы судьба распорядилась иначе.

— Желаю вам всего хорошего, — сказал Томас после недолгого молчания.

— И я вам тоже, — ответила Мелани. — Я надеюсь, что вы не выудите из озера все его содержимое.

Он рассмеялся:

— Не бойтесь! А я надеюсь, что вы снова здесь появитесь.

— Обязательно.

Мелани подошла к Томасу и неожиданно для себя обняла его.

— Всего хорошего!

— И вам тоже!

Мелани разжала руки и направилась к своей машине.

## Эпилог Октябрь

Вилла совсем не изменилась. Она величественно возвышалась на берегу озера, по которому все так же одиноко плавал кругами лебедь. Густые тучи затянули небо, и последние лучи вечернего солнца окрасили их в розовые и золотистые цвета.

Между тем уже наступила осень, листва на деревьях стала желто-красной, и, кроме далий, которые цвели у фонтана, сад уже приступил к заслуженному осенне-зимнему отдыху.

«Почему я ожидала, что здесь что-то изменится?» — задала себе вопрос Мелани, въезжая по посыпанной гравием дороге наверх и направляя машину на стоянку.

— Я все это время спрашиваю себя, не жалеешь ли ты о том, что тогда не приняла заказ на фотосессию, — сказал Роберт, который всю дорогу молчал. — Ты ведь сейчас могла быть на Бали.

Мелани потянула ручку ручного тормоза и выключила двигатель.

Потом она взглянула на него — на мужчину, за которого через несколько дней выйдет замуж.

— Я нигде не бываю с таким удовольствием, как здесь, — ответила девушка, нежно погладила Роберта по щеке и поцеловала.

И вдруг ей показалось, что весна была давным-давно, как и дни переживаний и страха.

Действительно, понадобилось много времени, прежде чем Роберт снова выздоровел, но благодаря тому, что он находился в сознании и было видно, что ему становится все лучше и лучше, посещать больницу Мелани стало намного легче. И ее отношения с Катей тоже улучшились.

После возвращения в Берлин Мелани решила поговорить с Катей. Они долго беседовали и, несмотря на то что им было трудно, все же сумели найти общий язык.

Однако Роберту до сих пор не удалось расстаться с инвалидной коляской. Его ноги постепенно обретали прежнюю силу, но врачи считали, что пройдет еще полгода, прежде чем он снова сможет ходить самостоятельно.

И все же это была не самая большая плата за то, что Роберт не погиб, а теперь еще у него был шанс жить так, как раньше, — за одним исключением. Когда он опять сможет

стоять на своих ногах, он будет уже женатым человеком.

— Мне так жаль, что мы не смогли пожениться во Вьетнаме, — сказал он, взяв Мелани за руку и нежно ее поцеловав. — Такая женщина, как ты, это заслужила.

— Мы поедem во Вьетнам, когда ты на утренней пробежке снова сможешь меня обогнать, — ответила она.

— Тогда нам придется ждать, пока тебе исполнится девяносто лет. Раньше не получится.

— Да ладно тебе, мы справимся. Кроме того, я не думаю, что grand-mère легко перенесла бы столь длительное путешествие. Это место — самое подходящее, и главное, что ты теперь со мной.

Вдруг кто-то постучал в дверцу машины со стороны водителя.

Мелани повернулась. Перед ней стояла Мария, закутанная в толстую вязаную кофту.

— Вы что, так и будете сидеть в машине или все же зайдете в дом и выпьете с нами чаю?

— Мы уже идем! — ответила с улыбкой Мелани.

Она вышла из машины и обняла Марию.

— Как прекрасно снова видеть тебя, бабушка! Как дела у grand-mère?

— Сегодня утром я снова застучала ее на горячем: она пыталась открыть кухонным ножом банку с вареньем, хотя я купила ей прекрасный консервный нож. То есть она чувствует себя очень хорошо.

— Это меня радует! А по поводу открывания банок я с ней поговорю.

Мелани обошла машину кругом. Это был грузопассажирский автомобиль с кузовом типа универсал, в котором было удобно транспортировать инвалидную коляску Роберта (а позже, может быть, можно будет возить и детскую коляску). Она открыла багажник и вытащила оттуда дорожную инвалидную коляску.

— Ну, давай, — сказала она Роберту, открывая дверцу машины. — Я нарочно остановилась в таком месте, где тебе не нужно будет идти по гравию.

Роберт широко улыбнулся:

— И это одна из причин, по которой я через два дня женюсь на тебе.

— Осталось совсем недолго, верно?

Мелани поддерживала Роберта, пока он не опустился в коляску.

— Поэтому я и говорю, что это только одна из причин! Надеюсь, вскоре я смогу выбраться из этой штуки, она начинает действовать мне на нервы!

— Это хорошо, что коляска действует тебе на нервы, значит, ты не станешь лениться и будешь старательно заниматься физиотерапией.

— Присоединяюсь к этим словам, — сказала Мария после того, как обняла Роберта. — А теперь заходите в дом. Мамап уже проявляет признаки нетерпения.

Когда они подходили к дому, Мелани бросила взгляд на усадьбу. Сад, как и прежде, выглядел очень ухоженным. Может быть, за это время Томас нашел себе новую жену или все еще довольствовался жизнью отшельника? В один из последних приездов Мелани перебросилась с ним парой слов, но этой темы они коснулись всего лишь раз и очень коротко. Ни Ханна, ни Мария ничего не рассказывали о нем во время телефонных разговоров.

— А как, собственно говоря, дела у вашего садовника? — спросила Мелани, когда они поднимались по рампе.

Роберт ехал рядом с ними. За это время его руки снова приобрели былую силу, и ему не нужно было помогать.

— У Томаса? Ах, он, как всегда, великолепно ухаживает за усадьбой. А недавно у него появилась подружка!

— И вы мне об этом ничего не сказали?

Мария хитро улыбнулась:

— Но у нас ведь было так много других тем для разговоров, не так ли? Кроме того, эти отношения начались совсем недавно. Если слишком много говорить об этом, это может навлечь неудачу.

— Тем лучше! — вмешался Роберт. — Не хватало еще, чтобы он увел у меня невесту.

— Это ему не удастся.

Мелани поцеловала его и, несмотря на то что он и сам справился бы, затолкнула его коляску на последний участок ramпы.

В последние несколько недель Ханна и Мария сделали все, чтобы подготовить виллу к приезду Роберта. Пандус для инвалидных колясок был здесь и раньше, но на жилом этаже в некоторых местах были слишком высокие пороги. Томас снова проявил свой ремесленный талант, сделав несколько небольших рамп, по которым Роберт без труда мог переезжать через такие пороги.

— Ты знаешь, я так благодарен тебе за то, что ты не сбежала от меня с этим Томасом, — в шутку заметил Роберт, когда невеста рассказала ему о садовнике Ханны и Марии. — Кажется, он весьма способный парень.

— Да, он такой, и, кроме того, он еще очень милый. Но однажды он увидел меня в леггинсах и потерял ко мне всякий интерес.

— Он что, ненормальный? У тебя прекрасная фигура!

Мелани поцеловала Роберта:

— Мне не нужен никто, кроме тебя. Дело в том, что некоторые вещи стоят того, чтобы их ждать.

И в этом она была права. С тех пор как Роберт очнулся, ему становилось все лучше и лучше. Хотя Мелани отказалась от предложения Дорнберга, к ней поступили новые заказы. Кроме того, она очень успешно помогла матери организовать показ мод во время «Фэшн уик» и познакомилась с нужными людьми. Один из ее партнеров даже заявил о желании провести в следующем году демонстрацию старинных костюмов.

После некоторых раздумий и долгих уговоров Мелани приняла решение взять на себя руководство музеем моды. Ханна была удивлена: она ожидала, что Мелани снова будет путешествовать по миру. Однако Мария была этому очень рада.

— Мне так здесь понравилось, что я все время думала о том, чтобы тут поселиться. — Так обосновала свое решение Мелани. — Да и к тому же вилла — идеальное место для Роберта. Доктор-физиотерапевт считает, что через пару месяцев он снова сможет ходить самостоятельно — конечно, если будет как следует тренироваться. Здесь он сможет делать это, не сопровождаемый наблюдением толпы зевак, а также сможет продолжать свою работу. У вас ведь есть подключение к Интернету.

— Так тебе удобно? — спросила она у жениха, когда тот встал с коляски и перешел в подъемник для инвалидов.

Ханна без единого возражения восприняла то, что в их доме теперь появился такой подъемник, потому что и сама им пользовалась, когда из-за ревматизма становилась не

очень подвижной.

— Конечно! — ответил Роберт. — Так что, может быть, ты сядешь ко мне на колени и поедешь вместе со мной?

— Нет, это будет слишком большая нагрузка на электродвигатель.

— Это при твоём-то весе мухи? Да и я ещё не восстановил свой прежний вес.

— И все равно мы должны соблюдать осторожность. Ты сможешь посадить меня к себе на колени, когда мы будем в нашей комнате.

— Ну, ловлю тебя на слове.

Когда подъемник тронулся, Мелани со сложенной инвалидной коляской медленно шла рядом с Робертом. Мария следовала за ними.

— А когда собираются приехать твои родители? — спросила она Роберта. — Мы на всякий случай приготовили вторую комнату для гостей.

— Они приедут завтра и очень этому рады. Я все время с восторгом рассказывал им о том, как здесь чудесно.

— Тогда будем надеяться, что мы оправдаем их ожидания.

— Вам это удастся: их дом вполтину меньше этой виллы.

Оказавшись наверху, Мелани снова усадила Роберта в инвалидную коляску, и они вместе направились в свою комнату.

Роберт обхватил руками ее бедра и прижался головой к ее животу.

— А когда я увижу твое знаменитое свадебное платье?

— Естественно, только во время венчания. Если увидишь невесту в свадебном платье раньше времени, это принесет несчастье, а после событий прошлого года я больше не хочу рисковать.

Роберт посмотрел ей в глаза и молча кивнул.

— Все в порядке? — спросила Мелани, и Роберт в ответ притянул ее к себе и поцеловал.

— Теперь да, — сказал он. — Я люблю тебя, Мелани.

— И я тебя тоже.

Мелани нашла Ханну в комнате для шитья. Та сидела за швейной машинкой и твердой рукой протягивала две полосы ткани под тарахтящей иглой.

— Grand-mère, ты — и за швейной машинкой? — улыбаясь, спросила Мелани.

— Мелани! Вы хорошо доехали?

— Да, и Роберт считает, что твой подъемник — просто супер! Ты что, пытаешься скоротать время за шитьем?

— Да, — призналась Ханна, обрезала нитку и сняла с машинки ткань.

Каков был замысел, пока что понять было невозможно.

Мелани предупреждающе подняла указательный палец вверх:

— Бабушка сойдет с ума, если увидит, как близко от острой иглы ты находишься.

— Она согласилась с тем, что мне нужно чем-то заниматься, — с улыбкой ответила Ханна. — Конечно, это правда, мои руки уже не такие крепкие, как прежде, но швы становятся все лучше и лучше.

Ханна выключила машинку и повернулась.

— Безусловно, я уже не такая ловкая, как раньше, и мне вряд ли удастся создать нечто подобное. — Она указала на свадебное платье, надетое на манекен.

Мелани, когда бывала здесь, работала над этим платьем. Первоначальный эскиз,

который был похож на платье Мадлен де Вальер, стал как бы самостоятельным, и из него получилось нечто совершенно новое — платье с узкой талией, юбкой в стиле лагенлук и узкими рукавами, усеянными многочисленными цветками жасмина, изготавливать которые помогала Ханна, вспомнив свое искусство шляпницы.

— Не говори так, ты справишься со всем, grand-mère!

— Ах, что ты, возраст все же дает себя знать. Но у меня есть кое-что для тебя.

Она медленно встала и взяла с подоконника небольшую коробку.

— Посмотри, понравится ли тебе это.

Мелани открыла коробку и обнаружила там маленькую шляпку, которую нужно было прикалывать к прическе, с вуалью и такими же, как на платье, цветами.

— Ой, как чудесно! Спасибо, grand-mère, такого я бы не сделала.

Ханна пожала плечами:

— Ну, я могу тебя научить. Ты ведь будешь здесь жить.

Прежде чем Мелани успела что-то сказать, снизу прозвучал автомобильный гудок.

— Ах, мама приехала!

— Значит, теперь все женщины нашей семьи собрались под одной крышей. Хорошо, что в нашем курятнике скоро появится хоть один петух.

Ханна обняла Мелани за талию, и они вместе вышли из швейной комнаты, чтобы поздороваться с Еленой.

**Больше книг Вы можете скачать на сайте - [ReadRoom.me](http://ReadRoom.me)**

## 1

Джетлаг — синдром смены часового пояса; нарушение жизненного ритма человека, вызванное быстрой сменой часовых поясов при перелете. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*) note\_1

## 2

Цветочное озеро (*нем.*). note\_2

## 3

Поворотом (Wende) в Германской Демократической Республике называли немецкий аналог перестройки в СССР. note\_3

## 4

Национальная вьетнамская женская одежда, состоящая из длинного платья, преимущественно шелкового, с высокими разрезами по бокам, которое надевается поверх штанов. note\_4

## 5

Бабушка (*фр.*). note\_5

## 6

Люди с Запада; *здесь*: французы (*вьетн.*). note\_6

**7**

Бабушка (*вьетн.*). note\_7

**8**

Телон (Шолон) — китайский квартал Сайгона. note\_8

**9**

Кондао — архипелаг в Южно-Китайском море. (*Примеч. ред.*) note\_9

**10**

Орудие преступления (*лат.*). note\_10

**11**

Боже мой! (*фр.*) note\_11

**12**

Одно из иносказательных названий смерти у немцев. note\_12

**13**

Жидкость, которая придает фетру эластичность. note\_13

**14**

Подземная городская железная дорога, метро (*нем.*). note\_14

**15**

Зоологический сад (*нем.*). note\_15

**16**

Суррогат кофе из смеси цикория, желудей и зерна (*нем.*). note\_16

**17**

Подразумевается игра слов: по-немецки ball означает и бал, и мяч. note\_17

**18**

Имеется в виду выражение «Haare auf den Zähnen haben» — быть зубастым, бойким на язык (*нем.*). note\_18

**19**

«Кошачье золото» — темная слюда с золотистым блеском (*нем.*). note\_19

**20**

Вы говорите по-французски? (*фр.*) note\_20

**21**

Да, месье (*фр.*). note\_21

**22**

Дорогая (*фр.*). note\_22

**23**

Добрый день, мама (*фр.*). note\_23

**24**

До свидания! (*фр.*) note\_24

**25**

Вунгтау — город на юге Вьетнама. (*Примеч. ред.*) note\_25

**26**

Название смеси дефолиантов и гербицидов синтетического происхождения. Применялся американской армией во время Вьетнамской войны с 1961 по 1971 год. В результате использования этих веществ пострадало около трех миллионов вьетнамцев и более миллиона из них до сих пор имеют последствия в виде генетических изменений, вызываемых этим веществом. note\_26